Шолом-Алейхем

6

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1990

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ШЕСТОЙ

ПЬЕСЫ
ЗАМЕТКИ О ЛИТЕРАТУРЕ
ВОСПОМИНАНИЯ
ПИСЬМА

ПЕРЕВОД
С ЕВРЕЙСКОГО

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1990

ББК 84Е1
Ш78

Редакционная коллегия:
Г. БАКЛАНОВ
М. БЕЛЕНЬКИЙ
В. ЛАКШИН

Составление, примечания
М. БЕЛЕНЬКОГО

Оформление художника
Е. НИКИТИНА

Ш $\frac{4702210106\text{-}269}{028(01)\text{-}90}$ Подписное
ISBN 5-280-01136-3 (Т. 6)
ISBN 5-280-00212-7

© Состав, примечания, оформление. Издательство «Художественная литература», 1990 г.

ПЬЕСЫ

ДОКТОРА!

Шутка в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хаим-Лейб Крендельман — новоиспеченный богач, человек лет 50, в старомодном сюртуке, ходит с непокрытой головой.

Хана-Лея — его жена, неопределенного возраста, молодится, утопает в жемчуге и брильянтах.

Верочка — их дочь, красивая девушка, из «современных».

Абрамчик — их сынок, «просвещенный» юноша, напичканный книжной мудростью.

Шолом-шадхен — посредник по брачным делам, в ермолке, в старомодном зеленом кафтане.

Златка — молодая девушка, горничная.

Брайна — пожилая женщина, кухарка.

Просторный зал. Дорогая мебель, обитая плюшем. Диваны. Зеркала в бронзовой оправе. Много столов и столиков. Стеклянные горки, сплошь уставленные серебром, позолоченными ложками, чайниками, бокалами, зелеными и красными рюмками. На креслах валяются в беспорядке бесчисленные дамские наряды — шелковые и бархатные. На столе — скатанный лист макаронного теста. На окне — большая медная кружка с двумя ушками. Горшки с дорогими, но засохшими цветами; на них висят свежевычищенные брюки и белый жилет. На изящной книжной этажерке много кусков разрезанного на части пирога. Там же — большая банка варенья. Фортепьяно, на котором валяется подушка. Одним словом, всюду и везде «образцовый порядок».

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Хаим-Лейб, Шолом-шадхен.

Хаим-Лейб (*мечется взад и вперед по комнате, отмахивается руками*). Что он мне голову морочит?

Шолом-шадхен (*бегает за ним вслед, тычет ему в руки письмо*). Вот почитайте сами, что мне пишут, что? Обманывать я вас стану, что ли?

Хаим-Лейб. Но кто вас просит? Не надо мне вашего жениха! Не желаю! Что он мне голову морочит!

Шолом-шадхен. Я ничего от вас не хочу! Я хотел бы только, чтобы вы потрудились взять это письмецо и прочитали бы, что мне там пишут, что?

Х а и м - Л е й б. Чего вы пристали? Отвяжитесь, ради бога. Некогда мне с вами разговаривать! Приходите в другой раз, прошу вас. Что он мне голову морочит?

Ш о л о м - ш а д х е н (*про себя*). Старается не слышать, не хочет приданое давать... свиное рыло! (*Хаим-Лейбу.*) Только несколько строчек, реб Хаим-Лейб, сердце мое, дай вам боже до ста двадцати лет дожить! Пару слов только, прошу вас, ровно три слова! Что вам стоит, что? Ну, сделайте мне одолжение, сделайте! Я вам клятвенно говорю, верьте слову моему, верьте: это счастье, редкое счастье, чтоб я так жил! Раз в десять лет такое счастье приходит! Нате, прочитайте, будьте любезны! Своими глазами прочитайте! Глядите, вот...

Х а и м - Л е й б (*хватается руками за голову*). Гвалт! Караул! Что за несчастье на мою голову! Пристал, как банный лист! Что он мне голову морочит? Гвалт! Караул! Караул!..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и Х а н а - Л е я.

Х а н а - Л е я (*испуганно*). Ша! Что там случилось?

Хаим-Лейб собирается что-то сказать, но Шолом-шадхен не дает ему говорить, одной рукой затыкает ему рот, а другой тычет письмо.

Х а и м - Л е й б. М-м-м...

Ш о л о м - ш а д х е н. Понимаете ли, Хана-Лея, сердце мое, дай вам бог здоровья! Я им показываю вот это письмо, письмо показываю! Ну, зачем мне обманывать — скажите, мне нужно? Я от чистого сердца говорю, поверьте, говорю я... Счастье это для вашей дочери, истинное счастье, дай мне боже столько счастья с вами за компанию! Нате, возьмите, читайте! Да читайте же — вы сами увидите, что я неправды не говорю вам, не говорю! К чему мне вас обманывать, сохрани бог, скажите, к чему? Какой мне в этом прок? Вот поглядите, нате, читайте! Нате, нате вам!

Х а н а - Л е я (*берет у него письмо и передает мужу*). А почему тебе не прочитать, Хаим-Лейб? Что тебе, жалко? Дорого стоит, что ли?

Хаим-Лейб берет письмо, напяливает на нос очки в серебряной оправе и начинает читать вслух, громким голосом. Хана-Лея садится рядом с ним, Шолом-шадхен, стоя за его спиной, одобрительно кивает головой после каждого прочитанного слова, беззвучно двигает устами и млеет от восторга.

Х а и м - Л е й б. «Достопочтенному, многоуважаемому, любезнейшему и драгоценнейшему реб Шолому, мужу глубокопросвещенному и богобоязненному, да светится свет его, амины! Во-первых, честь имею вас уведомить, что я, благодарение богу, нахожусь в добром здравии и благополучии, чего и вам желаю отныне и вовеки... А во-вторых, да будет вам известно, что предполагаемая партия между вашим богачом, о коем вы мне изволили писать, и нашим богачом, боюсь, расстроится, потому что, во-первых, вы, вероятно, слышали историю, приключившуюся со сватом нашего богача, и что старшая дочь его...» На кой мне это черт? К чему мне это знать?

Ш о л о м - ш а д х е н (*хватает его за руку*). А что вам стоит? Читайте дальше, вы сами увидите.

Х а н а - Л е я. А ну, читай. Любопытно знать, что с ней случилось такое? Занятная это, может быть, история.

Х а и м - Л е й б (*продолжает читать*). «...Его старшая дочь — не про вас будь сказано! — втюрилась в какого-то учителя, сбежала с ним из отцовского дома в какой-то город, и там они хотели обвенчаться по закону. Пришел наш господинчик со своей девицей к духовному раввину — повенчаться. Раввин, наверно, отказался венчать их по закону. Тогда он пошел с ней венчаться к казенному раввину, а казенный раввин говорит ему...» Но какое это имеет отношение к нам? Прошу я вас...

Ш о л о м - ш а д х е н. Что вам стоит, что? Вы читайте, читайте же!

Х а н а - Л е я. Что же? Раз начал, так читай.

Х а и м - Л е й б (*раскрасневшись от гнева, продолжает читать*). «...А казенный раввин говорит ему: «Что вы хотите?» Так он говорит ему: «Я хочу, чтобы вы меня повенчали с нею». А казенный раввин тогда говорит: «Что значит, я вас повенчаю с нею? А я разве вас знаю?» — говорит он, это казенный раввин ему говорит. А он ему говорит: «Тьфу на вашу голову!» Он ему говорит, и он ему говорит... Зачем мне вся эта говорильня? Откуда взялась она на мою голову? (*Швыряет письмо и бросается в бегство.*)

Но Шолом-шадхен не пускает его, держит за руку и сам принимается за чтение письма.

Шолом-шадхен (*читает быстро, захлебываясь*). «Ай-ай-ай! Вот вам нынешние учителя и нынешние доктора!.. Во всяком случае... да... значит, вашему богачу наш богач не подойдет, не пара... Поэтому я имею предложить вашему богачу лучшую партию — более подходящую, более почетную и во всех отношениях более блестящую партию, а именно: есть в городе Липовце весьма почтенная вдова, госпожа Бейля,— да продлит господь ее годы! — Бейля Гольдшпинер. И пусть она не так богата, как ваш богач, зато она происходит из весьма высокого рода — из рода самого реб Пинхуса Липовецкого. Главная же суть в том, что у нее есть сын, единственный сын и совсем редкостная жемчужина, хоть весь свет обыщи, а такого не сыщешь, а именно: пригож, красив, страшно образован, просто ужас. Всем языкам, понимаете ли, обучался, просвещен в науках, словно как доктор, а может быть, еще больше, чем доктор. Всех докторов за пояс заткнет!» (*Хане-Лее.*) Ну, что скажете насчет такого жениха? Вы ведь, как говорится, женщина с головой, умница, чтоб не сглазить!

Хана-Лея (*с брезгливой миной*). Нет, не о таком женихе думали мы.

Хаим-Лейб. Не о таком мы думали.

Шолом-шадхен (*про себя*). Вот те и на! Связывайся с новоиспеченными богачами! Звездочку с неба им доставай — и то мало! (*Обоим.*) А вам бы чего хотелось?

Хана-Лея. Нам бы хотелось, чтобы было что-нибудь... этакое... понимаете ли... что-нибудь особенное!

Хаим-Лейб. Да, чтоб это было что-нибудь особенное!

Шолом-шадхен. За ваши десять тысяч — что-нибудь особенное? Золотой клад?

Хана-Лея. Десять тысяч? Почему десять? Двадцать тысяч!

Хаим-Лейб. Двадцать тысяч? Нет, десять тысяч!

Шолом-шадхен (*про себя*). Вот, иди знай — десять тысяч, двадцать тысяч! Разберись тут толком! Двадцать тысяч, десять тысяч!

Хана-Лея (*крикливо*). Если вам говорят — двадать тысяч, значит, двадцать тысяч.

Шолом-шадхен. Двадцать тысяч!

Хаим-Лейб (*громко*). Раз вам говорят — десять тысяч, стало быть, десять тысяч!

Шолом-шадхен. Десять тысяч!

Хана-Лея (*еще громче*). Двадцать тысяч!

Шолом-шадхен. Двадцать тысяч.

Хаим-Лейб (*перекрикивает его*). Десять тысяч!

Шолом-шадхен. Десять тысяч! (*Про себя.*) С ума сойдешь с ними! Прямо рехнуться можно.

Входит Абрамчик с ворохом книг под мышкой, подходит к шкафу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Абрамчик.

Хаим-Лейб. Откуда бог несет такого еврея, как ты?

Абрамчик (*ни на кого не глядя*). Из библиотеки бог несет такого еврея, как я. Фу... жара какая! (*Увидав Шолом-шадхена.*) А, реб шадхен! По какому случаю? Опять сводничеством занимаетесь? Опять жениха предлагаете? О, позор наших дней! До каких пор наконец вы будете торговать живыми людьми? Как долго вы еще будете выставлять на торжище женихов и невест?! Вы же хуже азиатов! Дикари первобытные! Деспоты! *

Хаим-Лейб (*наклоняет ухо к сыну, глядит на Шолом-шадхена самодовольно-горделивым взором*). А? Что ты сказал?

Шолом-шадхен. Что ты сказал, что?

Абрамчик. А если я вам скажу, вы разве поймете?

Хана-Лея. А отчего бы им не понять? Разве реб Шолом — скотина непонятливая?

Абрамчик. Кто говорит, что скотина? Я говорю только, что ему все равно не понять, потому что это иностранное слово...

Шолом-шадхен. Какое слово? Повтори-ка.

Абрамчик (*наклоняясь к Шолому*). Иностранное! Теперь поняли? Иностранное слово!

Шолом-шадхен (*моргает глазами*). А-га!

Отец и мать Абрамчика млеют от восторга.

Абрамчик. А-га! Что «а-га»? Еврей тебе брякнет «а-га»!

Шолом-шадхен. Я насчет этого слова, насчет этого. Стало быть, это, как говорится, такое сло-

во, которое должно означать... (*вертит пальцами*) э-э-э...

А б р а м ч и к (*хватается руками за живот*). Ха-ха-ха! О, фанатики! О, фанатизм! О, хасидизм! Иностранными словами называются чужие слова, то есть слова, взятые из чужих языков, как, например, «деспот», «деспотизм». А знаете, откуда берутся эти слова?

Ш о л о м - ш а д х е н. Ну, скажи сам, откуда, ну, скажи! Я простой еврей, в школах я не учился, в университеты тоже не ходил... Знаешь что? Дай-ка мне папироску... дай-ка мне.

Абрамчик угощает его папироской.

А б р а м ч и к (*горделиво*). Слово «деспот» происходит от слова «деспотизм». Теперь вам ясно?

Ш о л о м - ш а д х е н (*кивает головой*). Вот как? Пссс! А что означает «деспотизм»?

А б р а м ч и к. Деспотизм — это то же, что деспот.

Ш о л о м - ш а д х е н. А-га! Ну, если так, так я уже знаю... А нет ли у тебя спички?

Абрамчик дает ему спички.

А что означает «деспот»? (*Закуривает.*) Что ж, растолкуй, пожалуйста, разъясни.

А б р а м ч и к. Деспот — это такой человек, который ведет себя деспотически, и все!

Ш о л о м - ш а д х е н. Понимаю, понимаю! (*Курит папиросу, пуская изо рта клубы дыма.*) Так что означает слово «деспотически»?

А б р а м ч и к. Слово «деспотически» означает, что он ведет себя как деспот, а деспот значит тиран, это почти одно и то же,— и оставьте меня в покое! (*Разглядывает свои книги, перелистывая одну страницу за другой.*)

Ш о л о м - ш а д х е н. Н-да! Теперь я понимаю! Теперь я все понимаю! Корень этого слова, значит, один, а смысл таки другой. По правилам грамматики, значит, выходит... (*Жестикулирует пальцами.*) Скажи же мне, Абрамчик,— дай тебе бог здоровья, дай тебе бог,— из какого языка берутся такие слова — из немецкого или французского?

А б р а м ч и к (*глядя в книгу*). А? Деспотизм! Это — латинское слово *.

Шолом-шадхен. Вот как? Та-та-та! Аж с латинского. (*Хаим-Лейбу и его жене.*) Видали, а? Вот это значит знать, вот это значит! Да, вот это значит нынешний свет, вот это! В наши годы, реб Хаим-Лейб, что мы знали, скажите, про чужой язык, про латынь?

Родители млеют от гордости.

Абрамчик (*Шолом-шадхену, глядя на него сверху вниз*). Кто же он такой, этот женишок ваш, которого вы предлагаете моей сестре? Доктор медицины или юрист? Или, может быть, совсем инженер-технолог?

Шолом-шадхен (*пыхтя папиросой*). Ни то, ни другое и ни третье.

Абрамчик. Ни то, ни другое и ни третье? Так кто же он? Купчик? Тунеядец?

Шолом-шадхен. Господи спаси и помилуй! Он очень приличный человек, сын богатых родителей. Что значит? Он ученый человек, страшно ученый! Сколько языков знает! И русский, и еврейский, и немецкий, и французский, и... и... и ужасно много языков!

Абрамчик. Так это вы знаток? Дожили, нечего сказать! Напрасны ваши труды, реб Шолом! Моя сестра не пойдет замуж ни за кого, кроме как за доктора, и притом не иначе, как доктора медицины.

Хаим-Лейб. А тебя кто спрашивает? Ты что за указчик такой? Что ты в этом понимаешь?

Абрамчик. Стало быть, понимаю. Потому что знаю, что Верочка не пойдет ни за кого, кроме как за доктора медицины.

Хаим-Лейб. Да, но ты-то здесь при чем? Твое дело — книжки и книжечки. Уходи себе подобру-поздорову.

Хана-Лея (*заступаясь за сына*). А тебе что за беда, если дитя разговаривает?

Хаим-Лейб. Не люблю дерзостей! Не переношу!

Абрамчик (*собирается уходить, внезапно останавливается в позе трагического актера, качает головой, ни к кому не обращаясь*). О, деспотизм, фанатизм, хасидизм, обскурантизм! (*Уходит.*)

Родители млеют от восторга.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Хаим-Лейб, Хана-Лея, Шолом-шадхен.

Шолом-шадхен. Вот что значит образованный человек! Вот это ученый, вот это... Одним словом, коротко, какой же будет ваш ответ, какой? Вы мне прямо голову закрутили, голову... Значит, я строчу сейчас телеграмму или напишу открытку компаньону насчет этой партии, чтобы...

Хана-Лея (*перебивая его*). Не трудитесь. Не строчите телеграммы и не пишите открыток. Эта партия не про нас!

Хаим-Лейб. Не про нас эта партия!

Шолом-шадхен. Что значит?

Хана-Лея. Потому что мы хотим доктора. Теперь ясно? Раз навсегда вам сказано: доктора!

Шолом-шадхен. Доктора? Мне не жалко. Пусть будет по-вашему! Вы хотите доктора — пусть будет доктор, пусть.

Хаим-Лейб (*жене*). Вот как? Доктора? Иначе тебе не пристало?

Хана-Лея. Иначе мне не пристало.

Хаим-Лейб. Ну, а я хочу-таки купца! Сколько раз я тебе говорил, что хочу взять за дочерью купца, а не доктора! Подумаешь, находка — доктор! Учится, учится без конца, весь выучился, и что же? Кто к кому идет, если у меня, например, живот заболит? Я к нему или он ко мне? Кто у кого берет целковый? Я у него или он у меня? Ну, скажите сами, реб Шолом, я на вас сошлюсь!.. Короче говоря, не надо мне для моей дочери доктора! Купца мне дайте для нее. Так и запишите, реб Шолом: купца!

Шолом-шадхен. Купца? Пожалуйста! Пусть будет по-вашему. Вы хотите купца — пускай будет купец.

Хана-Лея. Вот именно потому, что ты хочешь купца, я хочу доктора!

Шолом-шадхен. Доктора.

Хаим-Лейб (*громко*). Слышите, реб Шолом? Купца!

Шолом-шадхен. Купца.

Хана-Лея (*громко*). Доктора!

Шолом-шадхен. Доктора.

Хаим-Лейб (*еще громче*). Купца!

Шолом-шадхен. Купца.

Хана-Лея (*перекрикивая мужа*). Доктора!

Шолом-шадхен (*про себя*). Голову с ними потеряешь, с ума сойдешь! (*Обращается к обоим.*) Знаете что? Я вам дам такого купца, который лечит, или я вам дам такого доктора, который торгует, и пусть будет конец! Да велите подать что-нибудь к столу — глотку промочить. В горле пересохло от разговора с вами. Да чтобы...

Хана-Лея нажимает кнопку звонка. Горничная приносит на подносе водку и закуску.

С улицы появляется Верочка, в шляпке и перчатках, с зонтиком в руке.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Верочка.

Верочка (*Шолом-шадхену*). Бонжур, монсье!

Шолом-шадхен. Меня зовут реб Шолом, а не Мойсей.

Верочка. Ха-ха-ха! Вот невежда! «Бонжур, монсье» значит — с добрым утром, милостивый государь!

Шолом-шадхен. Хорошее доброе утро! Какое тут доброе утро, когда скоро ночь. С добрым вечером тебя! Ну, лехаим, желаю здравствовать, реб Хаим-Лейб! Лехаим, Хана-Лея, желаю здравствовать! Дай боже на свадьбе у вашей дочери еще раз чокнуться!

Верочка. Ха-ха-ха! Вот комик! Что вы тут делаете? Все насчет женихов? Напрасны ваши старанья. Только зря ноги утруждаете.

Шолом-шадхен. Ноги мои, а не чужие!

Верочка (*заливается смехом*). Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Хана-Лея. Что тут смешного, доченька?

Хаим-Лейб. Что за смех такой?

Верочка (*матери*). Комическая фигура! Ха-ха-ха! И откуда берутся такие невежды? Что у вас тут делает шадхен?

Хана-Лея. Что может делать шадхен? Что полагается, то и делает. Сватовством занимается.

Верочка. Кому же и кого он сватает?

Хаим-Лейб. Кому? Мне!

Хана-Лея. Он тебе жениха предлагает, Верочка!

Верочка. Что значит — он предлагает жениха? Жених должен сам себя предложить. (*Снимает перчатки.*) А кого, любопытно узнать, он мне предлагает?

Хана-Лея. Он тебе предлагает доктора.

Хаим-Лейб. Купца он тебе предлагает.

Хана-Лея. Доктора, а не купца!

Шолом-шадхен (*повторяет за ней*). Доктора.

Хаим-Лейб (*громко*). Купца, а не доктора!

Шолом-шадхен (*повторяет*). Купца.

Хана-Лея (*еще громче*). Доктора!

Шолом-шадхен. Доктора.

Хаим-Лейб (*перекрикивает ее*). Купца!

Шолом-шадхен. Купца. (*Про себя.*) Уже! Начинается представление. Театр, да и только. (*Мужу и жене.*) Ша! Знаете что? Спросим-ка у нее самой, спросим-ка. (*Верочке.*) Ты кого бы лучше хотела, девушка,— купца или доктора?

Верочка. Вы нахал!

Шолом-шадхен. Кто — я?

Верочка. Нахал!

Шолом-шадхен. Нет, ошибаешься, девушка! Я шадхен, а не нахал. И если ты хочешь, я могу предложить тебе на выбор, если угодно. У Шоломашадхена, слава богу, выбор богатый. Могу тебе предложить купеческого доктора или докторского купца. Выбирай кого хочешь, выбирай.

Верочка (*надрываясь от смеха*). Ха-ха-ха! Купеческий доктор или докторский купец! Ха-ха-ха!

Шолом-шадхен (*про себя*). А девица что-то повеселела, девица-то! Ну, лехаим, реб Хаим-Лейб! Будемте здоровы! Лехаим, Хана-Лея! Дай боже в близком будущем у нее на свадьбе...

Хана-Лея. Что же ты молчишь, доченька? Скажи ему, своему отцу, этому тирану, этому деспоту, что ты согласна выйти только за доктора, а никак не за купца!

Шолом-шадхен (*повторяет*). Доктора, а не купца.

Хаим-Лейб. За купца она выйдет, а не за доктора!

Шолом-шадхен (*повторяет*). За купца, а не за доктора!

Хана-Лея (*громко*). Доктора!

Шолом-шадхен (*повторяет*). Доктора!

Хаим-Лейб (*еще громче*). Купца!

Шолом-шадхен (*повторяет*). Купца!

Хана-Лея (*топая ногой*). Доктора! Доктора! Доктора!

Шолом-шадхен (*повторяет*). Доктора! Доктора! Доктора! Лехаим, реб Хаим-Лейб! Будем здоровы! Лехаим, Хана-Лея!

Верочка (*покатывается со смеху*). Ха-ха-ха! Доктора! Доктора! Доктора!

Отворяется дверь из кухни, и вне себя от испуга вбегает горничная Златка с полотенцем и гусиным крылом, за ней кухарка Брайна с ухватом и сковородкой в руке.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Златка и Брайна.

Златка. Доктора! Кому нужен доктор? Какого доктора? Бегу! Сейчас бегу за доктором!

Брайна. Ой, горе мое! Ой, разрази меня гром! Что случилось? Обморок? Кто упал в обморок? Кому нужен доктор?

Верочка хохочет до упаду.

Хана-Лея (*набрасывается на горничную и кухарку, угрожая кулаками*). Все громы и молнии, все черные напасти и гнойные язвы — на ваши головы, на ваши руки и ноги! Вон, негодницы! Вон отсюда!

Обе служанки стремглав пускаются обратно в кухню и сталкиваются лбами с Шоломом.

Шолом-шадхен. Пока что, пока да и нет — можно пока что получить здесь пару тумаков, можно... Сумасшедший дом, да и только! Всем им нужен доктор, всем им! До зарезу нужен доктор!

Занавес

СХОДКА

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Казенный раввин — молод, окончил четыре класса, в синих очках.
Раввинша — его жена, молодая женщина.
Борух-Герш — ростовщик, не очень молод и не очень стар, любит общество молодых.
Симхе — богатый еврей, откупщик таксы *.
Авремл — просвещенец, дает взаймы под залог.
Арця — человек, который только что перестал жить на харчах своего тестя, толкается среди «сильных мира сего».
Бенця — человек, который еще на харчах, смотрит Арце в рот.
Мотл, Янкл, Иосл, Гершл, Берл, Аншл, Ицл — юноши, читающие газеты.
Лейбке — шамес.

Действие происходит в конце XIX века в небольшом городке неподалеку от Мазеповки, между Макаровкой и Стрищем, в доме казенного раввина, вечером, на исходе субботы.

Собравшиеся расхаживают по комнате, курят, шумно разговаривают. Казенный раввин садится за стол.

Раввин. Ш-ш-ш-ша! Ша! Прошу дорогих гостей занять места и выслушать доклад, который я вам зачитаю. Из доклада вы поймете, зачем мы собрались. Садитесь! Садитесь! (*Достает из бокового кармана бумагу и читает.*) «Так как...»

Симхе. Прежде всего, как говорят, вы у нас раввин, так велите шамесу принести горькие капли и закуску тоже.

Раввин (*к шамесу*). Реб Лейб! Раз так, то сбегайте на одной ноге... Ша! (*К жене.*) Пойди сюда, моя дорогуша! Селедка у тебя, вероятно, есть? Распорядись, душа моя, пусть приготовят закуску и...

Борух-Герш. Я-то думал... Фу, стыд, срам, честное слово. Селедку, значит, на исходе субботы! У людей на сходках видел я...

Авремл. Э! Не перебивайте на самой середине. Кажется, читают!

Симхе. Представьте себе, не грешно бы раввинше приготовить борщок, но такой, как на Волыни, как сказано...

Раввинша. На тебе, на вторые дни праздника! Кто мог подумать, что на исходе субботы...

Раввин. Ша! Не перебивай, мамочка! Ты же видишь, мы делом заняты. (*Читает.*) «Так как...»

Лейбке. А кто даст денег? На водку нужны деньги, не так ли?

Борух-Герш. Юноши, что вы молчите?

Арця. А ну-ка, молодежь, давайте наличные!

Бенця. Наличные, наличные!

Юноши (*все вместе*). Давайте послушаем раввина. Не ради водки мы здесь собрались. Дело делают! Пусть зачитают, вот и мы узнаем, что, кто, кому! (*Суют шамесу несколько серебряных монет.*)

Раввин (*кашляет, читает*). «Так как...»

Раввинша. Селедка кончилась, что делать?

Раввин. Значит, купить надо. Оставь меня, сколько раз начинал — история без конца! (*Читает.*) «Так как в современных условиях мы, евреи, мучимся, страдаем...»

Борух-Герш. Что он читает?

Симхе. А я знаю? Видимо, речь.

Арця. Ша! Пусть будет тихо! Ведь читают что-то!

Бенця. Вы же слышите, читают что-то.

Юноши (*все*). Ша! Ш-ша! Ш-ш-ш-ша!

Раввин (*кашляет, читает*). «Так как...», нет, не то. На чем я остановился? Да... «Страдают, не имеют заработка, евреев бьют, гонят, дерут, кусают. Одним словом, плохо! Евреи валяются на улицах, погибают от голода. Всюду, как вам известно, нашлись люди, образованные, честные люди, люди умные, можно сказать — добрые люди, гуманные люди, которые проявляют заботу о делах общества, люди, которые пекутся о своих бедных братьях, каждый помогает, чем только может, устраивают сходки, собирают деньги, благотворительством занимаются — в общем, дела творят, трудятся, не спят, со всех концов мира несутся слова: комитет, эмиграция...»

Борух-Герш. Прошу вас, разъясните, пожалуйста, господин раввин, что это за эмиграция? Я все слышу — говорят: «эмиграция, эмиграция!»

Арця. Ах, не перебивайте! Дайте кончить, потом вы спросите!

Бенця. Спросить — вы потом спросите!

Симхе. Имей дело с евреем! Вопрошающему хочется знать, так он спрашивает!

Авремл. Спрашивает! Прежде всего надо выслушать, читайте, читайте.

Раввин (*дальше читает*). «Эмиграция, Америка, Палестина. Везде действуют на благо общества. В газетах мы читаем: здесь одно, там другое, разные братства созданы всюду: в Макаровке, в Кашперове, в Ямполе, даже в Стрище тоже есть братство. А такой город, как наше местечко, стыд и срам!.. Не сглазить бы, евреев здесь уйма, да множится их число...»

Борух-Герш. Пусть множится! Наш раввин совсем не глупый человек, честное слово!

Авремл. Короче говоря, шутки в сторону — читают ведь что-то.

Юноши (*все*). Читайте до конца! Читайте!

Раввин. «Столько евреев, не сглазить бы, гм... гам... я таки думаю, что пора и нам что-то начать делать, иметь в виду пользу общества».

Борух-Герш. Следовательно...

Авремл. Куда торопитесь? Вы заняты больше всех?

Юноши (*все*). Читайте, читайте!

Раввин. «В полном согласии с современными, с просвещенными и образованными, любящими науку, читающими газеты и теми, которые знают, что в мире творится, понимают и чувствуют, что...»

Борух-Герш. Ну, короче, к делу!

Авремл. Видали? Еврей — это тебе не шутка! У него нет времени!

Юноши (*все*). Читайте, читайте!

Раввин. «...которые понимают, которые чувствуют, которые следят, которые видят и слышат, которые знают, как в настоящее время нам плохо. Потому решено, чтобы мы все, сегодня собравшиеся здесь у раввина, все вместе что-то придумали на пользу общества, как у солидных людей, чтобы нам не стыдно было перед другими городами, вокруг нас находящимися, чтобы все видели, как мы прежде всего...»

Симхе. Правильно!

Борух-Герш. Не понимаю! Разве у нас нет братств? Мало ли мы расходуем в год на всякие благотворительные дела? Сколько мы тратим на моэсхитым? * А на таксу?

Симхе. Ах, оставьте в покое! Не об этом речь!

Борух-Герш. О чем же речь? Хочу знать!

Арця. Вы не слышали? О чем раввин читал?..

Бенця. Вы же слышали!

Борух-Герш. К чему мне то, что читали! Послушайте, что я вам скажу!

Авремл. Зачем мне знать ваши соображения? Я заранее знаю, что вы мне скажете. У вас и у Симхе в голове такса, и только. Курице просо снится.

Симхе. Вот тебе на, как это говорят: лук есть лук, а чеснок — чеснок... Кто тебя спрашивает, кто?

Юноши (*все*). Не перебивайте! Дайте поговорить еврею!

Арця. А что дает разговор? Надо дело делать!

Бенця. Делать надо!

Раввин. «И прежде всего...»

Борух-Герш. Деньги! О чем здесь долго толковать?

Симхе. Вот именно деньги! В этом весь сказ.

Авремл. А если деньги? Вы крепко испугались.

Арця. Надо подумать, сколько денег и какие деньги. Это же не просто «жид, давай гроши». Для того и сходка собралась, чтобы обмозговать.

Бенця. Разумеется, надо обмозговать.

Авремл. Слова сказать не дают. Перебивают друг друга, это никуда не годится. Читайте, читайте!

Юноши. Читайте, читайте!

Раввин. «Следовательно, прежде всего...»

Борух-Герш. Что прежде всего?

Авремл. Погодите секундочку!

Раввин. «Прежде всего наши богачи... люди состоятельные...»

Симхе. Наши богачи? Чуть что — взывают к богачам.

Арця. Перестаньте! Почему вы все время перебиваете?

Бенця. Почему перебиваете?

Раввин. «Что богачи и солидные и состоятельные люди нашего города сложились и...»

Борух-Герш. Я это знал наперед! Открыл Америку! Слово в слово было сказано в прошлом году.

Авремл. Право-таки, история с этим евреем. Не дает слова выговорить.

Борух-Герш. Знаете, что я вам скажу, дорогой раввин, сокращайтесь и скажите одним словом, что же надо делать!

Симхе. Одним словом? Необходимо прежде всего избрать старост, доверенное лицо и членов.

Авремл. Членов? Кого же?

Арця. Что значит — кого? Нас, разумеется.

Бенця. Конечно нас, нас!

Симхе. Не кипятитесь! Погодите!..

Мотл. Нет, надо подумать...

Янкл. О чем подумать?..

Иосл. Записать в общинной летописи и...

Гершл. В Стрище совсем иначе. Поначалу отправили бумагу в Петербург...

Берл. Что ты мелешь, Стрищ! Я только оттуда.

Аншл. Вот и заспорили: писали, не писали. Какое это имеет значение!

Ицл. Нет, это большая разница. Посмотри, что написано в «Хамагиде». (*Достает газету, читает, юноши шумят.*)

Борух-Герш. Сорванцы, тихо! Когда старшие разговаривают, молодым положено молчать.

Янкл. В делах общественных молодежь имеет такой же голос, как и старики.

Симхе. В бане будешь ораторствовать, нахал, нас уважать надо!

Иосл (*к юношам*). Я предвидел, что так оно и будет.

Симхе. Ш-ш-ш-ша! Послушайте, что я вам скажу. (*Забирается на стол.*)

Авремл. Три слова, которые займут четыре битых часа.

Арця (*залез на стол*). Выслушайте меня, у меня созрел план.

Бенця. Новый план!

Юноши (*все*). А именно, какой? Говори!

Борух-Герш (*прикрывая рукой рот Симхе*). Дай еврею высказаться!

Симхе (*срывает руку Борух-Герша*). Для того чтобы избрать старосту, надо бросить жребий.

Арця. Ты свихнулся, какой жребий?

Бенця. Свихнулся!

Авремл. Погоди, дай договорить! Не дают слово вымолвить. Комедия с этими евреями!

Симхе. Жребий не годится? Это же самый верный способ, поверьте мне.

Борух-Герш. Я о другом думал, совсем о другом.

Раввин. Дайте же мне сказать, а затем вы уже выложите свое разумение.

Юноши (*все*). Пусть говорит раввин!

Борух-Герш. Заранее известно, что раввин скажет. Деньги — вот что он скажет. Известно!

Авремл. Борух-Герш, что вы так раскричались? Дайте слово вымолвить, а потом вы уже скажете!

Борух-Герш. Согласен, пожалуйста, прошу. (*Закрывает свой рот рукой.*)

Раввин. Во имя интересов всей общины...

Борух-Герш. Интересы общины, интересы общины... Весь вечер бубнит одно и то же.

Авремл. Мы условились, что будет тихо.

Борух-Герш. Короче, согласен, согласен!

Раввин. Чтобы что-то сотворить во имя интересов всей общины...

Борух-Герш. Опять...

Авремл. И секунды не может молчать. Комедия, и только!

Раввин. Чтобы подумать об интересах общества, члены не основа основ, членов наберется много...

Борух-Герш. О каких членах вы говорите, у вас управа, что ли?

Арця и Бенця. Не членов, а старост.

Юноши (*все*). Нет, членов, непременно членов.

Авремл. Члены, старосты, не вижу разницы.

Симхе. А из кого будем выбирать старост?

Арця и Бенця. Из своих, то есть из наличного здесь состава. Теперь и немедленно.

Мотл. На прошлой неделе в газете было написано...

Янкл (*отталкивает Мотла*). Погоди! Тихо! Не так! Я вам скажу, как...

Иосл. Мудрец нашелся, он скажет!

Гершл. Скажи ты, ну, прошу, говори, говори.

Берл. Здесь находятся люди постарше нас, пусть они скажут.

Аншл (*выступил наперед*). Молодые, старые, каждый должен высказаться, на то и сходка.

Ицл (*развертывает газету*). Здесь в одной корреспонденции написано...

Борух-Герш. Молодым всегда некогда.

Симхе. Может быть, вы скажете — как?

Авремл (*вскочил на стол*). Я предлагаю совсем другое, у стариков и спрашивать нечего, они только делу помеха. Давайте выберем старосту, доверенного, кассира...

Борух-Герш. Все участвуют в выборах? Совсем все? Весь кагал?

Юноши (*все вместе*). Да, все. А почему нет?

Борух-Герш. И молодые цуцики тоже?

Юноши (*все*). А почему нет? Теперь молодые управляют миром. Читайте газеты, узнаете.

Раввин. К чему этот спор? Вы еще ничего не узнали, не поняли, мы еще ничего не решили. Зачем старосты, когда у нас нет денег...

Арця. Так не годится!

Бенця. Нет, не годится так!

Авремл. Почему не годится? С евреями чистая комедия!

Симхе (*влез на стол*). Послушайте, что я вам скажу!

Борух-Герш (*стаскивая его со стола*). Довольно, оставьте. Я вам вот что скажу...

Симхе (*вырываясь из рук Борух-Герша*). Нет, слушайте только меня.

Борух-Герш. Какая бестолочь! И слова не вставишь!

Симхе. Кто вам мешает? Говорите на здоровье.

Борух-Герш. Из присутствующих здесь надо выбрать старост, но из тех, кто постарше.

Арця. Почему только из старших?

Бенця. Чуть что — старшие.

Борух-Герш. Каждый проповедует свое.

Авремл. Нет, чистая комедия! Пусть говорят по очереди.

Раввин (*встает, стучит кулаками по столу*). Ш-ша! Пару слов, и конец. Зачем мы собрались? Ругаться, кричать, шуметь? Или дело к нам взывает? А? Я думал, что с молодыми можно столковаться. А на поверку? Хуже, чем со стариками. Позор! Был бы здесь кто-нибудь со стороны, он бы нас высмеял и в газетах описал...

Юноши (*все*). Верно, верно.

Симхе. Описать в газетах. (*Смотрит на Ицла.*) А ну, пусть кто попробует...

Ицл. Не пугайте. Захотим — и напишем. Десятью водами не отмоетесь.

Борух-Герш (*к Ицлу*). Мальчишка! Вытри нос! Ты лучше напиши о своем папаше, банкроте! Нас он в газетах опишет, слыханное ли дело? А ну, в хедер, молокосос!

Мотл (*Ицлу*). С процентщиком ты хочешь объясниться? Ты разве не знаешь этих пиявок, этих фанатиков?

Симхе. Пиявки? Ах, мерзавец ты этакий, еврея с бородой ругаешь? Думаешь, это тебе такса, которую ты описал в газетах?

Галдеж. Раввин успокаивает.

Раввин. Именем бога! Стыдно нам должно быть, если разойдемся без какого-либо решения. Пальцами укажут на нас: вот они, глупцы.

Авремл. На самом деле, давайте примем решение.

Арця (*к Симхе и Борух-Гершу*). Вы же постарше, посоветуйте, что делать?

Бенця. Что делать?

Борух-Герш. Я и сказал: ничего у нас не получится, если молодые лезут на рожон...

Симхе. Ошибаетесь, реб Борух-Герш, ошибаетесь, честное слово. Я вам так скажу...

Арця. Скажите, скажите.

Бенця. Говорите, говорите.

Симхе. Выберем старост, а уж потом узнаем, что надо делать.

Раввин. Старосты? Зачем? Надо же раньше знать — к чему.

Авремл. Симхе прав. Старосты, члены нужны.

Юноши. Члены, члены!

Арця. Кто из нас члены?

Бенця. Кто?

Раввин. Члены найдутся. Дослушайте доклад.

Борух-Герш. Опять доклад? Сколько можно?

Авремл. Не перебивайте. Комедия, чистая комедия!

Юноши. Дайте раввину договорить.

Раввин. Я сказал бы так: поскольку мы уже все здесь, то, по совести говоря...

Борух-Герш. Пустые слова.

Раввин (*в сторону раввинши, которая накрывает стол. На столе водка и закуска*). Вот несчастье. Слово вымолвить не дают. Говорить всем охота, а слушать никто не хочет. Комедия, смешная комедия! Что ты на это скажешь, душа моя?

Раввинша (*двигает плечами*). Чистая комедия!

Симхе. Есть у нас староста, доверенный, казначей и члены. Что еще потребуется?

Арця. Кто они?

Бенця. Кто?

Авремл. Симхе, Борух-Герш и раввин — старосты.

Арця. А далее?

Бенця. Далее?

Авремл. А доверенный... даже два доверенных...

Симхе. Арця и Бенця.

Борух-Герш. Раз так, то один из них — доверенный, другой — казначей.

Симхе. Нет, два доверенных и один казначей. Или два казначея и один доверенный. Авремл — доверенный, Арця и Бенця — казначеи.

Юноши. Вот какой оборот?..

Раввин. А юноши?

Борух-Герш. Слишком молоды.

Арця. Мы их выберем в члены.

Бенця. В члены, члены.

Симхе. Таким образом, выборы состоялись. Имеем трех старост, двух доверенных, то есть одного доверенного, и двух казначеев...

Раввин. Что же из этого следует? Имеем старост, доверенного, казначеев...

Авремл. И шесть членов.

Арця. Молодых семь — выходит, и членов семь.

Бенця. Семь, семь.

Борух-Герш. В добрый час. (*Наливает водку.*) Лехаим!

Симхе. Не торопитесь. Все надо оформить на бумаге.

Раввин. Что оформить? Надо подумать, чем будем заниматься. К чему старосты, члены...

Симхе. Вот я и говорю: оформить. Чем наше братство хуже других?

Авремл. Давайте впишем в общинную летопись.

Арця. Где она находится?

Бенця. Где?

Симхе. А ну-ка, юноши, где летопись?

Арця. Молодые, почему молчим?

Бенця. Молчим почему?

Мотл (*Янклу*). Ну!

Янкл (*Иослу*). Ну!

Иосл (*Гершлу*). Ну!

Берл (*Аншлу*). Ну!

Аншл (*Ицлу*). Ну!

Ицл (*в руках у него газета, вдумчиво читает*). Гм... Гм... А... (*Считает на пальцах.)*

Все парни (*к Ицлу*). О чем ты думаешь? Трудная задача, Ицл, доставай летопись. Ведь не впервой.

Ицл (*про себя*). Нет, не так. В частности... Какой стих сюда годится...

Авремл. В общем, это не важно. Будет и летопись, как полагается. Наше братство в грязь не ударит.

Арця. А как именуется наше братство? Братство должно иметь название.

Бенця. Должно название иметь.

Раввин. Что это даст? Не имя важно, а...

Авремл. Не говорите. Каждая вещь должна иметь свое имя.

Борух-Герш. Чепуха!

Симхе. У вас все чепуха.

Борух-Герш (*держит в руках водку*). Они ищут имя! Братств у нас много (*считает на пальцах*): братство по изучению Талмуда, братство по чтению Псалтыря, братство вспомоществования нищим, больным, убогим... Может быть, новое братство назвать братством дураков?

Авремл. Вам бы только шутить.

Раввин (*встает*). Выслушайте меня.

Симхе. Нет, лучше меня.

Борух-Герш. Зачем весь тарарам?

Авремл. Дай человеку сказать. Комедия с евреями!

Раввин. К чему раздоры? Дитя еще не родилось, а они подыскивают ему имя.

Борух-Герш. Зачем имя, главное — иметь братство. Давайте выпьем. Накричались вдоволь, в горле все пересохло. Лехаим, евреи! Лехаим! (*Пьет.*)

Все. Лехаим! Лехаим!

Все пьют, галдят, медленно и в одиночку расходятся. На сцене остаются раввин и раввинша.

Раввинша. Вот и разошлись.

Раввин. А с чем? Ни с чем.

Раввинша. Как это ни с чем? Кричали, шумели...

Раввин. Выбрали старост, казначеев, членов.

Раввинша. А дальше что?

Раввин. Ничего. (*Снимает очки, трет глаза.*)

Раввинша. Ни-че-го. (*Громко смеется.*) Ха-ха-ха! Одна комедия с твоими сходками. Чистая комедия!

Занавес.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бейля — кухарка. Вдова лет тридцати с лишним. Женщина дебелая.
Фрадл — горничная. Миловидная брюнетка.
Реб Алтер — книгоноша, около сорока лет. Вдовец, может быть, старый холостяк. Одна половина лица смеется, другая плачет. Носит грязную манишку и потрепанный котелок.
Хаим — лакей из соседнего дома. Парень-хват, с перстнем.
Миша, Маша — хозяйские дети. Говорят наполовину по-еврейски, наполовину по-русски.
Мадам — сама хозяйка. Появляется только на минуту в последней сцене.

Действие происходит на кухне.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Бейля (*стоит, засучив рукава, у печи. Готовит. Напевает*).

Молодые годы без печали,
Как вы, безмятежные, прошли?
Вас ли воды вешние умчали?
Или вас метели замели? [1]

Эх ты, горе мое горькое! Что уж там говорить, если Бейля в таких летах дожна быть прислугой и иметь такую хозяйку, такую «мадам», которая только и делает, что ругает ее и пилит! Хороша богачка! Нищему куска хлеба не подаст! У собственных детей куски во рту считает. И всех подозревает: все будто только и делают, что пенки у нее снимают, обворовывают! (*Собирает со всех горшков понемногу и откладывает в отдельную посудину.*) Хватит с них обжираться! Как реб Алтер говорит: «Меньше червям в могиле достанется...» (*Срезает еще кусок мяса.*) Ничего, обойдутся... Эх-хе-

[1] Стихи даны в переводе Л. Фрухтмана.

хе! Давно ли я сама была хозяйкой! За своим столом, со своим мужем, пасху справляла!.. (*Поет.*)

Как рыбу без перца
Варить не годится,
Так в людях не сладко
И за стол садиться.

Как суп без кастрюли
Сварить не придется,
Так и без мужа
Не сладко живется.

Как пища, что дымом
Пропахла-прогоркла,
Вот так на поденной
Работать мне горько.

И что горек кусок —
Никому не скажи,
Но горше служить
У такой госпожи.

Стук в двери.

Кто это там стучит? Наверное, реб Алтер! Вот хороший человек! Чистый, честный, без всяких выкрутасов. Трудится, бедняга, из-за куска хлеба, света божьего не видит. Совсем как я... (*Открывает двери.*)

Входит реб Алтер с пачкой книг под мышкой.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Реб Алтер (*кладет книги, расправляет бороду, вытирает пот красным платком*). Добрый вечер, Бейля, голубушка! Как живете-можете? Проходил мимо, вижу — у вас светло, дай, думаю, загляну на минуточку... Весь день на ногах, из дома в дом, все думаешь — авось то, се, пятое, десятое... Что это у вас за праздник такой, Бейля? Что это вы так поздно готовите?

Бейля. А черт их ведает! Ни с того ни с сего гостей наприглашала, чтоб ей провалиться!.. Жених приехал, нашу мадмазель смотреть. Какой-то хлюст с

пуговицами, черт его батьку ведает! Сейчас придет Фрадл, она все знает... Садитесь, реб Алтер! Садитесь! Может быть, стаканчик чаю выпьете? Или молока? А может быть, и того и другого? А может быть, вы лучше закусите? (*Придвигает к нему тарелки с едой.*)

Реб Алтер. Спасибо, к чему вам утруждать себя, Бейленю? Я вовсе не так голоден. Но, конечно, с другой стороны, как это говорится, почему бы и нет?.. (*Ест.*) Стало быть, у вас сегодня вроде праздника? Ну что ж! Помогай бог! Я против них ничего не имею! Правда, они у меня книг не покупают. Так ведь не они одни: мало ли таких аристократов, не сглазить бы, у которых я ничего заработать не могу? Вот, к примеру, взять хотя бы вашу мадамочку... Было время, когда она мне много денег платила за книжки. Но с некоторых пор она перестала понимать по-еврейски. С тех пор она побывала за границей, она забыла наш язык, точно сорок лет слова еврейского не слыхала... Заграница эта самая, доложу я вам, для нашего дела зарез!..

Бейля. Где уж там книжки читать, когда лю́ди дни и ночи напролет режутся в карты? Только вечер настанет, все собираются: Файнкугл, и Хинкис, и Штрудл, и Бейглман, и Кнакнисл, и пошла «стукалка»,— чтоб у них в голове стукало, господи боже ты мой! А я должна стоять у печи: вари для них, жарь для них,— пусть бы им самим жариться на медленном огне. Может быть, выпьете, реб Алтер, рюмочку водки? Осталось со вчерашнего дня. (*Достает и наливает ему рюмку. Он пробует.*)

Реб Алтер. Спасибо, к чему вам утруждать себя? (*Опрокидывает рюмку.*) Знаете, что я скажу вам, Бейля? Совсем не скверная стопочка водки, честное слово!

Она наливает еще рюмку.

Спасибо, к чему вам утруждать себя? Тяжелые времена, доложу я вам! Эх-хе-хе! Прибывает, бывало, транспорт романов из Вильны — у меня их с руками отрывают. А сейчас, бог его ведает, с тех пор как сионисты стали издавать свои книжки, мои заработки сильно пострадали... Еще и сионисты откуда-то взялись на мою голову! Н-на!

Бейля. Цибелисты? Это что еще за напасть такая, реб Алтер?

Реб Алтер. Сионисты — это, понимаете ли, сионисты, это те, которые занимаются сионизмом... А хотят они, понимаете ли, чтобы мы все ехали в Палестину...

Бейля (*качает головой*). Еще чего не хватало! Блестерина какая-то на их голову, провались они!..

Реб Алтер (*перебивает*). Тише, бог с вами, Бейля, за что вы их проклинаете? Они говорят, что якобы для нас же стараются... Наоборот, им спасибо надо сказать, что они хотят беднякам помочь... Народ, понимаете ли... То, се, пятое, десятое...

Бейля. Вот как? Чего же вы молчите? В таком случае дай им бог здоровья и всего хорошего! Пусть минует их всякая беда... Пусть вместо них мои хозяева пропадом пропадут!

Реб Алтер. Упаси бог! Что я могу иметь против них! Вот, к примеру, получил я свежую пачку товара, романы из самой Америки, свеженькие, еще тепленькие, из-под иголочки. Редкие вещи, говорю я вам! Замечательные! Во рту тают...

Бейля (*достает из-под кровати бутылку и наливает стаканчик вина*). А ну-ка, реб Алтер, попробуйте, пожалуйста, это вино. Осталось у них со вчерашнего обеда...

Реб Алтер. Спасибо, к чему вам утруждать себя? (*Пробует и облизывается.*) Вот это, доложу я вам, Бейленю, винцо! Всем винам вино! (*Пьет и облизывается.*) С тех пор как господь бог спиртным торгует, у него еще такого напитка не бывало... (*Заглядывает в стаканчик, любуется.*) Эге! Богачи, видать, знают толк в хороших вещах! Да, знаете,— кафтан заложить, а богачом быть!.. Ну, коль скоро так, будемте здоровы! (*Опрокидывает стаканчик.*) Да, знаете, вот это вино! Это напиток, который можно назвать вином... Тут, понимаете ли, имеется все, все штучки, какие полагается иметь... э-э-э... стаканчик вина! (*Облизывается.*) То, се, пятое, десятое...

Бейля (*наливает ему еще стаканчик*). Ничего, выпейте еще стаканчик! Нечего жалеть: у них в погребе хватит... Прохворать бы им столько. На доброе здоровье!..

Реб Алтер (*повеселев*). Упаси бог! Что я имею против них? Пускай себе пьют. Пусть евреи пьют на здоровье... Еврей — это еврей! Еврей выпьет малость и — ничего... Ну что ж, выпьет рюмочку, две или даже

три и — тихо, спокойно, мухи на стене не обидит... Пьян? Фи! Никогда он не бывает пьян! Никогда!

Бейля (*доливает его рюмку*). Никогда!

Реб Алтер. Как это мы, собственно, заговорили об этом? Да, вот вы говорите: «трудимся»... трудимся через силу... Вот, скажем, допустим, возьмем, к примеру, молодую вдову, вроде вас... В чем дело? Почему? Отчего? Ничего... То, се, пятое, десятое... Знаете? Не стал бы я этого говорить вам, но с глазу на глаз могу вам сказать... Так вот оно что... До каких пор, спрашиваю я вас, можно работать на чужих? Приготовили ужин и опять приготовили ужин... Не пора ли приготовить ужин и для себя, в своей собственной печке! То, се, пятое, десятое... Понимаете?

Бейля. Да, конечно, вы правы, реб Алтер. Лучше помойка, да своя, нежели миска, да чужая. Но что толку? Несчастная вдова... Что — мы и что — наша жизнь?

Реб Алтер. Ну и что же? Вдова, по-вашему, не человек? Наоборот, вдова, знаете, это — сортом повыше... С точки зрения жалости... (*Жестикулирует.*) С точки зрения того, сего, пятого, десятого...

Бейля. Ах, бросьте! Кто позарится на меня с моими двумястами целкачей? Моим бы хозяевам иметь не больше, господи милосердный!

Реб Алтер (*хорохорится*). Э, нет, не скажите, Бейля, голубушка! Всякое письмо, знаете, можно читать и так и эдак. Двести рублей по нынешним временам — это капитал, а если бы господь бог к таким-то деньгам да послал вам в придачу порядочного, к примеру сказать, молодого человека, честного человека с делом в руках... Человека, который, понимаете ли... (*Жестикулирует.*) То, се, пятое, десятое...

Бейля. Например?

Реб Алтер (*хорохорится*). Например. Вот, скажем, взять бы, напшиклад [1], человека с дельцем. Небольшим, правда, дельцем, но с таким приличным, тихим, спокойным... Человека, торгующего таким товаром, который дают напрокат... Ну, к примеру, книгами, романами? (*Жестикулирует.*) То, се, пятое, десятое...

Бейля (*задумывается, рукавом вытирает нос снизу вверх*). Вы говорите, реб Алтер, какие-то такие слова... Намекаете на что-то. Не пойму я... Пейте, пожалуйста,

[1] Например (*польск.*).

не ждите приглашения... Мы будем трудиться, а они будут жрать и лакать? Пусть черви их съедят! (*Еще наливает.*)

Реб Алтер. Упаси бог! Что я могу иметь против них? (*Берет стаканчик.*) Вы говорите — мы трудимся... Мы к этому привычны, что поделаешь? Бог так создал мир, что мы должны трудиться, изнывать, а они — жить в свое удовольствие, есть, пить, то, се, пятое, десятое... Досадно только то, что не ценят они нашего труда. Взять, к примеру, лошадь. Она тоже трудится из последних сил. Но посмотрите, как ее холят, нежат, кормят, поят, и то, и се, и пятое, и десятое.

Бейля. Говорите вы, реб Алтер, всегда так странно... Намеками...

Реб Алтер. Не мои эти слова. Я их вычитал из нынешних книжек, которые издают эти сорвиголовы, сицилисты...

Бейля. Что-о? Это что еще за напасть? Болячка им на самый кончик носа!

Реб Алтер. Упаси бог! Что я могу иметь против них? Понимаете ли, это такие люди, понимаете ли, которые заступаются за бедняков, за рабочих, за меня, за вас, за всех, кто горе мыкает на земле...

Бейля. Вот как? Что же вы молчите? Пусть мои хозяева провалятся сквозь землю за каждый их ноготок!

Реб Алтер. Упаси бог! Что я могу иметь против них?

Отворяются двери, входит лакей Хаим. Бейля тут же бросается к печи. Реб Алтер заглядывает в книжку.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Хаим (*шляпа набекрень*). Здравствуйте, пожалуйста, дорогая Бейля! Добрый вечер! Как поживаете, реб Алтер? Знаете, книжечка, которую вы мне принесли, оказалась замечательной! Только принялся ее читать, сразу же уснул на стуле как убитый... (*Наливает себе стаканчик вина.*) Попробуйте, реб Хаим, почему бы вам не попробовать? Как говорит моя мадам, когда угощает своих гостей червивыми орешками... Почему бы вам не попробовать? Где это Фрадл? (*Хочет налить еще стаканчик.*)

Бейля (*ударяет его по рукам*). Убирайся ты,

выкрест этакий! Не для тебя приготовлено! Расскажи-ка лучше, с какой это радости ты так расфрантился? Что у вас слышно? Как живут твои хозяева?

Хаим. Жить бы им на том свете, моим хозяевам! Сидят оба дома, как голубки, и ругаются и проклинают друг дружку до седьмого колена!.. (*Достает из кармана орешки, ловко бросает их в рот и ударяет кулаком по нижней челюсти снизу вверх.*)

Бейля. Из-за чего?

Хаим. Ни из-за чего! Просто так! Она хочет в Париж. А он говорит: «В Берлин!» Тогда она говорит: «К черту!» А он ей: «Корова!» А она ему: «Извозчик!» А он ей: «Лишь бы не портной!» Видать, думаю я, оба они очень знатного происхождения. Такого, наверно, как и свояк ихний Хинкис. Вы знаете, реб Алтер, родословную господина Хинкиса?

Реб Алтер. А именно? К примеру?

Хаим. А именно? К примеру? Один дед у него был фотографом: снимал белье с чердаков. А другой — был губернским ревизором всех кабаков... О! Легка на помине!..

Входит Фрадл.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Фрадл (*не видит Хаима. Поет*).

Я на камешке сижу,
Слезы лью горючие:
Все девчонки замуж вышли,
А я — невезучая!..

Хаим (*притворно вытирает слезы*). Аж за сердце щиплет!..

Фрадл (*не видит его. Поет и приплясывает*).

Ой, грустить не перестану,
Скоро ль я невестой стану?..

Хаим (*в другом конце сцены*).

Все стою, стою я у дверей,
Всю любуюсь пташечкой своей!
Милая, сердечная, что стряслось с тобой?
Уж неделю, как не виделась со мной!..

Фрадл (*не видит его*).

Но покамест я девица,
Я стройна и белолица.
А замужество придет —
Вся иссохну от забот!
Ой, звезда моя, свети!
Скоро ль мне к венцу идти?

Хаим (*идет к ней навстречу с распростертыми объятиями*). А вот и я! Я готов! Я готов хоть сегодня, душа моя! Я для того и пришел, чтобы сговориться с тобой, с дорогой моей пташкой, насчет помолвки... Добрый вечер, Фрадл! Как ты поживаешь, сердце мое? Как твое здоровье, мой ангел, мое сокровище, клад души моей, свет очей моих, как говорится в книжках у реб Алтера...

Фрадл. Что с тобой? Чего ты хорохоришься? Скажи на милость, как он расфрантился. Ради какого праздника? Наверно, из цирка идешь или в картишки где-нибудь перекинулся?

Хаим. А как же иначе; пташка моя? Живем-то ведь один раз, не два, как говаривал мой ребе, когда ему не на что было справлять субботу, а жена его в гроб вгоняла...

Фрадл. Тебя бы самого в гроб!..

Хаим. Аминь! Всех женщин! Глупенькая, на сей раз ты не угадала: в цирк я не хожу и в карты больше не играю. Знаешь, с каких пор?

Фрадл. С каких?

Хаим. С позавчерашнего дня! Я дал себе слово больше не играть! По двум причинам: во-первых, не на что. А когда нет пальцев, как говорит реб Алтер, так и кукиш не покажешь. А во-вторых, я сейчас коплю денежку к денежке. На свадьбу, душа моя... Кто бы ни попросил у меня хоть бы грош — хоть лопни, не дам! Не хочу я в чужом саване помирать, как говаривала моя бабушка, царство ей небесное, когда у нее просили милостыню!

Фрадл. Что же ты делаешь по целым ночам, когда управишься со своей работой по дому?

Хаим. Что я делаю?! Образованием занимаюсь, голубушка! Образованием! Вот читаю сейчас книжку — сладкую-пресладкую! Как варенье! Реб Алтер принес... Ну и книжка! (*Целует кончики пальцев.*) Всю ночь глаз не сомкнул! Читал, читал и читал... Наслаждение!

Фрадл. Воображаю, что это за книжка, если она тебе понравилась! Что это — роман?

Хаим. Да еще какой! В шести частях с некрологом!

Реб Алтер. С эпилогом!

Хаим. Я и хотел сказать: с эмпилогом.

Фрадл. Как называется?

Хаим (*хлопает себя по лбу*). Такое длинное название, что никак наизусть не запомнишь... Реб Алтер-сердце! Как она там у вас называется?

Реб Алтер. Кто?

Хаим. Да вот книжка, которую вы мне недавно принесли?

Реб Алтер. Книжка, которую я тебе оставил? Да, уж это, брат ты мой, книжка! Всем книжкам книжка! Первый сорт. У меня ее с руками отрывают! Называется: «Дикий негр в красном кушаке с десятью заряженными пистолетами и шестью заколдованными дамами в образе голубей, или Кольцо Соломона Мудрого». В высшей степени интересный роман в шести частях с эпилогом и песней для исполнения, сочинения Ицхок-Шлоймы Эсиктрайбера по типу романов Шомера *.

Бейля (*всплеснув руками*)
Фрадл } Гром тебя разрази! Какое длинное название!

Хаим. Не пугайтесь, у них бывают и подлиннее! И все такие заковыристые названия. Например: «Плененный король на застывшем море, или Рассеченная губа»... «Черный цыган с серебряными пуговицами в кабриолете, или Стеклянная скалка на пасху»... «Распухшая девица — невеста единственного своего жениха, или Красный байстрюк», пропади он пропадом!..

Бейля
Фрадл } Пропасть бы тебе самому пропадом за всех нас, господи милосердный!

Хаим. Аминь! Дай бог и всем женщинам! Словом, книжечка, доложу я тебе, Фрадл,— пальчики оближешь!

Фрадл. Что же в ней описывается? Мог бы хоть рассказать.

Хаим. Описывается там... Трудно запомнить наизусть... Что-то такое... Один порядочный молодой человек, лет двадцати с небольшим...

Реб Алтер. Восемнадцати.

Хаим. Романирует с девицей лет девятнадцати...

Реб Алтер. Семнадцати.

Хаим. С очаровательной девушкой, как яблочко, с ямочками на щечках, блондинка с черными волосами...

Реб Алтер. С русыми волосами...

Хаим. То есть с русоволосой брюнеткой...

Фрадл. Как ее зовут?

Хаим. Как зовут? Только что из головы улетучилось... Так на языке и вертится... Как ее звать, реб Алтер?

Реб Алтер. Кого?

Хаим. Вот эту девицу, что у меня в книжке...

Реб Алтер. Серафима.

Хаим. Вот, вот, я так и хотел сказать... Описывается, как этот парень влюбился в эту девицу... А девица влюбилась в этого парня... Парень хочет жениться на девице... Девица хочет выйти замуж за парня... Оба, стало быть, хотят... Но вот однажды парень встречает эту девицу в одном месте — кажется, на кухне? Не правда ли, реб Алтер?

Реб Алтер. А? Что такое?

Хаим. Где он встречается, тот парень из вашей книжки, с этой девицей? На кухне, не так ли?

Реб Алтер. В Париже, на водах... Во дворце графа Салима... В саду, где растут лимоны и апельсины...

Хаим. Вот как? Словом, надумал мой паренек, стало быть, и не поленился обнять ее вот таким манером! (*Хочет обнять Фрадл.*)

Фрадл. Убирайся прочь, шарлатан!

Реб Алтер. Нет, упаси бог, совсем не так... Прежде всего он падает к ее ногам...

Хаим. Я хотел только показать тебе, как парень обнимает девушку в книжке...

Фрадл. Провались! Пришел на готовенькое... Поди посмотри, как у людей водится... Вон приехал к нашей барышне жених, черт знает откуда. Заперся с ней в комнате с самого утра...

Хаим. С самого утра? Батюшки! Почему так долго? Что они там делают, кошечка моя?

Фрадл. А я почем знаю? Одно только слово я уловила, когда им чай подавала...

Хаим. Какое слово?

Фрадл. Вот скажу, тогда будешь знать! «Живопри»...

Хаим. Живопри? Ага, знаю! По-нашему, это все равно что сказать: «Пить хочется, помираю!» Не правда ли, реб Алтер, это значит выпить?

Реб Алтер (*облизывается*). Что значит — «выпить»? Евреи — люди непьющие. Бывает, конечно, еврей выпьет иной раз капельку...

Хаим. Здорово, кума,— купила петуха! Говорят насчет французского, а вы с водкой...

Доносится голос из дома: «Франя! Фрадл! Подохла ты там, в кухне, что ли, девка мерзкая!»

Фрадл. Подохнуть бы вам за всех нас! Иду, иду! Как вам нравится, как она визжит! Я посуду мою! Сейчас иду. Ходить бы ей на костылях!..

Хаим. Аминь, дай бог и всем женщинам!

Фрадл выбегает из кухни. Вбегают Миша и Маша.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Миша и Маша (*вытаскивают из карманов куски пирога, щелкают орешки, озираются по сторонам*). Смотри, Бейля, никому не рассказывай, боже сохрани!

Бейля. Болячка вашей матери! Вы голодны, голубчики? Ешьте на здоровье, кушайте, птенчики! Что там в доме, деточки?

Миша и Маша. Ничего... Папа и мама играют в карты... Дядя целует сестру! Ей-богу!

Хаим. Серьезно? А ну-ка, покажите, кошечки, как он ее целует?

Миша и Маша. Вот как! (*Целуются в губы и смеются.*)

Хаим (*хлопает их по плечам*). Браво! Браво! Молодцы, ребята! Вот что значит хорошо воспитанные дети! Если бы вы были порядочными детьми, вы бы стибрили со стола немножко вкусных вещей для нас: торт, орешки, яблоки, груши, апельсины, варенье... Никто ничего и знать не будет. Между нами останется...

Миша и Маша уходят. Приходит Фрадл с графином.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Фрадл. Ах, чтоб они сгорели!..

Хаим. Аминь, дай бог всем женщинам!

Фрадл. Здесь она кричала: «Девка!», а там, при чужих, медом сочится. «Принеси, говорит, душечка, стакан воды для мадам Локшнкугл...»

Бейля. А что поделывают жених и невеста?

Фрадл. Чтоб им добра не было!

Хаим. Аминь, и всем женщинам!

Фрадл. Невеста распрекрасная боится, как бы жених на меня не взглянул, вот она и держит его взаперти... Не беспокойтесь, она ему еще покажет, где раки зимуют... Женушка, дай бог всякому! Она ему, бог даст, когда-нибудь глаза выцарапает...

Хаим. Пусть ему не хочется, как говорила моя старшая сестрица, когда я, бывало, костью подавлюсь... Видно, сегодня же и поздравлять можно будет? Будьте здоровы, реб Алтер! Бейля, потяните его за левое ухо!

Реб Алтер (*до этого момента дремал, посапывая носом. Очнулся*). Спасибо! К чему вам утруждать себя? Я пью мало... Еврей — человек непьющий... Сисионисты совершенно правы... Они говорят, что еврей... еврей в могиле лежит, глубоко в земле... Еврей вечно чахнет и сохнет, плачет и рыдает... (*Поет грустным голосом.*)

Плачет и рыдает,
Свои прогоняют...

Хаим. О-го! Реб Алтер, видать, под мухой, и здорово под мухой! Хватил-таки рюмашечку!..

Бейля. А тебе какое дело? Не твое вино он пил!

Хаим. Аминь, дай бог и всем женщинам! Знаете что, реб Алтер? Уж если вы поете, спойте нам что-нибудь настоящее! Ведь вы же человек из тех, которые торгуют и книжками и песенками...

Реб Алтер. Подтянешь? А вы подтянете? Тогда я спою вам песню, которая как будто обо мне сложена.

Все. Ну конечно! С величайшим удовольствием! (*Собираются вокруг Алтера.*)

Реб Алтер
(*поет*)

Сначала десять братьев было нас,
И мы открыли винный погребок,
Но вдруг один из нас угас —
И девять душ оставил бог.

Возьми-ка скрипку, Шмерл!
Возьми-ка, Берл, бас!
Такой сыграйте перл,
Чтоб улицу потряс!

Все

Возьми-ка скрипку, Шмерл!

Реб Алтер

А все же девять братьев было нас,
И на извозе мы имели добрый куш,
Но, жаль, один из нас угас —
И нас осталось восемь душ.

Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Все

Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Реб Алтер

А все же восемь братьев было нас,
И репой торговали мы всерьез,
Но вот один из нас угас —
И семеро опухли мы от слез.

Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Все

Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Реб Алтер

А все-таки семь братьев было нас,
Мы стали продавать табак и ром,
Но вновь один из нас угас —
И мы остались вшестером.

Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Все

Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Реб Алтер

А все-таки шесть братьев было нас,
И в бакалее равных не было купцов,

Но, жаль, один из нас угас –
И пятеро осталось молодцов.

Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Все

Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Реб Алтер

А все-таки пять братьев было нас,
Мы стали калачами торговать,
Но вновь один из нас угас —
И четверо осталось горевать.

Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Все

Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Реб Алтер

Но все ж четыре брата было нас,
Мы стали торговать старьем,
Опять один из нас угас —
И мы над ним поплакали втроем.

Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Все повторяют.

А все-таки три брата было нас,
И кто торгует пивом — не дурак,
Да жаль, один из нас угас —
И мы остались, двое бедолаг.

Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Все

Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Реб Алтер

Но все же двое братьев было нас,
И чаем торговали мы вразнос,
Да, жаль, один из нас угас —
И остался я один как пес.

Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Все

Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Реб Алтер

И вот один из братьев я сейчас,
И стал я книгоношею, друзья,
Но кажется, и я угас —
Пропустим-ка по чарочке...
(*Наливает.*)
Возьми-ка скрипку, Шмерл!..

Все. Хороша рифма!

Хаим. Ну что ж, выпьем по маленькой без рифмы! Лехаим, реб Алтер! Будем здоровы!

Реб Алтер (*пьет*). В самом деле, будемте здоровы!

Прибегают Миша и Маша с полными карманами.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Миша и Маша. Иди, Фрадл, мама зовет!

Фрадл хватает графин с водой и убегает.

Хаим. Ну-ка, покажите, что вы принесли!

Миша и Маша (*выкладывают из карманов*). Вот вам яблоки, груши, апельсины. Ловко стащили, ей-богу!

Хаим (*целует их*). Браво! Браво! Молодцы, ребята! Вот что значит хорошие дети, умные, талантливые! Вот что значит хорошо учиться с малых лет! (*Наливает по стаканчику вина реб Алтеру и себе.*) Пейте, реб Алтер, и закусывайте. Пусть вам будет на пользу, как сказано в Священном писании! Пейте и ешьте, реб Алтер, все равно помирать будем, как говаривал один мой знакомый извозчик, когда на стол подавали миску картошки, от которой шел пар, как в бане.

Реб Алтер. Как? Впрочем, может быть, вы и правы. В самом деле, выпьем по капельке... Лехаим! Лехаим! Дай бог, чтобы евреи были евреями. Потому что еврей — это, знаете ли, не так просто... Еврей водки не пьет, фи! Еврей пьет вино... И сколько бы ни пил, он всегда трезвый... (*Весело.*) Еврей никогда не бывает пьян! Не правда ли, Хаимуля? Ник-когда не п-п-пьян!..

Хаим. Упаси бог! Как это может еврей быть пьяным? Надо по этому случаю выпить еще по капельке! (*Снова наливает, целуется с реб Алтером, затем берет детей за руки и пускается с ними в пляс.*)

Реб Алтер, прихлопывая в ладоши, поет песенку. Входит Фрадл, останавливается в изумлении.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Фрадл (*налетает на Хаима*). Ты с ума сошел или рехнулся? Вдруг ни с того ни с сего танцевать?! (*К детям.*) Идите, мать зовет. Достанется вам за эти апельсины!

Дети уходят.

И вы тоже, Реб Алтер? Постыдились бы! Такой человек, не сглазить бы!

Реб Алтер (*заплетающимся языком*). Еврей... Еврей — это еврей... Еврею дай бог здоровья и долголетия! Потому что еврей, сколько бы он ни выпил, никогда не бывает пьян... (*Наливает рюмку.*)

Фрадл. Наваждение какое-то, да и только! Там, в доме, обрученье — по этому случаю вы здесь лакаете вино?! Бейля!

Бейля. Да они вовсе не так много выпили. Скажи пожалуйста! Пригубили...

Хаим. Пригубили, да тут же и проглотили... Послушайте-ка, реб Алтер! Уж если и в самом деле мы дожили до обрученья, давайте выпьем за нас самих и за наших невест и пожелаем друг другу счастья и удачи! Поздравляю тебя, Фрадл, дорогая моя невеста, звездочка моя ясная, пташка моя милая! Дай мне твою сладчайшую ручку и пообещай, что будешь мне верна!.. (*Хочет ее обнять.*)

Фрадл (*отталкивает его*). Это что еще за напасть? Ты пьян?

Хаим. Пьян? Упаси бог! Разве еврей бывает пьян? Как по-вашему, реб Алтер, может еврей быть пьяным?

Реб Алтер (*улыбается, облизывается*). Еврей ник-когда не бывает пьян! Еврей — это еврей и то, и се, и пятое, и десятое...

Хаим (*хочет обнять Фрадл*). Может быть, тебе, пташечка, не пристало, что я лакей? Глупенькая, лакеи нынче всем миром верховодят... Мало ли у нас

хозяев, которые раньше лакеями были? А мой хозяин — не смущайся, пожалуйста,— разве не был лалеем? Немножко воровства, немножко удачи и — дай мне бог не хуже хотя бы лет через десять! Или, к примеру сказать, твоя мадам, разве не была она раньше кормилицей?.. Сейчас она уже лечится у докторов и ездит на воды... Глупенькая, ты тоже, бог даст, будешь со временем мадам и тоже будешь, с божьей помощью, лечиться у докторов... Будь спокойна...

Фрадл (*отталкивает его*). Типун тебе на язык!

Хаим. Аминь, дай бог всем женщинам! Послушайся меня, моя кошечка, давай отпразднуем помолвку! Тарелки разобьем! Поздравляю!.. Бейля! Реб Алтер! Поздравьте нас! (*Достает из кармана золотую цепочку и надевает Фрадл на шею.*) Так как ты теперь моя невеста, я преподношу тебе этот подарок! Уж две недели, как я его приготовил. (*Обнимает Фрадл и целует ее. Она притворно сопротивляется.*)

Бейля. Поздравляю тебя, Фрадл! Носи на здоровье! Что вы скажете, реб Алтер? (*Показывает на цепочку.*)

Реб Алтер. Что я могу сказать? Я говорю, что еврей... Дай бог ему здоровья и долголетья... Еврей ест и пьет — и все... Ничего! Тихо, спокойно... Чик-чирик... Чирикает, как птичка... То, се, пятое, десятое... (*Пробует встать, но валится с ног.*) Еврей, если даже и выпьет, вс-всегда трезв... Язык у него не заплетается... На ногах крепко держится. Ходит прямо, как по струнке... Не кренится ни туда, ни сюда... В твердой памяти... Потому что еврей... Сколько бы вина он ни выпил, никогда, ник-когда решительно не бывает п-п-п... Ох, горькая наша доля... Еврей, он... (*Напевает под нос.*)

Плачет, рыдает...
Свои прогоняют
Проклятое богом дитя...
Ой-ой-ой...

Хаим (*берет реб Алтера за руку*). К чему вам, реб Алтер, плакать и рыдать? Пускай лучше враги наши плачут и рыдают! Вы послушайте меня, реб Алтер, налейте-ка лучше стаканчик вина и выпейте с вашей Бейлей. И пусть будет в добрый и счастливый час! Дай вам бог состариться с ней в богатстве и почете! Ведь я же знаю, что вы вот уже полгода, как приударяете за ней... Люди не без глаз... Ну, что вы

притворяетесь, Бейля, к чему ломаться? Мне бы такую жизнь, какая из вас удачная пара! Как говорила жена моего ребе, когда их сосед, бывало, подерется со своей супругой. Пара, говорю я вам!

Реб Алтер. Пара, самим небом предначертанная!.. Лехаим! Лехаим!

Снова приходят дети.
Их карманы набиты орехами.

Хаим. Дайте же ей, реб Алтер, руку, и желаю вам счастья! Отсюда — в собственный дом, как сказал воришка Лейбуш, когда его впервые привели в острог... Будемте здоровы! (*Насильно вливает Фрадл в рот немного вина.*)

Реб Алтер дает Бейле отпить из своего стакана.

Реб Алтер! Спойте что-нибудь из ваших песен, только настоящую, чтоб весело было!

Реб Алтер
(*поет, забирая высоко*)

Что ни батька — то отец,
Что ни свадьба — то венец,
Что ни петелька — застежка,
Что ни платье — то одежка,
Коль одежка — то пожитки,
Только шелк — не нитки...

Хаим
(*перебивает, поет один*)

Нитки — это вам не шелк,
С чем уехал, с тем пришел.

А пришел — так пей до дна,
Вся компания пьяна,
Кто не пьет — боится смерти,
Будем пьяные, как черти!..

Фрадл. Да ну тебя ко всем чертям!

Хаим. Аминь, дай бог всем женщинам! Знаете, реб Алтер, спойте нам ту песню, что вы раньше пели. Давайте возьмемся за руки и спляшем!

Все берутся за руки и пляшут.

(*Кричит.*) Веселей, реб Алтер! Ноги выше! Сильней! Крепче! Ребята, нажимай, ребята!.. (*Разбивает тарелку.*)

Все кричат: «Поздравляем! Поздравляем!» Вдруг раскрывается дверь, показывается сначала нос, а затем и вся мадам.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Мадам (*всплеснув руками*). Проклятье! Все несчастья, все горести и болезни на ваши головы, на ваши руки и ноги, господи боже мой! Такая бездельница, такая паршивая ведьма, такая сопливая девка! Вон из моего дома! (*К реб Алтеру.*) А этот бродяга что тут делает?

Реб Алтер (*рассержен, заплетающимся языком*). Б-б-бродяга, вы говорите? Как же это еврей может быть бродягой? Еврей ник-к-когда не бродяга! Ник-к-когда... А то, что вы гоните людей из дому... Ну что ж, гоните, гоните... Но только это несправедливо с вашей стороны... Знаете, п-п-почему? Нынче другая жизнь... Не то, что раньше... Посмотрели бы вы в моих книжках... Сици-листы говорят... Горе вам! То, се, пятое, десятое...

Мадам (*к Хаиму*). А ты, шарлатан, что тут делаешь? Вон отсюда!

Хаим (*очень элегантно*). Мерси за комплимент!

Мадам направляется к нему, размахивая руками, хочет забрать детей. Хаим берет ее за руку, подмигивает остальным. Ее забирают в круг и продолжают танцевать. Мадам изо всех сил вырывается, но тщетно: ее не выпускают.

Реб Алтер! Чего же вы молчите? А ну-ка, давайте что-нибудь настоящее!

Реб Алтер
(*оживленно, поет*)

Новый век — теперь в народе
Кошелек тугой не в моде.
Красота или уродство,
Простота ли, благородство,
Будь богач или бедняк —
Добрым сердцем ценен всяк!
Нет ни умных, ни дурных —
Нынче люди все равны!

Все
(*поют и пляшут*)

Будь богач или бедняк —
Добрым сердцем ценен всяк!..
Нет ни умных, ни дурных —
Нынче люди все равны!

Мадам вырывается и сыплет проклятиями, но голоса ее не слышно. В дверь испуганно заглядывают гости хозяйки: мужчины и дамы, в том числе жених и невеста. У некоторых гостей в руках карты. Все застывают от изумления в разных позах.

Медленно падает занавес.

ЛЮДИ

Пьеса в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Даниел — старый слуга, эконом. Молодящийся старый холостяк. Носит красный жилет с медными пуговицами, клетчатые брюки, зеленый галстук. Высокомерен и строг в обращении со слугами, с хозяевами угодлив. Ему подчинена вся прислуга.

Герц — элегантный лакей во фраке и белом жилете, с щегольскими усиками.

Рикл — кухарка, веселая по натуре женщина. Белый передник и белый чепец.

Фишл — ее муж, служит в другом доме, всегда озабочен.

Фанечка — бывшая горничная, давно получившая расчет.

Лиза — горничная, принятая вместо Фанечки.

Реб Сендер — меламед, оброс густой бородой.

Иохевед — его жена.

Ревечка — их дочь.

Мадам Голд — новоиспеченная богачка, говорят, миллионерша.

Действие происходит в нижнем этаже богатого дома.

Кухня в богатом доме. Белая плита с блестящими медными поручнями. Кухонная посуда и вся утварь сверкает чистотой. Справа — печь. Слева — лестница на второй этаж. Между лестницей и рампой — нечто вроде комнатушки. Там стоит небольшой столик и старомодное («вольтеровское») кресло. В нем обычно восседает Даниел. Справа, у противоположной стены,— большой зеленый сундук. Рядом с ним, ближе к рампе,— небольшой красный сундучок. Посреди кухни — длинный стол и несколько табуреток.

За столом, сбросив фрак и засучив рукава, сидит Герц и пишет письмо. Рикл стоит за его спиной и диктует.

Рикл. ...И напиши мне, милая сестра, как тебе живется в чужом доме. И много ли у вас слуг, и что за люди? И как у вас обходятся с прислугой?..

Герц (*пишет, высунув язык и двигая им вслед за пером*). «И напиши мне, милая сестра...» Ну, дальше?

Рикл (*диктует*). Нас тут на кухне четыре человека, да еще для стирки белья есть человек, и на конюшне еще человек, и у ворот опять человек, и в саду человек...

Герц. Тррр... Вот заладила: человек и человек... что ты гонишь и гонишь?

Рикл. Что ты написал, горе ты мое?

Герц. «Милая сестра».

Рикл. Только всего?! Все напасти, что приснились мне этой и прошлой ночью,— на твою голову! Этак мы никогда до конца не доберемся!

Герц. А вы что думали? Писать, по-вашему, то же самое, что языком молоть? Перо — это вам не язык и не мельница. Пока выведешь букву, хорошенько вспотеешь. (*Рассматривает перо.*) А тут, как на грех, и перо у нашего эконома... на него самого похоже: толстое и тупое, косолапое.

По лестнице спускается Лиза. Подходит к красному сундучку, садится и, закрыв лицо руками, плачет.

Рикл (*Лизе*). Бог с тобой, чего ты плачешь?

Герц (*Лизе*). С ума сошла?! Ни с того ни с сего разревелась! Будет тебе плакать! Выходи лучше за меня замуж...

Рикл. Получила, наверное, хорошую трепку от мадам? Подумаешь, диковина какая! Когда живешь в прислугах, надо все терпеть.

Герц. Пошли их ко всем чертям, дурочка! Бери пример с меня. (*Потягиваясь.*) Я никого не боюсь. Я над собой не признаю никого! Что мне хозяин?! Что мне мадам?! Что мне эконом?! Лучше выходи за меня замуж, глупая ты девушка,— будешь жить, как у бога за пазухой.

Рикл. Сам жених, сам и сват!

По лестнице спускается Даниел. Герц, спохватившись, надевает фрак, ставит чернильницу и перо на маленький столик. Выражение лица у него сразу меняется. Рикл занимает свое место у печи.

Даниел (*Герцу*). Слушай, ты, шалопай, подойдика сюда! (*Подводит его к окошку, смотрит ему в глаза, указывая пальцем на Лизу.*) Ну?

Герц. Что «ну»?

Даниел. Хорошо, нечего сказать! Постарался.

Герц. Кто?

Даниел. Я.

Герц. Вы?

Даниел (*щелкнув его рукой по носу*). Клоун! Паяц! Ну, ступай наверх! Ступай, тебя зовут!.. Пропади вы все пропадом!

Герц. Иду! (*Подходит к лестнице.*)

Даниел (*важно усаживается в кресло, засучивает рукава, со звоном отпирает ящик конторки, вынимает оттуда большую конторскую книгу, напяливает на нос круглые очки и, глядя в книгу, движением руки подзывает к себе Лизу*). Тебе причитается за четыре месяца и три недели. Четырежды восемь как будто тридцать два; а за три недели по два рубля — выходит как будто шесть. Тридцать два и шесть — как будто тридцать восемь. Еще двенадцать прибавим для ровного счета. Выходит как будто пятьдесят, не так ли? На, получай деньги. (*Достает деньги, смотрит на Лизу поверх очков.*) Плачешь? Считаешь, что ты права? А?.. (*Строго.*) Ну, не валяй дурака и получай деньги!

Лиза (*берет деньги, не переставая плакать*). Чем я виновата? Он мне говорил, что я красивая. Клялся, что любит меня.

Даниел. Подумаешь, какое счастье! Он ее любит! Этот паяц, этот шут, этот прохвост! Пропади все пропадом!

Лиза (*поднимает голову*). О ком вы говорите?

Даниел. А ты о ком говоришь?

Лиза (*опуская голову*). О Натане... О Натане Моисеевиче...

Даниел (*встрепенувшись*). А? Что ты сказала? Натан Моисеевич?

Лиза (*тихо*). Он.

Даниел (*тихо*). Ду-ра! Что ж ты молчала, глупенькая козочка! (*Сердито.*) Отчего ты мне не сказала? Наивный теленок. Мне ты должна была сказать! Пропади все пропадом!

Рикл (*подбегает*). Ой, горе мне, что случилось? (*Ломает руки.*)

Даниел. Не вашей бабушки дело. Ступайте, занимайтесь своими кастрюлями.

Рикл. Тьфу! (*Возвращается к плите.*)

Даниел. Как же это у вас вышло? Рассказывай, не бойся. Мне ты можешь выложить всю правду. (*Тихо.*) Так он, значит, стал тебя уговаривать? Он говорил, что любит тебя? А ты так и поверила ему на слово? Эх, ты, несчастная!.. А я было подумал, что ты спуталась с этим шалопаем, с этим бездельником. Подойди сюда, садись. (*Указывает ей на табурет рядом со своим креслом.*) Скажи мне чистую правду. Помни —

ты со мной говоришь... Так это он? Натан Моисеевич, говоришь ты?

Лиза (*плачет*). Клянусь вам... Он даже колечко мне подарил. (*Показывает ему кольцо на пальце.*)

Даниел (*берет ее руку, разглядывает кольцо*). Несчастные вы... овечки!.. козочки!.. телята!.. Верите первому встречному! (*Отбрасывает ее руку.*) Скрывала от меня! Секреты! Сговорились! Поверила? Вообразила себя на седьмом небе? Пропади все пропадом! (*Порывисто встает, шагает по комнате.*) Вот так-то вас и завлекают в сети, глупые вы создания! (*Подходит к ней вплотную, повышает голос.*) Ты что же думала? Что ты воображала? Рассчитывала, что он на тебе женится? Размечталась, что станешь мадам Голд? Ха-ха-ха! Чего ж ты молчишь? Ну?! (*Садится на стул против нее, берет ее за руку, смягчает тон.*) Расскажи мне, детка, расскажи мне все.

Лиза садится радом с ним на стул, всхлипывает. Рикл, подкравшись, подслушивает.

Лиза. С первых же дней, как я поступила сюда, он все ходил за мной следом и говорил, что я хорошенькая... что я красавица... что я украшение в доме... что он только глядел бы да глядел на меня... Потом он стал охать и вздыхать и уверять, что любит меня, умирает от любви и без меня жить не может... Он спрашивал, согласна ли я быть его женой, умолял пожалеть его, обещал переговорить с ними. Он уверял меня, что, если они не дадут согласия, он отравится, или застрелится, или вообще покончит с собой... И все откладывал со дня на день... Очень мне было жалко его...

Даниел. Она его пожалела! Ха-ха-ха! Пропади все пропадом! Ну, а он тебя пожалел? Отчего он тебя не пожалел, а? Что же он говорил тебе сегодня? Вчера? Третьего дня? Говорила ты с ним, отвечай?

Лиза. Говорила, как же не говорить? Я ему все сказала... Я плакала... (*Плачет.*)

Даниел. Она плакала! Ну, а он?

Лиза. Он сначала просил, чтоб я молчала, подарки обещал, деньги. А когда я отказалась, он сразу переменился. Он сказал, что, если я подыму скандал, будет хуже для меня... для моей сестры...

Даниел. Откуда он знает про твою сестру?

Лиза. Я ему рассказала, что у меня есть сестра... кассирша. Если узнают, она потеряет место.

Даниел (*встает, в сердцах стучит кулаком по столу, громко*). Где были мои глаза? И почему ты мне раньше не сказала? Какая же ты глупая... (*Садится, трет руками лицо; голос его становится мягче.*) Скажи мне, глупенькая, кто у тебя здесь, кроме сестры?

Лиза (*сквозь слезы*). Никого. Я ведь вам говорила, что у меня здесь только одна сестра. Она служит в магазине кассиршей... Она моложе меня... Если узнают о моем несчастье, ее прогонят со службы. (*Рыдает.*)

Даниел (*успокаивает ее*). Не бойся, ничего с твоей сестрой не случится... Хорошо, что ты мне рассказала. Я уж постараюсь, что-нибудь придумаю... (*Немного поразмыслив.*) Знаешь что? Я тебе дам записку к одной моей знакомой. Побудешь там, пока я что-нибудь придумаю. (*Вынимает листок бумаги, пишет, сопит.*)

Лиза сидит и плачет. На лестнице раздается женский голос: «Даниел! Даниел!»

(*Прячет листок в ящик стола, снимает очки, съеживается, становясь на целую голову ниже.*) Сейчас! Сейчас! (*Подымается по лестнице наверх.*)

Рикл (*подходит к Лизе с ложкой в руке, качает головой*). Думаешь, я не слышала? Все слышала! Такова уж наша доля, когда приходится жить у господ, холера их всех побери, боже милосердный!

Лиза (*плачет*). Ой, Рикл, дорогая, родная моя! Несчастная я... Что мне теперь делать? Куда я пойду? Что я скажу? (*Ломает руки.*)

Рикл. Не плачь, глупенькая, не плачь! Не люблю я, знаешь, вмешиваться в чужие дела, но будь я на твоем месте... (*Наклоняясь к ее уху.*) Случись со мной такое же дело — три горшка крови я бы из них выцедила, шкуру бы я с них содрала... (*Рассекает воздух ложкой.*) Правнукам своим заказали бы они так обращаться с людьми! Холера им в рожу!

Лиза (*ломая руки*). Ох, несчастье! Я за сестру боюсь, ее прогонят с места... Что мне делать? Что делать?

Рикл. Ах ты, божья коровка, глупенькая!.. Ведь у тебя теперь есть случай обеспечить себя приданым! У них всего вдоволь! Хвороба их возьми! А какого жениха ты можешь себе подыскать, дурочка, дай бог мне такое счастье! Выйдешь замуж — и конец. Не придется больше жить в прислугах. Сама себе будешь

хозяйкой, дурочка, сама будешь слуг держать... Ты только подумай!.. Ой, идут! (*Бежит обратно к плите.*)

Даниел и Герц спускаются по лестнице.

Герц. Вот это да! Сами «свят-свят», а как согрешили, так пес виноват! (*Делает недоумевающее лицо. Принимается за работу.*) Да еще поклеп возводят!

Даниел (*строго*). Молчать! (*Лизе.*) Собрала свои вещи? (*Открывает ящик стола.*) На вот тебе еще полсотни. На расходы получишь особо. Я уж постараюсь. Несчастные вы создания! Заблудшие овцы! Божьи коровки! Пропади все пропадом!

Лиза, продолжая плакать, собирается уходить.

(*Даниел удерживает ее.*) Погоди. Я тебе записочку дам, письмецо. (*Собирается писать.*)

Рикл (*подбегая к Даниелу с ложкой в руке*). Вы меня знаете — я не люблю вмешиваться в чужие дела. Но у нее теперь такой хороший случай обеспечить себя хотя бы приданым. Вы же сами видите — божья коровка!

Даниел (*строго глядя на нее через очки*). Кто у вас спрашивает совета? Ваше место у плиты. Накройте еще на троих. Сейчас придут родственники нашей мадам. Бедные родственнички. Приказано дать им поесть на кухне, вместе с людьми.

Герц. Хорошо еще, что не с собаками!

Реб Сендер, Иохевед и Ревечка спускаются с лестницы, раздеваются. Реб Сендер разматывает шарфы, обнажая свое заросшее волосами лицо. Рикл и Герц смотрят на него, как на дикого зверя.

Рикл. Это кто ж такие? (*Указывает глазами на гостей.*)

Герц. Понятия не имею! Впервые вижу нечто подобное. Ну и богатый урожай на лице!

Даниел (*гостям*). Садитесь за стол — вам сейчас дадут поесть. Рикл, подавайте гостям.

Реб Сендер совершает обряд омовения рук, после чего произносит вслух соответствующие молитвы. Герц невпопад вторит ему: «Аминь, да возвеличится имя его». Рикл смеется в кулак. В кухне появляется мадам Голд. Ее приход вызывает необычайную суматоху. Рикл бросается к плите. Герц хватает посуду, звенит вилками, швыряет ложки. Лиза поднимается с красного сундучка и быстро выходит из кухни. Даниел снимает очки, съеживается, становится на целую голову ниже. Реб Сендер прерывает начатую трапезу.

Мадам Голд (*с нижней ступеньки, чуть повыше пола*). Рикл! Накормишь их и дашь им по стаканчику

чаю. (*Иохевед.*) Да, я забыла спросить, как ее зовут, вашу дочку?

Иохевед. Рива.

Реб Сендер. Ривка, просто говоря.

Мадам Голд. Рива? Ривка? Некрасиво!.. Ревекка. Ревечка — пусть зовется Ревечка.

Иохевед. Вам угодно Ревечка, пусть будет Ревечка. Кто смеет вам указывать? Она же ваша.

Реб Сендер. Мои слова! Было бы ей только хорошо здесь, не знать бы ей ни в чем нужды! Как сказано: «Не в присказке дело, а в самой сказке».

Мадам Голд. Это зависит от нее: будет служить хорошо — будет и ей хорошо; будет служить плохо — и ей будет плохо.

Даниел (*подхватывая*). Будет служить хорошо — и ей будет хорошо; будет служить плохо — и ей будет плохо. (*Кивает Герцу и Рикл.*)

Герц и Рикл (*одновременно*). Будет служить хорошо — и ей будет хорошо; будет служить плохо — и ей будет плохо.

Герц (*в сторону*). Пусть бы им самим так хорошо жилось!

Мадам Голд. Мои люди никогда еще на меня не жаловались.

Даниел. Наши люди никогда еще не жаловались. (*Кивает Герцу и Рикл.*)

Герц и Рикл (*одновременно*). Никогда не жаловались.

Герц (*в сторону*). Столько тебе болячек, сколько раз жаловались.

Мадам Голд. У меня уж так заведено: праздники или именины — мои люди получают от меня подарки.

Даниел. Тут все люди получают подарки. (*Кивает Герцу и Рикл.*)

Герц и Рикл. Мы получаем каждый раз подарки.

Герц (*в сторону*). Пусть бы им самим столько иметь, сколько они нам дарят.

Ревечка. Зачем подарки? Это не обязательно.

Иохевед (*потянула ее за рукав*). Ты, Ривеле, лучше помолчи.

Реб Сендер. Мои слова! «Молчание — золото...»

Герц (*в сторону*). Этот еврей прямо-таки весь из пословиц.

Мадам Голд. Очень хорошо, что она умеет

писать. Надо, знаете ли, иной раз переписать белье на чердаке, а то крадут, растаскивают, разворовывают.

Даниел. Разворовывают. (*Кивает Герцу и Рикл.*)

Герц и Рикл. Еще как воруют!

Герц (*в сторону*). Ох, не завидую я этим ворам!

Мадам Голд (*Ревечке*). Ну, закуси, а потом за работу. (*Даниелу.*) Даниел! Почаще заглядывай на конюшню. Посматривай, дают ли лошадям овес или, может быть, только выписывают счета на овес. Ох и любят же они выписывать счета. (*Уходит.*)

Кухня мигом преображается. Даниел снова напяливает на нос очки, высоко поднимает голову, усаживается в кресло, пишет. Рикл приглашает гостей к столу. Гости едят. Герц тоже. Сверху раздается голос: «Даниел! Даниел!»

Даниел (*снимает очки, опять становится на целую голову ниже; застегиваясь на все пуговицы, подымается по лестнице*). Сию минуту! Иду! Иду! (*Скрывается.*)

Рикл (*подает к столу*). Милости просим, гости дорогие!

Иохевед. Кто этот сердитый человек, которого зовут Даниел? То он большой, то он совсем маленький.

Герц. Это наш полухозяин.

Реб Сендер (*положив ложку на стол*). Полу... чего?

Рикл. Наш эконом. Распоряжается всеми людьми. Из его рук мы получаем все, что нам причитается... Так вы, стало быть, состоите в близком родстве с нашими хозяевами?

Иохевед. Не такое уж очень близкое родство. Но как-никак считаемся родней.

Реб Сендер. Седьмая вода на киселе. Хотите знать, каким образом? (*Кладет ложку на стол.*) Вот я вам сейчас расскажу всю родословную.

Герц. Что ж, расскажите. Не мешает знать. (*Продолжает есть*). Человеку полезно все знать, все, что творится на белом свете. (*Уплетает за обе щеки.*)

Реб Сендер. Мой дядя, то есть наш общий дядя, потому что мы с женой двоюродные брат и сестра,— так вот наш дядя и тетка вашей мадам были родные брат и сестра. Теперь вам ясно? (*Снова принимается за еду.*)

Иохевед. Как раз наоборот. (*Кладет ложку на стол.*) Наша тетка и дядя вашей мадам были родные брат и сестра.

Реб Сендер (*кладет ложку на стол*). Мои слова! Разве я не так сказал?

Герц (*Иохевед*). А они как сказали? Разве не так? (*Ест.*)

Иохевед (*снова кладет ложку на стол*). Ты говорил, что наш дядя и ее тетка...

Реб Сендер (*бросает ложку, сердито*). Я так сказал? Как я мог это сказать?

Герц (*Иохевед*). Как они могли это сказать? (*Продолжает есть.*)

Иохевед (*бросает ложку, обращается к дочери*). Ну, скажи уж ты, Ривеле: разве не так он сказал? Отвечай же, что же ты молчишь?

Ревечка. Так сказал или этак сказал — какая разница? Кушайте лучше на здоровье! Целые сутки ничего не ели...

Герц (*Сендеру*). Ваша дочка права, честное слово! Как говорится: «Натощак танцы не идут никак...» Так вы, стало быть, в родстве с нашими хозяевами? Что же, писали они вам? Приглашали приехать?

Реб Сендер. Боже спаси и помилуй! Мы сами приехали. Как видите, дочку привезли — хотели ей подыскать место. А тут вспомнили, что у нас здесь богатая родня,— мы и пришли сюда. Сперва они было и не признали нас.

Иохевед. Как же им нас признать? Они ведь такие богачи! Миллионщики, не сглазить бы!

Сверху раздается звонок.

Герц. Это меня приглашают. И доесть не дадут. (*Продолжает жевать на ходу.*) Вечно носишься, как собака, и давишься куском, чтоб им самим подавиться! (*Уходит.*)

Рикл (*Иохевед*). Выходит, значит, вы и вправду родня?..

Иохевед. А вы что ж думали? В нашем роду никогда не было слуг, одни хозяева! Наша родня...

Ревечка. Мама, к чему им знать, кто наша родня? Ты породниться с ними собираешься, что ли?

Иохевед. А почему бы им и не знать? Пусть знают. Пусть не думают, что ты простая прислуга, такая, как они.

Ревечка. Мама! Трудно было только решиться пойти в прислуги, но раз я уж решилась, то я здесь

такая же, как все... (*Кончив обед, принимается за работу, моет и перетирает тарелки.*)

Реб Сендер (*произносит нараспев послеобеденную молитву, одобрительно кивает головой*). О! Гм! Правда, правда... «Благослови землю и плоды ее... Смилостивься!» (*Покачивается из стороны в сторону.*)

Лиза входит с улицы, ломая руки; подходит к красному сундучку, садится, подпирая голову руками.

Ревечка. Кто эта девушка?

Рикл. Наша бывшая горничная. Сегодня только рассчитали.

Ревечка. За что?

Иохевед. Разве им это впервые? Они принимают людей, они им и отказывают.

Реб Сендер (*прерывая молитву*). Гм... Гм... «Как глина в руках горшечника».

Рикл (*Иохевед*). Что сказал ваш муж?

Иохевед. Вам этого не понять. Это из Талмуда *.

Сверху спускается Даниел.

Даниел (*с минуту расхаживает взад и вперед по комнате, не произнося ни слова, затем останавливается перед Лизой и говорит очень тихо*). Несчастная ты моя! Горемычное ты создание! Хоть бы ты раньше мне рассказала! Пропади все пропадом!.. Иди-ка сюда!.. (*Снова садится за прерванное письмо*).

Лиза подходит к столу.

(*Лизе.*) Вот тебе адрес. Прямо к ней и заезжай... Передашь от меня привет. Скажешь — я еще сегодня к ней загляну, если можно будет. А не удастся, так завтра... Горемычные вы создания!

Лиза подходит к красному сундучку, раскрывает его, что-то ищет и потом снова запирает.

Реб Сендер (*окончив молитву, встает из-за стола, вытирает руки фалдами своего длинного сюртука, подходит к Даниелу*). Позвольте вас приветствовать. Шолом алейхем! [1] Я слышал, вы здесь вроде хозяина.

Даниел (*надевает очки, высоко поднимает голову*). Что скажете?

Реб Сендер. Ничего. Я только хотел попросить вас присматривать за моей дочкой, понаблюдать за ней.

---

[1] Мир вам!

Даниел. Понаблюдать? Присматривать? (*Глядит попеременно то на Ревечку, то на Лизу.*) Присматривать за вашей дочкой? Да-да-да! Присматривать. Понаблюдать.

Иохевед. Она нам дороже всего на свете... Правда, она у нас не единственная, сохрани боже, но зато — старшая, а к тому же такая умница! Я вас прошу, понаблюдайте за ней!

Ревечка. За мной не надо наблюдать. Я, слава богу, сама за себя постою.

Иохевед (*дочери*). Глупая ты девочка! (*Даниелу.*) Вы сами понимаете, красивая девушка среди чужих людей...

Даниел. Да, красивая девушка среди чужих людей! (*Смотрит то на Ревечку, то на Лизу.*) Тут красота как раз не бог весть какое достоинство...

Ревечка. Мама, обо мне не беспокойся! Меня никто не похитит! Не маленькая — мне не десять лет!

Иохевед (*Рикл*). Ну, что вы скажете? Умница какая, не сглазить бы. (*Мужу*). Ну, Сендер, одевайся — нам пора ехать. (*Дочери.*) Прощай, Ривеле. Береги себя — и тебе, с божьей помощью, будет хорошо, лучше, чем дома.

Реб Сендер. Мои слова! «Все в руках божьих...» (*Даниелу.*) Прощайте, реб Даниел! Не забывайте же присматривать за ней. (*Вздыхает.*)

Даниел. Присматривать за вашей дочкой? Да-да-да! Наблюдать за вашей дочкой...

Ревечка провожает отца и мать к выходу и возвращается к прерванной работе. Сендер и Иохевед уходят. С лестницы спускается Герц.

Герц. Мадам велела запрягать лошадей и проводить Лизу с почетом. (*Берет сундучок. Даниелу.*) А вас имеют честь просить наверх. Натану Моисеевичу надо поговорить с вами о лошадаях.

Даниел. Опять о лошадях! Замучил он меня своими лошадьми! Лошадь им дороже человека! (*Уходя.*) Пропади все пропадом! (*Скрывается.*)

Герц. Ха-ха-ха! Самому паршивому псу достается самый лакомый кусок! (*Лизе.*) За меня не хотела замуж пойти, не захотела?! Гнушалась! Только потому, что слуга! Конечно, лучше с хозяином, чем со слугой. Но если все слуги станут путаться с хозяевами, а хозяева со слугами,— на что, спрашивается, станет тогда похож наш божий свет?

Р и к л (*Герцу*). И как у тебя только язык не отсохнет, зубоскал ты этакий? У человека такое горе, такое несчастье, а он языком треплет!

Л и з а (*с рыданием бросается в объятия Рикл*). Мама моя родненькая!

Р е в е ч к а (*Герцу*). Отчего она плачет?

Г е р ц. Вспомнила что-то печальное.

Р е в е ч к а (*Рикл*). Отчего она плачет?

Р и к л. Тяжело на душе — вот она и плачет.

Р е в е ч к а (*подходит к Лизе*). Что с вами? (*С участием.*) Скажите мне...

Л и з а (*ломает руки*). Ой, не приведи вас господь... узнать то, что я узнала!.. (*На мгновенье бросает взгляд на лестницу, и глаза ее наполняются слезами, она бросается в объятия Рикл, рыдая, как ребенок.*) Прощайте, мама моя родная! Вы мне были настоящей мамой!

Р и к л (*гладит Лизу по голове*). Ну, довольно, довольно плакать, дитя мое! Божья воля, божья воля!.. Счастливого пути, дитя мое. Пошли тебе господь столько счастья, сколько ты сама себе желаешь. Конечно, если бы ты меня послушалась... Ну, поезжай с богом!.. (*Слезы душат ее, она не в силах говорить и прячет лицо в передник.*)

Слышно, как подъезжает экипаж. Герц хватает красный сундучок и ставит на плечо. На глазах у него слезы, но он не показывает виду и улыбается.

Г е р ц. А сундучок, не сглазить бы, тяжелый. (*Выходит.*)

Лиза с плачем следует за ним, ломая руки, бросает прощальный взгляд на лестницу, наверх. Рикл всхлипывает, пряча лицо в передник. Ревечка, не переставая работать, вопросительно глядит на всех.

Р и к л (*про себя*). Так-то они обходятся со слугой! Слуга и собака — у них один черт... Так ей и надо — сама виновата! Слуга никогда не должен забывать, что он только слуга! (*Ревечке.*) Слышишь, девочка? Когда ты будешь там (*показывает на верхний этаж*), ни на минуту не забывай, что ты служанка и что твое место здесь!

Г е р ц (*возвращается с улицы, глаза у него покраснели*). Одним человеком меньше стало у нас. (*Рикл.*) Знаете, Рикл, меня только одно бесит: мало того что они сами нашкодят, они еще взваливают вину на других!

Р е в е ч к а. Эта девушка в чем-нибудь провинилась? Она украла что-нибудь?

Рикл и Герц разражаются громким смехом.

Р и к л (*Ревечке*). Ты еще совсем козочка, я вижу.

Г е р ц. Наивная ты девочка, честное слово! Люблю таких. (*Хочет погладить ее по щеке.*)

Р и к л (*дает ему по рукам*). Без рук! Ты не Натан Моисеевич...

Г е р ц. Твоя правда! Им (*показывает рукой наверх*) все позволено, нам — ничего.

Р и к л. Они хозяева, а мы слуги.

Г е р ц. Знаете, что я вам скажу, Рикл, душа моя? Давненько я уже инструмента в руках не держал. Пальцы совсем одеревенели, ну их ко всем чертям! Надо достать инструмент. (*Вынимает из-под кровати гитару.*) На душе тоскливо, надо хоть грусть разогнать... Что бы вы хотели послушать, Рикл? (*Настраивает гитару.*) Стоит мне заиграть — и всех насквозь проймет! (*Глядит на Ревечку, подмигивает ей.*) Я бы хотел, чтобы все хорошенькие девчонки и все красивые бабенки слушали, как я играю. Рикл, душа моя! Что бы мне спеть вам такое, чтоб вас пробрало?

Р и к л. Пусть бы тебя самого пробрало! Знаешь что? Спой еврейскую песенку, и дело с концом.

Г е р ц. Хотите еврейскую? Можно, спою еврейскую... (*Играет и напевает залихватскую песню, отбивая ногами такт и качая головой. Чем дальше, тем звучнее и веселей разливается песня. Герц входит в раж.*)

Рикл и Ревечка покатываются со смеху. Они не замечают даже, как с улицы входит Ф и ш л, муж Рикл.

Ф и ш л (*входит незаметно, тихими шагами; останавливается и несколько минут с недоумением глядит на Герца и на хохочущих Ревечку и Рикл, кашляет*). Весело тут у вас, не сглазить бы. С праздником!

Г е р ц. Взаимно. Нечего делать, ну и бренчишь на гитаре.

Ф и ш л (*сердито*). Нечего делать? Бейся головой об стенку. (*Жене.*) Не спросит даже, как дитя поживает. Ей что? Был бы этот пустозвон, тренькал бы на гитаре.

Р и к л. Смотри как разошелся! Садись, отдохни немного!

Герц подносит ему табуретку.

Ф и ш л (*бросает на Герца полный ненависти взгляд и, не желая садиться, отшвыривает табурет в сторону,*

берет другой, садится). Эй ты, шалопай, бездельник, гнилой огурец! Ты уже совсем запанибрата с моей женой?! Забавляешь ее своими песенками?!

Герц. Во-первых, я забавляю не только вашу жену — много чести для нее. А во-вторых, не мешает вам помнить: если живешь в людях, для тебя не существует больше ни жены, ни мужа, ни сестры, ни брата.

Фишл. Вот как? Чего моя левая нога хочет?!

Герц. А вы что думали? Гуляй, голытьба! Вольному — воля.

Рикл (*мужу*). Нашел кого слушать! Что ты обращаешь внимание на этого пустомелю?

Фишл (*вне себя от гнева*). Какой он дурень! Он совсем не дурень! Беспутный он человек — вот он кто! Гуляка, развратник, шут с закрученными усиками и кружит головы чужим бабам и глупым девкам.

Герц. Вот еще! Разве я виноват, если все девчонки и все бабенки вешаются мне на шею?

Рикл. Чтоб тебя на первом суку повесили, бездельник ты этакий!

Герц. Чего вы кричите? Подумаешь! Им (*показывает наверх*) можно? Чего-чего я только не нагляделся там, мама моя родная! Ничего святого! Муж, жена, мое, твое — все общее! Я сам видел, как сват обнимал нашу хозяйку вот так... Я вам сейчас покажу как. (*Хочет обнять Рикл.*)

Рикл (*отшвыривает его*). Головой об стенку.

Сверху появляется Даниел.

Даниел (*хватая Герца за шиворот.*) Вот я тебя сейчас обниму! У тебя искры из глаз посыплются. Ступай наверх, тебя зовут. Пропади все пропадом!

Герц. Сию минуту! Иду. (*Фишлу.*) Всего наилучшего. Счастливой ярмарки!

Фишл (*вслед удаляющемуся Герцу*). Катись головой вниз! Да сломай себе ногу по дороге туда или обратно!

Герц скрывается.

Даниел (*раскладывает на столе деньги, сложенные стопками; Фишлу*). Не надо обращать внимания на этого безмозглого шута. Во всей его болтовне столько же смысла, сколько в собачьем лае. (*Открывает ящик письменного стола, вынимает конторские книги.*)

Фишл. Нет, вы понимаете? Разве они нашего брата, слугу, считают человеком? Нанялся — продался! Нет

тебе ни субботы, ни праздника, ни жены, ни ребенка! Если в кои-то веки вырвешься на минутку повидаться с женой, так вот вам, извольте радоваться: застаешь этого шарлатана, который тренькает на балалайке, а они, эти глупые телки, рты разинули и не налюбуются на него.

Даниел. Глупости. (*Постукивает костяшками счетов, считает деньги.*) Глупости!

Рикл (*Даниелу*). Ну, скажите сами...

Фишл (*Даниелу*). Для вас это глупости, а мне больно и обидно. Пусть мы живем в людях, но людьми-то мы остаемся или нет? А у человека есть самолюбие. Есть амбиция. (*Бьет себя в грудь.*)

Даниел. Что еще за амбиция! (*Стучит костяшками.*) Тоже выдумал — амбиция... Слуга с амбицией! Разве у слуги может быть амбиция?

Рикл (*Даниелу*). Ну, скажите сами! Амбицию выдумал! Вот еще...

Фишл. Вот именно — амбиция! Пускай я только наемный человек, не больше, но ведь у слуги тоже живая душа! Всю неделю маешься, ходишь в упряжке, как лошадь. А если раз в неделю подвернется тебе счастье и можешь вырваться на полчасика, повидать свое дитя или жену,— натыкаешься черт знает на кого! (*Разворачивает завернутую в бумагу шаль, передает жене.*) На вот, я тебе подарок купил. Всего три рубля! Дешевка! Прямо даром!

Рикл. Ой, правда? Знаешь что, я отнесу эту шаль нашей Фейгеле. Она, бедненькая, совсем плохо одета. Встретилась я как-то с ней на рынке, неделю назад. Поболтали минутку — видно, ей тоже не очень сладко там живется... Ох-ох! Горе тому, кто и сам живет в прислугах, и родное дитя должен отдать в прислуги, вдали от родительского глаза. Подневольные мы люди! (*Снова принимается за работу.*)

Фишл. Подневольные, говоришь?.. А все же, если б тебе очень уж хотелось, ты, я думаю, могла бы видеться с нею почаще. Некогда тебе, что ли? Хлопот много? Пусть бы она к тебе приходила. Нельзя же так забывать свою родную дочь.

Рикл. Вот еще, проповеди читает! Нельзя забывать родную дочь. А если наша мадам и знать не хочет ни о каких детях! Она терпеть не может, чтобы у слуг были дети. Ты это понимаешь или нет?

Фишл. Все они терпеть не могут. Ты бы ее лучше

устроила на работу в этом же доме, здесь же, рядом с тобой...

Р и к л. Здесь? Рядом со мной? Не доведи господи! Родное дитя бросить в пасть к этим волкам! Чтобы с ней, не дай бог, случилось то же самое, что с Фанечкой или с Лизой? (*Шепчет что-то мужу не ухо, не отрываясь от работы.*)

Ф и ш л (*вскакивая*). Ах, холера на них! Околеть бы им в муках! Тридцать три холеры! Семьдесят семь смертей на их головы! (*С поднятыми кулаками направляется к лестнице.*) Чтобы она вас схватила, эта холера, и свернула, и трясла, и бросала, и угнала на тот свет всех до одного, чтобы от вас ни следа, ни пылинки не осталось! Тысяча чертей вашей...

Сверху раздается женский голос: «Даниел! Даниел!»

Д а н и е л (*становится на голову ниже, кричит наверх*). Иду! Иду! (*Взбираясь по ступенькам, ворчит.*) Вверх и вниз! Вниз и вверх! Пропади все пропадом! (*Скрывается.*)

Ф и ш л. Всюду одно и то же!.. (*Собирается уходить.*) А меня уже, наверно, ищут. Все кричат: «Фишл!» Со всех сторон: «Фишл! Фишл!» Чтоб у них глотка треснула, владыка небесный! Чтоб им так хотелось жить на свете, как мне хочется сейчас уходить отсюда! Хотя не очень-то и здесь весело. (*Вздыхает.*) Ох-хо-хо! Неужели же так и должно быть, что если ты служишь у хозяев, то ты уже отрезанный ломоть? Муж оторван от жены, мать — от детей, сестры — от братьев... Как же это мир устроен? (*Ревечке.*) Ты, видно, здесь новая горничная? Быть может, выйдешь когда-нибудь замуж? Так вот — боже тебя сохрани после свадьбы пойти в прислуги. Лучше раз в три дня черствую корку жевать, но быть самой себе хозяйкой. (*Рикл.*) А ты? Поверь, тебе не худо бы держаться немного подальше от этого музыканта, он закрутил усики вверх и думает, что сам черт ему не брат... Прощай. (*Уходит.*)

Р и к л (*с минуту глядит ему вслед, затем начинает хохотать.*) Вот я сейчас сяду реветь.

Р е в е ч к а (*вне себя от удивления*). Чего вы смеетесь?

Р и к л. А что же, плакать мне?

Р е в е ч к а. Разве он не прав, ваш муж?

Р и к л. Кто говорит, что он не прав?

Р е в е ч к а. Зачем же вы сердите его?

Р и к л. Я — его? Что я ему делаю? Разве я виновата, что мы оба — люди подневольные? Раньше, когда я была девушкой, я всегда служила, все копила и копила деньги, собирала приданое и, наконец, вышла замуж. И увидела, что мало толку: я сижу дома, как барыня, сложа ручки, а муж в людях мается. Нет, решила я, это не дело! И пошла снова в прислуги! А когда моя Фейгеле подросла, я и ее определила на место.

Р е в е ч к а. В прислуги?

Р и к л. Ну конечно! Сами мы в людях, и дети наши в людях, и внуки, и правнуки наши, верно, тоже будут в людях. Так уж, видно, нам на роду написано — вечно служить в людях.

Р е в е ч к а. На роду написано служить в людях?

Р и к л. Ну, конечно. Возьми хотя бы себя, к примеру. Вот ты теперь служанка в этом доме. Сколотишь несколько рублей и, уж верно, выйдешь замуж за слугу — за человека.

Р е в е ч к а. За кого, сказали вы?

Р и к л. За человека.

Р е в е ч к а. А за кого же и выходить замуж, как не за человека?

Р и к л (*всплеснув руками*). Ой, родненькие мои! До чего эта девчонка глупа — можно лопнуть со смеху!

С лестницы спускается Г е р ц с кучей разного платья в руках.

Г е р ц. Тот наверх, этот вниз! Вверх и вниз! Ну и получил же я нахлобучку от мадам! Даниела, положим, она тоже не пропустила. Накинулась! Сначала хозяин, потом сама... Тот вниз, этот наверх! Вверх и вниз! Вниз и вверх! (*Берется за чистку платья, сплевывая на щетку.*) Вверх и вниз! Вниз и вверх!

Р и к л. Чего это их сегодня трясет, точно в лихорадке?

Г е р ц (*продолжает чистить*). Леший их знает! Вверх и вниз! Вниз и вверх! Гостей ждут! Краковецкие скоро должны прийти — мать с дочкой. Вверх и вниз! Вниз и вверх! А Натан Моисеевич-то как вырядился! Говорят, сватается! Вверх и вниз! Вниз и вверх! (*Ревечке.*) Барышня, ты что ж, без работы осталась? Что ты сидишь, как гостья на свадьбе, душа моя? Лучше помоги мне почистить платье, кошечка моя! (*Передает ей щетку.*) Наша мадам не любит, когда служанка сидит без дела, как барыня. Служанке сидеть без дела, она говорит,

вредно для здоровья. (*Щиплет ее за щечку.*) А щечки как пампушечки!

Рикл (*шлепает его по рукам*). Брысь, шалопай! Думает, это ему Лиза.

Герц. Надо ее приучать понемногу, пока она не появилась наверху и с ней не познакомился Натан Моисеевич! Тс... Ша!.. Фанечка идет! Вот так гостья! Рикл, отворяйте ворота!

Входит Фанечка, наряженная, напудренная и накрашенная, бросается Рикл на шею.

Фанечка. Бонжур, мадам!

Рикл. Поглядите на нее! Барыня, настоящая барыня. Фанечка, что тебя так долго не было видно? Боялась показаться? Где ты теперь? Что поделываешь?

Герц. Тра-та-та-та! Сразу посыпала, как из дырявого мешка. Дайте ей дух перевести. (*Здоровается с Фанечкой за руку, предлагает ей стул.*)

Фанечка (*Герцу*). Мерси, мосье! [1] (*Делает ему реверанс.*)

Герц. Ты уже говоришь по-французски?

Фанечка. Ха-ха-ха. Иначе как по-французски я теперь и не разговариваю: «Бонжур, же ву при, кескесе, доне муа келькшоз, оревуар, д'аржан, мосье» [2]. А? Поняли? Что вы глаза выпучили? Удивлены? Ерунда! Фанечка теперь уже не та, что раньше! Атанде [3]. Шалишь, брат! Фанечка уже больше не служанка, не «человек» в чужом доме. Я — сама себе человек! Вуаля [4]. (*Хлопает себя рукой по карману.*) Ха-ха-ха! (*Ревечке.*) Чего ты глаза пялишь? Ты кто такая? Новая горничная? А Лиза где? (*Посвистывает, делая соответствующий жест рукой.*) Выставили? Ха-ха-ха! (*Ревечке.*) Мне лучше, чем всем вам тут, черт побери! У меня свой дом, четыре комнаты с кухней, пароль д'онер [5], полный сундук белья и полнехонький шкаф платья. А драгоценностей и жемчуга — келькшоз де манифик [6]. На днях только у меня украли пару брильянтовых серег. Хотите знать, кто? Мой жених. Черкес с Кавказа, с горящими глазами,

---

[1] Спасибо, милостивый государь! (*фр.*)

[2] Здравствуйте, прошу вас, что такое, дайте мне что-нибудь, до свиданья, денег, милостивый государь (*фр.*).

[3] Погодите (*фр.*).

[4] Вот (*фр.*).

[5] Честное слово (*фр.*).

[6] Нечто великолепное (*фр.*).

ха-ха-ха! Смотрите, как она глаза вытаращила. (*Указывает на Ревечку.*)

Р и к л (*Герцу*). Что-то она слишком весела.

Г е р ц. Она как будто под мухой.

Ф а н е ч к а. Сэ нэ па врэ [1]. Я непьющая. Я водки не пью. Я пью только вино! Шампанское, пароль д'онер. (*Берет папиросу, Герц подносит ей спичку.*)

Г е р ц. Вот как?! Так у тебя, Фанечка, стало быть, уже и жених есть?

Ф а н е ч к а. Па-шел! Какая я тебе Фанечка? Нет больше Фанечки! Есть Фаня Ефимовна, черт побери! Все офицеры, полковники, генералы знают только Фаню Ефимовну, и баста! За Фаню Ефимовну два студента подрались, пароль д'онер! Меня — тоже избили, видите? (*Засучивает рукав, показывает синяк на руке.*) Вот, глядите, черт вас побери. Ха-ха-ха. (*Истерически смеется.*)

Р и к л (*Берет ее за руку, усаживает рядом с собой у плиты*). Расскажи, дитя мое, где ты была все время? Отчего ты не показывалась?

Ф а н е ч к а. Что мне вам рассказывать? Я уже все рассказала, все! Но что тут, внутри, творится (*показывает рукой на сердце*), до этого никому дела нет! А там, наверху (*указывает на лестницу*), что слыхать? Лизу рассчитали, а эту (*указывает на Ревечку*) приняли? Они только и знают, что принимать да прогонять людей. Принимают и прогоняют! Всякий раз новых людей! Ха-ха-ха! Что вы носы повесили? Что вы на меня так смотрите? Я смеюсь? Мне хорошо, вот я и смеюсь! Ха-ха-ха! Чтоб им всем (*указывает на лестницу*) было так хорошо, как мне.

Г е р ц. Аминь!

Ф а н е ч к а. Хоть наполовину так хорошо!

Г е р ц. Аминь, аминь и трижды аминь!

Ф а н е ч к а. Это им я должна сказать спасибо за свою хорошую жизнь, им! Ха-ха-ха! Ни днем, ни ночью нет тебе покоя! Вечно наряжайся, вечно подкрашивайся, мажь себе лицо, вечно будь весела! А мой брат!.. Со стыда удрал отсюда... Никто не знает, где он. Есть слухи, что сидит. (*Шепотом.*) За политические дела! Раньше был такой тихоня, а теперь стал политический... С горя... Со стыда...

Пауза.

---

[1] Это неправда (*фр.*).

Ой, до чего он меня когда-то любил! Как любил! Ой, как любил! (*Истерически рыдает.*)

Ревечка (*подходит к ней, старается ее успокоить*). Чего вы плачете? Что с вами? Скажите, что с вами?

Рикл (*плачет в передник*). Пошли, господи, всем нашим врагам такую долю!

Фанечка (*Ревечке*). Уйди! Отойди от меня! Не прикасайся ко мне! Ты — чистая, невинная! Никто ко мне не прикасайся! Как бы к вам не прилипло что-нибудь от меня, ха-ха-ха! Как говорит мой жених... У меня есть жених — поэт, сочинитель, стишки пописывает, ха-ха-ха!

Герц. А женихов-то у нее сколько!

Фанечка. Сколько женихов, говоришь ты? А ты сам не сватался когда-то ко мне, мон шер ами? [1] Эй ты, рожа с усиками! Давай-ка станцуем вальс, силь ву плэ! [2] (*Хватает Герца и кружится с ним в танце.*)

На лестнице показывается мадам Голд, вслед за ней — Даниел. Мадам Голд с минуту стоит молча и пристально разглядывает танцующую пару, пока не узнает наконец Фанечку.

Мадам Голд (*в сильнейшем возбуждении*). Это что такое? У меня на кухне? Мои люди позволяют себе... с эдакой?.. Даниел? Сегодня же рассчитать всех людей. Слышишь, всех людей!

Даниел (*согнувшись в три погибели*). Всех людей, всех людей.

Фанечка (*подходит к мадам Голд*). Вышвырнуть всех людей? Вам легко принимать людей, легко и выбрасывать. Вы швыряетесь людьми, ма шер мадам [3]. Если это из-за меня, то оревуар, авэк плэзир! [4] (*Делает реверанс.*) И не забудьте передать от меня привет вашему сокровищу, вашему благородному сынку Натану Моисеевичу. Мы еще с ним встретимся, будьте уверены! А вы, мадам, не швыряйтесь так людьми, потому что слуга тоже человек, люди — тоже люди, черт вас побери.

Мадам Голд (*топая ногами*). Даниел! Что ты стоишь как истукан? Прогони их! Всех вышвырни вон! Всех людей! Всех до единого! К черту! Провались они

---

[1] Мой милый друг (*фр.*).
[2] Пожалуйста! (*фр.*)
[3] Милая мадам (*фр.*).
[4] До свидания, с удовольствием! (*фр.*)

сквозь землю, эти люди! Вы мне весь дом испакостили! Вы мне изгадили мой дом!

Даниел (*спускается с лестницы, подходит к письменному столу, вынимает из ящика деньги, бумаги, конторские книги и швыряет все это к ногам хозяйки вместе со связкой ключей*). Довольно! Хватит! Довольно я молчал, пропади все пропадом! (*Громко, обращаясь к прислуге.*) Мы ей испакостили дом! Мы, люди, изгадили ей дом! Одевайтесь! Идем! Уйдем, уйдем отсюда! Здесь нельзя нам больше оставаться. Нельзя! Кто мы здесь? Что мы для них? Ведь мы хуже самого последнего из последних! Мы — черт знает кто! Мы никто! Мы слуги! Слуги — и только! (*Вне себя от ярости, глаза налиты кровью, кричит во весь голос.*) Люди мы, люди!

Занавес.

КРУПНЫЙ ВЫИГРЫШ

Народное представление в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Шимеле Сорокер — «потомственный портной», человек средних лет, обладает голосом.
Эти-Мени — его жена, занятная женщина.
Бейлка — их дочь, красивая девушка.
Мотл Косой
Копл Фалбон } портные-подмастерья. Проворные парни.
Оскар Соломонович (реб Ошер Файн) — богач с брюшком и лысиной.
Гертруда Григорьевна (Голда) Файн — его мадам, с лицом землистого цвета.
Соломон Оскарович Файн — их сынок, красивый парень.
Колтун — приказчик Файна, уродливый парень.
Соловейчик — современный профессиональный сват, в шляпе.
Голдентолер — директор банка.
Гимелфарб — бухгалтер, человек с хорошо подвешенным языком.
Вигдорчук — бывший музыкант, человек с выдумкой.
Рубинчик — бывший парикмахер, его товарищ.
Перл — торгует мукой и в разговоре мелет, как мельница.
Мендл — бывший слуга, ныне «лакей».
Иохевед — горничная, женщина заносчивая.
Мясник Шмул-Иося — владелец бакалейной лавчонки.
Мойше-Велвл, попечители талмудторы, господа и дамы, и просто мужчины и женщины.

Место: город в России с преобладающим еврейским населением. Время — канун войны *.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Большая комната, обставленная как обычно у мастеровых. Длинный стол. На столе разбросаны ткани, большие ножницы и мелок. Углубившись в работу, сидят за столом оба подмастерья — Мотл Косой и Копл Фалбон, вздыхают. У окна — швейная машина. Две двери: одна — на улицу, другая — в кухню.

Мотл Косой. Ко всем чертям! Чего ты вздыхаешь, Копл?

Копл Фалбон. А ты чего вздыхаешь, Мотл? Тебе можно?

Мотл Косой. Бьюсь об заклад — я знаю, о чем ты вздыхаешь!

Копл Фалбон. Если знаешь, зачем спрашиваешь?

Пауза.

Мотл Косой. Копл, если ты дашь мне слово, что никому не скажешь, я тебе кое-что скажу.

Копл Фалбон (*протягивает ему руку*). Вот тебе моя рука!

Мотл Косой (*оглядывается*). Копл! До каких пор мы с тобой будем играть в прятки? К чему эта комедия? Пора нам объясниться... В конце концов, что это нам даст? Ровным счетом ничего. Мы оба любим одну и ту же девушку, да так, что места себе не находим.

Копл Фалбон. Ты имеешь в виду Бейлку? (*Застенчиво опускает глаза.*)

Мотл Косой. Умница ты, Копл! Светлая голова! А то кого же я имею в виду? Дочку раввина? Конечно, я никого иного не имею в виду, как только ее, дочь нашего хозяина, Бейлку... И тут одно из двух: либо я, либо ты... Не можем же мы оба жениться на одной девушке... Как ты думаешь, Копл?

Копл Фалбон. Конечно, не можем.

Мотл Косой. Мне бы столько счастья, сколько у тебя ума! Она, значит, выйдет за того, кого любит. Ясно?

Копл Фалбон. Как божий день!

Мотл Косой. Дай бог тебе здоровья! Ну и умен же ты, братец!.. Но что же, Копл, душечка, ты прикажешь нам делать, если она любит нас обоих одинаково?

Копл Фалбон. Действительно, что нам тогда делать?

Мотл Косой. Тогда остается один только выход.

Копл Фалбон. Какой именно, Мотл?

Мотл Косой. Мы бросим жребий. Будем тянуть узелки. Вытянул узелок,— ну и живи счастливо! Раскусил?

Копл утвердительно кивает головой.

Ну вот и хорошо! Тогда мы должны поклясться друг другу, что этот наш уговор мы будем выполнять свято! Мы будем идти рука об руку, помогать друг другу в

нужде, и оба примем все меры, чтобы Бейлка была наша... то есть моя или твоя. Согласен? Давай лапу!

Копл протягивает ему руку.

Давай морду, я хоть поцелую тебя!

Целуются крепко, звонко причмокивая.

Открывается наружная дверь. Входит Бейлка. В руках у нее сверток. Положив его на стол, она снимает шляпку, поправляет прическу, собирается сесть за машину.

Бейлка. Мотл Косой! Копл Фалбон! Что это вы уселись, как два жениха? Почему вы не разворачиваете сверток?

Подмастерья бросаются к свертку. Бейлка смеется.

Мотл Косой. Бейлка, мы хотели спросить вас об одном деле...

Копл Фалбон (*вздыхает*). Да, об одном деле.

Бейлка. Оба об одном? Или каждый о другом?

Мотл Косой. Дело как раз одно. Но оно касается каждого из нас обоих в отдельности.

Копл Фалбон. Действительно, каждого из нас обоих...

Бейлка (*закрывает уши руками*). Тра-та-та-та-та! Если вы будете тараторить одновременно...

Мотл Косой (*Коплу*). Позволь мне... Я буду говорить...

Копл Фалбон (*Мотлу*). Ладно! Говори ты, говори...

Мотл Косой. Ой, Бейлка!.. Если б вы знали... Мы уже давно собираемся...

Копл Фалбон (*вздыхает*). Еще с прошлого года...

Мотл Косой (*Коплу*). Не перебивай же! Одно из двух: или я, или ты...

Копл Фалбон (*Мотлу*). Ну, говори, говори! Кто тебе мешает?

Мотл Косой (*Бейлке*). Сначала мы хотели поговорить с вашим отцом...

Копл Фалбон. То есть с хозяином...

Мотл Косой (*сердито посмотрев на Копла*). А потом мы решили: нет, это не годится; прежде всего надо поговорить с вами...

Копл Фалбон. Ведь мы же не знаем, *кто* из нас двоих...

Мотл Косой (*Коплу*). Зачем ты срываешь у меня слова с языка?

Бейлка. Тише! Знаете что? Давайте бросать жребий, тянуть узелки. (*Вынимает носовой платок, завязывает узел.*) Тот, кто вытянет узелок, тот и будет говорить.

Мотл Косой. Ой, Бейлка, душенька, дай вам бог долго жить! Тянуть узелки?.. Мы только что так и порешили с ним...

Копл Фалбон. Но кое о чем другом...

Бейлка. О чем именно?

Копл Фалбон. О том, что мы... что вы...

Мотл Косой. Ну и наговорил! (*Передразнивает его.*) «Что мы... что вы...» Вот я...

Копл Фалбон. Ну говори ты, говори!

Мотл Косой. Мы вот на чем сошлись: так как мы все еще не знаем, *кто,* то есть кого, я хотел сказать, кого... Значит, мы бросим жребий: кто вытянет узелок... тому, то есть того... Тьфу, когда он не дает говорить!

Бейлка. Ха-ха-ха!

В наружную дверь вкатывается Эти-Мени, возвращающаяся с базара; в руках у нее — большая корзинка овощей. Подмастерья быстро берутся за работу. Бейлка подбегает к машине.

Эти-Мени. Отец еще не приходил? (*Опорожняет корзинку.*) Господи, до чего же чеснок вздорожал! Слава богу, хоть лук дешев. А поговори с моим мужем, он ничего знать не хочет. Ему подавай чеснок! А вот и он — наш кормилец!.. Легок на помине! Как говорится, если бы помянули мессию, явился бы мессия...

Входит Шимеле Сорокер. На нем — удивительно большой картуз и старый желтый репсовый длиннополый сюртук. Войдя, Шимеле сбрасывает сюртук и остается в безрукавке-телогрейке с большими карманами, заменяющей ему жилет. Правый лацкан безрукавки утыкан иголками. Из-под безрукавки выглядывает кисть его талескотна. В бороде торчит белая нитка. На шее висит длинная бумажная мерка — сантиметр. Шимеле надевает очки, ермолку, которая едва заметна на его густых волосах, берет ножницы и чертит мелком по черной ткани, лежащей на столе.

Шимеле Сорокер (*кроит и, напевая, мычит себе под нос*). Эх, наш брат — простой народ, утюг да ножницы! (*Жене.*) Что это ты тут говорила о мессии?

Эти-Мени (*принесла из кухни два горшочка, садится в сторонке, чистит картофель*). Я говорю: помянули бы мессию... Заговорили о чесноке — и ты тут как тут!

Шимеле Сорокер (*чертит мелом*). В огороде бузина, а в Киеве дядька! Может, поэтому утки ходят без обутки, а гуси — без штанов.

Бейлка и подмастерья смеются.

Эти-Мени (*обиженно*). Он стрекочет, а они гогочут. Скажи, пожалуйста, чего тут гоготать?

Шимеле Сорокер. Что из того, что ты заговорила о чесноке?

Эти-Мени. Я сказала, что на базаре чеснок уже прямо на вес золота, а ты, как на грех, любишь чеснок...

Шимеле Сорокер. Поэтому должен явиться мессия? (*Стучит по столу.*) Где мои ножницы? (*Находит ножницы.*) Вот мои ножницы! (*Режет ткань по начерченным мелком линиям, часто снимает с шеи бумажную мерку и сверяет. Работая, Шимеле затягивает песню.*)

Бейлка и подмастерья ему подпевают.

Эти-Мени (*вздыхая*). Вот-вот свалится на нас этот вымогатель, этот миленький приказчик нашего миленького домовладельца, пусть бы холера свалилась ему на голову, на руки и на ноги, а также и на хозяйского сыночка!..

Подмастерья смеются.

Шимеле Сорокер. Что ты все против хозяина? Чем он виноват, что у него квартира и мы ее снимаем?.. (*Подмастерьям, продолжающим смеяться.*) Может быть, вы возьметесь за утюги? Сейчас должен прийти сын хозяина примерять свой костюм.

Подмастерья быстро берутся за утюги.

Я ему обещал примерку на сегодня, а слово надо держать. Шимеле Сорокер — не из тех мастеровых, которые, утюг и ножницы, наш брат...

Открывается дверь, и входит Соломон Файн, гладкий, выхоленный, щегольски одетый с головы до ног. Шимеле Сорокер встречает его с улыбкой.

Легки на помине!.. Только что говорили о вас.

Соломон. Неужели? (*Поглядывая на Бейлку.*) По крайней мере, добрым словом помянули?

Эти-Мени. А как же? Неужели вас будут поминать лихом? С какой стати?

Соломон (*жене портного*). Очень рад. (*Портному.*) А что слышно, дорогой сосед, насчет моего летнего костюма?

Шимеле Сорокер. Ваш летний костюм? Дай бог, чтобы я так был обеспечен деньгами для уплаты вашему папаше за квартиру, как вы обеспечены летним костюмом.

Эти-Мени (*мужу*). Не потолковать ли тебе с ним, чтобы он потолковал с отцом, чтобы отец потолковал с миленьким приказчиком, чтобы приказчик соизволил не докучать нам насчет платы за квартиру?..

Шимеле Сорокер (*снимает с крючка летний, еще не законченный костюм. Жене*). Перестань! Он ведь кумекает... (*Примеряет Соломону белый пиджак.*) Дай мне бог такую хорошую жизнь, как хорошо на вас сидит этот костюм! Как влитой! Я всегда стараюсь, чтобы получилось... Дай мне бог такую хорошую жизнь!

Эти-Мени. Аминь!

Шимеле Сорокер (*любуется пиджаком*). Никогда в жизни не увидишь такой работы в самом большом магазине готового платья. Куда им сработать такую вещь?! Утюг и ножницы, наш брат простой народ!..

Эти-Мени. Аминь!

Шимеле Сорокер (*жене*). «Благословен он, и благословенно имя его! Аминь!» Ты где? В синагоге, прости господи? Все аминь да аминь!

Соломон. Когда же?

Шимеле Сорокер. Когда будет готово? Дай бог, чтобы у меня так скоро были готовы деньги, которые я должен уплатить вашему отцу за квартиру! А ваш управляющий докучает, жить не дает... Неплохо, если бы вы замолвили словечко вашему папаше, чтобы...

Соломон (*обрывает его*). Это не мое дело...

Шимеле Сорокер (*жене*). Он говорит, что не вмешивается в дела своего отца.

Соломон (*не сводя глаз с Бейлки, обращается к портному и его жене*). До свидания.

Шимеле Сорокер (*провожает его, кланяется*). До свидания, прощайте, передайте привет вашему папаше. Скажите ему, что он может быть совершенно спокоен,— с божьей помощью, я ему, вероятно, скоро уплачу...

Эти-Мени (*кричит вслед Соломону*). И еще с большой благодарностью!

Соломон (*опустив голову, уже в дверях*). Это меня не касается. (*Уходит.*)

Короткое неприятное молчание.
Все вернулись к своим занятиям.

Эти-Мени (*чистя картофель*). Черт бы его не взял, если бы он замолвил папаше доброе словечко за нас!

Мотл Косой (*разглаживая ткань утюгом*). Яблочко от яблони недалеко падает.

Копл Фалбон (*плюет на палец и на утюг*). Буржуйчик всегда останется буржуйчиком.

Шимеле Сорокер (*отложил в сторону ножницы. К подмастерьям*). «Буржуйчик»! Хотел бы я видеть, что бы вы, голодранцы, сказали, если бы вы сами были сыновья реб Ошера Файна. Вы были бы лучше? Что уж тут болтать впустую: «Буржуй!» Наш брат!.. (*Жене.*) А ты тоже стала заниматься критикой, Пети-Мети? (*Заглядывает в ее горшки.*) Кажется, ты занята тонкой работой — чистишь картофель. Вот и чисть! Разве ты знаешь другое блюдо, кроме картошки? (*Напевает.*) «В воскресенье картошка! В понедельник картошка! Во вторник картошка!..»

Эти-Мени. Видали? Картошка ниже его достоинства! Тогда, может быть, прикажешь жареных голубков с марципанами? (*Перестает чистить картофель. Режет картофелины на мелкие кусочки, перекладывает их из одного горшка в другой.*)

Шимеле Сорокер. А ты что думаешь? Если бог захочет, у нас еще сегодня будут жареные голубки с марципанами... Сегодня же второе мая... Сегодня как будто уже должно стать известно... (*Смотрит на стенные часы.*) Эх, еще нет десяти часов, не то я послал бы в банк спросить, сколько выиграл мой билет...

Эти-Мени. Ха-ха! *Сколько* он выиграл! Ты бы сперва узнал, выиграл ли он вообще, а потом уже: сколько?

Шимеле Сорокер (*уставясь на жену*). Вот как! Умница моя! О том, что мой билет выиграл, мне и спрашивать нечего...

Эти-Мени. Как ты об этом узнал? Тебе кто-нибудь написал?

Шимеле Сорокер (*насмешливо, с видом человека, знающего какую-то тайну*). Если бы вы знали, какой сон я видел сегодня ночью, вы бы перестали

острить... Но о чем мне с вами разговаривать? (*Расстегивает безрукавку, из внутреннего кармана вынимает большой носовой платок, в который завернута стершаяся по краям и засаленная желтая бумага.*) Вот вы услышите, что может присниться Шимеле.

Все отложили работу и приготовились слушать сон Шимеле.

Не люблю я пустых снов. Если уж Шимеле видит что-нибудь во сне, то стоит послушать! Утюг и ножницы, наш брат простой народ! (*Снимает очки.*) Значит, снится мне, что я стою за моим столом, вот, к примеру, как сейчас. Тут же мой утюг и мои ножницы, и я крою костюм из сукна «Принц Альберт», четыре рубля восемьдесят копеек аршин. Стою я вот так, задумавшись, с ножницами в руках, поднимаю глаза и смотрю просто так — и что я вижу? Посреди комнаты — дерево.

Бейлка. Посреди комнаты — дерево?!

Шимеле Сорокер. И на дереве растут червонцы...

Бейлка. На дереве — червонцы?!

Шимеле Сорокер (*Бейлке*). Золотые червонцы. И я говорю маме: «Эти-Мени, говорю, ты видишь червонцы?» — «Вижу»,— она говорит... «Что же ты молчишь?» — «А что я должна делать?» — «Как что? — я говорю.— Полезай, будь любезна, на дерево и встряхни его, а я буду собирать».— «Но почему я? Полезай сам!» — «А чего ты боишься? Отвалится от тебя что-нибудь?» А она говорит: «Пусть у моих врагов отваливаются целые куски!»

Эти-Мени. Неправда! Я этого не говорила!

Шимеле Сорокер (*жене*). Ну и ослиная же голова у тебя! Ведь это было во сне... (*Дочке.*) Вот тебе квитанция... Когда закончишь работу на машине, будь любезна, пойди в банк — ты знаешь куда?

Бейлка (*за работой*). В Частно-коммерческий?

Шимеле Сорокер. В Частно-коммерческий... Ты им покажешь квитанцию и помни: покажешь, но в руки не отдашь... и спросишь: сколько я выиграл?

Эти-Мени (*продолжая работать*). Опять — сколько? Комедия с ним!

Шимеле Сорокер (*возмущен*). Видали, кто разбирается в комедиях?! Мне снится сон, а она мне байки рассказывает,— комедия!.. Она думает, я встал утром и ни с того ни с сего сам себя уговорил, что

у меня на носу вырос арбуз... А я хоть и портной, но на крупный выигрыш у меня ума хватит не хуже, чем у любого богача! Это надо уметь — двадцать с лишним лет хранить выигрышный билет, нуждаться в копейке, хоть ложись и помирай, а билета не продать,— дудки! Так умеет только Шимеле Сорокер, наш брат простой народ, утюг и ножницы!.. (*Принимается гладить и, напевая какую-то мелодию, мычит под нос.*)

Молодежь подхватывает эту мелодию.

(*После паузы. Дочке.*) Кончила? Тогда иди, дочка. (*Осторожно передает ей квитанцию.*) И помни, не приведи господь потерять квитанцию! Это деньги! И большие деньги!..

Бейлка уходит.

Эти-Мени. Шимен! Сколько это денег?

Шимеле Сорокер. Что — это?

Эти-Мени. Ну, этот самый большой выигрыш, о котором ты говоришь.

Шимеле Сорокер (*уставясь на нее*). Разве ты поймешь, если я тебе скажу? Это — два раза по сто тысяч.

Эти-Мени (*испуганно*). Два раза по тысяче сто?!

Шимеле Сорокер. Да не два раза по тысяче сто, а два раза по сто тысяч. Ох эти женщины! Ох эти женщины! Вот кого надо было бы описывать в книгах! Комедия мне с ней!

Эти-Мени. Вот как? Со мной уже комедия?

Шимеле Сорокер. А то с кем же? Со мной?

Входит приказчик Колтун, смуглый, сутуловатый молодой человек. Он одет с головы до ног во все новое, но все сидит на нем мешком. Говорит всегда улыбаясь, часто хватаясь за свои непомерно длинные рукава и подтягивая их вверх. Говорит быстро, глотает слова, не прожевывая их, и немного сюсюкает. Его лысина прикрыта несколькими оставшимися длинными черными жирными волосами. Лицо всегда потное.

(*Обращается к вошедшему.*) О! Легки на помине! Только что говорили о вас.

Колтун. Добрым словом помянули, хе-хе? (*Оглядывается кругом.*)

Эти-Мени. А как же? Неужели мы будем вас поминать лихом?

Шимеле Сорокер (*указывая на стул*). Садитесь, пан Колтун.

К о л т у н. Спасибо. Я не сидеть пришел, хе-хе... Я пришел по делу... (*Оглядывается, ищет кого-то.*) Наверное, вы уже сами знаете, зачем я пришел...

Э т и - М е н и (*следит за Колтуном, который все ищет кого-то*). Лучше бы мы не знали... Кого вы ищете, хотела бы я знать? Вчерашний день?

К о л т у н (*делает вид, что не расслышал*). Сегодня уже — второе мая, хе-хе.

Ш и м е л е С о р о к е р (*вдел нитку в иголку и лизнул палец*). Знаю, что сегодня второе мая. У меня хорошая примета. Ведь вчера был тираж. (*Смотрит на часы.*)

К о л т у н. Какой тираж? (*Закуривает толстую сигару.*)

Ш и м е л е С о р о к е р (*закашлялся от сигарного дыма*). Сколько вы платите за ваши головешки, пан Колтун?

К о л т у н. Во-первых, не называйте меня «пан Колтун», хе-хе. Называйте меня моим настоящим именем: «Ефим Пантелеймонович». Теперь меня все так называют.

Ш и м е л е С о р о к е р. Не обижайтесь, Ефим Панталонович...

К о л т у н. Не Панталонович, а Пан-те-лей-мо-нович!

Ш и м е л е С о р о к е р. Пусть будет Пантелемович... Вы верите в сны? Нет?

К о л т у н. Почему нет? Вот мне недавно снилось, что мне удаляют коренной зуб. И что вы думаете? Оказалось, что у меня умерла сестра еще до того, как это мне приснилось. Но к чему я все это рассказываю? (*Оглядывается.*) А где ваша дочь? Почему ее не видать?

Подмастерья переглядываются.

Ш и м е л е С о р о к е р. Моя Бейлка? Она скоро придет. (*Вздыхает.*) Эх, если бог захочет, я еще сегодня стану богачом и набью деньгами вот такой короб! (*Показывает руками.*) Наш брат!..

К о л т у н. Это было бы очень умно и, хе-хе, очень-очень хорошо!

Ш и м е л е С о р о к е р (*всматривается в него*). Почему это было бы так уж очень-то хорошо?

К о л т у н. Потому что тогда вам не приходилось бы, хе-хе, откладывать уплату за квартиру с одной

недели на другую, с одного месяца на другой... Но откуда, скажите, пожалуйста, к вам привалит такое богатство? У вас — что? Богатый дядя умер в Америке?

Шимеле Сорокер (*оставляет работу*). Нет! Мой дядя в Америке еще жив и пусть себе живет до ста двадцати лет! (*Смотрит на стенные часы.*) Еще полчаса, и мы будем знать... Понимаете ли, у меня есть выигрышный билет.

Колтун (*поражен*). Вы имеете выигрышные билеты, а когда надо платить за квартиру...

Эти-Мени. «Билеты»?! Подумаешь! Один-единственный билет, и тот лежит в банке — заложен-перезаложен, еще со времен Мафусала... Врагам бы моим иметь столько денег, сколько уже осталось в этом билете!

Шимеле Сорокер. И все-таки такой билет может выиграть самый главный выигрыш... Никто не знает, чем его встретит завтрашний день.

Колтун (*встал*). Если вы думаете этим заплатить мне за квартиру, ошибаетесь, мой милый портной. Выигрышные билеты не выигрывают. Чепуха! Это банки и банкирские конторы выдумали. Видите этот потолок? Скорее он на вас упадет, чем...

Эти-Мени. Как говорится, собака лает, ветер носит! Пусть гром поразит моих врагов! Видали вы такое?!

Колтун. Баба! Я же это говорил только иносказательно. Ведь мои хозяева имеют, я думаю, немного больше выигрышных билетов, чем вы, но еще ни один не выиграл. Забудьте про эти билеты и постарайтесь заплатить за квартиру, потому что я вам должен сказать, хотя мне это очень неприятно, что... (*смотрит на часы*) через полчаса я приду к вам с судебным приставом и выброшу вас отсюда...

Эти слова производят впечатление грома. Все повскакали с места, но тотчас замерли. Никто не в состоянии произнести ни слова, кроме одной Эти-Мени.

Эти-Мени (*подходит к Колтуну*). Выбросить?! С приставом?! Как это — выбросить?! Да еще с приставом? Думаете, вам все сойдет? Шимен, ты молчишь?! Я сама найду дорогу к хозяевам — к Файнерам. Я их спрошу: справедливо ли выбрасывать людей, которые несколько лет живут в доме? Я их...

Колтун (*положив руки в карманы*). Прошу про-

щения, моя милая, к Файнерам, как вы их называете, все это не имеет никакого отношения. Все полностью поручено мне. Это я подал на вас в суд, это я приведу к вам судебного пристава, и это я выброшу вас из квартиры, если вы не уплатите мне хотя бы за три месяца.

Шимеле Сорокер. Вот как? Это все вы? Если так, то провалитесь вы сквозь землю! Утюг и ножницы, наш брат простой народ!.. (*Хватает Колтуна за шиворот и выбрасывает на улицу.*)

За дверью — сильный удар. Шум, голоса. Через полминуты вбегает Шмул-Иося, могучего сложения мужчина, на нем передник мясника. Следом за ним появляются владелец бакалейной лавочки Мойше-Велвл и хозяйка мучной лавчонки Перл, вся с головы до ног запорошенная мукой.

Шмул-Иося. Кто это вышвырнул отсюда этого шута? Он всех нас чуть не сбил с ног... К счастью, я его хорошенько толкнул. Теперь он уж недосчитывает нескольких зубов.

Шимеле Сорокер. Это я его выставил! Садитесь, реб Шмул-Иося... Садитесь, реб Мойше-Велвл. Что слышно на свете?

Шмул-Иося. Большое спасибо, но сидеть нам некогда. Мы пришли за деньгами. Вы не забудьте, мой милый, я вам всегда отпускал мясо, а не кости...

Мойше-Велвл. А я отпускал вам бакалею...

Эти-Мени. Присаживайтесь, Перл, почему вы не сядете?

Перл. Спасибо, я уже насиделась сегодня! (*Садится и мелет, как мельница.*) Вы думаете, я бы пришла к вам? Разве я имею время оставить лавчонку и муку и ходить за старыми долгами и за всякими пустяками? Мне не на кого оставить лавчонку, даже если черт беду принесет, потому что сын мой все время корпит над книжками: днем и ночью книжки и книжки, а дочь сидит дома... Я говорю — дома! Но разве это дом? Какой же это дом? С позволения сказать, развалины, а не дом! Да! Так вот я вижу: идет Мойше-Велвл, бакалейщик Мойше-Велвл. «Доброе утро, добрый день! Куда вас несет?» Он мне отвечает: «К портному, к Шимеле Сорокеру за деньгами».— «У Шимеле завелись деньги?» — я спрашиваю. А он говорит: «Да»...

Эти-Мени (*бакалейщику*). Что это значит?

Мойше-Велвл (*хочет начать рассказывать*). Тут такое дело: Соловейчик мне сказал...

Перл (*не дает ему говорить, мелет*). Раз так, я подумала, раз у Шимеле есть деньги, надо пойти, потому что мне с него причитается не за меха и не за брильянты... Мне причитается за муку, а мука — это самое необходимое из всего самого необходимого! Вот тут лежит хлеб... (*Заметив на полке половину буханки, она встает, берет в руки и все мелет и мелет.*) Из моей муки испечен этот хлеб!.. Мука — это мое добро, моя кровь, моя жизнь! Что я еще имею, кроме горстки муки? И если каждый и всякий будет приходить ко мне и брать муку в долг, что же мне останется? Где я возьму деньги, чтобы уплатить на мельнице? Где? Кто будет содержать моих детей? Кто?..

Эти-Мени. Погодите! Дайте еще кому-нибудь сказать хоть одно слово! (*Мойше-Велвлу.*) Что вы сказали про Соловейчика?

Мойше-Велвл. Соловейчик мне сказал, что он имеет для вас деньги.

Шимеле Сорокер (*жене*). Что это еще за напасть?.. Наш брат!..

Эти-Мени. Мои несчастья на его голову!

Перл. Значит, все-таки я не сумасшедшая!

Входит Соловейчик. Он в шляпе, хоть и изрядно поношенной. На нем коротенькое пальтишко, тоже не особенно новое, широкие, но короткие брюки и стоптанные ботинки.

Шимеле Сорокер. Честь и место! Вы легки на помине! Только что, ну, вот действительно сию секунду про вас говорили!

Соловейчик. Неужели?!

Эти-Мени. Скажите-ка, пане Соловейчик, к чему мне ваше «неужели»? Что это вы распустили по городу слух, будто у вас есть деньги для нас?

Соловейчик. Вот столько денег! (*Показывает руками.*) Вы даже не можете себе представить... Это — нечто особенное!

Шимеле Сорокер. Вероятно, он нашел жениха для нашей дочери. Я знаю Соловейчика как облупленного!..

Подмастерья переглядываются, берутся за утюги и тяжко вздыхают.

Соловейчик. Что за вопрос? И не какой-нибудь жених, а нечто замечательное! Клянусь вам жизнью! Я вам говорю сущую правду! Я вам расскажу, *кто* он,

и, если вам не очень жарко, вы поразмыслите и, конечно, ухватитесь за него обеими руками! Но вот что никуда не годится: здесь чересчур много народу. (*К посетителям.*) Извините, господа!

Мясник и бакалейщик отходят в сторону. Перл продолжает сидеть на своем месте. Соловейчик подходит к ней.

Извините, мадам!

Перл. Что мне «извините»? Что мне «мадам»? Вы говорите, что принесли портному деньги. Где они, эти деньги? Мне тут должны за муку, а не за брильянты! Этот хлеб, который вы здесь видите, испечен из моей муки. Мука — это мое добро, моя кровь, моя жизнь!..

Соловейчик (*отталкивает Перл, которая не умолкает*). Напасть какая-то, а не лавочница! Возмутительно! (*Хозяину.*) Жених, которого я предлагаю вашей дочери, человек самостоятельный... Должность у него замечательная! Он полновластный управляющий домом. Одним словом, вы его очень хорошо знаете. Управляющий этим самым домом — Колтун!

У подмастерьев утюги падают из рук. Общее смятение.

Шимеле Сорокер (*даже подскочил*). Этот Ефим Панталонович? Этот паршивец, которого я только что вышвырнул за дверь? Утюг и ножницы, наш брат простой народ!!

Входит Бейлка.

Бейлка (*раскрасневшись, еле говорит*). Отец! Хорошая весть!

Шимеле Сорокер (*кинулся к дочке*). А? Что? Сколько?

Бейлка. Большой выигрыш! Самый крупный выигрыш!

Шимеле Сорокер (*все еще растерянный*). Эти-Мени! Ты слышишь?

Эти-Мени (*всплеснув руками*). Боже!

Перл. Что там еще? Новое несчастье? Ой, горе мне, горе!

Шимеле Сорокер (*вне себя от радости*). Люди! Поздравьте меня: мой билет выиграл! Выиграл!! Большой выигрыш!!! Самый крупный выигрыш!!! (*Бегает по комнате.*)

Перл. Пустите меня! Пустите! Где?

Соловейчик (*отталкивая Перл*). Извините, мадам... (*Хочет что-то сказать.*)

Все остальные, ошеломленные, переглядываются молча. Мотл Косой и Копл Фалбон забились в уголок, стоят глубоко опечаленные, онемевшие.

Бейлка (*все еще в шляпе, радостно возбужденная*). Весь город уже знает об этом... Директор банка, бухгалтер, Файны... Сейчас они все придут сюда...

Эти-Мени (*всплеснув руками*). Все сюда?! Ой, горе мне!.. (*В большом смятении садится на стул, вытирает передником пот с лица.*)

Открывается дверь. Входит бухгалтер банка Гимелфарб. Следом за ним входит директор банка Голдентолер.

Гимелфарб. Где здесь портной?

Шимеле Сорокер (*гордо выступив вперед*). Портной — это я.

Гимелфарб (*оглядывает ошеломленных людей, находящихся в комнате. Портному*). Вы уже знаете? На ваш билет, который заложен в нашем банке, пал большой выигрыш. Наш банк — Частно-коммерческий,— самый счастливый банк в мире. Уже в четвертый раз в нашем банке люди выигрывают. Каждый, кто покупает билеты у нас, имеет шанс выиграть. Если вы мне не верите — вот стоит директор нашего банка, сам господин Голдентолер...

Голдентолер (*оглядывая всех, говорит Шимеле*). Это вы — тот... тот... Сорокер? Вы уже знаете? (*Пожимает ему руку.*) Мазлтов! Поздравляю вас!

Перл (*банкиру, затем всем остальным*). Скажите, я умоляю вас: что тут случилось? Почему поздравления? У кого-то родился ребенок? Кто-то обвенчался? Помолвка? Или что?

Соловейчик (*отталкивает Перл*). Извините, мадам! (*Пожимает руку портному.*) Поздравляю! (*Обнимает его и целует.*)

Колтун (*вбегает ни жив ни мертв*). А? Что? Так это — правда? А что я сказал? Ну, надо было вам так волноваться?! Вы можете тут жить и жить... Вот и сам хозяин тоже здесь...

Входит Ошер Файн. Колтун почтительно отступает, не осмеливаясь больше говорить.

Ошер Файн (*подает руку только директору, что-то говорит ему и издали обращается к портному*).

Мазлтов! Поздравляю вас, господин Сорокер! Я очень доволен, очень доволен, что в моем доме вам привалило такое счастье...

Входит Соломон.

(*Обращается к сыну.*) Ты слышишь? Оказывается, это правда!..

Соломон. Сколько? Двести тысяч? (*Глаза у него заблестели. Издали обращается к портному, ища глазами дочь портного.*) Поздравляю! Поздравляю! (*Бейлке, галантно расшаркиваясь.*) Особенно я счастлив за вас. Очень рад, очень счастлив, мадемуазель Сорокин...

Бейлка (*все еще раскрасневшаяся. С улыбкой*). Во-первых, не Сорокин, а Сорокер. А во-вторых, почему *вы* в таком восторге?

Соломон. Потому что, понимаете ли... (*Хочет что-то сказать, но, оглянувшись, замечает, что подмастерья уставились на него.*)

Подмастерья уходят в сторону и тихо говорят между собою.

Мотл Косой. Ну, Копл, что ты теперь скажешь?

Копл Фалбон. А что я могу сказать? Суждено было человеку сразу стать бур... бур... буржуем, миллионщиком!

Мотл Косой. За них я рад всей душою. Но что теперь будет с *нами?*

Копл Фалбон. А как бы ты хотел, чтобы с нами было?

Мотл Косой (*недолго смотрит на него в упор*). Ты же просто осел!

Ошер Файн (*портному*). Может быть, вам нужны деньги? (*Берется за карман.*)

Гимелфарб (*подскочил*). Деньги? Нет!.. Позвольте! Деньги — у нас в банке. (*Портному.*) Мы открыли вам счет, контокоррент — текущий счет!.. (*Смотрит на директора.*)

Остальные говорят все вместе.

Шмул-Иося. Так сколько же прислать вам мяса?

Мойше-Велвл. Недаром говорят: если бог даст крупицу — люди добавят сторицей!

Перл (*услышав, что говорят о деньгах, пробилась к Ошеру Файну, затем — к директору*). Вот как?! Уже

деньги платят? Я должна получить раньше всех. Я вдова, и мне следует за муку, а мука — это самое необходимое из самого необходимого. (*Считает по пальцам.*) Рубль двадцать за пшеничную муку и шестьдесят пять копеек за ржаную муку — раз, и еще раз шестьдесят пять, и опять шестьдесят пять...

Соловейчик (*оттаскивает ее в сторону*). Извините, мадам! (*Заметил Соломона рядом с Бейлкой. Портному.*) Послушайте, у меня есть для вас идея, совсем новенькая идея! Это нечто особенное, клянусь вам жизнью.

Шимеле Сорокер (*как обезумевший снует между всеми и кричит, покрывая все голоса*). Вы только подождите немного! Я вам... я вам всем покажу, кто такой Шимеле Сорокер, на что Шимеле Сорокер способен и что такое наш брат — утюг и ножницы, простой народ! (*Жене.*) Ну, Эти-Мени, как тебе нравится мой сон?..

Эти-Мени. А как же? Разве ты какой-нибудь мальчишка?

Шимеле Сорокер (*снимает очки*). Милые вы мои!.. (*Обняв Бейлку, целует ее. Зарыдал.*)

Медленно падает занавес.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Большая комната. Как будто кабинет, но скорее похоже на мебельный магазин. Здесь можно увидеть любую мебель всех существующих на белом свете сортов. Все новое, и все блестит. Все, что носит хозяин дома, Шимеле Сорокер, ново и элегантно: шелковый халат, только что принесенный из мастерской, и пестрый бархатный жилет с золотыми пуговицами. Все новое, все отглажено. Сорочка сияет белизной. Бородка коротко подстрижена. Он — в золотых очках, без головного убора. С трудом можно в нем узнать прежнего портного. Его жена Эти-Мени вся в шелку и бархате, отделанном самыми лучшими кружевами. На шее — нитка жемчуга. В ушах — серьги с крупными брильянтами. На восьми пальцах сверкают кольца. У него в руках книга. Раскачиваясь, он читает ее, видимо, с большим интересом. Она сидит, занятая только тем, что любуется своими драгоценными украшениями.

Эти-Мени (*мужу, нараспев*). Шимен! Шимен?

Он не откликается.

(*Она повторяет с тою же интонацией, но чуть громче.*) Шимен! Шимен?

Шимеле Сорокер (*оторвавшись от книги, передразнивает*). «Шимен! Шимен!» Семен Макарович, а не Шимен!

Эти-Мени. Семен Макарович! Который теперь час на твоих золотых часах?

Шимеле Сорокер (*вынимает из кармана золотые часы*). Без четверти одиннадцать! А что?..

Эти-Мени. Ничего... просто так... Три недели тому назад в этот самый час мы еще не знали, что на наш билет выпал самый большой выигрыш. (*Хрустит пальцами, любуется своими драгоценными кольцами.*)

Пауза.

Шимен! Шимен?

Шимеле Сорокер (*поворачивает к ней голову*). Опять «Шимен»? Кошачьи твои мозги! Сколько раз в день должен я вдалбливать тебе в голову: Семен Макарович! Семен Макарович! Семен Макарович!!

Эти-Мени. Не обижайся, пожалуйста! Семен Макарович, что ты там делаешь?

Шимеле Сорокер. Ты же видишь, что я делаю: я читаю. (*Не может оторваться от книги.*)

Эти-Мени. Я вижу, что ты читаешь... Я хочу знать: что́ ты читаешь?

Шимеле Сорокер. А если я тебе скажу, ты разве поймешь?.. Я читаю одну историю.

Эти-Мени. Какую историю ты читаешь?

Шимеле Сорокер. Ну, не историю, а, так сказать, описание, ну, ну... критику я читаю... Да отвяжись ты! (*Раскачивается и продолжает читать.*)

Эти-Мени. Ты что, встал с левой ноги?

Пауза.

Ты, вероятно, потому так сердишься, что читаешь и сам не знаешь, что читаешь...

Шимеле Сорокер (*все еще раскачиваясь*). А вот представь себе — знаю! Я читаю критику, ну — сочинение одного насмешника, который издевается над всем миром. И его зовут Шолом-Алейхем.

Эти-Мени. Алейхем шолом! Если нечего делать, можно и такой работой заняться... А чем ему не угодил весь мир?

Шимеле Сорокер. Не то что весь мир. Понимаешь, он описывает, как один бедный портной, бедняк из бедняков, вдруг высоко взлетел, стал богачом...

Эти-Мени. А какое ему дело?! Ну, и что дальше?

Шимеле Сорокер. И больше ничего. Насмехается он и над портным, и над его женой... Ну и пройдоха! Настоящий наш брат простой народ!..

Эти-Мени. Все мои горести на его голову!.. Чем ему не угодила жена портного?

Шимеле Сорокер. Он разделывает под орех и мужа и жену, но жену он просто в порошок растирает, черт бы его побрал!..

Эти-Мени. Все болячки на его голову! Тьфу! Я бы в руки не взяла такой дряни!.. Что это вообще ты себе нашел за работу? Человек ни с того ни с сего читает книжку и смеется!..

Шимеле Сорокер. А что мне делать? Я чуть с ума не схожу от безделья!.. Если бы я имел хоть какую-нибудь работенку!.. Я же привык работать, наш брат простой народ!..

Эти-Мени. Достаточно ты наработался. Пусть теперь твои враги работают вместо тебя!..

Пауза.

Шимен... Тьфу, я же хотела сказать: Семен Макарович, куда мы пойдем сегодня вечером?

Шимеле Сорокер. Может быть, ты хочешь пойти в театр?

Эти-Мени. Да ну театр! (*Зевает.*) Скучно! Я ни одного слова не понимаю! Если бы хоть играли по-еврейски! Лучше в «иллюзион».

Шимеле Сорокер. В кинематограф, ты хочешь сказать? Погоди, я закончу дело с этой кинокомпанией, тогда мы будем ходить в кинематограф каждый вечер и без копейки денег.

Эти-Мени (*вкрадчиво*). Ты не обидишься? Нет? Я тебе кое-что скажу.

Шимеле Сорокер. Я обижусь? Я часто обижаюсь? Если что-нибудь толковое, почему не сказать?

Эти-Мени. Не нравится мне твоя компания с этими двумя жуликами, с которыми ты спутался...

Шимеле Сорокер. Почему ты называешь их жуликами, разве ты их знаешь?

Эти-Мени. Я их не знаю... Поэтому я и боюсь, чтобы они тебя не обманули...

Шимеле Сорокер. Обмануть? Меня? Дудки! Меня не проведешь! Я подписываю с ними хороший контракт. Они у меня будут здорово подвинчены. Два-

дцать два пункта! Наш брат простой народ! Утюг и ножницы!

Эти-Мени. Двадцать два пункта!.. А по двадцать тре́тьему они у тебя деньги заберут как миленькие.

Шимеле Сорокер (*рассердился*). Типун тебе на язык! Ослиная твоя голова! Ты подумай прежде, чем говорить! Разве ты понимаешь, что говоришь?

Эти-Мени. В том-то и беда, что с тобой и поговорить нельзя — чуть что, ты уже начинаешь петушиться.

Шимеле Сорокер (*стучит по столу*). Не выводи меня из терпения! (*Встает, шагает по комнате взад и вперед.*) Ты забываешь, с кем ты разговариваешь! Тебе все еще кажется, что ты разговариваешь с портным Шимеле... Ты забываешь, что я уже теперь не наш брат, не утюг и ножницы! Я теперь *Семен Макарович Сорокер,* один из самых крупных богачей в городе, если не самый крупный богач! (*Ходит по комнате и постепенно успокаивается.*) Поди послушай, что про меня говорят... А какие люди у меня бывают!.. А какие дела мне предлагают!

Эти-Мени. Для меня ты остался таким же, каким был.

Шимеле Сорокер. В том-то и несчастье!.. Не мешало бы тебе немножко больше меня уважать...

Эти-Мени. Вот сейчас я сниму перед тобой шапку...

Шимеле Сорокер (*махнув рукой*). Э, да что с тобой говорить!

Пауза.

Где Бейлка, то есть Изабеллочка?

Эти-Мени. Зачем тебе Бейлка, то есть Изабеллочка?

Шимеле Сорокер. Я хочу, чтобы она мне вслух прочитала почту.

Эти-Мени. Опять почта? Ты уже опять получил почту?

Шимеле Сорокер. И еще какую! (*Показывает на гору нераспечатанных писем на столе.*)

Эти-Мени. Подумаешь, какие нужные письма! Наверное, от еврея, которого выселили из деревни с женой и детьми; от вдовы, муж которой из-за нее же повесился, или от девицы, которой приспичило выйти замуж, но нет приданого...

Шимеле Сорокер. А что ты думаешь? Разве ее не жалко, эту девицу?

Эти-Мени. Получается, что ты должен обеспечить весь мир?

Шимеле Сорокер. Насколько я в состоянии.

Эти-Мени. Разве для этого тебе бог дал крупный выигрыш?

Шимеле Сорокер. А для чего же еще? Для того, чтобы мы ели каждый день бульон с кашей?

Эти-Мени. Надолго ли тебе хватит твоего выигрыша?

Шимеле Сорокер (*очень мягко*). Глупенькая, дело с кинокомпанией даст нам столько, что хватит на все. Весь город мне завидует. Считают, что тут пахнет полумиллионом... Но что ты понимаешь в миллионах?

Эти-Мени. Хорошо тебе, что ты понимаешь. Ты ведь вырос на миллионах!

Шимеле Сорокер. Однако... Ты же видишь... (*Сел на свое прежнее место, покачивается, заглядывает в ту же книгу. После небольшой паузы говорит тихо.*) Эти-Мени! (*Через полминуты повторяет громче.*) Эти-Мени!

Эти-Мени. Какая я тебе Эти-Мени? Его должны звать Семен Макарович, а меня (*передразнивает*) «Эти-Мени! Эти-Мени!».

Шимеле Сорокер (*смущенно*). Что правда, то правда... Не обижайся, пожалуйста, я забыл, что теперь уже тебя зовут Эрнестина Ефимовна.

Эти-Мени. Ты же про меня говоришь, что у меня кошачьи мозги.

Шимеле Сорокер. Ты права. Прости, пожалуйста!.. Знаешь, что я у тебя попрошу, Эрнестина Ефимовна?

Эти-Мени. Ну, что ты у меня попросишь, Семен Макарович?

Шимеле Сорокер (*жалобно*). Немножко варенья...

Эти-Мени. Вдруг, ни с того ни с сего варенье?.. (*Громко кричит.*) Девка! Девка!

Открывается боковая дверь, и входит девка (Иохевед).

Иохевед (*принимает надменную позу*). Вы меня звали?

Эти-Мени. А то кого же? Раввина?

Иохевед. Разве у меня нет другого имени, кроме как «девка»?

Эти-Мени. А что тебе так обидно, если называют девкой? Разве так уж плохо быть девкой?.. (*Дает ей ключи.*) На, пойди возьми блюдце и принеси хозяину варенья из открытой банки, которая прикрыта блюдцем и обвязана платком.

Иохевед (*берет ключи*). Сколько принести?

Эти-Мени. Ты же говоришь, что служила в богатых домах. Значит, сама должна знать, сколько варенья ест богач.

Иохевед. Богачи бывают разные. Бывает богач, который ест чуть-чуть — на кончике ножа, как птичка какая-нибудь... А бывают, простите за выражение, богачи — свиньи, которым все мало, сколько бы они ни ели...

Эти-Мени. Чтоб тебя ели черви! Что за язык у этой девки!

Иохевед (*уходит с ключами в руках, останавливается. Хозяйке*). Меня зовут Иохевед.

Эти-Мени (*мужу*). Прислуга — и такая дерзость! (*Громко кричит.*) Мендл! Мендл!

Входит Мендл. Он во фраке, при белом галстуке на высоком воротнике. Вокруг его губ обильная, густая черная растительность. Голова слегка наклонена. Руки болтаются как плети.

Мендл (*облизывая губы*). Вы меня звали?

Эти-Мени. А то кого же? Раввиншу? Пойди-ка посмотри за этой девкой. Я ее послала за вареньем, как бы она там не набросилась на варенье, как кошка на сметану...

Мендл (*идет к двери, возвращается и говорит хозяину*). Хозяин! Эти пустозвоны уже ждут там, в передней.

Шимеле Сорокер. Какие пустозвоны?

Мендл. Те двое... из театра...

Шимеле Сорокер (*отложив книгу*). А, Вигдорчук и Рубинчик? Мои компаньоны по кинокомпании? Почему они не идут сюда?

Мендл (*на его толстых губах показывается улыбка*). Потому что я их не пускаю.

Шимеле Сорокер (*удивленно*). Как это ты их не пускаешь?

Мендл (*очень серьезно*). У богачей так заведено. Если приходит человек бедно одетый, ему дают по шее

и выбрасывают вон. Если он одет прилично, надо доложить хозяину. И если хозяин прикажет впустить, тогда его впускают.

Шимеле Сорокер (*пораженный, жене*). Эрнестина Ефимовна! Что ты на это скажешь? А? Наш брат!..

Эти-Мени (*мужу*). Чепуха! Ни с того ни с сего ты здесь завел разговор с каким-то слугой, а за это время девка сожрет там все варенье! (*Слуге.*) Иди и делай, что тебе приказывают!

Мендл (*направляется к двери, останавливается. Хозяину*). А им я что должен сказать?

Шимеле Сорокер. Кому?

Мендл. Этим пустозвонам.

Шимеле Сорокер. Ничего не говори. Пришли их сюда!

Мендл уходит. У порога встречается с Иохевед. Погружает палец в варенье и облизывает. Иохевед ударяет его по руке. Подав варенье хозяину, она направляется к двери, но останавливается.

Иохевед (*хозяйке*). Больше ничего?

Эти-Мени. Чего бы ты еще хотела?

Иохевед (*после паузы*). Если я вам опять понадоблюсь, то знайте: меня зовут Иохевед! (*Уходит.*)

Эти-Мени (*мужу*). Это еще что такое? Наказание божие, а не девка!..

Открывается дверь. Мендл впускает Вигдорчука и Рубинчика и исчезает. Оба посетителя очень нарядно одеты. Лица бритые, как у актеров. У каждого в руках цилиндр. Руки в перчатках. Роскошные галстуки.

Шимеле Сорокер (*весьма учтиво принимает вошедших*). Милости просим! Вы принесли договор? Его уже переписали? (*Жене.*) Эрнестина Ефимовна! Прикажи принести еще варенья, а заодно уже и вишневой наливки.

Эти-Мени встает и неохотно уходит за вишневкой и закуской.

(*Обращаясь к молодым людям.*) Дайте договор, мы его просмотрим.

Вигдорчук вынимает из кармана бумагу.

Собственно говоря, его просмотрит моя дочь. Не про вас будь сказано, в грамоте я хромаю. Но бог наградил меня дочкой, хорошей дочкой! Вы ее знаете — она у

меня и бухгалтер,— самый настоящий! — и приказчик, и письмоводитель, и все что угодно... Читает, пишет, считает и все мигом. (*Подносит им серебряный портсигар.*) Пане Рубинчик! Пане Вигдорчук! А ну-ка попробуйте эти папиросы... Это уж всем папиросам папиросы! Вот это уж наш брат!

Молодые люди встают и берут по папиросе.

Да, на чем, значит, мы остановились?.. Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос, мой милый Вигдорчук и мой дорогой Рубинчик: как это вы оба, молодые люди,— простите, что я говорю так откровенно и запросто,— как это вы добрались до такого золотого дела, как это предприятие с фильмами?

Вигдорчук. О, это целая история...

Рубинчик. Но ее можно рассказать в трех словах. Мы, как вы видите...

Вигдорчук (*не дает ему говорить*). Дай мне. Я все расскажу в трех словах. Я и мой друг Рубинчик,— мы оба люди с выдумкой.

Рубинчик. С комбинациями.

Вигдорчук. И мы всегда имели отношение к театру. Я, например, сам был музыкантом, и знаменитым музыкантом, играл во всех театрах, а мой друг Рубинчик — тоже не кто-нибудь! Он был владельцем парикмахерского заведения и ходил в театр гримировать артистов. Я должен сказать ему в глаза — этому шельмецу: уж если он загримирует кого-нибудь, то это не грим, а живое лицо! Но вот случилась такая история. Наступили плохие времена,— такого времени ни нам, ни вам не довелось бы переживать! — и тогда я нанялся музыкантом в театр-кинематограф. Играю там вечер, играю два, играю три, начинаю присматриваться — в чем его премудрость, этого кинематографа? Оказывается, никакой премудрости нет...

Рубинчик. Ерунда!..

Вигдорчук (*спохватился*). Хотя, конечно, премудрость есть. И не малая. Но для того, кто ее узнал, она уже не премудрость.

Рубинчик. А сущий пустяк!

Шимеле Сорокер. Я вас не понимаю, я простой наш брат! Одно из двух: либо рыба, либо мясо! Или сюда, или туда! А у вас выходит так: не то премудрость есть, и не малая, не то все это ерунда и никакой пре-

мудрости. Признаться, я уже совсем сбит с толку!..

Вигдорчук (*Рубинчику*). А все ты виноват. Ты все время меня перебиваешь! Я хочу объяснить им толком...

Рубинчик. Ладно, объясняй. Кто тебе мешает?

Шимеле Сорокер. Погодите! Вы должны иметь в виду, что мы очень приохотились к этому... «иллюзиону». Когда я еще был... ну... больше чтоб нам уж этого не знать,— я был простой наш брат, мы еженедельно ходили в «иллюзион», конечно, если были деньги на билеты. А теперь, после того как бог осчастливил меня крупным выигрышем, почти не бывает вечера, чтобы мы туда не ходили. И я очень хотел бы узнать, тем более теперь, когда я вкладываю деньги в это дело, в чем, ну... ну... суть, премудрость этого самого дела. Здесь же непременно должен быть какой-то фокус, какой-то... вроде... (*Пощелкивает пальцами.*)

Вигдорчук. Тут, конечно, не без фокуса!

Рубинчик. Еще какой фокус!

Вигдорчук (*перебивает его*). Да погоди ты! Вот я им объясню все это дело точно. Они же — человек с головой! (*Приближается к Шимеле.*) Дело простое. Вы заметили, что в кинематографе, против сцены, над дверью, находится фонарь с колесиком, которое крутится. Так вот на это колесико наматывают ленту из целлулоида, длинную ленту. (*Показывает жестами.*)

Рубинчик (*смотрит товарищу в рот и утвердительно кивает головою*). То есть фильм.

Вигдорчук. А на этом фильме сфотографированы все картинки, которые вы видите на полотне... Ну, как? Раскусили?

Шимеле Сорокер. Простите! Одну минуточку!.. Я хочу, понимаете ли, чтобы моя жена тоже слышала все это и тоже узнала всю премудрость. (*Оборачивается к жене, которая входит из соседней комнаты.*)

За ней Мендл несет поднос. На подносе — графин вишневки, стаканчики. За Мендлом — Иохевед со вторым подносом. Поставив угощение на стол, Мендл и Иохевед уходят.

Эти-Мени. Вот вам — вишневка, вот — варенье. Отведайте, если вам угодно.

Шимеле Сорокер. Отведают, с божьей помощью, обязательно отведают. (*Жене.*) Ты хочешь узнать, в чем секрет «иллюзиона», почему крутится и

почему мы видим на полотне все, что только ни происходит на белом свете?.. Присаживайся — и ты кое-что услышишь. Ты же любишь «иллюзион» — ты бы там дневала и ночевала...

Эти-Мени. А ты, бедненький, не любишь!.. (*Садится на мягкую кушетку, на шелковую подушечку, на которой вышиты пестрые цветы, и складывает руки так, чтобы были видны все ее драгоценности.*) Ну, давайте послушаем.

Вигдорчук (*старается сидеть лицом к мадам, но говорит, обращаясь к Шимеле*). Так на чем мы остановились?

Рубинчик. Мы остановились на фильме, на том, как колесико крутится возле фонаря...

Шимеле Сорокер (*жене*). Ты видела, наверху, над дверью, как раз напротив простыни стоит фонарь? Так вот там имеется колесико, и оно крутится. (*Показывает руками, как оно крутится. Внезапно хватает графин и наливает три стаканчика.*) Ну, пусть оно там крутится, а мы пока выпьем по стаканчику. Лехаим! Дай бог, чтобы раз и навсегда... Наш простой народ... (*Пьет.*)

Гости едва прикасаются губами к стаканчикам.

А теперь валяйте дальше!

Вигдорчук. Итак, я повторю вкратце. (*Изображает жестами.*) Здесь вы имеете полотно.

Рубинчик. Обыкновенное полотно.

Вигдорчук. На этом полотне ничего нет.

Рубинчик. Ну, ровным счетом — ничего.

Вигдорчук. И на обратной стороне полотна тоже ничего нет!..

Рубинчик. Тоже — ничего!

Шимеле Сорокер, изумленный, смотрит на жену.

Эти-Мени. Это вы бабушке своей рассказывайте!.. Как это «ничего нет»? Разве мы не бываем в «иллюзионе»? Разве это стоит нам мало денег? Другой пожелал бы сам себе, чтобы... ну, не знаю, чего бы он себе пожелал. А вы говорите, что на той стороне полотна ничего нет! Мы же не маленькие дети, чтобы рассказывать нам бабушкины сказки!..

Вигдорчук (*растерянно улыбаясь*). Простите, мадам, но мы специалисты. Мы днем и ночью только и

заняты этим делом. Мы свое здоровье отдали, жизнь отдаем именно этому делу.

Рубинчик. Это же наш хлеб!

Шимеле Сорокер (*Вигдорчуку*). Ну ладно, валяйте дальше!

Вигдорчук. Итак, на полотне ничего нет. Самое главное — это колесико, которое находится как раз против полотна, там, где фонарь... (*Обернулся, показывает рукою на дверь.*)

Все оборачиваются к двери.

Вон там, где крутится лента...

Рубинчик (*крутит руками*). То есть фильм...

Открывается дверь, несколько мужчин рвутся в комнату. Мендл преграждает путь обеими руками.

Мендл. Потерпите одну минуту, пока я доложу.

Пришедшие (*говорят все вместе*). Что «доложить»? Зачем «доложить»? Мы пришли за пожертвованием в пользу местной талмудторы!

Шимеле Сорокер (*лакею. Кричит громко*). Дурак ты, черт бы тебя побрал со всеми твоими потрохами! Что ты хочешь от этих людей? Впусти их!

Мендл отступает, но жестом предлагает пришедшим снять головные уборы. Они колеблются. Некоторые сняли, остальные еще не решились. Медленно входят.

Эти-Мени (*пришедшим*). Что скажете?

Шимеле Сорокер. Садитесь. Можете оставаться в шапках.

Пришедшие, подбодренные словами Шимеле, усаживаются. Один из них, первый попечитель, обращается к портному.

Первый попечитель. Мы пришли к вам, реб Шимен. Мы слыхали про вас, что с тех пор, как бог вам помог, вы даете одно пожертвование за другим. А мы — попечители местной талмудторы, и нам нужно ваше пожертвование...

Эти-Мени (*протягивая руку к карману. Пришедшим*). К чему такое длинное предисловие? Скажите, что вы хотите пожертвование, и вам дадут... Сдача у вас найдется?

Пришедшие (*обрадовались, говорят все вместе*). Со скольких?

Эти-Мени (*вынимает серебряную монету*). С двугривенного.

Пришедшие поражены. Онемев, они смотрят друг на друга.

Шимеле Сорокер (*меняется в лице, встает, хочет выместить свою злобу на жене, но сдерживается. К пришедшим, смеясь*). Моя жена не расслышала, ха-ха, что вы — попечители местной талмудторы. Она, видимо, подумала, что речь идет о пожертвовании для какого-то бедняка. Ничего, я вам сейчас дам. (*Вынимает из жилетного кармана ключик, подходит к несгораемой кассе, недолго роется в ней, достает четыре четвертных билета и подносит их пришедшим.*) Получайте! Вот вам пожертвование, и запишите в книге мое имя, мое настоящее еврейское имя: Шимен, сын Меера, Сорокер жертвует для местной талмудторы сотню.

Пришедшие встают, изумленные, горячо благодарят его. Один из них решил сказать хоть несколько слов.

Первый попечитель. Реб Шимен! Мы благодарим бога за то, что он дал нам дожить до этого дня. Впервые с тех пор, как существует местная талмудтора, мы получаем такое пожертвование! Сто рублей! Дай вам бог сто лет счастья, удач и всякого добра. Аминь!

Пришедшие (*все вместе*). Да благословит вас бог и да пошлет он вам счастья! Аминь! (*Тепло прощаются и уходят.*)

Эти-Мени пылает от гнева. Шимеле, видимо неловко себя чувствуя, ходит по комнате. Останавливается. Настроение подавленное.

Шимеле Сорокер (*про себя*). Да, да! Какая поразительная штука... Чего только люди не придумывают... Лента... полотно... фильм... И оно живет, двигается! Наш брат! (*Молодым людям.*) Ну, на чем, значит, мы остановились? Да! Чтобы не забыть... Нужен еще один пункт. Моя жена ни в коем случае не разрешит нам не вписать его в контракт. (*Жене.*) Эрнестина Ефимовна! Я хочу, чтобы в контракте было ясно сказано, что и ты, и я, и наши родственники имеем право ходить в любой театр, в какой мы только захотим и когда мы только захотим — днем или ночью,— совсем бесплатно, то есть без всякой платы за билет.

Эти-Мени (*ломает руки*). Хорошее дело... Неужели это еще не записано в контракте?!

Вигдорчук. Забыли записать.

Рубинчик. Мадам! Наше слово свято!..

Эти-Мени (*вымещая свою злобу на нем*). Ах, вот как?! А на самом деле вы потом скажете: «Знать не знаем!» Я вашего брата знаю. Видали мы!

Шимеле Сорокер. По-твоему, это надо записать? По-моему, тоже — записать! (*Вигдорчуку, указывая ему на письменный стол.*) Засучите, пожалуйста, рукава и записывайте.

Вигдорчук (*бросается к столу, приписывает к контракту, потом читает*). «Мы, нижеподписавшиеся, добавляем еще один пункт, а именно: господин Сорокер, мадам Сорокер, а также любой член их семьи имеют право в любое время дня и ночи входить и сидеть в любом из наших театров-кинематографов бесплатно». Вы удовлетворены?

Шимеле смотрит на жену.

Эти-Мени. Я хочу, чтобы в контракте была записана также моя сестра Фейгл.

Вигдорчук. Мадам! Тут же записано, что любой член семьи Сорокер!

Эти-Мени. Ее фамилия — не Сорокер, ее фамилия — Вышкробенко.

Рубинчик. Мадам, вы, конечно, правы.

Шимеле Сорокер. В таком случае давайте запишем: «Все родные и знакомые...»

Эти-Мени (*вспылив*). Знакомые? Этого еще не хватало! И без них достаточно! Болячка им — вот что! Они не хворы заплатить!

Рубинчик. Мадам совершенно права. (*Своему товарищу.*) Запиши: «Мадам Вышкробенко с ее детьми».

Эти-Мени. Нет! Сестру — да, а ее детей — нет. У нее такие детки, пусть они подавятся! Один шалопай хуже другого!

Рубинчик. Мадам совершенно права. Запиши: «Мадам Вышкробенко» — и все!

Эти-Мени. Что за «мадам»? Хороша мадам! Гроша ломаного нет за душой... Беда с ней, горе одно!

Входит Бейлка; она, как всегда, одета скромно.

Шимеле Сорокер. Ты очень кстати пришла.

Подойди-ка сюда и прочитай мне контракт. Там все написано, о чем мы вчера говорили?

Молодые люди встают, здороваются с Бейлкой и, подав ей контракт, садятся вновь.

Бейлка (*берет контракт*). Можно, я прочитаю про себя?.. (*Села, читает.*)

Шимеле Сорокер (*молодым людям, тихо*). Она-то все умеет!.. Знает еврейский язык, русский и немецкий, какой только хотите!

Входит Мендл с букетом цветов в руках.

Мендл. Принесли Изабелле Семеновне. С карточкой.

Бейлка (*берет цветы*). Мне?

Шимеле Сорокер (*довольным тоном*). Цветы?.. От кого это?

Бейлка (*читает визитную карточку*). «Соломон Оскарович Файн». Ха-ха-ха!

Шимеле Сорокер. Что тут смешного? (*Лакею.*) Можешь идти.

Мендл уходит.

Бейлка. Разве не смешно? Преподношения, цветы!.. Что это он вдруг? Где он был три недели тому назад, когда — помнишь? — его просили сделать одолжение и замолвить словечко перед отцом о плате за квартиру? Он только плечами пожал (*передразнивает Соломона*): «Это меня не касается!..» (*Отдает отцу контракт.*) Написано так, как вы вчера говорили. (*Показывает на гору писем, лежащих на столе.*) А это — сегодняшняя почта?.. (*Собирает письма.*) Я возьму с собой, прочитаю у себя в комнате и потом все тебе расскажу... (*Кивком головы прощается с гостями.*)

Гости быстро и шумно вскакивают. Бейлка уходит.

Шимеле Сорокер (*молодым людям*). Странная у меня дочка!.. Другая бы на ее месте... в такой роскоши!.. И при таком богатстве!..

Эти-Мени. Скажи хоть: «Не сглазить бы!»

Шимеле Сорокер. А когда хочешь нашей дочке купить новое платье, пальто, шляпку, она тебя доводит до белого каления. Не хочет! Что вы прикажете с ней делать?!

Молодые люди слушают с изумлением.

Чего вам больше: ей сватают женихов — самых хороших, самых знатных, она слышать не хочет!.. И смотреть в их сторону не хочет! Представьте себе: сам реб Ошер Файн,— вы же, конечно, слыхали о нем? — он хочет, просто помирает, женить сына на моей дочери! То есть, собственно, не так этого хочет он, как его сын, и не так даже его сын, как мне самому очень хотелось, чтобы жених моей дочери был из такой знатной семьи, как Файны, у которых я еще недавно снимал квартиру...

Эти-Мени. Скажи хоть: «Не приведи господи больше никогда...»

Шимеле Сорокер. Кажется, все в порядке,— да? Он хочет, его сын хочет, и я тоже хочу. Можно было устроить помолвку — и все? А она, Бейлка, говорит: «Нет!» Она еще, видите ли, подумает.

Молодые люди слушают с изумлением. Появляется Мендл.

Мендл (*продолжая что-то жевать*). Этот чудак опять пришел.

Шимеле Сорокер. Какой чудак?

Мендл. Соловейчик... Сват.

Шимеле Сорокер. Соловейчик? Где же он?

Мендл. Там, в передней.

Шимеле Сорокер. Почему же он не входит?..

Мендл. Я же говорил вам, что я не первый год служу в богатых домах. А у богачей всегда полагается...

Шимеле Сорокер. Раньше доложить? Ладно, ты уже доложил. А теперь иди и зови его сюда!

Мендл уходит.

Ох, между нами говоря, и порядочки, церемонии у аристократов. Пусть господь бог меня не накажет за мои слова...

Распахнулась дверь. Мендл впускает Соловейчика, закрывает дверь, уходит.

Честь и место. Вы легки на помине! Садитесь, пане Соловейчик.

Соловейчик. Какая жара сегодня — нечто особенное! (*Вглядываясь в молодых людей.*) А это кто? Что-то они мне очень знакомы. (*Припоминает.*) Ага! Это — те самые? Из театра? Это вы с ними затеяли дело, о котором весь город уже звонит? (*Здоровается с молодыми людьми.*) Как дела? Говорят, вы деньги загребаете? (*Показывает руками.*)

Вигдорчук. Подумаешь! Деньги загребаем! Ничего, не жалуемся. Зарабатываем...

Рубинчик. И еще приберегаем рублик-другой про черный день.

Соловейчик (*портному*). Вы их не слушайте! Вы меня спросите! Это — золотое дело! Неисчерпаемый источник! Люди на этом наживают капиталы, а они говорят: «Приберегаем рублик-другой!»

Молодые люди в восторге от его слов.

Шимеле Сорокер. Так вы говорите, что в городе уже знают о моем деле, о «фильмкомпании»? Не отведаете ли нашей вишневки? (*Наливает ему стаканчик.*)

Соловейчик. Что за вопрос? Все знают, все говорят об этом, и все вам завидуют. (*Осушив стаканчик, закусывает.*)

Шимеле Сорокер. Завидуют?

Соловейчик. Клянусь вам жизнью! Что же, я лгать буду? Говорят даже, скоро станете миллионером... И дай вам бог! (*Молодым людям.*) Я вам скажу, Семен Макарович такой человек! Они любят сами хорошо зарабатывать, но им не жалко, если и другой при этом заработает. Как говорится: живи и давай жить другим!.. (*Портному.*) Вам, Семен Макарович, счастье уже улыбнулось. Значит, теперь пойдет удача за удачей! Как сказано в Писании: «Если ты начал падать, ты будешь падать и падать»...

Шимеле Сорокер (*жене*). Ты слышишь, что он говорит? (*Наливает Соловейчику еще стаканчик.*)

Эти-Мени (*глядя на графин*). Слышу, я не глухая. (*Свату.*) Скажите лучше, что слышно с тем делом?

Соловейчик (*жене портного*). А что, мадам, должно быть слышно? Дай бог всем евреям такие дела! (*Портному и его жене.*) Если у Соловейчика в голове родится какая-нибудь идея, он доведет ее до конца, хоть бы весь мир перевернулся!.. Я как раз только что оттуда, от аристократов... Ну и приняли они меня! «Мое почтение», и «садитесь», и «вот папиросы», и «вот лимонад»... Из-за жары пересохло в горле — нечто особенное!.. (*Вновь осушив стаканчик, закусывает.*)

Шимеле предлагает Соловейчику папиросу из своего портсигара.

Шимиле Сорокер. Значит, вы от Файнеров? Как теперь обстоит там дело?

Соловейчик. Все обстоит очень хорошо! Было бы так хорошо повсюду, где я сватаю женихов и невест!.. Уж если у Соловейчика в голове родится какая-нибудь идея!.. (*Закуривает папиросу.*) Если вам не очень жарко, я вам расскажу про мой сегодняшний визит, как я туда пришел, и что сказал, и что они сказали, и что я ответил, и что они ответили,— словом, весь наш разговор... (*Засучивает рукава, готовясь рассказывать обстоятельно, со всеми подробностями.*)

Шимеле Сорокер (*нетерпеливо*). Пане Соловейчик, зачем же разговоры? Вы же знаете: я простой человек, люблю, чтобы все было сшито и выутюжено. Скажите мне самый-самый конец: к чему вы в конце концов пришли?

Соловейчик. Вот самый конец! Они пригласят вас к себе в гости. Там будет вся аристократия... Но до этого они еще будут с визитом у вас... И может быть, еще сегодня... Вот на что способен Соловейчик!

Шимеле Сорокер (*жене*). Ты слышишь?.. (*Тихо.*) Надо приготовить всякого рода закуски... (*Свату.*) А вы уверены, что они придут сюда?

Соловейчик (*ест варенье, запивает вишневкой*). Так же, как в том, что моя фамилия — Соловейчик.

Шимеле Сорокер. А их парень тоже будет с ними?

Соловейчик (*доедает остатки варенья*). Что за вопрос?

Шимеле Сорокер. Значит, *сам* старик сказал вам это?

Соловейчик. Да! Он! Сам старик сказал мне: «Мы будем с визитом у господина Сорокера, может быть, еще сегодня. Он все же одно время, говорит, снимал квартиру в нашем доме...»

Шимеле Сорокер. Так и сказал? (*Жене.*) Ступай позаботься, чтобы все было...

Эти-Мени уходит.

Соловейчик. Так и сказал! Это его подлинные слова, клянусь вам жизнью... А вы думали, Соловейчик какой-нибудь мальчишка? Кстати, мне надо вам сказать пару слов с глазу на глаз... (*Молодым людям.*) Извините... (*Отводит Шимеле в сторону.*) Как говорится, три дела — два слова. (*Остановились недалеко от рампы.*)

Шимеле Сорокер (*свату*). Я наперед знаю, что вы хотите мне сказать. Насчет приданого. Сколько я даю?

Соловейчик (*тихо*). Вы же просто мудрец! Но вы, наверно, думаете, что это *они* хотят узнать или сам жених? Боже сохрани! Я ведь это так... Если конец дела, думаю, уже так близок, положительно вот-вот, то нельзя же мне стоять как истукан, если вдруг, понимаете ли, меня спросят...

Шимеле Сорокер. Вы прекрасно знаете, что дочка у меня одна-единственная и через сто двадцать лет... все перейдет к ней.

Соловейчик. А все-таки более или менее...

Шимеле Сорокер. Пятьдесят тысяч рублей отложены в Частно-коммерческом банке. По правде сказать, там лежит три раза по пятьдесят тысяч. Но одни пятьдесят тысяч — отдельно для дочери. Она же у меня одна-единственная, следовательно, когда через сто двадцать лет меня позовут туда: «Будьте любезны, наш брат простой народ...»

Молодые люди прислушиваются.

Соловейчик (*перебивает*). Чепуха! Зачем говорить о таких вещах?! Вы еще будете жить и жить, даст бог!.. Вы *должны* жить, потому что вы делаете много добра людям... Кто этого не знает? Добрые дела дают о себе знать. Следовательно, пятьдесят тысяч — это точно, наличными?

Шимеле Сорокер. Деньги на бочку! У меня — без всяких хитростей, без пустых слов и обещаний. У меня так: если я говорю — «дам», значит, даю. Это же, понимаете ли, наш брат простой народ!..

Соловейчик. Одним словом, мы уже обо всем договорились. И я, следовательно, могу идти дальше. Мне еще предстоит бегать и бегать, говорить и говорить. Ну, будьте здоровы и успевайте в делах! Прощайте! С божьей помощью, скоро встретимся на помолвке... (*К двум компаньонам Шимеле.*) Желаю вам каждому по полмиллиона прибыли, а вашему компаньону — целый миллион! До свиданья, прощайте! (*Уходит.*)

Шимеле Сорокер (*молодым людям*). Не обижайтесь, у меня, не сглазить бы, такой дом, что каждую минуту новые люди с новыми делами... А теперь надо все-таки взяться за наше дело. (*Надевает очки,*

засучивает рукава, подходит к столу.) Сейчас, стало быть, надо выполнить деликатную работу: проставить подпись. (*Подписывает контракт.*)

Вслед за ним подписывают контракт оба компаньона.

Шимеле Сорокер. Теперь, стало быть, нужно дать вам монету... немножко медяков... (*Идет к несгораемому шкафу.*) Но должен вас предупредить, мои милые компаньоны, что у меня нет наличных денег... Несгораемая касса, как видите, у меня есть, но таких больших денег я дома не держу. Для этого, понимаете ли, имеется банк... (*Открывает кассу, достает чековую книжку.*) Частно-коммерческий банк. Там я храню весь свой капитал. А когда бы мне ни понадобилось и сколько бы мне ни понадобилось — я выписываю чек, и мне дают... (*Кладет чековую книжку на стол.*) Но вот какое дело! Писать надо по-русски, а я в грамоте немного хромаю. Для этого у меня есть дочка, и она, как вы уже знаете, ведет всю мою бухгалтерию.

Входит Эти-Мени.

Позови сюда Бейлку на минуточку. Ей нужно кое-что написать для меня.

Эти-Мени. Изабеллочку? Ее, кажется, дома нет. Пойду посмотрю. (*Уходит.*)

Шимеле Сорокер. Нехорошо, знаете ли, когда ты слепой человек. Не уметь писать по-русски еще хуже, чем без очков...

Пауза.

А впрочем... Знаете что? Может быть, имело бы смысл, чтобы вы были настолько любезны и сами заполнили этот чек? Вот вам чернила и ручка. Кто из вас лучше пишет?

Вигдорчук и Рубинчик подбегают к письменному столу. Вигдорчук берет ручку с пером, готовится писать.

(*Шимеле надевает очки и с видом человека, хорошо разбирающегося в правилах заполнения чеков, указывает пальцем на чековую книжку.*) Вот здесь, справа,— видите? — будьте любезны, напишите цифрами: пятнадцать тысяч... Одна единица, пятерка и три нуля, да, три нуля. О, вот так! А там, внизу, напишите уже словами: «Пятнадцать тысяч». «Рублей» не надо писать: это уже напечатано. О, вот так... Написали? Теперь

дайте, пожалуйста, сюда перо, и я опять проставлю подпись. (*Снова засучивает рукава и медленно ставит свою подпись. Ему даже жарко стало.*) Уф! Я просто уже устал сегодня писать... (*Размахивает чеком в воздухе.*) А кто виноват? Мой же родной отец, царство ему небесное, не хотел он, чтобы меня учили писать. Если бы меня учили, я писал бы, как никто в мире! Можете поверить. Вы же видите, как я быстро и хорошо разбираюсь в самых больших делах!..

Вигдорчук (*прощаясь*). Вы на редкость способный человек.

Рубинчик (*прощаясь*). Талант! Особого рода талант!

Шимеле Сорокер (*явно польщен, пожимает им руки*). Неужели? Как жаль, что моей жены тут нет. Пусть бы она послушала, что обо мне говорят! (*Передает чек Вигдорчуку.*)

Рубинчик пытается заглянуть в чек, но Вигдорчук отталкивает его локтем и прячет чек в свой бумажник. Заметно нервничая, он застегивает пиджак и готовится попрощаться с Шимеле.

Вигдорчук. Мы отняли у вас так много времени...

Рубинчик. И заморочили вам голову...

Шимеле Сорокер. О чем вы говорите? Мы же, с божьей помощью, сделали дело!

Вигдорчук. И — хорошее дело!

Рубинчик. Блестящее!

Шимеле Сорокер. Зачем же лишние разговоры? Раз так, мы обязательно должны перед вашим уходом выпить хотя бы еще по стаканчику этой вишневки (*стоя наливает три стаканчика*) и пожелать друг другу, чтобы наши полмиллиона не заставили себя долго ждать и чтобы весь город знал, что значит наш брат — простой народ!..

Чокаются, пьют стоя.

Теперь можете идти. Идите и будьте здоровы. Желаю успеха...

Вигдорчук и Рубинчик почтительно прощаются. Уходят. Шимеле провожает их до дверей. Через полминуты входит Эти-Мени.

Эти-Мени. Бейлка сейчас зайдет. (*Осматривается.*) А где эти пройдохи? Ушли уже? Кто же тебе написал все, что нужно? Ты отложил до другого раза?

Шимеле Сорокер. Какое там «отложил»? Я не

люблю откладывать: у меня сказано — сделано, сшито — выутюжено! Наш брат!

Эти-Мени. Но кто же тебе писал?

Шимеле Сорокер. Они. Я диктовал, а они писали.

Эти-Мени (*всплеснув руками*). Они писали! Кто знает, что они тебе там написали?! Ты не мог подождать Изабеллочку?

При последних словах Эти-Мени входит Бейлка.

Бейлка. Я прошу вас: не называйте меня Изабеллочкой, называйте меня моим настоящим именем. У меня есть имя — Бейлка!

Эти-Мени. Вот тебе радость! Разве мы теперь такие, какими были раньше?

Бейлка. Вот это и печально, мама, что мы не такие, как раньше... То есть на самом деле мы такие же, какими были, но почему-то думаем, что мы уже не мы... Поэтому и делаем не то, что нужно: ходим не туда, куда нужно, и принимаем у себя не тех, кого нужно... А тех, кто наши настоящие друзья и равные нам,— тех мы и в дом не пускаем...

Эти-Мени (*мужу*). Что-то она так туманно, так странно говорит! И не поймешь ничего!..

Шимеле Сорокер (*жене*). Куда тебе понять наши разговоры... (*Дочери.*) Но все-таки одно другого не касается; если нас пригласят к Файнерам в гости — тем более что раньше они будут с визитом у нас,— то к ним ты не откажешься пойти вместе с нами? Это все-таки реб Ошер Файн!

Бейлка. Посмотрим... Еще подумаем... Может, пойду с вами, а может, и не пойду.

Шимеле Сорокер (*разгневанный*). Как это не пойдешь с нами? А я-то кто тебе? Отец или не отец?

Эти-Мени (*желая примирить их*). Ну, стоит ли? Посмотрите, что творится!.. Медведь еще не убит, а уже спорят, никак шкуры не поделят. Файнеры пока что у нас еще не были и к себе еще не звали, и не так еще скоро будем мы на помолвке тарелки бить... А вы уже ссоритесь...

Шимеле Сорокер (*возмущенно*). Мазлтов! Поздравляю! Она тоже вмешивается! (*Жене.*) Кто тебя просил мирить нас?.. (*Дочери.*) Мы с тобой никогда не ссорились и теперь не будем ссориться. Наш брат, мы знаем, что лучше по-хорошему сговориться,

чем ссориться и злиться... Скажи мне, дочка, что с тобой делается? С тех пор как бог осчастливил меня крупным выигрышем, я не вижу, чтобы ты была довольна, весела, счастлива... Как будто не мне достался главный выигрыш!..

Бейлка. Чего же ты хочешь? Чтобы я танцевала на улице?

Шимеле Сорокер. Кто требует, чтобы ты танцевала на улице? Я только думаю, что ты должна была бы как-то так... (*Показывает жестами.*) Как-то зажить... вроде как-то... Наш брат...

Бейлка. Скажу тебе, отец, всю правду. Если ты уж заставляешь меня говорить, я тебе скажу... Не по мне все это... Ничто мне не мило... Ничто мне не дорого. Все я делаю словно из-под палки... Все против моей воли... Кого бы я хотела видеть, тех не вижу. Кого вижу — не хочу видеть... Я не могу раскрыть душу перед вами, потому что вы меня не поймете!.. Вы не хотите меня понять и не можете понять — потому что выигрыш вскружил вам головы и вы не видите, что вокруг вас творится. Белое вам кажется черным, а черное — белым...

Шимеле Сорокер. Получается, что мой крупный выигрыш — это несчастье?

Бейлка. Для кого счастье, а для кого несчастье... (*Чуть ли не сквозь слезы.*) Ваше счастье для меня несчастье.

Шимеле Сорокер (*повторяет ее слова*). Наше счастье для нее несчастье... (*Жене.*) Что ты на это скажешь? Ты что-нибудь понимаешь?

Эти-Мени (*мужу*). Ты же говорил, что только я одна ничего не понимаю, а ты все понимаешь... Она тебе намекает, что не хочет идти с нами к богачам... Она их ненавидит...

Шимеле Сорокер (*повторив ее последние слова*). Ты? А я скажу иначе! (*Повысив голос.*) Если я говорю «идти», значит, надо идти. (*Стучит по столу.*) Наш брат простой народ! Утюг и ножницы!..

Эти-Мени. Ну? Зачем тебе это нужно было? Только разозлил девочку...

Шимеле Сорокер (*вскакивает как ошпаренный*). Эти-Мени! Не зли меня!

Эти-Мени. Послушай-ка! Что ты меня пугаешь?

Шимеле Сорокер. Уважать меня надо! Держи язык за зубами! Ты, кажется, знаешь, кто я такой!

Эти-Мени. Смотри-ка, как возгордился! Иголка с ниткой тебе кланялись!

Шимеле Сорокер (*вне себя*). И ты смеешь мне говорить такие слова? Мне, перед которым все снимают шапки, когда я прохожу по улице?

Эти-Мени. Все! Только не я! Ты воображаешь, что ты великий барин! А я считаю, что ты портной, портняжка!

Шимеле Сорокер. Замолчи, горе ты мое! Не то я тебе покажу, кто я!

Эти-Мени. Пропади ты пропадом,— не доживешь ты до этого!

Шимеле Сорокер. Тьфу на тебя!

Эти-Мени. Тьфу на тебя!

Открывается дверь, и появляется Мендл.

Мендл (*жует*). В зале вас ждут гости.

Шимеле Сорокер (*опомнившись*). Гости?

Эти-Мени. Какие еще гости?

Мендл. Господин Файн, мадам Файн...

Шимеле Сорокер (*сразу протрезвившись*). Что же ты молчишь? (*Жене.*) Эрнестина Ефимовна! Прикажи поставить самовар! Прикажи подать вишневку, вино и варенье, всякого рода варенье!.. (*Хочет направиться к двери.*)

Эти-Мени (*тянет его назад*). Куда ты летишь?! Таких гостей ты хочешь принимать в халате? (*Лакею.*) Что ты стоишь как истукан? Ты же видишь, что хозяин в халате. Принеси ему сюртук!

Мендл уходит.

А я пока пойду принимать гостей. (*Остановившись у зеркала, приводит себя в порядок. Уходит.*)

Мендл приносит черный сюртук, помогает хозяину надеть его. Шимеле застегивает сюртук на все пуговицы, расшаркивается и раскланивается, репетируя, как он войдет и представится именитым гостям. За его спиною Мендл повторяет его движения со всеми его ужимками. Шимеле большими шагами идет к двери. Мендл идет за ним такими же шагами.

Занавес падает.

КОНЕЦ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Прихожая. В глубине — второй занавес, который подымается сейчас же после окончания первой картины, и вторая картина третьего действия может начаться без антракта. Прихожая должна быть достаточно длинной. В ней находятся столик с зеркалом, вешалка, стойка для зонтиков и палок, стенные часы и несколько плетеных стульев. На втором занавесе нарисована закрытая дверь. Один или два боковых входа. У нарисованной двери стоит Мендл. Возле него в позе, выражающей покорность, стоят подмастерья — Мотл Косой и Копл Фалбон. Вытирая пот с лица, они торгуются с лакеем Мендлом, а тот, с видом человека, от которого многое зависит, держит руки в карманах и жует.

Мендл. Пусть отсохнут рукава моей жилетки, если бы я сделал это для кого-нибудь другого. Попробовал бы он даже насыпать эту комнату золотом до потолка, все равно я вышвырнул бы его отсюда вон. Потому что... вы даже не можете себе представить, какой строгий у меня хозяин!

Подмастерья крайне удивлены.

Мотл Косой. Шимеле Сорокер — строгий хозяин? Вы шутите!

Копл Фалбон. Вы насмехаетесь над нами!

Мендл. Насмехаюсь? Пусть у того, кто насмехается, вскочат чирьи на носу! Хозяин чуть ли не тысячу раз приказывал, чтобы бедно одетый человек не переступал порога... А если придет мастеровой, например, портной, так просто гнать в шею.

Подмастерья поражены.

Мотл Косой (*товарищу*). Как тебе это нравится? Кто бы мог подумать?..

Копл Фалбон. Человек меняется. Деньги привалят — и человек становится таким же буржуем, как все буржуи.

Мотл Косой (*вынимает кошелек и, порывшись в нем, достает монету, вручает ее лакею*). Вот вам! Пусть уж будет по-вашему!..

Копл Фалбон. Но только пойдите и вызовите ее сюда.

Мендл (*рассмотрев монету, прячет в карман*). Так кого, вы сказали, я должен вызвать? Только ее, барышню, значит, или?..

Мотл Косой. Только ее! Только ее!

Копл Фалбон. Никого другого не нужно!

Мендл. И что мне сказать ей?

Мотл Косой. Скажите ей, что два хлопца ждут ее. Они должны сказать ей всего лишь два слова.

Копл Фалбон. Не просто хлопцы, а хлопцы, которые три года работали с нею за одним столом.

Мендл (*продолжает жевать. После раздумья*). Нет! Сказать только «хлопцы» — никуда не годится. Мало ли какие хлопцы бывают на свете! Нужны имена! Имена нужны!

Мотл Косой. Раз так, то скажите ей: Мотл Косой и Копл Фалбон хотят вас видеть!

Копл Фалбон. На два слова — не больше.

Мендл (*повторяет*). Мотл Фалбон и Копл Косой. Мотл Фалбон и Копл Косой.

Мотл Косой (*поправляет его*). Не Мотл Фалбон и Копл Косой, а наоборот.

Копл Фалбон. Мотл Косой и Копл Фалбон.

Мендл. Ага! А непременно надо говорить «хлопцы»?

Мотл Косой. Вы зря теряете время.

Копл Фалбон. И может ведь нагрянуть сам...

Мендл. Его не бойтесь — нет его дома. Ушел гулять. Он сделал дело, огромное дело! Закупил все театры в городе! Теперь все театры будут нашими... Если надумаете пойти в театр, сперва нужно будет обратиться к нам.

Парни переглядываются.

А мы... если захотим — впустим вас. Не захотим — придется постоять на улице. С нами не шутите! (*Заметил, что его речь мало действует на парней, но все же продолжает.*) А вам известно, что мы побогаче самих Файнеров? Они обивают у нас пороги. Сперва посылали к нам сватов по три раза в день... Потом сами пришли... И все норовят скорее свадьбу справить... Они помирают, готовы на все, лишь бы заполучить нашу барышню! А их сыночек влюблен (*показывает на уши*) по уши. Просто — вот-вот кондрашка его хватит. Ну, и она, конечно, в него втюрилась.

Мотл Косой. Влюблена?

Копл Фалбон. Давно? С каких пор?

Мендл. С каких пор, я не знаю, но целыми днями они только и знают, что целуются, милуются. То —

он к ней, то — она к нему, никак не нацелуются досыта, не намилуются вволю... Ну, как же я должен ей сказать? Два хлопца, Котл Фасой и Мопл Фалбон? Тьфу! Из-за вас я совсем уже запутался! Все морочите мне голову!..

Мотл Косой. Не надо называть имен! Скажите только: «Два хлопца» — и все!

Копл Фалбон. И скорее бы все кончилось!

Мендл. Хорошо. Я согласен. Иду. Но если вдруг сюда зайдет холера...

Мотл Косой. Какая холера?

Копл Фалбон. Это он, наверное, об Эти-Мени...

Мендл. Какая Эти-Мени? Забудьте Эти-Мени! Ее уже зовут не Эти-Мени, а Эрнестина Ефимовна! (*Идет к двери, но тут же возвращается.*) Сядьте пока здесь... Или лучше — вот здесь... (*Усадив обоих, снова идет, жуя и повторяя.*) Мокл Фасой и Фотл Фалбон. Копл Фасой и Мопл Фалбон... (*Уходит.*)

Подмастерья осторожно садятся на плетеные стулья и разговаривают вполголоса.

Мотл Косой. Странный лакей!

Копл Фалбон. Придурковатый какой-то!

Мотл Косой. Кто будет говорить первым — я или ты?

Копл Фалбон. Начинай ты, а я уж потом...

Мотл Косой. А не успею я рот открыть, как ты тут же и заговоришь.

Копл Фалбон. Нет, не буду. С чего ты думаешь начать?

Мотл Косой. Начну я так. (*Встает, откашливается, репетирует дрожащим голосом.*) «То, что мы сюда пришли, Бейлка, то, что нас сюда привело, не касается никого, кроме...»

Копл Фалбон. «...кроме вас одной!»

Мотл Косой (*товарищу*). Значит, ты хочешь говорить. Говори! (*Садится.*)

Копл Фалбон. Нет, нет, говори ты, говори!

Мотл Косой. Что же ты перебиваешь меня? (*Встает, откашливается, положив руку на сердце, вновь репетирует.*) «Речь здесь идет только о вас, Бейлка, о вашем счастье, о всей вашей жизни. Мы не имеем права вмешиваться в чужие дела — это мы знаем. Но мы не могли больше совладать с собою. Нам стало известно, что вы себя связываете — или другие связывают вас —

на всю жизнь с человеком, который вас недостоин... Он недостоин быть с вами под одной крышей, дышать с вами одним воздухом...»

Копл Фалбон. Хорошо сказано!.. А если она тебя спросит: «Почему вы вдруг заговорили об этом?»

Мотл Косой. Тогда я ей скажу всю правду: мы оба ее любим с давних пор, мы изнываем...

Копл Фалбон. ...телом и душой! (*Прислушивается.*) Тише! Кажется, она идет...

Мотл Косой (*прислушиваясь*). Кто? Бейлка? (*Застегнулся на все пуговицы, откашлялся, готов выступить с речью.*)

Входит Бейлка. Подмастерья делают шаг ей навстречу.

Бейлка (*протягивая к ним руки*). Как хорошо, что вы пришли!.. Сам бог вас сюда привел!.. Где вы были до сих пор? Я уже все глаза проглядела, ожидая вас! Я уже потеряла всякую надежду...

Мотл Косой. Бейлка, душенька, вы ведь не знаете, как мы мучаемся.

Копл Фалбон. Разве к вам пускают?

Бейлка. Кто не пускает?

Мотл Косой. Да этот... ваш верный страж!

Бейлка. Да, да, я забыла! Если бы вы знали, что за дом у нас теперь! Моим страданиям нет конца...

Мотл Косой. Уж который раз мы пытаемся пробраться сюда...

Копл Фалбон. Как сквозь железные ворота...

Мотл Косой (*Коплу*). Только не перебивай меня!

Копл умолкает.

Мы хотели вам сказать... Вы не знаете, как вы нам дороги, как вы вросли в наши сердца!

Копл Фалбон. Как сестра! Как родная сестра!

Бейлка. Не то... Нет... Сейчас не об этом надо говорить... Сейчас надо меня спасти!

Мотл Косой. Для вас мы готовы на все!

Копл Фалбон. В огонь и в воду!..

Бейлка. Вот, вот! Вот это главное! Вы должны помочь мне спастись, уйти из этого дома, вырваться отсюда! Вы не знаете, какой теперь дом у нас! А что стало с моим отцом! С тех пор как он заполучил этот большой выигрыш, его и узнать нельзя! Я не помню, чтобы он раньше хоть раз так сердился. А теперь, чуть

что не по нем — он страшно раздражается, не дает слова сказать... Не дает голову поднять! А главное — он хочет обкрутить меня с этим... (*Закрывает лицо руками.*)

Мотл Косой. Мы знаем! Мы уже слыхали! Мы все знаем!..

Копл Фалбон. Этот буржуй?.. Не дожить бы ему до этого!

Бейлка. Недавно он был у нас... Они все пришли... И нас к себе звали... Наши обещали, что мы придем к ним... Но я сказала потом отцу, что не пойду. Вот он и устроил мне «концерт». Все было: крики, слезы... Чего только не было! Но я настаивала на своем — нет, нет и нет! Что я — кукла? Я не позволю продавать себя!..

Копл Фалбон } (*вместе*). Правильно! Совер-
Мотл Косой. } шенно верно!

Бейлка. Не пойду! Никуда я не пойду!.. Я убегу от них! Убегу куда глаза глядят! Лучше есть кусок хлеба раз в три дня, лишь бы не... (*Закрывает лицо руками, тихо плачет.*)

Мотл Косой. Бейлка, душенька, сердце мое, не плачьте! Мы вам поможем!

Копл Фалбон. Мы готовы в огонь и в воду!

Бейлка (*оживает*). Вы мне поможете? Я знала, что вы придете мне на помощь!.. Я хочу их проучить! Моего отца и мою мать хочу я проучить!.. Хочу напугать их! Устроить скандал!.. Убежать, убежать среди ночи... Нет, недалеко убежать: в соседний город, на ближайшую станцию. Но убежать!.. Ой, как они испугаются!.. Как они будут меня искать... И тогда я добьюсь своего!..

Мотл Косой. Какая вы умница!

Копл Фалбон. Умнее всех на свете!

Бейлка. Так вы поможете мне бежать?

Мотл Косой }
Копл Фалбон } (*вместе*). Когда?

Бейлка. Хотя бы сегодня ночью!.. Они уйдут туда, я останусь одна... а вы будьте наготове... вот здесь — под моим окном. (*Указывая рукой.*) Вы должны приготовить подводу... Вам же нужны деньги... (*Берется за карман.*)

Мотл Косой }
Копл Фалбон } (*вместе*). Какие деньги? При чем тут деньги? Не надо! У нас есть!..

Б е й л к а. Так помните: как только они уйдут, я открываю окно... Ой, мать идет!.. (*Бросается бежать.*)

С противоположной стороны входит Э т и - М е н и. Парни замирают.

Э т и - М е н и (*осматривает Мотла и Копла*). Смотри-ка! Копл? Мотл? Наверное, к моему мужу? Ну, как вы поживаете? У кого работаете? Почему стоите? Если уж пришли, так можете присесть на минуточку... Вы хотите видеть моего мужа? Сегодня вам нельзя будет его увидеть... Завтра тоже... Послезавтра тоже нельзя... Потому что он теперь вечно занят. Он подписал контракт с какой-то большой компанией... Предпринял одно дело. Большое дело. Очень большое дело!..

М о т л К о с о й. Да, мы знаем...

К о п л Ф а л б о н. Мы уже слыхали...

Э т и - М е н и. Что вы слыхали?

М о т л К о с о й. Что реб Шимен сделал большое дело.

К о п л Ф а л б о н. Скупил весь город...

М о т л К о с о й. Со всеми театрами...

К о п л Ф а л б о н. И со всеми гостиницами...

Э т и - М е н и (*поражена*). Кто это вам рассказал?

М о т л К о с о й. Все говорят!

К о п л Ф а л б о н. Весь город!

Э т и - М е н и. Весь город?!

М о т л К о с о й. Из конца в конец!

К о п л Ф а л б о н. Как в котле кипит...

Э т и - М е н и. Кипело бы у них в сердце и в животе! Откуда они все узнали и так скоро? Вероятно, этот Соловейчик раструбил. Вот у кого длинный язык!.. Да! Вы теперь не можете увидеть его, моего мужа. Но если он вам очень нужен, можете сказать мне.

М о т л К о с о й. Нам ничего не нужно.

К о п л Ф а л б о н. Мы просто так зашли.

Э т и - М е н и. В гости, значит? Пожалуйста! Очень мило с вашей стороны... Я ненавижу разных этих бедняков, попрошаек,— пусть не накажет меня бог за такие слова,— сколько ни делай им добра, сколько ни давай,— все мало! Как в прорву... У вас, значит, все есть?.. Мне это приятно. И это очень хорошо с вашей стороны, что вы не забываете своих старых хозяев. Заходите когда-нибудь... Знаете когда? Бог даст, на праздник...

Парни переглядываются и встают.

Тогда мой муж будет свободен... Только не заговаривайте с ним о прежней нашей жизни. Ему это неприятно... Вы же понимаете. Вам пальца в рот класть не надо, откусите...

Парни медленно пятятся к выходу, не сводя глаз с Эти-Мени, и вытирают пот.

Идите и будьте здоровы. Ради бога, не забудьте же, на праздники! Вы тогда будете приятными гостями. Я вас угощу вишневкой и вареньем... Идите и будьте здоровы! (*Уходит направо.*)

Подмастерья направляются налево и у самого выхода встречаются с Шимеле Сорокером. Он пришел с улицы в пальто и с тростью в руке.

Шимеле Сорокер. А-а! Мое почтение, гости! Что вы здесь делаете? И почему вас не видно было? Что вы прячетесь? Наш брат простой народ, утюг и ножницы...

Мотл Косой. К вам теперь не подступись... Как к какому-нибудь царю! Мы уж столько раз сюда приходили, но он нас не пускает.

Шимеле Сорокер. Кто?

Копл Фалбон. А это... Чучело... Ваш слуга...

Шимеле Сорокер. А вы его не слушайте! Идите прямо ко мне! Вы же из моих людей, наш брат простой народ!..

Мотл Косой. Он говорит, вы ему приказали гнать в шею всякого портного, который сюда придет...

Копл Фалбон. Ко всем чертям гнать! Клянусь богом, он так и сказал.

Шимеле Сорокер (*вне себя*). Я так сказал? Я? (*В возмущении хватает колокольчик и звонит.*)

Эти-Мени вбегает ни жива ни мертва.

Эти-Мени. Кто это звонит? (*Увидев подмастерьев.*) Вы еще здесь?

Подмастерья пятятся к дверям. Шимеле задерживает их.

Шимеле Сорокер. Это я звонил... Где он — этот замечательный лакей, этот шут гороховый, этот паяц?..

Эти-Мени. Что такое? Зачем он тебе нужен?

Шимеле Сорокер. На кой черт он мне дался! Ничего, он получит от меня такую взбучку, что у него

потемнеет в глазах. Ему неповадно будет выгонять людей из моего дома! (*Подмастерьям.*) Как же вы поживаете? Я по вас давно скучаю... Как-никак столько времени работали за одним столом... Пойдемте ко мне, посидим, побалакаем, выпьем немного, наш брат...

Эти-Мени. С ума спятил! Кто тебе даст выпить хоть каплю? Ты забыл, что нам пора уже готовиться к такому визиту?.. (*Смотрит на часы.*) Пора переодеваться... Мотл и Копл не обидятся, они свои люди. Пусть лучше зайдут в другой раз...

Мотл и Копл (*довольны, говорят вместе*). Да, лучше в другой раз.

Шимеле Сорокер (*протягивая им руку*). Боюсь, уйдете, и поминай как звали! Нет! Заходите в субботу... Только приходите прямо ко мне и никого не спрашивайте! А на этого дурака, который стоит у дверей, не обращайте никакого внимания. Если он вздумает вас не пускать, покажите ему, что такое наш брат простой народ!..

Подмастерья уходят в одну сторону; Шимеле — в другую. Эти-Мени звонит в колокольчик. Входит Иохевед.

Эти-Мени. Видишь, что здесь творится? Пойди принеси половую щетку, подмети так, чтоб было чисто.

Иохевед (*внимательно разглядывая пол*). Где? Тут, кажется, и так довольно чисто. Зачем здесь подметать? Зачем убирать?

Эти-Мени. Тебе говорят убрать, значит, должна убрать. Ты же видела: только что здесь сидели двое подмастерьев, напачкали своими сапожищами. А ты еще задаешь вопросы: «Где?», «Что?».

Иохевед, пожав плечами, уходит. Входит Бейлка. Голова ее завязана белым платком.

Бейлка (*держась за голову*). Кто тут звонил?

Эти-Мени. Это я вызывала сюда девку... (*Обеспокоенно.*) Что ты, доченька, держишься за голову?

Бейлка. Ничего, мама, пройдет...

Эти-Мени (*еще более обеспокоенно*). Не лихорадка ли, сохрани бог? Озноба нет?

Бейлка. Не то чтобы озноб, но немного холодно...

Эти-Мени. А не чувствуешь ли ты ломоту или, не дай бог, не колет ли у тебя в боку?

Бейлка. Не ломит, нет... А вот в боку немножко покалывает...

Эти-Мени (*заламывает руки*). Ой, горе мне!

Входит Шимеле. На нем — накрахмаленная верхняя сорочка, надетая поверх брюк. Он держится за воротник.

Шимеле Сорокер (*задрав голову кверху, не замечает дочери*). Эти-Мени, тьфу, я хотел сказать, Эрнестина Ефимовна! Где ты? Что это за сорочку ты мне приготовила? Таким воротником впору лишь удавиться! У меня уже глаза на лоб вылезли! Хоть руки на себя наложи! Хоть кричи!

Эти-Мени. Пойди сними ее, я тебе дам другую. Зачем же кричать?

Шимеле Сорокер (*держась за шею*). Легко тебе сказать — «другую сорочку», когда я из этой — ни туда ни сюда! (*Замечает дочку.*) Что такое? Зачем ты завязала голову?

Эти-Мени. Девочка нездорова.

Бейлка. Немного нездоровится...

Шимеле Сорокер (*забыв о воротнике*). Чего же вы молчите? Почему ты не ляжешь? Надо послать за доктором! (*Звонит.*)

Бейлка. Зачем? Не стоит, пройдет и так... Я прилягу. Может быть, засну немного. Только пусть меня не будят...

Эти-Мени. Ложись, спи на здоровье... Никто тебя не станет будить...

Бейлка уходит.

Шимеле Сорокер (*обеспокоенный, жене*). Может, все-таки послать за доктором?

Входит Мендл.

Мендл, бегом за доктором! Одна нога — здесь, другая — там!

Эти-Мени. Давай лучше попозже, когда мы вернемся из гостей. А теперь пусть она поспит... (*Мендлу.*) Не надо вызывать врача!

Мендл, направившись к выходу, останавливается.

Шимеле Сорокер. А может быть, мы отложим этот визит на другой раз?

Эти-Мени. Пожалуйста. На кой черт дался мне этот визит!..

Шимеле Сорокер. Но, с другой стороны, как же это так? А свадьба? Столько трудов ухлопали, бились головой об стенку, носом землю рыли, а теперь,

когда вот-вот уже подходим к счастливому концу, получается,— наш брат!..

Эти-Мени. Ну, тогда иди одевайся.

Входит Иохевед. В руках у нее — половая щетка, мокрая тряпка и гусиное крыло для стряхивания пыли.

Видали вы девку! Ей велели немного подмести, а она явилась со всеми своими причиндалами!

Шимеле Сорокер. Так как же по-твоему? Не посылать за доктором? (*Мендлу.*) Погоди! (*Жене.*) А вдруг это инфлюэнца?

Эти-Мени. Ты же сам слышал: девочка хочет спать. И она просила, чтобы ее не будили.

Шимеле Сорокер. Не было у бабы хлопот, она купила себе лихо... Зачем мне нужен был весь этот тарарам, все это... (*Уходит.*)

Вслед за ним — Эти-Мени.

Мендл и Иохевед молча смотрят друг на друга и, держась за бока, долго смеются. Их смех нарастает crescendo [1]. Свет гаснет; в это мгновение декорация исчезает, и вторая картина третьего действия начинается без перерыва.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Ярко освещенная гостиная в богатом доме. Хозяин дома, Ошер Файн, человек с брюшком и лысиной, весьма несловоохотливый, с неизменной сигарой во рту, и трое гостей играют за ломберным столиком в преферанс. Остальные гости-аристократы сидят вокруг игроков и с большим интересом заглядывают в карты. Доносятся только чередующиеся с паузами отдельные возгласы: «Семь пик...», «Пас...», «Трефы...», «Пас...», «Пас...», «Пас...». За другим столом, на котором лежат всякого рода большие и маленькие альбомы, сидит мадам Файн со своими гостями — женами аристократов. Мадам Файн представляет собою полную противоположность мужу: она худая, лицо землистого цвета, вся в бриллиантах. Дамы одеты нарядно и тоже увешаны драгоценностями. Все сидят чинно, как настоящие аристократки, и просматривают альбомы. Только две из них, сидящие подле мадам Файн, беседуют с ней вполголоса. Остальные дамы, делая вид, что углублены в рассматривание альбомов, прислушиваются к их разговору, многозначительно переглядываются и при этом странно гримасничают. По случаю торжества у Файнов Колтун Ефим Пантелеймонович одет «шикарно»: во фраке, при белом галстуке и в белых перчатках. Он взял на себя роль главного распорядителя, обслуживающего гостей, не как слуга,— боже упаси,— а как близкий друг хозяев дома. Стоит поодаль от гостей, но держит себя высокомерно, с видом управляющего, которому дано право распоряжаться всем и

[1] Музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звучания.

всеми. Сват Соловейчик тоже здесь. Одет по-праздничному, лицо сияет. Он не в состоянии усидеть на одном месте.

Мадам Файн. Не родись красивым, не родись умным, а родись счастливым.

Первая дама. К чему вы это говорите, Гертруда Григорьевна?

Мадам Файн (*не обращает внимания на вопрос*). Вы понимаете? Мой муж с давних пор имеет бесконечное множество выигрышных билетов, но он не выиграл. А этот имел, с позволения сказать, один-единственный билет, и как раз на его номер падает выигрыш, да еще самый крупный!

Дамы, рассматривающие альбомы, многозначительно переглядываются и улыбаются.

Вы поверите? В тот день, когда мне сообщили «радостную весть», что двести тысяч достались этому... Сорокеру, я чуть не умерла. Сперва я не поверила. Потом, когда пришел мой муж, а за ним мой Соломон и сказали мне, что они сами видели директора банка Голдентолера и он сам это подтвердил, мне, с позволения сказать, стало так плохо! Еще минута — и я упала бы в обморок! А после этого мне всю ночь клали на сердце мокрые полотенца. У меня, видимо, были спазмы... Еще теперь, когда я вспоминаю, у меня пробегает по телу судорога...

Дамы, рассматривающие альбомы, качают головами: «Ай-яй-яй!»

Первая дама. Но я слышала, будто этот Сорокер вот-вот станет тестем вашего сына, Гертруда Григорьевна!

Мадам Файн (*не обращая внимания на ее слова*). То же самое происходит со мной из-за женитьбы сына. Я всегда молила бога, чтобы он послал моему Соломону невесту не из нашего города, а из большого города, из знатной семьи... Такой сын, как мой Соломон!.. Мне ведь не надо его расхваливать, его и без того знают... Но вот в дело вмешивается сатана, любовь, с позволения сказать!..

На лицах дам, рассматривающих альбомы, появляются гримасы. Одна из них говорит тихо: «Любовь к пятидесяти тысячам».

Вторая дама. Гертруда Григорьевна, а правду говорят, будто Сорокер дает за своей дочкой пятьдесят тысяч приданого?

Мадам Файн. Представьте себе, он дает как раз семьдесят пять тысяч... А если бы даже он давал все сто тысяч? Разве он не в состоянии это сделать? Она же — их единственное дитя! Но вы не должны забывать, кто такой, с позволения сказать, *он* и кто — *мы*.

Первая дама. Но ведь говорят, что девушка очень красивая.

Вторая дама. И хорошая, говорят, девушка!..

Мадам Файн (*не обращая внимания на слова обеих дам*). Если бы к нам пришел посредник и предложил невесту из такой семьи, мой муж сбросил бы его с лестницы. Но раз уж вмешалась любовь, с позволения сказать...

Колтун надменно и вместе с тем угодливо-покорно называет входящих гостей.

Колтун. Семен Макарович Сорокер! Эрнестина Ефимовна Сорокер! (*Подобострастно расшаркиваясь перед ними, он с фамильярно-дружеской улыбкой почтительно отступает, чтобы дать дорогу портному и его жене.*)

Шимеле в новеньком цилиндре. Эти-Мени странно одета. На ней все цвета радуги. Гости внимательно разглядывают обоих.

Шимеле Сорокер (*протягивает руку Колтуну*). Как поживаете, Ефим Панте... Панте...

Колтун (*убрав руки за спину, подсказывает ему вполголоса*). Пантелеймонович...

Эти-Мени (*тянет мужа за рукав*). Идем!.. Нашел, с кем завести разговор! Противно смотреть на него.

Шимеле Сорокер (*жене*). Это же Колтун, наш бывший управляющий! Ты его не узнала?

Хозяин дома, Ошер Файн, швыряет карты на стол, встает и бросается встречать гостей. Мадам Файн тоже встала. Из боковой двери выходит Соломон Файн. Идет навстречу гостям.

Ошер Файн (*по дороге*). Милости просим, дорогие гости! Мы все так долго и с таким нетерпением ждем вас. Почему так поздно? И где ваша дочь?

Шимеле Сорокер (*останавливается, не снимая цилиндра*). Она виновата! (*Указывает на жену.*) Начали одеваться — и что бы мы ни надели, все плохо. А когда мы были уже совсем готовы (*осматривает себя в новом костюме*), она вдруг придумала, чтобы я надел цилиндр. Иначе она со мной не пойдет. Я ей говорю: «Зачем мне этот цилиндр? Зачем эта дымоходная труба на голове?»

А она отвечает: «Все аристократы так одеваются...» — «А если аристократы отрежут себе носы, я тоже обязан?» (*Снимает цилиндр.*)

Колтун подбегает, хочет принять цилиндр и положить на место, но портной не отдает.

Один из гостей. Ха-ха! Отрежут себе носы! Хорошо сказано!

Все смеются. Среди гостей неожиданно вырастает фигура свата Соловейчика.

Соловейчик. Ха-ха! Замечательно! Если уж Семен Макарович скажут, так это — нечто особенное...

Ошер Файн (*берет портного под руку*). Пойдемте, я вас представлю моим гостям! (*Подводит его к каждому гостю отдельно.*) Макар Семенович Сорокер... Будьте знакомы... Макар Семенович Сорокер...

Шимеле Сорокер (*обрывает его*). Извините, вы перепутали молитву, вы вывернули ее наизнанку...

В это же время мадам Файн обнимает мадам Сорокер, сначала крепко целуется с ней, затем представляет ее дамам.

Мадам Файн. Где же ваша дочь?

Эти-Мени. Что-то ей нездоровится... Боюсь, не инфлюэнца ли у нее...

Мадам Файн. Боже упаси! Почему вы так думаете? Бывает, человеку нездоровится... Да я сама, с позволения сказать, целую неделю плохо себя чувствовала... (*Усаживает Эти-Мени на самое почетное место.*)

Первая дама (*тихо*). Я не желаю ей плохого, но нам бы себя так чувствовать...

Вторая дама. И всем дай бог!..

Ошер Файн (*портному*). Где же ваша дочь? Почему мы ее не видим?

Шимеле Сорокер. Вдруг заболела. Простудилась. А может, угорела... Осталась дома, бедняжка...

Ошер Файн (*усаживает гостя на самое почетное место*).

Шимеле широко разваливается в кресле. Все занимают свои места.

(*Хозяин дома подает Шимеле коробку сигар.*) Что вы курите? Я хотел сказать, что вы больше любите — папиросы или сигары? Да, жаль, ох как жаль, что ваша дочь не пришла!

Шимеле Сорокер. Правду говоря, я не курю ни сигар, ни папирос. Но это не важно. Как говорится, от прибытка голова не болит... (*Берет сигару.*)

Один из гостей. От прибытка голова не болит! Ха-ха! Хорошо сказано!

Все гости смеются.

Соловейчик. Ха-ха! Замечательно!

Шимеле Сорокер (*поднеся сигару ко рту*). Ну, кто из вас с огоньком и может дать прикурить?

Несколько гостей поспешно роются в карманах и сразу подносят ему зажженные спички.

Большое вам спасибо! (*Подносит сигару к огню, пыхтит, кряхтит, но ему все не удается прикурить.*)

Соловейчик (*стоявший в стороне, подбегает*). Извините! Вы же забыли откусить этот питем * райского яблока.

Шимеле Сорокер (*Соловейчику*). Зачем же я стану откусывать питем райского яблока? Разве я беременная женщина?

Отдельные голоса. «Беременная женщина»! Ха-ха! Хорошо сказано!

Остальные смеются.

Соловейчик. Замечательно! Ха-ха!

В это время дамы усиленно ухаживают за женой портного: кто подносит ей стул, кто подсовывает ей скамеечку для ног, кто показывает ей альбомы. Мадам Файн с сияющей физиономией следит, чтобы всем был подан чай. Колтун сервирует чай искусно, ловко, как фокусник.

Шимеле Сорокер (*схватил Колтуна за фрак*). Ефим Пантелеймонович! Что это вы все мечетесь как угорелый? Постойте минуточку! Я хочу у вас кое-что спросить. Вы хоть помните, как три недели тому назад говорили мне, что с тех пор, как существует мир, ни один человек еще не выиграл по выигрышному билету? Вы сказали, что это мошенничество? Эх, наш брат!

Мадам Файн вне себя от скандального происшествия: будущий тесть ее сына завел разговор с приказчиком. Она взглядом предлагает мужу спасти положение — загладить впечатление от «скандала».

Ошер Файн. Вас можно поздравить, Семен Макарович. Говорят, вы сделали большое дело.

Один из гостей. Миллионное дело!

Шимеле Сорокер. До миллионов еще далеко, но если бог захочет, будут и миллионы...

Один из гостей. Говорят, вы сделали синдикат из всех кинематографов нашего города?

Еще один из гостей. В Америке это называется трест.

Шимеле Сорокер. Я не знаю, как это называется в Америке, но я знаю одно: из всех дел, которые мне предлагали, это было самое лучшее, самое красивое и самое почетное. А миллионы — у бога... (*Дымит сигарой.*) Вы не можете себе представить, сколько дел мне предлагали. У вас не хватит волос на голове, чтоб сосчитать! И все, все без исключения вдруг стали моими лучшими друзьями и готовы за меня хоть сквозь землю провалиться!

Раздается звонок. Колтун скользящим шагом устремляется к двери.

Колтун (*объявляет громогласно*). Генрих Феликсович Гимелфарб!

Ошер Файн (*берет за руку Гимелфарба, подводит к гостям и представляет его*). Генрих Феликсович Гимелфарб — бухгалтер Частно-коммерческого банка.

Шимеле Сорокер. Старый знакомый! (*Подает ему руку.*) Что слышно нового? Наш брат!

Гимелфарб. Да, мы старые-старые знакомые. (*Хозяину дома.*) Я первый принес им радостную весть, когда на их билет пал самый крупный выигрыш. (*Портному.*) Что? Разве я не был первым?

Шимеле Сорокер. Первый не первый, но из первых.

Один из гостей (*повторяет*). Первый не первый, но из первых... Ха-ха! Хорошо сказано!

Все смеются.

Соловейчик. Когда Семен Макарович скажут — так это уже нечто особенное!

Шимеле Сорокер (*свату*). Собственно говоря, что я такое особенное сказал?

Гимелфарб (*портному*). Во всяком случае, на наш банк вам жаловаться не приходится.

Шимеле Сорокер. Потратить бы мне на врачей и лекарства столько, сколько я потерял на делах с вашим банком! Всем бедным мастеровым желаю таких дел, наш брат простой народ!

Гимелфарб (*портному*). Спрашивается, почему же в таком случае вы ни с того ни с сего ушли от нас? Это же называется: черная неблагодарность, или, как говорят, поблагодарить камнем по голове... Мы, конечно, из-за вас не попали, упаси боже, в беду. Но все-

таки обидно. У нас ведь своя амбиция! У нас не какой-нибудь мелкий банк! Наш банк вполне мог бы работать даже в Египце! Он и там лицом в грязь не ударил бы! Подумаешь, какую роль играет для нас выдать сто пятьдесят тысяч рублей! Для нас это просто — фу! (*Взмахнул рукой.*)

Шимеле Сорокер (*не поняв, продолжает пить чай; оглядывается*). Вы не знаете, чего он хочет, этот чудак?

Гимелфарб (*продолжает, не слушая*). Мы не разоримся, упаси боже, и без ваших денег. Приятно, конечно, иметь такого клиента, как вы. Почему бы и нет? Но жили ведь мы и до того, как вы выиграли эти двести тысяч! Все же нам обидно, что вы надумали вдруг, ни с того ни с сего, забрать все ваши деньги!

Шимеле Сорокер (*смеясь во все горло*). Что за чушь! Что он лопочет? Что он мне морочит голову? Чудак какой-то.

Гимелфарб (*не слушая, говорит безостановочно*). В первую минуту, как только мы увидели ваш чек на такую сумму, нам стало немножко не по себе, и мы хотели послать к вам проверить: не ошибка ли это? Но мы же слыхали, что вы предпринимаете какое-то колоссальное дело — синдикат, затеваете чудовищно большое предприятие. Поэтому мы только обратились за указаниями к нашему директору господину Голдентолеру. А наш директор распорядился не ставить никаких вопросов и выдать деньги... Но по тому, *как* он говорил об этом, легко было заметить, что директор обижен. И он прав! Ведь какое бы крупное дело ни затевалось, все равно не могут понадобиться вам сразу все сто пятьдесят тысяч... Следовательно, есть еще одна причина, по которой вы решили перевести ваш текущий счет в другой банк. Я не спрашиваю, какой это банк, потому что мы не боимся конкуренции. Я только спрашиваю: что тут за причина? Я прошу вас: вот сейчас при всех скажите...

Все постепенно заинтересовываются. Мужчины окружают портного и бухгалтера. Дамы прислушиваются издали. Никто ничего не понимает и меньше всех — портной.

Шимеле Сорокер (*Файну*). Сколько, «наш брат», этот господин Сорок-один говорит, я взял со счета?

Ошер Файн. Он говорит: сто пятьдесят тысяч...

Шимеле Сорокер. Ха-ха-ха! Настоящий шут!

(*Бухгалтеру.*) Молодой человек, идите домой и проспитесь!

Гимелфарб. Лучше вы идите спать — вам пора. А я человек молодой и хочу еще повеселиться. Говорили, что сегодня здесь и танцы будут. Вы же не танцуете, Семен Макарович, а я танцую.

Шимеле Сорокер. Танцуй, танцуй! На здоровье! Но что это за сто пятьдесят тысяч? О чем ты говоришь?

Гимелфарб (*рассердившись*). Во-первых, я попрошу вас не тыкать...

Шимеле Сорокер. Чего не делать? (*Закрывает один глаз.*)

Гимелфарб. Не тыкать! Не говорить мне «ты»... Правда, я — моложе вас, намного моложе, но я тоже уже не мальчик.

Ошер Файн (*хочет примирить их*). Ну, бросьте!.. Пустяки!..

Соловейчик (*тоже вмешивается*). Чепуха!

Гимелфарб. А во-вторых, зачем вы прикидываетесь наивненьким: «Что это за сто пятьдесят тысяч?» Может быть, вы еще скажете, что это не ваш чек принес какой-то Кременчук или Романчук?

Шимеле Сорокер. Не Кременчук и не Романчук, а Вигдорчук. Это один из моих компаньонов, которые организуют вместе со мною эту... эту фильмокомпанию. И я ему действительно выдал чек на пятнадцать тысяч...

Гимелфарб. Вероятно, вы хотите сказать — на сто пятьдесят тысяч?

Шимеле Сорокер. Это *вы*, вероятно, так хотите сказать! А я говорю точно, столько, сколько было написано в чеке.

Гимелфарб. Если вы хотите назвать точную сумму, которая была обозначена в чеке, вы должны сказать: сто пятьдесят тысяч.

Шимеле Сорокер. Почему?

Гимелфарб. Потому что вы сами приказали выдать именно такую сумму.

Шимеле Сорокер. Вы что, хотите сказать, что я сумасшедший?

Гимелфарб. Нет, это вы хотите представить *меня* лгуном или плутом. Но, может быть, вы шутите? Бог вас знает...

Все заинтересовываются. Мужчины еще теснее окружают спорящих.

Шимеле Сорокер (*уже обеспокоенный*). Ну, я вас спрашиваю, что вы скажете об этой комедии? Он мне рассказывает, будто я дал чек на сто пятьдесят тысяч, когда я выдал на пятнадцать тысяч. Какой-то странный человек!

Ошер Файн. Между пятнадцатью и ста пятьюдесятью тысячами чересчур большая разница.

Соловейчик. Замечательно!

Шимеле Сорокер. Что вы мне рассказываете сказки? Я ведь сам писал чек... То есть не я, писал-то он — этот Вигдорчук. Но я хорошо смотрел, когда подписывал. (*Пишет в воздухе пальцем.*) Одна единица, одна пятерка и три нуля...

Гимелфарб (*тоже пишет в воздухе*). Одна единица, одна пятерка и четыре нуля.

Шимеле Сорокер (*пишет в воздухе*). Три нуля!

Гимелфарб (*пишет в воздухе*). Четыре нуля.

Шимеле Сорокер. Посмотрите, как он размахивает рукой, этот надутый индюк!.. Четыре нуля! Пять нулей! Шестьсот нулей!.. А разве там не было написано словами ясно и точно: «Пятнадцать тысяч»?! Что вы теперь скажете, наш брат?

Гимелфарб (*громко*). Вы, вероятно, хотите сказать: «Сто пятьдесят тысяч! Сто пятьдесят тысяч рублей!»

Ошер Файн. Фи, здесь какая-то некрасивая история!

Все, в том числе и дамы, столпились около спорящих. Чувствуется, что назревает какое-то событие. Эти-Мени подошла последней.

Эти-Мени. Что здесь происходит, Шимен... то есть Семен Макарович?

Во время спора между Шимеле и Гимелфарбом Колтун стоит в стороне. «Мефистофельски» улыбаясь, он смотрит то на одного, то на другого и злорадствует. Раздается звонок. Колтун скользящим шагом устремляется к двери, возвращается и объявляет.

Колтун. Максим Васильевич Голдентолер!

На мгновение взоры всех обращены на дверь. Ошер Файн идет навстречу директору, хочет представить его гостям, но Гимелфарб мешает ему и, горячась, кричит.

Гимелфарб. Вот и сам директор! (*Голдентолеру.*) Максим Васильевич! На какую сумму был чек господина Сорокера, по которому вы уплатили какому-то Мееровичу... или Вигдоровичу... а может быть, Вигдорчуку — да, Вигдорчуку?

Голдентолер (*равнодушно-спокойно*). Сто пятьдесят тысяч рублей. А что?

Шимеле Сорокер (*с блуждающим взором*). Эти-Мени!.. Где мы? (*Увидев жену, кричит не своим голосом.*) Спасите! Караул! Бегите! Догоняйте! Ловите! Меня обокрали! Ограбили! Обобрали до нитки! Они же все забрали! Я стал нищим! Помогите! Помогите мне поймать этих разбойников! (*Хватает свой цилиндр и устремляется к дверям.*)

Открывается дверь, и врывается Мендл. Лицо его выражает сильный испуг.

Мендл (*ищет глазами кого-то*). Не было здесь Изабеллы Семеновны? Значит, на вас свалилось большое несчастье... Хозяин! Ваша дочь удрала через окно и — фьють!..

Эти-Мени (*заламывает руки*). Горе мне! Горе мне горькое! Несчастье стряслось! Беда на мою голову!.. Теперь я понимаю, в чем дело! Я знала, что так будет!.. Она же мне говорила: «Мама, я убегу куда глаза глядят!..»

Шимеле Сорокер (*жене*). Вот как! Чего же ты молчала?! Дура! Почему ты мне не сказала? (*Хватается за голову.*) Дочь моя! Мое дитя!.. Пусть пропадут к черту деньги! Пусть все к черту пропадет — лишь бы с дочерью моей ничего не случилось!.. (*Быстро вынимает кошелек из кармана, срывает с себя золотую цепочку с часами, кричит.*) Эти-Мени! Снимай! Дай сюда жемчуг! Серьги! Кольца! Все драгоценности!..

Эти-Мени послушно снимает с себя все и отдает мужу.

(*Он соб рает все в цилиндр и протягивает гостям.*) Вот! Отдаю вам все, что имею!.. Делайте что хотите — только помогите мне найти дочь! Помогите мне! Помогите мне вернуть мою дочь!.. (*Рыдает.*)

Эти-Мени тоже плачет. Все ошеломлены.
Занавес падает.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ДЕЙСТВИЯ

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Заезжий двор близ железнодорожной станции. Две комнаты. Одна — большая, светлая. У стен — две опрятно застеленные кровати. Столик, несколько стульев, диван, зеркало. На стенах — дешевые картины в простых рамках. Несколько горшков с цветами. Две двери: одна — прямо против зрителя — ведет на улицу, вторая — в другую комнату. У закрытой двери, ведущей в соседнюю

комнату, приложив к ней ухо, стоит Мотл Косой. Посреди комнаты стоит Копл Фалбон. Они тихо разговаривают.

Копл Фалбон (*Мотлу*). Ну?

Мотл Косой (*отступая от дверей на цыпочках*). Она еще спит...

Копл Фалбон. Шутка ли! Такая ночь! Она ведь совсем не спала!..

Мотл Косой. А страх? А ужасы? Ей все казалось, что за нами погоня...

Копл Фалбон. Откуда ты знаешь?

Мотл Косой. Она сама мне сказала...

Копл Фалбон. Когда?

Мотл Косой. Сегодня... Когда ты пошел заказать еду, самовар, мы здесь немножко побеседовали...

Копл Фалбон. О чем?

Мотл Косой. Обо всем...

Копл Фалбон. А о том, что будет дальше?

Мотл Косой. Тоже говорили...

Копл Фалбон. Что говорили?

Мотл Косой (*раздраженно*). Что говорили! Сам знаешь, зачем же спрашивать? Она боится, чтобы отец не догнал нас... Тогда нам всем несдобровать!

Копл Фалбон. В таком случае... Что же нам остается делать?

Мотл Косой. Остается только одно: возможно скорее справить свадьбу. Тогда пусть он приезжает хотя бы вместе с раввином и раввиншей — поздно, пропало... Значит, теперь надо решить только один вопрос: кто из нас двух будет тем счастливцем?

Копл Фалбон (*испуганно*). Ну да! В этом все дело!..

Мотл Косой. Но об этом мы с тобой давно уже договорились. Либо мы предоставим это ей самой, то есть Бейлке... Пусть, стало быть, сама скажет, кого она выбирает... Либо мы бросим жребий...

Копл Фалбон (*беспокойно*). А она тебе еще ничего не говорила, кто... то есть... кого...

Мотл Косой. Глупенький, если б она мне сказала, я бы тебе рассказал...

Копл Фалбон. Значит, все еще висит в воздухе?

Мотл Косой (*поднимает глаза кверху*). Конечно, в воздухе... Однако не мешает заранее приготовить все, что потребуется для венчания...

Копл Фалбон. А именно?

Мотл Косой. Например, десять евреев...*

Копл Фалбон. Ну, это не трудно: заплатим по полтиннику, сейчас же соберутся.

Мотл Косой (*оживленно*). Дай бог, чтобы все было так хорошо, как твой план!

Копл Фалбон. А если здесь нет раввина, я могу пойти на то, чтобы венчал любой честный еврей!

Мотл Косой. Ей-богу, Копл, ты умница! Ты человек с головой!

Копл Фалбон. А если у них нет здесь балдахина для венчания? Ничего, обойдемся. Возьмем четыре палки, натянем большой платок... Чем плохо?

Мотл Косой (*обнимает его*). Копл! Расцеловать тебя надо за это! Делай так, как ты придумал! Пусть все будет наготове!.. Ступай, а я побуду здесь: нельзя же оставлять ее одну...

Копл Фалбон. Боже сохрани! (*Колеблется.*) Но дело вот в чем: не лучше ли нам раньше узнать, как и что... а потом пойти...

Мотл Косой. Нельзя медлить. Что, если, не дай бог, нагрянет отец... Зачем терять время? Нет, лучше ты все приготовь. А когда вернешься, мы вместе с ней и решим — туда или сюда!.. Что ж? Кому выпадет счастье... Но я тебя уверяю, если ты окажешься счастливцем, я сердечно порадуюсь за тебя... Что я могу против тебя иметь? Ведь у нас с тобой одно и то же желание: видеть Бейлку счастливой...

Копл Фалбон. Я тоже так считаю. Если ты — твое счастье... Ведь главное — Бейлка... Ну, я иду. (*Одевается*). А ты уж тут старайся, следи за всем... (*Копл идет к двери, возвращается, останавливается на мгновение, уходит.*)

Мотл Косой (*про себя*). Вот размазня! Он еще надеется... Кажется, и слепому видно, в кого влюблена Бейлка... (*Прислушивается.*) Кажется, встала...

Открывается дверь, ведущая во вторую комнату. На пороге показывается Бейлка. Она сияет и улыбается.

Бейлка (*приводит в порядок слегка растрепавшиеся волосы, осматривается.*) Никого нет? А Копл?

Мотл Косой. Ушел поискать балдахин, привести людей и все прочее. Как мы условились...

Бейлка. Мотл! А это должно произойти именно сегодня?

Мотл Косой. А как же? Отложить на завтра? Вдруг нагрянет твой отец...

Бейлка. Ой, Мотл, молчи! Я даже подумать об этом не могу! (*Приближается к нему.*) Мне хочется отомстить им, доказать, что я человек, что я живу своим умом, что я свободна!.. А потом пусть они приходят и говорят что угодно... Ах, Мотл, Мотл! Ведь у нас девушка освобождается от родительской власти только тогда, когда отдает свою свободу кому-нибудь другому...

Мотл Косой. Разве кто-нибудь говорит о твоей свободе? Разве кто-нибудь хочет отнять у тебя свободу? Бейлка, душа моя! Разве мы не клялись любить друг друга верно и вечно?! Разве мы не связаны с тобой давным-давно? Задолго до того, как твой отец, к его большому счастью или большому несчастью, заполучил крупный выигрыш? Но мы друг другу об этом не говорили, пока не пришло время... А теперь? Неужели один из нас уже раздумал?

Бейлка (*пылко*). Я не такая! Уж если я решила... Я только пожаловалась на свою судьбу. Почему я — единственная дочь, всеми любимая, над которой всегда дрожали и отец и мать,— почему я должна самый радостный день в моей жизни, самый лучший праздник моего сердца, справлять тайком и поспешно, словно я совершаю какое-то преступление... Не забудь, Мотл, что отец мне все-таки отец. И мать — все-таки мать...

Мотл Косой. Видишь ли, если тебе жалко отца и мать, то могут быть два выхода: подождать, пока они приедут сюда, или повернуть оглобли и ехать домой...

Бейлка. Боже сохрани! Тогда я пропала! Ты не знаешь моего отца. Думаешь, он такой же, как был раньше? Пусть бог простит мне эти слова, но с тех пор, как отцу достался крупный выигрыш, он просто взбесился. Нет, я должна его так проучить, чтобы возврата к прошлому не было.

Мотл Косой. Значит, только ради этого?

Бейлка (*смотрит на него, улыбаясь*). Ах, Мотл! Ну и занятный же ты парень, Мотл! Тебе хочется лишний раз услышать слово «люблю»... Люблю тебя так, как можно любить только жизнь!.. Копл уже все знает? Ты говорил с ним?

Мотл Косой. Нет, Бейлка, я не смог... Сердце не позволяет!.. Парень совсем ослеп. Он все еще надеется: а вдруг ты выберешь его, а не меня...

Бейлка (*загрустила*). Жалко его... он меня любит...

Мотл Косой. Души в тебе не чает!

Бейлка. Как же быть? Может быть, *мне* с ним потолковать?

Мотл Косой. Если можешь... Я ему сказал, что ты должна решить сегодня же, в последнюю минуту, кто из нас тебе по сердцу. А если ты откажешься это решить, тогда мы будем бросать жребий, тянуть узелки. Кто вытянет узелок...

Бейлка (*звонко смеется*). Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Мотл Косой (*удивленно*). Что тут смешного?

Бейлка. Мне пришла в голову мысль! Замечательная мысль! (*Вынимает белый платок, делает два узла.*) У меня тут два узла. Ты — старше Копла, вот я тебе первому и дам тянуть. И ты вытянешь узелок — ха-ха-ха!..

Слышатся шаги. Бейлка отходит к окну. Входит Копл Фалбон, вспотевший, нагруженный свертками и кульками.

Копл Фалбон. А, Бейлка уже встала? (*Бейлке.*) Желаю здравствовать!.. Уф! Ну и набегался же я... (*Складывает свертки и кульки, вытирает пот.*)

Мотл Косой. Хоть не напрасно бегал? (*Рассматривает свертки.*)

Копл Фалбон. Боже упаси! Как это напрасно?.. Сейчас сюда придут люди со всем, что полагается, как мы уговорились... (*Указал на свертки.*) А это разные лакомства и закуски: пряники, селедка, немного крепкого вина...

Мотл Косой. Браво, Копл! Ты достоин медали!.. Теперь дело только вот за чем: значит, десять евреев для обряда венчания у нас есть, кому совершить венчание — тоже есть, и балдахин есть. Вином, закуской и пряниками мы тоже обеспечены. Невесту мы тоже имеем. Осталось решить только одно: кто из нас будет женихом? (*Бейлке.*) А уж это ты (*спохватился*)... то есть вы, Бейлка, должны решить... Зависит от тебя... то есть от вас...

Бейлка. Поверьте, мне очень тяжело... Мне неприятно... Вы знаете, как я вам обоим благодарна... Вы оба так много для меня сделали...

Мотл Косой. Мы и теперь готовы для вас...

Копл Фалбон. ...в огонь и в воду!

Бейлка (*делает вид, что обдумывает*). Погодите!..

Знаете, что мне сейчас пришло в голову? Давайте бросим жребий!..

Мотл Косой. Мы и сами об этом подумывали...

Копл Фалбон. Даже до того еще, как случилось это несчастье с выигрышем...

Бейлка. Видите? Удачная мысль приходит на ум сразу многим... (*Вынимает платок с готовыми узелками, отворачивается, словно для того, чтобы завязать узел, и затем протягивает им торчащие из кулака два хвостика*). Кто из вас старше?

Копл Фалбон (*уже протянувший было руку к платку*). Ты старше, Мотл, если я не ошибаюсь...

Мотл Косой. На один год и одну неделю...

Бейлка (*Мотлу*). Если так, тогда ты... то есть вы, Мотл, должны тянуть первым... (*Протягивает ему кулак с двумя хвостиками платка.*)

Мотл Косой делает вид, что задумывается на мгновение, колеблется и медленно тянет двумя пальцами кончик платка; показался узелок, Бейлка прячет платок.

Мотл Косой (*словно стряхивая что-то со своих рук, смотрит на Копла взглядом, просящим прощения*). Ну?..

Копл Фалбон (*побледнев и вздохнув, обращается к Мотлу*). Твое счастье... Дай бог... (*От волнения он не может больше говорить; глотает слезы.*)

Бейлка. Эх, Копл, я не ожидала... Я считала вас другом...

Мотл Косой (*Бейлке*). Разве он что-нибудь говорит? Наоборот!..

Копл Фалбон. Вот именно... Дай мне бог того же, чего я желаю Мотлу и вам обоим... Это ведь жребий, лотерея...

Мотл Косой. Если бы он вытянул, он и был бы...

Копл Фалбон. Конечно, если бы вытянул я... Желаю вам вместе дожить до старости и в... и в... полном благополучии!

Мотл Косой. Аминь! Поди сюда, давай расцелуемся.

Мотл и Копл обнимаются и целуются.

Копл Фалбон. Сказать вам правду? Если вы хотите знать, мое сердце давно уже подсказывало мне, что счастливцем окажется Мотл, а не я... Куда мне?! Я всегда был самым настоящим неудачником...

Отпетый неудачник!.. И я ни к кому не в претензии... Бог свидетель, как я вас любил, Бейлка, и как люблю еще сейчас и какой я настоящий друг моему товарищу Мотлу... Повторяю: дай бог мне хоть половину того, что я вам желаю... А если была у меня маленькая надежда, то я не виноват... Я ведь только человек... Но я не забывал, что судьба может мне и не улыбнуться. Ну, вот я и решил: если, упаси боже, для меня все развеется как дым, я сейчас же уеду в Америку. Если не верите, вот... (*Расстегивает сюртук, вынимает из внутреннего кармана книжечку.*) Вот я приготовил паспорт...

Мотл Косой и Бейлка переглядываются. Оба растроганы.

Бейлка. Зачем так далеко, в Америку? Оставайтесь здесь, и давайте будем настоящими друзьями.

Мотл Косой. Подумай, Копл, кто тебя просит...

Копл Фалбон. Мы еще подумаем... А пока я ведь остаюсь с вами и раньше всего должен справить вашу свадьбу. Я ведь буду на этой свадьбе вроде как единственный близкий родственник жениха.

Бейлка. Нет, невесты!

Мотл Косой. И жениха и невесты!

Копл Фалбон. И жениха и невесты. (*Прислушивается.*). Идут? Идут...

Один за другим входят десять евреев разного вида: в картузах и шляпах, в длинных кафтанах и коротких пиджачках. Один подпоясан красным платком, а из-под мягкой шляпы видны толстые пейсы и ермолка. Он взял на себя роль раввина. Другой держит в руках стаканчик и бутылку. Он заменит синагогального служку. Четверо держат высокие шесты, к верхним концам которых привязана зеленая шаль с бахромой. Это будет заменять свадебный балдахин. Осторожно проскользнули сюда несколько женщин. Они стали поодаль с благочестивым выражением на лицах, готовые произнести: «Благословен бог, и благословенно имя его, аминь!» Мальчишки-озорники пришли посмотреть «тайную свадьбу». Они к тому же надеются получить по куску пряника.

(*Подмигнув тому, кто взял на себя роль раввина.*) Ну?!

Еврей (*Коплу*). Ну-ну! (*Кивком предлагает одной из женщин подойти к невесте.*)

Женщины подходят к Бейлке, разворачивают желтый платок.

Женщина. Кто жених? (*Жестом приглашает Копла подойти ближе.*)

Копл Фалбон (*указывая на Мотла*). Жених он.

Мотл Косой (*подходит*). Это я.

Женщина (*дает ему желтый платок*). Будьте любезны, вот этим платком покройте невесте лицо. Это нам заменит фату.

Мотл берет платок, медленно подходит к Бейлке и покрывает ей лицо. Женщина берет Бейлку за руку и жестом показывает Коплу взять жениха под руку. Копл ведет жениха и невесту под балдахин.

Еврей (*жениху*). Ну! Кольцо!

Жених не понимает его вопроса.

Женщина. Обручальное кольцо!..

Копл Фалбон (*схватился за карман*). Кольцо? Есть, есть... Обо всем я должен помнить... Все приготовить, даже обручальное кольцо. (*Вынимает из кармана завернутое в бумажку кольцо, разворачивает бумажку, достает кольцо, передает его Мотлу.*)

Еврей (*Мотлу*). Надень кольцо на палец невесте и повторяй за мной каждое слово! (*Он говорит. Мотл повторяет за ним.*) «Вот ты... обвенчана... со мною... этим... кольцом... по закону... Моисея и Израиля...» (*Всем.*) Поздравляю! Мазлтов!

Все присутствующие. Поздравляем! Мазлтов!

Копл и Мотл обнимаются, целуются. Шум усилился. В разгар шума в комнату врываются Шимеле Сорокер, Эти-Мени и Соловейчик. Переполох.

Бейлка (*припадает головой к рукам Мотла*). Отец!.. Мама!..

Шимеле Сорокер (*оглядывается, не узнав дочери, лицо которой закрыто желтым платком*). Где она?! Где мое дитя?! Что вы молчите?! Наш брат!..

Эти-Мени. Ты не узнал ее голоса?

Соловейчик (*протискивается*). Позвольте!.. Извините, господа! Вот же она! (*Срывает желтый платок с лица Бейлки.*) Замечательно! Вот так история! Это же нечто особенное!..

Шимеле Сорокер (*увидев Бейлку, бежит к ней с раскрытыми объятиями*). Доченька моя дорогая! Ты жива, и мои глаза тебя видят! Чего же еще?!

Бейлка падает в объятия к отцу. Оба плачут.

Эти-Мени (*заламывает руки, опускается на стул, покачивается, плачет и причитает*). Горе мне, горе мое горькое! Гром меня поразил! Несчастье какое! До чего мы дожили и что мы видим своими глазами! Чем согрешили мы перед богом, что наш ребенок так нас опозо-

рил? Что здесь делается? С кем она хочет венчаться? Все в моей жизни опустело, все потемнело!..

Соловейчик (*который уже успел поговорить шепотом с присутствующими и в одну минуту все узнать, обращается к Эти-Мени*). Извините, мадам, вы не понимаете, о чем говорите. Ваша дочь только что обвенчалась. Вот с этим хлопцем... (*Показывает на Мотла.*) Вас надо поздравить, мазлтов!..

Эти-Мени (*закидывает голову, словно падает в обморок*). Гром меня поразил! Ой, беда, удар какой! Пуля попала мне в самое сердце! Копьем в мое сердце ударили!..

Шимеле Сорокер. Ладно! Тихо! Хватит тебе причитать, глупая плакальщица! Ослиная твоя голова! А если бы твое дитя, сохрани господь, умерло, тебе было бы лучше? Слыхали, какое несчастье? Ее дочь вышла замуж за человека, который ей ровня, за портного! Это же — настоящий наш брат! А мать еще горюет. (*Дочери.*) Который твой муж? (*Показывает на Мотла и на Копла.*) Этот? А может быть, тот? Мне еще не очень ясно...

Копл Фалбон (*указывая на Мотла*). Он счастливец, он... Мы бросали жребий...

Шимеле Сорокер (*поражен*). Какой жребий?

Копл Фалбон. Мы же оба были влюблены... Поэтому мы тянули узелки. И он вытянул... Значит, он выиграл...

Соловейчик. Замечательно! Разве я не говорил вам, что один из них двоих женится на вашей дочери? Клянусь вам жизнью...

Шимеле Сорокер. Зачем же надо было бежать из дому? Ведь вы могли сказать мне. Было бы красиво, благородно и тихо, и наш брат...

Мотл Косой. Разве можно было говорить с вами?

Бейлка. После этого несчастного случая, после того, как ты выиграл крупный выигрыш?

Шимеле Сорокер. Ты мелешь чушь! Вздор ты городишь! Нет больше выигрыша! Нет моего несчастья! Обобрали, все высосали, околпачили, выскребли все — до последнего гроша! И следа от денег не оставили. Я теперь такой же наш брат, как был...

Бейлка (*поражена*). Кто у тебя забрал? Где? Когда?

Эти-Мени. Вот те двое!.. Эти пройдохи из театра...

Бейлка. Вигдорчук и Рубинчик? Как это случилось?

Шимеле Сорокер. Как бы ни случилось — все пропало... Отняли как миленькие, удрали — и ищи ветра в поле!.. И воробей на крыше не чирикнул... Но может быть, ты думаешь, что перед этим, накануне ночью, мне не снился плохой сон? Дай бог, чтобы на их головы обрушилось все, что мне снилось!

Эти-Мени. Аминь!

Женщины (*их лица приняли благочестивое выражение*). Аминь! Благословен он, и благословенно имя его!..

Шимеле Сорокер. Ну, ладно! Шут с ними! Мое дитя нашлось — чего ж мне еще надо?! И я воздымаю руки к небу и говорю: «И это — к лучшему!..»

Эти-Мени. Аминь!

Женщины (*благочестиво*). Аминь! Благословен он, и благословенно имя его!..

Шимеле Сорокер. Правда, я остался гол как сокол! Сам бог покарал меня за то, что я захотел стать миллионщиком... Захотелось пролезть в знать... Голова у меня закружилась. Я опьянел.. вроде как угорел... Теперь угар прошел, я протрезвился и вижу, что был дурак дураком, что меня пороть следует... (*Присутствующим.*) Люди добрые! Вы, верно, слышали, что одному бедному портному выпал самый большой выигрыш — двести тысяч? Это я выиграл! Меня зовут Шимеле Сорокер... Двести тысяч улетучились, унеслись с ветром и дымом. И опять Шимеле — такой же наш брат, как и был... Сегодня у меня радость, веселье: моя дочь, в добрый час, вышла замуж! Но где же пирушка в честь ее свадьбы?! Давайте нальем понемножку чего-нибудь покрепче и выпьем за наш простой народ, наш брат, утюг и ножницы!.. Лехаим!

Копл Фалбон (*бросается к своим сверткам и кулькам, развертывает их и раскладывает на столе*). Здесь есть все: и выпивка и закуска...

Он и заменяющий синагогального служку расставляет на столе бутылки и стаканчики.

Соловейчик (*берет на себя роль распорядителя свадебного стола. Он проводит Мотла и Бейлку на почетные места за столом, а Шимеле и Эти-Мени сажает рядом с молодыми*). Извините, вам полагаются самые почетные места. (*Остальным.*) Давайте все к столу!

(*Коплу.*) Ну-ка, родственник жениха! Наливай стаканчики! (*Женщинам.*) Женщины! Берите пряники и сотворите над ними молитву! (*Раздает им пряники и пробует сам. Указывает взглядом на детей.*) Дайте этим хлопчикам тоже по куску пряника! Это будет доброе дело. К тому же пряники вкусные — нечто замечательное! (*Жует.*) Лехаим, друзья жениха и друзья невесты! Лехаим, все собравшиеся! Дай нам бог здоровья! И танцевать на свадьбах! (*Пьет.*)

Все протягивают друг другу стаканчики, пьют и закусывают.

Шимеле Сорокер. Выслушайте меня, люди добрые! История вот какая: у меня сегодня двойной праздник. Во-первых, нашлось мое дитя, моя единственная дочь, которой дорожу как зеницей ока! Пусть она будет здорова и переживет меня!

Эти-Мени. Аминь!

Женщины (*с благочестивой миной*). Аминь! Благословен он, и благословенно имя его!

Шимеле Сорокер. Во-вторых, она соединила свою судьбу с человеком, который ей ровня, она выбрала себе мужа из нашего простого народа,— утюг и ножницы! Она и слушать не хотела о том гусе, об аристократе, который с улыбочкой подбирался к приданому в пятьдесят тысяч. Я было и думал дать ей именно столько. Но жулики забрали эти деньги и заодно еще сто тысяч. Пропади они пропадом вместе с деньгами. Если суждены мне, вам, всем евреям всякие беды, пусть они обрушатся на головы этих двух жуликов.

Эти-Мени. Аминь!

Женщины (*благочестиво*). Аминь! Благословен он, и благословенно имя его!

Шимеле Сорокер. Но если так случилось, надо опять налить понемножку и выпить «лехаим» в честь молодых, и в честь их родных и друзей, и... и в честь всех наших, в честь нашего брата простого народа!.. (*Протягивает свой стаканчик к другим, пьет.*)

Все пьют вместе с ним.

Теперь я хочу выпить с тем, кого выбрала моя дочь. (*Мотлу.*) Лехаим, Мотл! И дай бог, чтобы твой выигрыш был счастливей и долговечней моего.

Эти-Мени. Аминь!

Женщины (*благочестиво*). Аминь! Благословен он, и благословенно имя его!

Шимеле и Мотл целуются.

Шимеле Сорокер (*уже совсем навеселе*). Выслушайте меня! Уж если господь привел, что мы встретились с вами на таком торжестве, бессовестно будет не повеселиться и не поплясать по-настоящему, как полагается. Давайте возьмемся за руки, вы поможете мне петь, и мы все будем танцевать. Наш брат настоящий простой народ!..

Все окружают Шимеле, прихлопывают в ладоши, подхватывают веселую мелодию. Из толпы отделяется еврей, обвенчавший молодых. К нему присоединяется еще один, и оба пускаются в пляс.

Соловейчик (*останавливает первого*). Дядя, кто вы такой?

Еврей (*продолжая плясать*). Тот, кто венчал молодых!

Соловейчик. А другой кто? (*Указывает на второго пляшущего.*)

Еврей (*продолжая плясать*). Просто еврей...

Шимеле Сорокер. Совершенно верно! Это бравый еврей! Он наш брат! (*Подбирает полы сюртука, танцует «фрейлехс».*)

Соловейчик. А что же я? (*Засучив рукава, пляшет перед Шимеле.*)

Оба стараются превзойти друг друга в пляске. Темп ее делается все более стремительным и бурным, до того момента, пока в середину круга не врывается женщина, которая вела невесту под балдахин. Помахивая желтым платком над головой, она пляшет «козачка». Копл Фалбон не может совладать с собою и тоже пляшет в середине круга, пускаясь вприсядку. Все поют, хлопают в ладоши. Голос Шимеле покрывает шум.

Шимеле Сорокер. Крепче, братцы! Живее! Живее! Наш брат, утюг и ножницы! Наш брат простой народ!!!

Занавес медленно падает.

ЗАМЕТКИ О ЛИТЕРАТУРЕ

СУД НАД ШОМЕРОМ

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

Лет двадцать прошло с тех пор, как еврейский язык стал обнаруживать признаки языка, шевелиться, приходить в движение. Такие три великана, как Абрамович *, Линецкий * и Гольдфаден * в Польше, а также Айзик-Меер Дик * в Литве, нашли в себе достаточно силы, чтобы поставить народный язык на ноги, перенести его из «Цеэно-уреэно» * и «Тайчхумеша» * в живую литературу, из детской сказки — в роман, из «Прославлений Бешта» * — в поэзию,— «Тхинес» * в сатиру. Эти четыре гиганта, эти великие мужи создали новый язык, вселили европейский дух в старый жаргон, и читатели пришли массами! Публика ухватилась за еврейскую литературу с энтузиазмом, с пылом, присущим еврейскому народу. И не было почти ни одного еврейского дома, где бы люди не надрывали животики со смеху, читая «Польского мальчика» Линецкого в первой еврейской газете «Кол-мевассер» *, выходящей под редакцией Цедербаума, где бы не пели бессмертных сладостных песен Гольдфадена, где бы не увлекались прекрасными сценами из «Таксы» Абрамовича, не декламировали и не заучивали их, и т. д. Одним словом, это был яркий момент в истории еврейской литературы, счастливая пора в еврейской жизни вообще. Евреи и поныне вспоминают об этом с большим удовольствием...

Но вместе с ясным солнцем приходят и мрачные тени. Там, где растут плодоносные деревья, пробиваются и сорняки, а на розах растут и шипы. В каждой литературе рядом с великим талантом шагают по одной и той же тропе бездарность и ничтожество. Вслед за величавым богатырем-львом ползет червячок. Если бы великий талант, гений существовал вечно и вечно осенял литературу своим крылом, червячок не имел бы никакого значения. Но поскольку так бывает очень редко, червячок постепенно вырастает в большого червя, и вред от него столь велик, что люди начинают

искать, как бы выкурить его, чтобы от него и духу не осталось. Но не всегда это проходит гладко...

Упомянутые выше знаменитые народные писатели сложили оружие, и публика стала их постепенно забывать. Вот тогда и вылезли червячки из своих дыр, стали откладывать яички, плодиться и размножаться. Из всех углов и гнезд посыпались тараканы и всякие жучки и так запакостили еврейскую литературу, что придется долго ее чистить и мыть, пока она примет приличный вид.

Словно песок и мусор, просыпались «народные писатели», романоделы и до того запрудили еврейскую литературу своими «романами»,— да еще какими! — до того наводнили ими весь мир, до того испортили вкус публики, что никто и в руки брать не хочет других произведений, кроме этих «романов». Более того, все читатели стали писателями; все мальчишки, все праздношатающиеся — романистами! Достаточно любому парню прочесть какую-нибудь книжонку, чужой роман, как он уже становится романистом; он лишь переделывает имена героев, дает произведению еврейское название и за бесценок продает первому попавшемуся книгоноше свой «сверхзанимательный роман» в четырех частях с эпилогом. Книгоноша становится издателем, мошенник — «народным писателем», «романистом», а толпа принимает это за товар. И пошло.

Самым крупным, плодовитым и богатым из всех этих тараканов, жучков и червей является великий «романодел», наш подсудимый Шомер.

Этот молодчик взялся не на шутку затопить еврейскую литературу своими невозможными, водянистыми романами, своими диковинными произведениями, стоящими ниже всякой критики. Они, безусловно, вредны читателям, как яд, ибо извращают его лучшие чувства ужасными небылицами, дикими мыслями, душераздирающими сценами, о которых еврейский читатель раньше не имел никакого представления.

Это показалось странным нашим представителям. Была выделена комиссия. Обследовав полсотни романов Шомера, она пришла к следующим выводам:

а) почти все они просто украдены из других литератур;

б) все сшиты на один покрой;

в) романодел не дает реальных, подлинных картин еврейской жизни;

г) поэтому его романы к нам, евреям, никакого отношения не имеют;

д) эти романы лишь расстраивают воображение и никакого поучения, никакой морали дать не могут;

е) они содержат лишь словоблудие и цинизм;

ж) они, кроме того, очень плохо составлены;

з) автор, по-видимому, невежда;

и) школьникам и взрослым девицам ни в коем случае нельзя давать этих романов;

к) было бы большим благодеянием выкурить его вместе со всеми его диковинными романами из еврейской литературы с помощью конкретной систематической критики.

Здесь, на столе, лежит перед вами полсотни романов этого романодела. Они служат лучшим доказательством того, к чему может привести невежество сочинителя, наивность читателя, а также молчание критики, терпящей существование таких романистов.

РЕЧЬ ПРОКУРОРА

Господа судьи и господа присяжные заседатели!

Подсудимый, сидящий перед нами,— не вор, не злодей, не мошенник. Он не совершил никакого уголовного преступления. Он никого не оскорбил, ни у кого ничего не отнял, никого по миру не пустил — и все же он сидит у нас на скамье подсудимых, как настоящий преступник, как подсудимый. Что же это значит? В чем его особенность? По-моему, господа присяжные заседатели, он более преступен, чем вор, злодей, душегуб. Этот злодей не вышел убивать людей на большой дороге со шпагой, или копьем, или с обухом в руках,— нет! Он всего лишь выступил против невинной еврейской литературы и, изуродовав народный язык, испортил вкус публики, совратил множество простых читателей, которые без критики не умеют отличить хорошее от плохого, блуждают в темноте и поэтому не понимают разницы между произведениями Абрамовича и мусором, какой им подносят сочинители, вроде подсудимого Шомера.

Обмануть человека, отнять у него деньги, убить, зарезать, по-моему, менее преступно, чем обмануть целый народ, зарезать целую литературу, испортить вкус тысяч читателей, ибо в первом случае страдает только одно

лицо, а в данном случае страдает коллектив, множество, вся народная масса.

Поглядите-ка, до чего этот романодел довел нас! Посмотрите, до чего он извратил чувства и испортил вкус массового читателя. Любой ремесленник, любая женщина, любая девушка так напичканы пустыми, дикими, нелепыми романами Шомера, их мозги так засорены его сумасбродными небылицами, что они, эти читатели, уже не способны взять в руки путную, поучительную книгу, а только «сверхзанимательные» романы Шомера! А в них описывается много сложных, запутанных интриг, трогательных и душещипательных сцен: в них воруют и разбойничают среди бела дня, выкапывают мертвецов из могил, дерутся и убивают из-за прекрасной брюнетки или красивого блондина. Есть и другие подобные дикие выдумки, заимствованные из разных пустых русских, немецких или французских романов.

Полагаю, господа присяжные заседатели, вам известна священная цель литературы. Изящная литература, подлинный роман из подлинной жизни, знакомой каждому читателю, рисует всевозможными красками положительные и отрицательные черты человеческого характера, стремясь познакомить читателя с духом человеческим.

В каком случае писатель достигает своей цели? В том случае, когда он живописует знакомые нам картины, которые могут иметь место в жизни. Если же, например, писатель рассказывает нам сказку о том, как кочерга влюбилась в лопату, а ревнивому гусиному крылу, которым сметают пыль, стало обидно и оно взбудоражило всех гусей и индюков,— что за пользу, спрашиваю и я вас, какое нравоучение, какую мораль мы из всего этого можем извлечь? Кто это поймет? Кому это доставит удовольствие и кому это причинит страдание?

Увлекшись плодами своей фантазии, наш «романист» Шомер зашел так далеко, что меламед превращается у него в лорда, трубочист — в графа, мертвец превращается в живого и живой — в мертвеца, миллионы и брильянты валяются у него, как мусор, все слуги и служанки «крутят любовь», или, как Шомер это называет, «романсируют». Из-за этого они топятся, стреляются, вешаются и т. д.,— делают именно то, что мы привыкли видеть в некоторых французских романах.

Таким образом, когда вы читаете роман Шомера, вам кажется, что Бердичев перенесен в Париж, что Хаим, Иосл и Авремл — люди не от мира сего; они не знают, что значит купец, рубль, маклерство, пан, процент, и лишь ищут «любви», а Ханця, Мирка и Брайндл никогда не слыхали, что на свете существует торговля, лавка, шинок, тайчхумеш,— нет! Ханця, Мирка и Брайндл сидят на мягких бархатных диванах с белыми собачонками в руках и распевают сладенькие сентиментальные песенки о «любви»...

Но так как запутанную историю иногда хочется послушать, даже пустую сказку и ту порой хочется послушать; и когда нет рыбы, едят картошку, а если нет и ее, жуют солому,— вот народная масса и жует солому. Каждый бедный еврей и каждая простая еврейка раздобывают роман Шомера, и в субботу днем, после обеда, когда можно на минуту сбросить с себя бремя забот о пропитании, когда можно хоть на миг забыть о существовании лавки, торговли, маклерства, пана, процентщика, все усаживаются в круг: бабы, парни, девки — и слушают диковинные, нелепые истории, удивительные чудеса про меламеда-лорда, про трубочиста-графа, про любовь белокурого юноши Янкла к брюнетке Рохеле с розовыми щеками. О, какие прекрасные песни они изволят петь, какие горючие слезы они проливают при бледном свете луны. А охи и вздохи несчастных влюбленных, чьи сердца соединены, но изверги родители хотят разлучить их, сделать несчастными, сжить со свету?..

...Любовь, господа присяжные заседатели, это песенка старая в литературе, очень старая песенка! Каждый писатель и каждый читатель уже понимает, что самый лучший материал для романа — это любовь, любовь молодых. Любовь, конечно, священное чувство, благородное чувство, дар божий, без которого мы, люди, стояли бы ненамного выше животных. Однако существует любовь различного рода и вида, например: любовь родителей к детям и взаимно — детей к родителям; любовь братьев, сестер, друзей и т. п., любовь между товарищами, любовь к человечеству, к природе, к просвещению, к добру или злу и т. д. Однако лишь любовь мужчины к женщине, юноши к девушке именно тот вид любви, который используют почти все романисты всего мира, именно об этом роде любви написаны тысячи тысяч романов. Юноша и девушка, мужчина и молодая

женщина — вот главные элементы почти каждого романа. Юноша любит девушку, девушка любит юношу, они любят друг друга, их сердца соединены, души близки, но сами они разъединены, их тела далеко друг от друга, и оба стремятся быстрее и легче достичь единственной своей цели в жизни, удовлетворить единственное желание — прильнуть друг к другу, связаться в прочном вечном союзе. Вот эта борьба и эти страдания, в сочетании со счастьем неустанной борьбы за идею, это преимущественно и есть та канва, по которой писатель вышивает образы своего романа. Но не везде и не всегда любовь протекает гладко. Часто она наталкивается на препятствия, бывают разные несчастные или счастливые случаи: тут родители согласны, а там — нет; тут нравится жених, а там не нравится невеста; тут оказывается дядя-изверг или соседка-сплетница, и они всё расстраивают,— словом, влюбленные никак не могут достигнуть своей цели. Тогда они преисполняются гневом и возмущением и начинают лить слезы, а там уже возникают всяческие, не приведи господи, несчастья: жених вешается, невеста топится, поднимается шум, переполох. Или же наоборот: все препятствия, слава богу, преодолены, и жених соединился с невестой — мазлтов! мазлтов! Вот так большей частью заканчиваются романы у многих писателей.

Нужно, однако, быть наивным, как ребенок, чтобы считать главным в романе самое происшествие и полагать, будто весь интерес заключается лишь в том, добился ли юноша своей девушки или не добился. Как я вам уже говорил, господа присяжные заседатели, суть в том, чтобы изображать положительные и отрицательные черты человеческого характера. И подлинный писатель, образованный романист, кроме наслаждения, которое он доставляет правдивыми картинами жизни, должен раскрыть каждому, по его разумению и представлению, мораль, в них заключенную. Показывая нам, как нужно жить, он облагораживает нас, помогает разрешить жизненные вопросы, воспитывает в нас высокие чувства сострадания, любви, человечности и т. д. и т. д.

Однако это удел только образованного писателя, честного романиста. Что же мы видим у нашего подсудимого, господина Шомера? В одном из сладеньких произведений, лежащих здесь перед вами, в романе «Кровавое прощай», упомянутый романодел позволяет

себе говорить следующее: «Сочиняя свой роман, я не имею в виду дать вам какое-нибудь нравоучение, как это делают все романисты. Нет, клянусь своими бородой и пейсами (как вам нравится такая острота?), что я об этом и не помышлял... Я писал роман с единственной целью — доставить вам удовольствие».

Мы скоро увидим, какое удовольствие может нам доставить Шомер своими удивительными историями. Сейчас я говорю лишь о нравственности нашего романодела. Он имеет наглость утверждать, да еще клянется замечательной прибауткой, «бородой и пейсами», что не имеет в виду нравоучения, а думает лишь об удовольствии.

Как Шомер понимает слово «сатира» и ее цели, можно усмотреть из его маленького сатирического произведения «Черт с ним». Он говорит, что сатира нынче вошла в моду, а именно: высмеять друга за глаза, издеваться над бедняком — одним словом, смеяться для того, чтобы хорошо посмеяться. Но тут же невзначай Шомер просит, чтобы его самого не высмеяли. И вот это называется сатирой!..

...Нет! Не могу я больше равнодушно говорить о сатире и юморе Шомера, о его нравственности! Оставляю это и перехожу к шомеровской фантазии, к его серьезным, крупным, капитальным «сверхзанимательным романам в двух частях», где талант нашего великого романиста проявляется в полном объеме. И чудится мне, что я вижу перед собой не Шомера, а знаменитых французских псевдороманистов Ксавье де Монтепена, Понсона дю Террайля, Поль де Кока и т. п., с той только разницей, что эти фантазеры создали своих неправдоподобных героев с их дикими приключениями силой собственного воображения, а наш романодел Шомер всем этим полакомился и перенес данных героев из Парижа в Несвиж, из Марселя в Бердичев и из Бордо в Эйшишки! Поэтому все они имеют такое же отношение к нашей еврейской жизни, как Марсель к Бердичеву. Оттого и нужны нам романы Шомера, как собаке пятая нога. Вот я беру со стола один из лучших романов Шомера — «Нищий миллионер» (сверхзанимательный роман в двух частях).

Этот «сверхзанимательный роман», господа присяжные заседатели, переделан, перелицован с известного романа «Парижские тайны» известного французского

романиста Эжена Сю [1]. Насколько этот роман хорош или плох, сейчас не время толковать. Известному гебраисту Калмену Шульману роман понравился, он его перевел, просто перевел на древнееврейский язык, и, кстати, хорошо перевел. Казалось бы, и Шомер мог бы поступить так же, то есть перевести на еврейский язык «Парижские тайны» Эжена Сю — и все! Но нет, наш подсудимый не хочет быть простым переводчиком, это ему не к лицу. Что же он сделал? Он состряпал собственный роман, использовав сюжет произведения Эжена Сю, и назвал его «Нищий миллионер». У Эжена Сю главную роль играет принц Рудольф, у Шомера ту же роль играет еврей — миллионер Глазвалд. Кто он такой, этот Глазвалд? Что это за Глазвалд? Это нас не касается. Принц Рудольф бродит по Парижу инкогнито и разыскивает пропавшую семью. Точно так же ходит Глазвалд по городу Несвижу и тоже ищет

---

[1] Как видно, господину прокурору неизвестно произведение Александра Дюма «Граф Монте-Кристо». Если бы он его читал, то наверняка увидел, что «Нищий миллионер» является подделкой произведения Дюма, лишь французские имена героев переделаны на еврейские. Удивительно, что стенограф Шолом-Алейхем этого не заметил! Или, может быть, из благодарности к прокурору за его защиту еврейской литературы он не хотел его перебивать. Впрочем, какая разница, кому Шомер подражает, важно то, что это не свое...

Наборщик.

Примечание автора. Виноват, виноват, виноват! Я верю наборщику. Раз он говорит, что «Нищий миллионер» перелицован Шомером из «Графа Монте-Кристо», стало быть, он компетентен в таких делах. О, если б я сейчас мог найти «Графа Монте-Кристо», я бы за него отдал состояние вместе со всеми пятьюдесятью романами Шомера! Но кто виноват, если не сам Шомер? Кто обязан присматривать за его произведениями и проверять их? Автор сам обязан указать место, откуда он добывает такое сырье. Вот перед нашими глазами три «исторических» романа Шомера:

1. «Мнимый наследник» — исторический роман.
2. «Кровавый жених» — исторический роман.
3. «Фальшивый герцог» — историческая повесть.

На всех трех книгах значится: «Сочинение Шомера» (не перевод?). И я обомлел, откуда это у Шомера взялся исторический роман? Ведь для того чтобы написать исторический роман, надобно прежде всего знать историю, а чтобы знать историю, надо знать еще кое-что... Я сильно сомневаюсь, имеют ли эти романы отношение к истории, не перелицованы ли они, как и другие романы Шомера... Поэтому я откладываю эти три «исторических» романа и еще несколько редкостных вещей Шомера и прихвостней Шомера (этих редкостных вещей, присланных мне друзьями, спасибо им, наберется до полсотни). Я откладываю все это до следующего раза, когда, даст бог, на сердце будет радостно. Аминь!

Шолом-Алейхем.

свою пропавшую семью. Принц Рудольф, как вам известно, в конце концов нашел свою пропавшую дочь Марию — и господин Глазвалд нашел своего пропавшего сына, часовщика Нафтоле. У Эжена Сю фигурирует страшный убийца Жак Ферран. Соответственно этому имеются у Шомера изверг Герценштейн, вор и разбойник Шпин, какой-то аспид Гилон из Парижа, некая Элизабет и много других героев. Если у Эжена Сю имеется несчастная бедная семья Морель в Париже, то почему бы у Шомера не быть такой же бедной семье — Ципы и Леи в Несвиже? Там появляется Рудольф и выручает их из нужды, здесь приходит Глазвалд и сидит у изголовья Леи.

Но я повторяю: если бы Шомер всю эту запутанную историю перевел на еврейский язык, в этом был бы какой-то смысл, и мы тогда говорили бы об Эжене Сю, а не о Шомере. Но так как Шомер, изменив название романа, выдал его за собственное произведение, мы забываем об Эжене Сю и рассматриваем «Нищего миллионера» как произведение Шомера.

Однако мы, к сожалению, не находим во всем романе ни одного типа еврея, ни единого еврейского образа. Сочинитель показывает нам целую кучу марионеток, заводных человечков, которые ходят, бегают, сидят, разговаривают. Этот влюблен в ту, а та влюблена в того; этот — ангел, на редкость благородный человек, тот — злодей, убийца; этот — умница, тот — идиот; эта — прекрасная, нежная женщина с белокурыми длинными волосами, а та — уродливая, противная, как смерть... Шомер повелевает тому или другому герою пасть ниц и произносить: «Люблю тебя, мой ангел!» — и тот падает на колени и произносит: «Люблю тебя, мой ангел!»

Нет, это не роман. Это какая-то шарманка, ручку которой Шомер вертит сзади, а с лицевой стороны выскакивает «любовь»! Все у него влюблены, и все влюблены на один манер. Элизабет падает в обморок, и модистка падает в обморок, ибо все они обмануты в своей любви, все в отчаянии, все недоверчивы. Герои Шомера так похожи друг на друга, что, если бы не разные имена, мы бы не отличили богатую Элизабет от бедной Леи, миллионера Глазвалда от часового мастера Нафтоле, изверга Герценштейна от злодея Шпина-Гехта-Фаерфана. Злодеем у Шомера называется тот, кто убивает людей, грабит на большой дороге,

похищает мертвецов из могил, маскируется под разными именами: то он убийца Шпин, то подрядчик Гехт, то муж модистки Фаерфан, который всюду имеет невесту, богатую невесту с богатым приданым, с большими деньгами — деньги у Шомера что мусор, по всем уголкам валяются миллионы!

Таков у Шомера отрицательный герой, злодей. Шомер не понимает, что отрицательным героем, разбойником может быть и человек вполне благопристойный, почтенный хозяин, вовсе не скрывающийся под тремя разными именами; ему невдомек, что можно быть убийцей, никого не отравив, не зарезав, не ограбив ночью при луне, не вытаскивая мертвецов из могил, чего еще среди евреев никогда не случалось, и мне даже не представляется, чтобы среди читателей нашлись такие дураки, которые приняли бы это за чистую монету и поверили сочинителю на слово.

Итак, поскольку роман не имеет ничего общего с действительной жизнью, значит, роман не роман, а небылица, сказка о принце и принцессе, о раввине и раввинше, о двенадцати братьях с двенадцатью замками, о гиене полосатой и оборотне и т. д.

Было бы еще полбеды, если бы романы Шомера были только пустыми и бесполезными. Но они еще вредны с нравственной стороны, как я вам уже ранее показал и как покажу еще, с божьей помощью, дальше.

Я раскрываю перед вами еще один «сверхзанимательный» роман Шомера под названием «Покинутая».

С удовольствием выслушал я предисловие, в котором Шомер говорит: «Могу положительно утверждать, что все мои герои взяты из жизни...» Мне это было очень приятно. Стало быть, Шомер все-таки знает, что герои романа должны иметь отношение к подлинной жизни...

Но говорить легко, а верить Шомеру на слово никто не обязан. Поэтому я принялся искать по всему роману хотя бы одного живого человека, а не дутую куклу, хотя бы один знакомый тип, хотя бы одну правдивую картину из еврейской жизни. И что я нашел? Опять ангела, идеал, небожителя, который страдает, бедняга, за чужие грехи на земле, и опять злодея, разбойника, бандита (у Шомера сплошь бандиты), опять изверга, который грабит, разбойничает, загребает деньги, живет припеваючи и в конце концов терпит поражение совсем неожиданно, к вящему удовольствию

сочинителя и читателей, уже осведомленных, что нечестивца ждет у Шомера плохой конец, а праведник будет вскоре, с божьей помощью, спасен,— аминь...

Так у Шомера происходит с «Покинутой», с «Разлученной», с «Наследством», с «Братом-тираном», с «Кающимся», с «Нищим миллионером», с «Богатым нищим», с «Кладом», с «Современной невестой», с «Проданной невестой» — со всеми героями «сверхзанимательных» романов Шомера, которые, в сущности, представляют собой один большой, бесконечный роман, где меняются лишь имена,— здесь бандита звать Герценштейн, там — Фельдбаум, тут он — Перец, там — Велвл-ростовщик, а там — Даниел Пинтл. Однако все они бандиты, все они воры, разбойники, кровопийцы, вампиры, ханжи. Они то и дело строят интриги, выманивают деньги; они по нескольку раз женятся и совращают много прекрасных невинных девушек, они запанибрата со всеми международными ворами и работают заодно с могильщиками, похищающими мертвецов из могил... Одним словом, все персонажи — бандиты Шомера — это не герои, не люди, не звери, а какие-то драконы, полурыбы-полулюди, какие-то вурдалаки, восьминогие кони, диковинные, страшные создания из сказок «Тысячи и одной ночи», какими можно пугать малых детей.

Так обстоит с персонажами-бандитами, так обстоит с персонажами-ангелами, праведниками. Они тоже все являются одним и тем же лицом, но с разными именами: хорошие, благочестивые, честные, чистые, красивые, замечательные, без единого пятнышка, отважные, смелые парни, высокообразованные, беспредельно преданные ребята. Если они пишут горячие пламенные письма — им присущ один и тот же язык, если они говорят о священной любви — их стиль единообразен, будто выписан из книги и заучен наизусть: «О, люблю тебя, мой ангел!», «О, люблю тебя, жизнь моя!». Шомер стоит позади своего героя и подсказывает ему: «О, люблю тебя, мой ангел!» И тот говорит: «О, люблю тебя, мой ангел!» Слова без души, без всякого чувства, и произносятся они автоматически, как машиной... Героини, женщины, девушки, у Шомера ведут себя иначе, но также все на один манер, все по одной и той же программе, по одной и той же инструкции, а именно: они все устремляют очи горе; они там ищут

свой идеал, витающий в далеких небесах, и поют во всех романах слащаво-сентиментальные песни...

Чтобы заинтересовать публику, наш талантливый романист, написавший за свою жизнь тьму романов, совершил в «Покинутой» нечто новое. Это новое — скандал.

Правда, в других литературах это уже не ново, например, в парижских бульварных романах. Но у нас, на еврейском языке, это очень важное новшество, и ввел его Шомер...

...Как бездонно море, так и философия Шомера бездонна, и я должен был бы говорить перед вами три дня и три ночи, чтобы показать хотя бы десятую долю того, что наш подсудимый написал в своих ста романах. Шутка ли сказать — целая сотня романов! В каждом романе имеется от тридцати до сорока героев (на героев у Шомера урожай), значит, не больше и не меньше, как четыре тысячи героев, то есть четыре тысячи разных лиц, разных характеров, у каждого свои чувства, свои мысли, свои способности, свои наклонности, свои привычки, свои достоинства и свои недостатки,— словом, это дело не такое уж легкое. Для этого требуется совсем иной талант. Каждая книжка в отдельности должна быть обработана, должна доставаться кровью, должна стоить здоровья. Помимо того что нужно обладать божьим даром, талантом, сочинитель, прежде чем выпустить свое произведение, должен его хорошенько обдумать, десять раз обдумать, чтобы оно выглядело литературным произведением, реальным и актуальным, чтобы оно жило, говорило и уму и сердцу.

Но не так понял свою обязанность наш подсудимый Шомер: он принял народную литературу за предприятие по поставке романов, он сделался подрядчиком, поставщиком романов для еврейской печати... А масса смотрит на это равнодушно, и критика так же смотрит и молчит: «Что уж там, ведь это только для народа, для массы, для толпы, ей можно и солому жевать — не велика беда!» И таким вот образом эксплуатируют массу, берут у нее деньги и дают ей жевать солому, и никто не смеет и слова сказать. «Но ведь Шомер — это Шомер; он все же написал почти сто романов, и масса их читает, наверное, они что-то собой представляют!» И когда известный критик из «Восхода» *, господин Критикус *, сделал попытку просмотреть

одну книжку Шомера и оценил ее по достоинству, великий романодел выступил со статьей в «Идишес фолксблат», в которой Шомер доказывает, что он Шомер...

Словом, Шомер знает, что требует публика. Шомер знает, что толпа любит иллюзии, фокусы, и он дает ей иллюзии, фокусы; толпа любит скандалы, он подает скандалы, один больше другого, такие вот скандалы... Но к этому мы скоро вернемся. Я хочу показать образец его «Предисловия».

«Еще раз прошу моих читателей, если они возьмут в руки какое-нибудь из моих произведений, хорошенько рассмотреть первую страницу, значится ли там мое настоящее имя, так как некоторые стали эксплуатировать мое имя, Шомер, и выставляют его на разном тряпье, дабы пустить читателям пыль в глаза...»

Это значит: «Остерегайтесь подделки!», или: «Берегитесь воров!..» Горе молодой еврейской литературе, если у нее могут найтись такие сочинители и такие издатели, которые пошли бы на подделку Шомера! Мы можем его утешить словами русского поэта:

— Я разорился от воров.
— Жалею о твоем я горе.
— Украли пук моих стихов.
— Жалею я о воре.

Жалко вора, жалко еврейскую литературу, жалко народ!

Чтобы быть народным писателем, нужно быть талантливым писателем, патриотом и другом людей, нужно любить народ; бичуя и высмеивая, надо быть преданным народу, подобно Абрамовичу, у которого кровь сочится, когда он смеется и критикует. «Когда я пишу о моем несчастном народе,— пишет Абрамович в частном письме к знакомому,— у меня сочится кровь; я как будто смеюсь, но это горький смех, а когда я пишу с пылом, я и сам пылаю и медленно сгораю, как свеча...» Но так пишет Абрамович, а отнюдь не Шомер, который ищет лишь скандалы и гадости, за которые, как ему кажется, народ ему рукоплещет...

...Другой великий еврейский писатель — Линецкий. За кусок хлеба насущного он мучается, кривляется и транжирит свой редкостный сатирический талант на шутовские штучки, которые любит толпа. Но, смеясь и кривляясь перед публикой, он исходит кровью, когда

говорит, или пишет, или думает о бедном еврейском народе. Нет, господа, ничего более печального на свете, чем смеяться поневоле, когда тебе очень хочется плакать; паясничать, когда сердце пылает огнем, когда мысли витают где-то далеко, а за спиной стоит ангел смерти...

Но это о Линецком, а отнюдь не о Шомере, который признается в романе «Покаявшийся»,— голова у него, мол, такая слабая, что он не помнит ничего...

Я ему верю, верю: голова может разболеться от одного только чтения таких, с позволения сказать, пятидесяти романов Шомера. Я с большим ужасом прочитал их, и перед моими глазами сейчас мелькают одни лишь оборотни, драконы, бандиты, ангелы, старые девы с очами, воздетыми горе, с сентиментальными приторно-сладкими песенками и с шомеровской «мрачной философией, или кранцефолией»...

...Писатель, господа присяжные заседатели, народный писатель, художник, поэт, настоящий поэт является для своего времени, для своей эпохи своего рода зеркалом, в котором отражаются лучи жизни, как в чистом источнике — лучи светлого солнца. Поэтому идея рождается сначала у талантливого писателя, у духовного пастыря человеческого общества. Поэтому, когда случается бедствие, божья кара, когда обрушивается несчастье, это прежде всего доходит до тонкого чутья поэта, радетеля о благе народном. То же самое, когда доносится благая весть, радость: прежде всех это выражает поэт, одухотворенный человек, которого господь благословил возвышенным умом, благородным чувством, мягким и горячим сердцем. Поэтому между народом и писателем существует крепкий, вечный союз; поэтому каждый такой писатель является для своего народа и слугой, и жрецом, и пророком, поборником правды и справедливости; поэтому каждый народ любит такого слугу божьего, жреца, пророка, борца, который утешает народ в его горе, радуется его радостям и высказывает его идеи, мысли, думы, надежды и упования и т. д.; поэтому, говорю я, немыслимо ни одно жизненное явление, радость или несчастье у народа, которых писатель не касался бы.

...Теперь, господа присяжные заседатели, после того как я вам разъяснил, что за романист наш подсудимый, каким народным писателем является Шомер, я надеюсь, что ваш здравый смысл, ваш вкус и ваша чистая

совесть подскажут вам, как вы должны поступить с ним по всей строгости закона. Вы его, безусловно, не помилуете, так как этого не заслуживает такой вредный писатель, как он. Этим вы совершите два благодеяния: вы уничтожите литературного дельца и оградите нашу молодую еврейскую литературу от других подобных паразитов. Не от себя я это говорю вам, господа присяжные заседатели,— я это говорю от имени литературы, всей массы читателей, всего народа!

ТЕМА НИЩЕТЫ В ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

АБРАМОВИЧ

(«Фишка-хромой»)

К изображению низших классов, к созданию образов бедных, голодных, бесприютных, оскорбленных и обездоленных людей часто обращаются крупнейшие писатели мира. Нет ничего удивительного в том, что тема нищеты так занимает и наших народных писателей, ибо не всюду вы встретите столько бедняков, угнетенных, несчастных убогих и побирающихся, как у евреев.

Русский народный поэт Некрасов выражает свою скорбь о доле русского мужика такими словами:

Волга, Волга, весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!

Что же сказать о еврейском бедняке, у которого ни земли, ни скотины, ни кола, ни двора?

.....

Из всех бед и напастей нашего тяжелого времени нужно выделить две самые тягостные — голод и нужду. Не случайно поэтому такой талантливый, поистине народный писатель, как Абрамович, чаще всего изображает в своих замечательных творениях бедняков, нищету; то и дело вы встречаете у него людей обездоленных, разоренных, нищих, выпрашивающих милостыню или просто голодающих...

Книгу «Фишка-хромой», это самое маленькое по размеру произведение нашего самого крупного писателя, мы потому и выбрали для рассмотрения, что она целиком посвящена еврейской нищете, того рода беднякам, которых у нас называют попрошайками; короче говоря, перед нами *рассказ о еврейских нищих*. О бедноте у Менделе Мойхер-Сфорима сказано немало глубокомысленных, острых и горьких слов и в других произведениях, где освещаются хорошие и дурные

стороны еврейской жизни, как, например, в книге «Путешествие Вениамина Третьего»:

«Жители Тунеядовки почти все большие бедняки, не про вас будь сказано, настоящие нищие, но,— правды не скроешь,— они веселые бедняки, жизнерадостные нищие, полные надежд... Если, к примеру, вам вздумается вдруг спросить тунеядовского еврея, где и каким образом он добывает средства к существованию, то вначале он растеряется, бедняга, не зная, что ответить, а потом придет в себя и скажет со всем простодушием: «Я? Э! Как бы я ни жил... Есть, говорю я вам, бог на свете, он не оставляет свои создания. Худо-бедно, но кое-что он им подбрасывает, и дальше, наверное, будет подбрасывать, вот что я говорю».

«Но чем же вы все-таки занимаетесь? Владеете вы хоть каким-нибудь ремеслом, имеете какое-нибудь дело?»

«Благословен всевышний, у меня, видите ли, дар божий — хороший голос, настоящий инструмент, по праздникам я молюсь у аналоя, где-нибудь в округе. А по части обрезания младенцев и раскатывания мацы мне равного нет. Порой удается и сосватать кого-нибудь. И вот, как видите, у меня даже постоянное место в здешней синагоге. Между нами говоря, я содержу еще и шинок, который понемногу доится, и коза у меня есть, эта хорошо доится, а недалеко отсюда у меня богатый родственник, который в трудную минуту тоже дает себя слегка подоить... А помимо всего прочего, бог, говорю я вам, отец, и не перевелись еще среди нас милосердные, сыны милосердных. Грешно жаловаться...»

Вот таким образом вполне достойно проживает свой век уважаемый тунеядовский хозяин... А если вам угодно, вы можете прочитать у нашего лучшего писателя в «Маленьком человечке», как живется детям в бедной еврейской семье:

«...Когда я плакал, меня унимали не медовыми пряниками и не другими лакомствами, а оплеухами и подзатыльниками. Ни от кого я не видел ласки; мне никогда не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь сказал, например: «Бедненький, он ничего не ел», или: «Жаль бедняжку, у него лицо распухло» и т. п. В моих ушах только и звучало: «Посмотрите-ка на эту образину, на эту надутую физиономию, на эти лапы, красные, как бураки; посмотрите-ка на этого обжору, вечно у него слюнки текут; посмотрите-ка на этого урода, как он дергается, дрожит, стучит зубами...»

И все это не по злобе, не от жестокости, а от вопиющей бедности. Читайте дальше:

«Ребенок бедных родителей — это никому не нужное существо. Он всем мозолит глаза, он успевает нажить себе врагов еще до того, как появится на свет божий. А уж когда появится, то растет сам по себе, без любви, без ласки. Разве лишь тяжело заболеет. Тогда только найдет он путь к человеческому сердцу, окаменевшему от жестоких страданий, от горькой нужды; тогда только раскроется это сердце с его подлинными родительскими чувствами. Родителям ясно представится бесприютная жизнь их бедного ребенка, лишенного тепла и радости, им станет больно за эту невинную душу, которая зря прозябает на свете. А когда окаменевшее сердце открывается, оно похоже на реку во время ледохода...»

Какой глубокий, поистине философский взгляд на жизнь еврейской бедноты! Абрамович вовсе не отрицает наличия родительских чувств у бедных людей, но показывает, как нужда, горе, злосчастье сковывают, превращают в камень человеческое, может быть, даже доброе сердце. Но стоит льду тронуться, и вода прорывается. Так и человеческое сердце. Оно раскрывается для всех чувств, свойственных человеку, и он дает волю слезам.

Однако мы слишком задержались на двух крупнейших произведениях Абрамовича. Разговор о них нам предстоит в будущем, теперь же вернемся к той небольшой книжке, о которой нам хотелось побеседовать с читателем.

Напечатанное лет двадцать тому назад в Житомире под названием «Фишка-хромой», это произведение мало знакомо публике — во всяком случае, намного меньше, чем «Кляча», «Такса», «Маленький человечек» и другие произведения Абрамовича, хотя, по моему мнению, оно ни на йоту им не уступает и может быть поставлено рядом со всем лучшим, что написал Абрамович. «Фишка-хромой» заслуживает того, чтобы ему была посвящена особая статья [1].

---

[1] До нас дошло, что «Фишка-хромой» перерабатывается теперь писателем для нового издания. Вступление, напечатанное в виде образца в «Хойз-фрайнд», 1888 г., дает нам право надеяться, что в переработанном виде это произведение станет еще лучше, если только возможно писать лучше, чем оно написано.

Автор.

Кто такой Фишка? Откуда он взялся и что это за существо такое? Остановимся на этом вкратце.

Фишка всего-навсего бедный парень, косоглазый и хромой, «урод, не про вас будь сказано,— пишет о нем Абрамович.— Даже в «холерные женихи» его и то не взяли...» *. Жил Фишка в городе Глупске, в кирпичной бане; его делом было каждую пятницу зазывать народ в баню. Летом он, кроме того, еще торговал вразнос зеленым чесноком. И вдруг Фишка пошел в гору. Каким образом? Община женила его на немолодой слепой сироте, их обвенчали около «Мертвой синагоги», рядом со старым кладбищем, и Фишка превратился в щеголя, в новом с иголочки кафтане и в плисовой шапке... Но ведь не может счастье улыбаться человеку вечно! Бывает и так, что удача, дразня нас, как шут, сверкнет перед глазами, покажется на мгновение и тут же исчезнет. Так случилось и с Фишкой; в один прекрасный летний день ему пришлось, разутому, раздетому, с опухшими, искусанными ногами, пуститься бегом за чужой телегой, умоляя:

«— Люди, сжальтесь над калекой, подвезите меня в город!

— Как ты сюда попал, Фишка? Откуда ты вдруг взялся?

— Ой, провалиться бы ей! — со стоном ответил Фишка.

— Что случилось, Фишка? Кого это ты проклинаешь?

— Ой, провалиться бы им обоим — и ей и ему!

— В чем дело, Фишка, расскажи нам. Ты рассказывай, а мы тем временем помолимся».

И Фишка трогательно и простодушно, тем изумительным языком, равного которому мы не находим ни у одного еврейского писателя ни до, ни после Абрамовича, рассказывает свою грустную историю.

Ее можно передать в нескольких словах: слепая жена Фишки, жившая попрошайничеством, научившая и мужа побираться, изменила ему. Неверная жена стала обходиться с ним крайне деспотично, совсем не по-людски, как мы это увидим в дальнейшем. Эта незамысловатая история служит Абрамовичу канвой, по которой он вышивает разнообразнейшие узоры, яркими красками изображая жизнь еврейских нищих, попрошаек; с ними стоит познакомиться, и это даже небезынтересно. Почему бы и нет? Интересует же нас жизнь

зверей и животных, слонов, например, или обезьян, пчел и даже незатейливого клеща. Тем более должна нас интересовать жизнь нищих, ведь они, не взыщите, такие же люди, как и мы с вами. Слушайте же внимательно!

Нищие делятся у Абрамовича на оседлых и бродячих. Бродячие, в свою очередь, делятся, как солдаты, на пехоту и кавалерию, то есть на пеших нищих, тех, что передвигаются пешком, и фургонных нищих — эти тащатся в фургонах. Последние совсем как цыгане. День и ночь они странствуют с места на место; они родятся, вырастают, женятся, живут и умирают в пути. Они свободные люди. Вы, конечно, хотите знать, что разумеет Абрамович под словом «свободные»? «Свободные» здесь означает: «Их ничто не касается — ни налоги, ни паспорта, ни молитвы, ни все прочее, относящееся к еврейству; нищенская сума неразборчива: что мясное, что молочное — все вперемешку. Нищие — люди особого склада...» Фишка и его слепая жена были из пеших. А так как Фишка припадал на одну ногу, жена грызла его, говорила колкости, пока не перешла на откровенную ругань. Обучая Фишку ремеслу нищего, она осыпала его бранью.

Так добрались они до Балты, потом плелись еще несколько месяцев, пока не пристали к ватаге фургонных нищих — «кавалеристов». Перед Фишкой, который все больше присматривался к этим людям, к их нравам, к их повадкам, открылся новый мир. Фишка вдоволь нагляделся и наслушался, как они смеются над всеми на свете, как они издеваются над богачами, не оставляя на них живого места. Проклиная, ругая их почем зря, они, когда приходят за подаянием, делают жалостливое лицо, прикидываются калеками, клянчат и вымогают, из-за каждого гроша затевают спор, а иногда и унесут, что плохо лежит: хлеб «слямзят», курицу «стибрят» и т. п.

От Фишки не ускользнуло и то, как в этой компании парни вступают в разговоры с девушками, шутят с ними, как один фургон сватается к другому. Но об этом, считает Фишка, и рассказывать неловко...

Вот вам подлинная картина жизни наших нищих. Но не думайте, что в их среде не существует интриг, всяких вздорных историй, сплетен! Бывают, конечно, и среди них интриги, но они нисколько не походят на те бессмысленные, запутанные, нелепые интриги, которыми изобилуют писания наших недалеких, пустоголовых романистов, вернее романоделов. Интриги

здесь вполне реальные, каждый может их себе представить.

Потрудитесь послушать самого Фишку:

«Один из этой компании, рыжий, здоровенный детина, стал улещивать мою жену разговорами и шутками. Если ему удавалось где-нибудь выпросить кусок халы, коржик или немного вареного гороха, он отдавал ей. А я ничего не понимал. Ну и балуй ее коржиками, угождай ей, балагурь с ней! Пусть! Не моя забота! Но со временем, однако, они уж слишком снюхались и начали надо мной насмехаться, грызть меня, залезать в печенку, а вслед за ними мною занялись все фургоны,— то и дело по моему адресу отпускались шуточки, каждую минуту меня обзывали новым прозвищем. Я стал козлом отпущения; каждый мог делать со мной все, что ему вздумается. Если я выходил из себя, компания возмущалась: «Смотрите-ка на этого неженку, как он тут расшумелся, сейчас нюни распустит!»

Меня били-колотили, а когда я порой плакал от обиды и боли, спрашивали: «Чему ты так радуешься, Фишка? Чего зубы скалишь? А ну-ка, стукните его по лопаткам. Да по ляжкам не забудьте погладить...»

Иногда меня выбрасывали из фургона, и я терпел страшные муки, так как приходилось бежать на больных ногах за повозкой, а они в это время хлопали в ладоши и со смехом кричали:

«Браво, Фишка! Так, так, Фишка! Потанцуй, потанцуй немножко! Потопай ножками!» Однажды тот, который лез к моей жене, провалиться бы ему, сказал даже, что я вовсе не хромой, что я притворяюсь. Короче говоря, люди добрые, меня всячески изводили. И мне вспоминались счастливые, добрые дни, когда я барином сидел в бане, и жилось мне как у бога за пазухой. Чего мне тогда не хватало?»

Сознайтесь, дорогой читатель, не защемило ли у вас в груди от трогательного, наивного рассказа незадачливого Фишки? Вот в этом-то и кроется великая тайна, поразительное искусство Абрамовича: мимоходом, как бы невзначай, он вас глубоко тронет, за душу возьмет, увлечет, вырвет из груди вздох, а иногда вы даже подарите автору слезу — и все это без страшных, душераздирающих сцен злодейства, как в пресловутых «чрезвычайно интересных романах». Никто, никто не может состязаться с Абрамовичем в искусстве самым неожиданным образом заставить вас смеяться. И вместе с тем

даже такой урод, прости господи, как Фишка-хромой, вызывает у вас симпатию, жалость, будит человеческие чувства. И чем же? Несколькими простыми, от души идущими словами, а не высокопарными, крикливыми и в одинаковой мере пустыми фразами.

Однако, увлекшись автором, мы забыли о нищих. Может быть, вы думаете, что у них нет собственных идей? Есть идеи, да еще какие независимые! Вот полюбопытствуйте, что Фишка нам рассказывает дальше:

«Прибыв на какое-нибудь новое место, компания устремлялась кто куда, разбредалась по домам, налетала на город, как саранча. Это называлось «идти на работу». Каждый был убежден, что жители обязаны вынести подаяние ему навстречу. Как же иначе? На роду у них, что ли, написано, у этих богачей, сидеть дома сложа руки и чтоб все на них работали? Не мешало бы, право, поменяться с ними: пусть сами попробуют просить милостыню. Ничего, мы ничем не хуже их».

Неплохо сказано, не правда ли? Подозревали ли вы о наличии таких высоких мыслей среди «пехотинцев» и «кавалеристов»? И попробуйте докажите, что то, что они говорят,— не верно, не ясно, как божий день. Приходится удивляться писателю, откуда он только так знает этих людей с их языком, со всеми их повадками. Здесь и не пахнет выдуманным романом, бабьими сказками. Для того чтобы так знать нищих, так глубоко проникнуть в их жизнь, требуется, очевидно, помимо таланта, еще и умение заглядывать в самые укромные уголки, искать, докапываться, нюхать и чуять, все видеть, замечать каждую мелочь.

Здесь необходима уверенность в том, что то, о чем автор пишет, он доподлинно знает, и то, что знает, о том и пишет,— не в пример сочинителям пресловутых историй об ангелах и деспотах, раввинах и раввиншах, принцах и принцессах!..

— Но помилуйте, ведь здесь нет любви! Куда годится книга без любви? — спросят некоторые читатели...

Ах, так? Вам любовь подавай? Так вот вам и любовь! Но не та, что изготовляют романоделы, не затасканная любовь между блондином и брюнеткой, которым больше и делать нечего, как целоваться при «невинной» луне, распевать глупые сентиментальные романсы и проливать водянистые слезы...

Раз вы заупрямились и требуете непременно любви, то мы и у Фишки-хромого отыщем для вас любовь.

Вот послушайте.

В том фургоне, куда судьба забросила Фишку, обреталась горбатая девушка, одинокая, потерянная, несчастная, как и он сам. Кто она была, чья, откуда — об этом история молчит, значит, и нам говорить не стоит... Абрамович рассказывает только, что росла эта девушка за кухонной печью, куда ее запихнули, словно какой-то запрещенный товар. Вся скрюченная, она сидела там, не смея издать ни звука. От запаха жареных гусей и гусиных печенок рот у нее наполнялся слюной; голодная, она терпеливо ждала, пока вспомнят о ней и сунут в ручку корку хлеба или обглоданную косточку. Стоило бедняжке невзначай пискнуть, как внезапно возникшая над печью кочерга или лопата опускалась на ее голову, руку, била куда попало. Так провела девушка годы раннего детства, но и потом ей было не легче. Когда ее мать, кухарка, вышла замуж, она отвела своего горбатого ребенка на глухую уличку и там оставила.

«— Чья ты, девочка? — спросила подкидыша какая-то торговка.

— Я мамина! — последовал ответ.— Мамина я. Мама велела мне здесь сидеть, а то кочерга с лопатой придут и будут меня бить...»

Кочерга и лопата — их силу девочка испытала на себе; кроме этого, она ничего не видела на своем веку. У «сердобольной» торговки девочке тоже приходилось не сладко: по целым дням она нянчилась с ребенком торговки, а по вечерам та отправляла ее на «работу», выпрашивать себе на хлеб... Однажды девочка так долго ходила, побираясь, из дома в дом, что заблудилась, и тут-то она попалась на глаза фургонным нищим. Они увезли ее и стали повсюду таскать с собой. «Кавалеристы» обходились с ней весьма жестоко, немало она от них натерпелась.

«Не стану отрицать,— говорит Фишка,— я сильно, всей душой полюбил ее. Мне ее очень жалко было, и что-то влекло меня к ней... Не раз, когда все спали, мы с ней разговаривали наедине и плакали всласть. Мы изливали душу друг перед другом без всяких задних мыслей, а тот негодяй, рыжий, увидел нас, чтоб ему не видать царства небесного, и наврал моей жене с три короба. Тогда она совсем разъярилась и назло мне еще ближе сошлась с рыжим поганцем, провалиться бы ему, и они, как господа какие, вместе ходили побираться и стали совсем свои — одна рука...»

Ну, чего же еще? Тут вам и любовь, и ревность, и интриги, все, чему полагается быть в романе. Конечно, у тех пресловутых писак дело не обошлось бы без дуэли, убийства, покойников, крови, слез, пламенных поцелуев и «запретных плодов» любви... Вернее, этим писакам вообще было бы не к лицу заниматься бог знает кем, Фишкой-хромым и убогой горбатой девушкой,— какой уж тут роман?! Главное в романе, утверждают они, интрига, запутанная ингрига, от которой читателя бросает в жар и в холод. Без этого у них роман не роман...

Представляю себе удивление некоторых, определенного типа, читателей, если скажу, что в небольшой книжке Абрамовича, отнюдь не романе, а обыкновенном рассказе о еврейских нищих, намного больше любви и поэзии, чем в тысяче романов всей банды романоделов, которые пекут романы, как бублики.

Чтобы подкрепить свои слова доказательством, я разрешу себе привести целых два отрывка из этой книжки, где каждая страничка — изображение, каждый персонаж — тип, где каждая строчка и каждое слово взвешены, ибо в еврейской литературе Абрамович — непревзойденный стилист. Мысли его глубоки, его творения полны мудрых иносказаний, слова всегда отточены, отшлифованы, хорошо пригнаны, гармоничны, язык по-настоящему народный.

«Как-то,— рассказывает Фишка-хромой,— мы приехали в одно местечко Херсонской губернии, и вся компания отправилась на работу. Рыжий — тот поганый, ходил с моей женой, а я один... Мне, однако, повезло: я попал в дом, где справляли обрезание, и мне преподнесли хорошую стопку водки, дали изрядный кусок коврижки да еще несколько грошей наличными... «Вот сегодня жена будет меня уважать»,— подумал я. Правда, добрый кусок коврижки я отложил для горбуньи, которая засела у меня глубоко в сердце. Когда все лягут спать, я дам ей, пусть полакомится, бедняжка, ведь она такая одинокая, такая покинутая, с такими ранами в душе, ведь она светлой минуты в своей жизни не видела. Пусть же знает, что Фишка ей брат, что он заботится о ней, что он готов оберегать ее как зеницу ока. Фишка лучше сам не поест, а для нее прибережет самый лакомый кусок. Мне представилось, я это словно своими глазами видел, что мы с ней сидим под открытым небом на поросшем травой пятачке

около Большой синагоги. В глазах у горбатенькой слезы, и она поет своим тихим, жалобным голосом, как это часто бывало, известную песенку:

Отец со свету сжил меня,
Родная мать живьем заела...

Я стараюсь утешить ее добрыми словами и протягиваю кусок коврижки; лицо у девушки становится веселее, она смотрит мне в глаза и смеется.

— Какой ты добрый, Фишка! — говорит она.— Ты мне очень дорог, Фишка, ты мой единственный на земле! Ты, Фишка, мне и отец, и мать, и брат! Смотри же, будь мне верен, не оставляй меня! Поклянись мне синагогой. В этот ночной час там молятся покойники, а среди них, может быть, и мой отец, которого я никогда не видела, и он будет свидетелем! Поклянись мне, Фишка, что ты меня никогда не забудешь!..»

Дорогой читатель! Чтобы проникнуть в душу такого создания, как изображенная Абрамовичем бедная горбатая девушка, нужно быть большим поэтом и подлинным психологом. Кто читал произведение известного французского поэта Виктора Гюго «Человек, который смеется», тот не мог не почувствовать возвышенной одухотворенной любви бедной слепой Деи. Святое чувство любви, этот божественный дар, может овладеть любым человеком, может проникнуть в любое горячее сердце, которое еще не успел остудить ледяной поток жизни, поэтому нам нетрудно предположить, что горбатая девушка была способна любить ничуть не меньше, а может быть, и сильнее, чем богатая и счастливая Элизабет или прекрасная Зинаида, и незадачливый Фишка любил горбатую девушку ничуть не меньше, а может быть, и сильнее, чем какой-нибудь блондин Соломон любил свою возлюбленную.

.....

Но вам, наверно, хочется знать конец Фишкиной истории. Конец этот грустный, очень грустный. Не суждено было горбатой девушке отведать кусок коврижки, который приберег для нее наш герой, и его воздушные замки рухнули. Когда Фишка вернулся в богадельню, где остановились «кавалеристы», он никого из них там не застал. За несколько часов до его прихода фургон с нищими укатил вместе с его слепой женой, с рыжим поганцем, «провалиться бы ему», и с горбатой девушкой, а Фишка остался один-

одинешенек, как придорожный камень. Кое-как добравшись до Одессы, он устроился на неплохую службу в бане. Одесская баня, однако, ему не понравилась. Одесские бани, по его словам, даже не пахнут тем, чем должны пахнуть еврейские бани, а миква * там и вовсе курам на смех. В глупской микве вода имеет совсем другой вкус, другой цвет, она намного гуще, в ней чувствуешь себя евреем. А там, в одесской микве, вода как вода, прозрачная вода, которую даже можно пить. Свой рассказ Фишка заканчивает такими словами:

«Мое место в Глупске, и туда я вернусь. Как говорится: «Хоть и связанный, да среди своих...» Отправлюсь-ка я восвояси, в Глупск, и пусть придет погибель на мою слепую жену и на того поганца, провалиться бы ему! Вот только горбатую девушку мне очень жаль!..»

Ну, а дальше?.. «Это все? Стоило ли столько говорить о такой маленькой книжке?» — спросят иные любители «чрезвычайно интересных романов». Я их слышу, этих любителей, я знаю, я чувствую, что так *должны* говорить некоторые, определенного типа, читатели. Но от этого я вовсе не падаю духом, а еще меньше падает духом талантливый автор «маленькой книжки», отец всех еврейских писателей, наш единственный, бессмертный Абрамович.

ЛИНЕЦКИЙ

(«Мальчик из Польши»)

Линецкий, «Мальчик из Польши» — этих нескольких слов достаточно, чтобы вызвать улыбку у любого еврейского читателя, настолько первый еврейский сатирик известен публике.

Сатира в умелых руках талантливого писателя — бесценный инструмент, который облегчает самый тяжелый труд и никогда не попадает мимо. Публика надрывается от смеха, не замечая, что смеется над самой собой. Смех этот горький, господа!

Вот таким редким даром сатирика обладает знаменитый писатель Линецкий. В представлении народа он простой парень, свой брат, весельчак; он непринужденно говорит, плетет что-то, насмехается, чисто шут какой... Именно поэтому Линецкий так известен и так любим народом.

Давайте посмотрим, как описана у Линецкого повсе-

дневная жизнь еврейской нищеты в первом и самом лучшем его произведении — «Мальчик из Польши».

.....

Не таясь, автор перед всем миром выставляет напоказ самые горькие и темные стороны этой нищеты, он как бы выворачивает еврейскую жизнь наизнанку: «Нате, мол, любуйтесь!» И мы любуемся, и мы смеемся, хотя и с болью душевной, но смеемся, горе нашему смеху!..

Мы смеемся, мы наслаждаемся тем, как описана жизнь несчастного мальчика из Польши, и в то же время жалеем его. Нам, однако, и в голову не приходит, что смеемся-то мы над самими собой и жалеем не кого иного, как самих себя. Ведь с той самой минуты, когда ангел щелчком по носу * заставляет нас забыть тору, которую мы изучали в утробе матери, начиная с этого сигнала перед тем, как увидеть свет в темном мире, и вплоть до момента, когда подвыпивший служка отрешает нас от всего земного и просит прощения от имени остающихся в живых,— на нас, к сожалению, не перестают обрушиваться всякие беды, как это описано у Линецкого.

.....

Первой встречает нового пришельца в мир бабка-повитуха, у нее диплом еще со времен рабства египетского, ибо сказано: «И они повитухи». И в самом деле, зачем бабке чему-либо учиться? Эка важность! У нее еврейская голова на плечах, она и без всякого учения разберется. Эта повитуха, эта многоопытная бабка немало повинна в болезнях и муках, которые невинное создание пронесет через всю свою жизнь. Вслед за бабкой появляется нянька, у этой ребенок по двадцать раз на день падает и приобретает горб, кривые ноги, а иногда и изрядную чесотку от нечистоплотности. Солидная доля в бедах и напастях, преследующих маленького мученика, принадлежит и самим родителям, не имеющим никакого представления о воспитании. Поздней им на помощь приходят помощники меламедов, которые выманивают завтрак у малыша, затем сами меламеды, которые порют его, потому что не внесена плата за обучение к началу месяца, затем товарищи, обучающие его всяким пакостям; позже появляются знаменитые сваты и свахи, готовые свести гору с долиной, лишь бы заработать несколько рублей, а затем и жена, которая могла бы быть матерью своему супругу, или же, наоборот, которой впору еще в куклы

играть, и тесть с тещей, дающие хворобу вместо обещанного полного содержания молодых, и сборщик *, и «он, долгие годы ему», с его старостами и посыльными, и дети мал мала меньше, и малые заработки... Ах, эта бедность, нищета, еврейская стоголовая и тысяченогая нищета!

Вот он лежит в корыте, маленький человек, связанный, спутанный, а в рот суют ему тряпку, пытаясь обмануть: пусть думает, что это грудь... Когда малыш немного подрастет, нянька пугает его чертом, трубочистом, нищим, который вот-вот запрячет его в свою торбу. Ребенок катается на своем «простите за выражение» по улице, калечит себя и ест золу из печи... И все же мальчик из Польши, благодарение богу, растет, и отец с матерью искусно воспитывают его. Это значит, что отец учит его показывать матери кукиш, а мать учит его плевать отцу в бороду, и оба вместе учат его и перед чужими людьми отличаться соответственным образом...

.....

Время, однако, не стоит на месте. Мальчику из Польши, с божьей помощью, уже исполнилось четыре года: пора в хедер. И тут в семье начинаются раздоры: мать хочет отдать мальчика к Нехемье Штурмаку, так как плакальщица Хайча говорит, что Нехемье — самый ученый из всех меламедов; отец же, обозвав мать коровой, толкует наоборот: раз Нехемье Штурмак ездит к зеркевичскому цадику, значит, он наглец, и хорошим меламедом можно назвать только Нахмана Траска.

Вам, наверно, интересно узнать, что за хедер у Нахмана Траска. Но он вам знаком, этот хедер, господа, вы хорошо его знаете.

«В доме грязи по горло: возле двери полное до краев помойное ведро, покрытое плесенью, на поверхности которого плавает то, что было вылито на голову Амана...* Из печи валит дым, как в пятницу в бане. Ребе в засаленной, потрепанной ермолке на голове и в накинутом на плечи рыжем бершадском талескотне сидит на почетном месте и чешет себе спину о печку; в одной руке у него плетка с пятью ремешками, второй рукой он поскребывает у себя за пазухой. Рядом на кровати лежит его тяжело больная жена. По полу ползают двое маленьких детей, задрав выше головы свои задрипанные рубашонки. На столе корзина с горшками, и на них облизывается рябой кот с глазами

серыми, как у ангела смерти. Помощник учителя щелкает плеткой, и десять сопливых мальчишек, заглядывая в один молитвенник, кричат во всю глотку.

— Видишь эту плетку? — спросил меня ребе.— Этой плеткой порют мальчишку, не желающего учиться. Если ты пожелаешь учиться, то ангел сбросит тебе с потолка грош. Если же не пожелаешь, тебя будут пороть железными прутьями и черти тебя закинут за темные горы. Ну, говори же «алеф»! Говори «бейс»!..» *

Но ведь это ничем не примечательная, совсем будничная картина! Чем здесь восхищаться? Разве надо быть Линецким, чтобы такое описать? Все так просто, так обыкновенно!

И в самом деле, просто, обыкновенно, но это-то и хорошо, потому что правдиво.

.....

«Годы раннего детства,— говорит Линецкий дальше,— промчались, как облако, и мальчику из Польши исполнилось, на радость родителям, семь лет. И тогда мать сказала отцу: «Пора, право, купить мальчику пару башмаков!» — «Потерпи еще немножко,— ответил отец,— на кущи я, с божьей помощью, всучу кишкевскому арендатору моих два цитруса с дырками. Тогда...»

Однако удастся ли отцу сбыть свои два цитруса с дырками или не удастся; будут ли у мальчика башмаки или не будут,— так или иначе, к учителю Талмуда его надо отдать, ибо ему минуло семь лет.

Учитель Талмуда — пресловутый сладкоречивый Авремл Хирик с трехэтажной губой. Да его всякий знает.

Когда к нему привели мальчика, Авремл Хирик извлек из-под полы березовые прутья и, с почетом уложив нового ученика на скамейку, всыпал ему намного больше, чем тот мог сосчитать. Так как Авремл Хирик предпочитал проводить свое время в синагоге, а не в хедере, то жена его поручала ученикам самые разнообразные домашние работы: они выносили помойное ведро, сажали хлебы в печь, выгребали золу, месили глину и т. п. Хотя до учения почти и не доходило, все же каждую субботу мальчик должен был принести Талмуд домой, чтобы отец его проверил. Но до проверки ли отцу, когда на дворе осень, а он сам, и мать, и дети пухнут с голоду? В общину за помощью отец пойти не может, две пары опорков он уже оставил в уличной грязи... Нищета скачет, нужда пляшет. Нищета, куда не повернись! Вот скупая и вместе с тем

точная картина еврейской нищеты в изображении талантливого сатирика:

«Итак, милые кущи ушли, как, оставив жену и детей, уходит отшельник; ушли, как летняя ночь проходит за игрой в преферанс; как после свадьбы — горячая любовь; ушли, как заговор знахарки от сглазу, как последний миг обманутой надежды.

Пение сменилось стонами, радость — страданием, башмаки — опорками, и молодые женщины стали похожи на старых баб... Мне, однако, хуже всех: надо снова идти в хедер к Авремлу Хирику...»

Одна эта картина может послужить достаточно яркой иллюстрацией жизни еврейской бедноты. Как это правдиво и как грустно!

.....

Вот уже мальчику из Польши, слава богу, и девять лет. Меламеда для него на месте не найти, да и платить за обучение нечем, поэтому ему остается только «тереться» в синагоге среди взрослых парней-ешиботников. Как проводят время в польской синагоге такие парни, известно всякому. Они бездельничают, пьют водку, закусывают коржами, режутся в «козу и волка», воруют подгнившие яблоки, затевают драки и пакостят, как только могут: ломают пюпитры, превращают молитвенники в макароны, озорничают вовсю. По части озорства мальчик из Польши лицом в грязь не ударит... Но погодите! Он уже парень хоть куда, ему уже невесту сватают! На него напяливают отцовский субботний кафтан, и наше сокровище предстает перед «экзаменатором». Экзаменатор, дока в Писании, забирается вместе со сватом в глубокие дебри схоластики. Словно богатыри какие, выходят они оба на поединок. А сражаются они из-за печки, которую топили не то соломой, не то щепками. В спор вмешивается и отец жениха. Экзаменатор загибает толстый палец и кричит: «Вот на что намекает мишна!» Сват протягивает в ответ все пять пальцев и утверждает обратное: прав, мол, жених. Хотя о женихе среди шума и крика совсем забывают, все же в результате оказывается, что он «весьма приличный» парень, и помолвка, с божьей помощью, состоится. Вот с этого момента, господа, нищета разрастается вширь и вглубь.

.....

Вам, конечно, хочется узнать со всеми подробностями о великолепной свадьбе мальчика из Польши;

вас интересуют рифмы бадхна *, спич жениха, свадебные подарки, золотой бульон * и т. п. А может быть, вам еще любопытней узнать, как впоследствии коротает свой век такой законченный нищий, а также новое поколение нищих, которое он производит на свет? Тогда потрудитесь перечитать сочинение Ицхок-Иоэла Линецкого «Мальчик из Польши» от корки до корки. Получите удовольствие. Наряду с забавным и смешным вы найдете там много грустного и, смеясь, захотите плакать, плакать над вековечной, горькой нищетой, бездонной, как море, обширной, как мир, который так же стар, как стары страдания еврейского народа...

СПЕКТОР *

(«Бедные и обездоленные»)

Надо признаться, что от романа «Бедные и обездоленные» мы ожидали большего. Само название давало нам право думать, что перед нами раскроется новый мир, мир нищих со всеми его сословиями, нищих «бедных» и «богатых», весь еврейский пролетариат — одним словом, мы надеялись увидеть подлинную картину современной еврейской нищеты, модной нищеты.

Нашу надежду поддерживало имя М. Спектора, молодого писателя, который, как мы знаем, умеет создавать правдивые картины жизни. Казалось бы, в книге, посвященной бедным и обездоленным, можно было тем более оставаться верным реальности и изображать жизнь без романтики, не фантазируя. Бедняков у нас предостаточно, их так много повсюду, что писателю с талантом можно поставить свой письменный стол где угодно — в городе ли, в местечке ли. Надо только смотреть на прохожих и зарисовывать их. Можно не сомневаться, что картины возникнут самые правдивые и люди будут как живые...

Поэт, конечно, вправе создавать картины, порожденные его фантазией, лишь бы они были жизненными. Спектор, однако, как и всякий начинающий, слишком уж полагается на свое воображение, а оно уносит его так высоко, что у него начинает кружиться голова и он видит мир в особой окраске. От солнечного сияния там, на вершинах фантазии самые обыкновенные, пепельно-серые краски превращаются в розовые. Отсюда — праздничность, телячий восторг по любому поводу, как в тех пасторалях, где изображаются злато-

кудрые пастухи в шелковых рубахах, в красных сафьяновых сапожках с серебряными застежками и с золотой свирелью в руках. Такие картины привлекательны, они радуют глаз, но как далеки они от истины!..

В жизни, к сожалению, пастухи не так уж поражают нас благообразием. Они подчас разуты-раздеты, ноги у них исколоты и распухли, лица темны, как земля, и мрачны они, как ночь. В руках у такого пастуха — обыкновенная ивовая дудка, на спине — торба, а в торбе — краюха хлеба или же и того нет — как бог даст.

Бесприютная, горькая жизнь бедняков отнюдь не идиллия, отнюдь не красивая картинка для пресыщенных, как это получается местами у Спектора. Мы видим в книге Абрамовича «Фишка-хромой» горбатую девушку такой, какой ей надлежит быть. Горбатая девушка — милое дитя. Это несчастное создание, обладающее нежным сердцем, показано с чувством меры. У Абрамовича все, как в самой жизни, все у него взвешено: ни одного лишнего слова, ни одной ненужной улыбки. Подобной строгости не хватает автору романа «Бедные и обездоленные». Так, Шейндл, Рохл и Рейзеле — девушки, живущие на подаяния,— ведут между собой «умный» разговор о еврейском мягкосердечии, которое, мол, портит бедный класс, потому что жалость только умножает число тунеядцев, бездельников и попрошаек.

.....

Можно подумать, что не нищенки, а какие-нибудь барышни, курсистки завели разговор о самостоятельной работе, о независимости, чуть ли не об эмансипации.

Из-за подобных недостатков нам придется хорошенько провеять роман «Бедные и обездоленные», отделить мякину, и тогда останется одно хорошее, немного, правда, совсем немного, но зато настоящее. Лучше немного, да хорошо, чем много, да черт знает что...

Так же, как и у Абрамовича, нищие у Спектора делятся на три категории. Первая — оседлые нищие. Так как они из города никогда не выезжают и широкий мир перед ними закрыт, они убеждены, что все городские обыватели, вместе с их домами, делами и всем прочим, для того только и созданы, чтобы им, нищим, было у кого просить подаяние.

Вы, может быть, думаете, что эта нищая братия невысокого мнения о себе? Упаси бог! Наоборот, все они гордецы и кичатся своей знатностью. «Богом избранные»,— называет их Спектор...

«Попробуйте только усомниться, и нищий тут же выложит вам свою родословную, из которой видно, что его предки были «не кто-нибудь», а потому не воображайте, что своим подаянием вы делаете ему одолжение. Напротив, он делает одолжение вам, ибо чем бы вы заслужили царство небесное, если бы вам некому было подать милостыню?..»

Вторая категория, по Спектору,— это скитающиеся нищие, такие, которые бродят по белу свету. Их жизнь подчас бывает весьма интересной. В большинстве это несчастные разорившиеся хозяева, скатившиеся на дно. Они, в свою очередь, делятся на две категории — на пеших и на владельцев собственной лошадки и повозки, на которой и разъезжают. Это, в сущности, те же два сорта нищих, которые Абрамович называет «пехотой» и «кавалерией».

Вряд ли «пешему» нищему приходится ходить пешком больше, чем обладателю повозки и лошади, потому что лошадь его такое же жалкое создание, как и ее хозяин. Автор «Бедных и обездоленных» с большой правдивостью изображает бедную лошаденку, которая мучается, выбивается из сил до тех пор, пока не свалится и так и останется лежать где-нибудь под горой глины, возвышающейся у въезда почти в любой город с еврейским населением.

«Эта грустная сцена привлекает толпу, глазеющую на растянувшуюся на земле лошадь и на несчастную женщину с детьми. Преисполненные жалости, добрые люди запрягают другую лошадь и завозят нищих во двор синагоги».

Наблюдательный читатель мог заметить, что в романе Спектора «Бедные и обездоленные», как в зеркале, отражаются те же самые типы, что и у Абрамовича в книге «Фишка-хромой». Нищие — это почти те же «пехота» и «кавалерия», и даже лошадь напоминает ту горемычную лошаденку, которая так часто встречается у Абрамовича. Мы ни в малейшей степени не собираемся бросить тень на г-на Спектора: возможно, он даже еще и не видел сочинение Абрамовича, когда сел писать своих «Бедных и обездоленных». Нам хотелось только отметить этот случай. Ведь иногда разные канторы поют на один манер, хотя, впрочем, наши мудрецы утверждают, что каждый пророк изрекает свои истины по-своему.

Мастерски изображает Спектор в своем романе по-

ездку одного нищего из Кишинева в Одессу, поездку, длившуюся не более и не менее, как семь лет.

Еще красочнее изображены в романе интриги, которые плетут оседлые нищие, стоит только затесаться среди них чужому.

«Опять эти шатуны! И какой ветер заносит их сюда? Точно мы загребаем золото, точно здесь не хватает своих нищих. И чего они у нас не видали, какого черта!..

— Посмотри-ка на эту, как она оглядывает все кругом! Можно подумать, что она попала к своему папаше на виноградник. Теперь небось у нее жалостливое лицо... Но попробуй-ка пожалеть такую бродяжку — и не успеешь оглянуться, как она нахально будет стоять впереди тебя у дверей и перехватывать лучшие куски. О, уж я знаю этих бездельников! Терпеть их не могу. И зачем только они здесь шляются? Они обжоры, и глаза у них завидущие, им всего мало. Гнать их надо, как собак...»

.....

«Попробуйте сойтись с ними поближе, поживите среди них,— говорит у Спектора «добрый знакомый»,— присмотритесь к ним, и в каждом нищем, в каждом попрошайке перед вами откроется целый мир».

ШАЦКЕС

(«Предпасхальные дни»)

Здесь, господа, перед нами снова правдивое воспроизведение жизни, печальная картина горемычной нищеты. И до чего мастерски эта нищета показана, как великолепно изображена!

Длинное нравоучение, если его прочитает даже наилучший проповедник, тоже надоест слушать. Но никогда не надоест слушать поговорки, шутки, хотя бы и злые, видеть перед собой знакомые, вернее, правдивые картины подлинной жизни и незаметно для себя извлекать из них пользу, услышать дружеский совет, слово, которое заставит вас серьезно призадуматься. В этом, по нашему мнению, секрет искусства милого г-на Шацкеса, критика и сатирика, скрывавшего даже вначале свое настоящее имя, в этом вся прелесть «Предпасхальных дней». Серьезное и смешное, сожаление и шутка, талмудическое пустословие и острая поговорка идут здесь рядом, и так тесно, что едва

только вы успеете проникнуться печалью, ага, опять шутка, опять смешное описание, и вы не можете не смеяться. Но смех ваш недолог, так как вы снова сталкиваетесь с картиной нищеты, и охота смеяться у вас пропадает.

Не будем, однако, голословны. Откроем книгу и посмотрим, так ли это на самом деле.

«Послушайте, женщины! — разошлась одна из соседок, плакальщица и говорунья Геля.— Так бы мне зла не знать, и вам, и всем евреям, как я не знаю, каким чудом придет в этот дом пасха. Право же, пусть народ размножается, но ведь пять семейств, не сглазить бы... Говорю вам по совести, пасха в этом году меня немного тревожит. Несколько монет завтра придется истратить на базаре. Индюшку какую-нибудь надо купить? От куска падали, прости господи, бульон жирнее не станет. А от индюшки, не забывайте, еще и смалец будет. Ну, а как же с картошкой, с луком, с хреном? Вот тут и начинается! Придется попросить деньги у моего милого муженька, чтоб ему так любо было жить, как мне любо просить у него деньги, пусть к нему черт в гости напросится. Вы думаете, самому ему жрать неохота? Ого, еще как разборчив! Между нами говоря, он, может быть, и прав. От такого кусочка индюшки тоже особенного вкуса не будет. Для меня-то все ладно. Положишь луковичку, картошечки накрошишь, ну и на том спасибо, лишь бы здоровье... Куропатки мне нужны, что ли? По мне, хоть бы и вовсе завтра ничего не готовить! Но он, злосчастье мое, разве он может потерпеть? Он будет рвать и метать. Ему все равно, что будни, что канун пасхи, его не касается, ему бы только жрать. Мне смешно, когда люди говорят: «Ведь он, бедняжка, трудится!» А на кого же он, собственно, трудится? На себя и на своих же байстрюков! Такую бы ему долю на том свете, какую жизнь он мне устроил на этом свете».

После такого очаровательного монолога вы можете подумать, что бóльших обжор, чем литовские евреи, и на свете нет. Но послушайте дальше «и вникните», как говорит Шацкес.

«Соседки сошлись на том, что ужин все-таки надо приготовить, но легкий, потому что время позднее. Угадайте же, что они приготовили? Ну, конечно, не яичницу из десятка яиц и не клецки на чистом молоке. Только у вас, на Волыни, может такое прийти в голо-

ву, но никак не в Литве. Здесь это не пройдет. Кому охота прослыть обжорой и расточителем? Кто на Литве разрешит себе подобные яства? Разве лишь откупщик, подрядчик, сборщик или же странник из Палестины, а простому человеку, который кормится собственным трудом, такие роскошества недоступны. Что же, в таком случае, сварили женщины? Похлебку».

Что это за блюдо такое «похлебка»?

На это Шацкес дает исчерпывающий ответ.

«Есть такое блюдо на Литве, которое называется «похлебка». Круглую неделю, по три раза в день, это блюдо бурлит в каждом доме, как река Самбатьон *. Может быть, вы, волынские и галицийские евреи, никогда не едали похлебки и не знаете даже, из чего она делается? Тогда я вам расскажу: похлебка — это, прошу прощения, самая обыкновенная вода с крупой; иногда к ней прибавляется картошка, а иногда и нет, нельзя же вечно угождать утробе! О мясе приходится только мечтать, ибо кто же это в состоянии платить пятнадцать, а то и шестнадцать копеек за фунт мяса? Достаточно положить в похлебку на грош смальца или масла... Таким питанием довольствуются всю неделю. Хотите знать, кто породил похлебку? Ведьма-такса, да будет проклято имя ее, вот кто родная мать похлебки!»

Таков, как видите, обычай в Литве: круглый год ходить с пустым брюхом, разница там между буднями и кануном пасхи только в том, что в канун пасхи о еде даже говорить не полагается.

Но время не ждет. Как туча, надвигается «длинная суббота», и голова идет кругом. Вот уже, слава богу, есть и новый мешок для мацы. Его поставили в уголок, на особую табуретку, постланную свежим сеном, и строго наказали детям не вертеться около него, держаться подальше.

Легко представить себе, как эти бедняки рады пасхальной муке, которая досталась им с таким трудом. Покупать пшеницу, тащить ее на мельницу, ругаться с мельником и ссориться друг с другом не так уж приятно. А насчет привозной муки раввин — долгие годы ему — очень строг: он велел объявить во всех синагогах, чтобы ни под каким видом никто не пользовался привозной мукой. Да и без этого никому не хочется изменить старинному обычаю, в особенности если этот обычай связан с пасхой.

.....

Вот против таких раввинов, которые свое пустое тщеславие ставят выше страданий бедняка, против этих мелких людишек, которые легко разрешат богачам пить сомнительное по своей «кошерности» вино, а беднякам не разрешат в голодный год пшено или рис на пасху, потому что вино-то будут пить богачи, а пшено и рис — пища бедняков,— вот против таких ханжей и выступает г-н Шацкес в своих «Предпасхальных днях», против них направлено его острое оружие.

.....

Послушайте-ка чудеса: должно же так случиться, что индюшка, которую купила женщина, представьте себе, стала трефной.

«Готовишься, готовишься, а как праздник придет, не хватит сил даже поесть, прости господи! По правде говоря, и есть-то особенно нечего. Рыбу я сегодня готовить не буду, лучше оставить на завтра. Сварила бы я галушки, так смальца пока нет. Трудилась четыре недели на черта, пусть не накажет меня бог за такие слова. Хоть бы картошкой заправить бульон... А то что же? Пустая вода... Фасоль нельзя положить — пасха!»

Легко смеяться сытому, он сидит после вкусного обеда с сигарой в зубах. Легко ему смеяться над замечательными порядками в Литве, а также и в Польше, описанными в занимательной книге «Предпасхальные дни». Но не так уж весело бедному человеку, который весь год ждет не дождется милого, светлого праздника пасхи. Можете себе представить, каково-то ему? «Кто не видел, как радовались эти люди, когда ели картошку, тот никогда в своей жизни не видел настоящей радости!» — так заканчивает автор эту главу.

А как же пасха? Слава богу, пасха уже наступила: в каждом доме — трапеза; за каждой трапезой — своя «королева» и свои «принцы». Одно удовольствие!

«В общем, церемониал закончен, парад уже позади, пора бы и поесть чего-нибудь. К столу подается одно яйцо на троих. Только хозяину дома, «королю», подается целое яйцо. Яйца макают в соленую воду и набивают животы мацой, иначе сыт не будешь... После яиц подается бульон, то есть полная до краев миска горячей воды, в которой плавает крупа из толченой мацы. Мясом и не пахнет. Какой вкус может придать полфунта падали такой многоводной реке? И говорливая плакальщица не стерпела:

— Женщины, вы хоть обратили внимание на дайена *, который объявил наших индюшек трефными, и как он сидел в шапке набекрень? Не знаю, но мне кажется, что он даже не дал себе труда подумать... Он только и смотрел на кружку, как бы кто-нибудь не забыл опустить монету за продажу хомеца,— да не накажет меня бог за такие слова!»

Заметьте, дорогой читатель, как часто у этой говорливой женщины вырывается протест против деспотизма духовенства с его дикими нравами! Роняя вскользь слова, она тут же спохватывается: «Да не накажет меня бог!..» Видно, немало таких женщин, которые не только чувствуют, но и начинают понимать, в какие смешные и вместе с тем грустные обстоятельства они поставлены. Они только высказываться не умеют. Петуха кольнет под крыльями, он и кукарекает, но что означает его кукареку, в этом он себе отчета не отдает... И многое эти люди делают автоматически: как дед и отец поступали, так и сын. Но стоит заронить в душу такого человека искру, стоит немного открыть ему глаза, как он начинает задумываться над тем, что происходит вокруг него:

— Горе мне! Ведь мы, стыдно сказать, будто скотина какая; мы погрязаем в болоте черной нужды, мы погребены в ней и думаем, что иначе и быть не может. Так червяк, забравшись в хрен, воображает, что нет ничего слаще...

К подобным мыслям неизбежно приходит любой читатель, даже самый неискушенный, когда дочитывает последнюю страницу «Предпасхальных дней», книгу, полную остроумных шуток, поговорок, светлых мыслей, полезных сведений, назидательных слов, прекрасных образов, веселых сцен и грустных раздумий. Все в ней сделано с толком. Эта острая, пламенная сатира написана хорошим языком и богата такими находками, такими оригинальными оборотами, каких до Шацкеса наш молодой разговорный язык не знал.

Нам очень жаль расстаться с книгой «Предпасхальные дни», ибо нам не удалось показать и тысячной доли ее достоинств, рассыпанных чуть ли не на каждой странице, но надо же когда-нибудь кончать...

Словом, нищета у нас растет и растет, и ничего не меняется, и нет просвета, и нет надежды, а может быть, только надежда и осталась нам в удел.

ВОСПОМИНАНИЯ

ИЗ КНИГИ
«ЕВРЕЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ»

ШОЛОМ АЛЕЙХЕМ!

(Диалог)

— Шолом алейхем! [1]
— Алейхем шолом! [2]
— Откуда едете?
— Из Варшавы.
— Чем занимаетесь?
— Я — еврейская газета.
— Как вас звать?
— «Юдишес фолксцайтунг». А вы, откуда вы?
— Откуда мне быть? Из Егупца.
— Чем вы занимаетесь?
— Чем мне заниматься? Я — еврейский писатель.
— Как вас звать?
— Шолом-Алейхем.
— Шолом-Алейхем? Жить вам, значит, миром и ладом!
— Того же вам и вашим чадам!
— Что же вы поделываете, пане Шолом-Алейхем?
— Что же нам поделывать? Пишем.
— Что пишем?
— Что нам писать? Что видим, про то и пишем.
— Что же дают вам писания, которые вы пишете?
— Что они могут дать? Горести, колики, слезы, обиды, муки, страдания, тревоги...
— И это все?
— Чего вы еще хотите?
— Я имею в виду...
— Почет? Без меры, без счета! Ни один писатель в мире не имеет столько почета, как еврейский сочинитель. Шутка ли, у евреев писатель, человек, который пишет!
— Вы это всерьез?
— А то что же? Шучу, что ли? Посмотрите-ка сами, что творится на наших юбилеях. Наилучшие пожелания от почитателей, от горячих поклонников

---

[1] Мир вам!
[2] Вам мир!

и просто от усердных читателей летят со всех концов света — из Касриловки, из Тунеядовки, из Тетеревца, из Затрапезовки, из Галаганишка, из Стрища,— отовсюду! А корреспонденции, которые сам юбиляр печатает в газетах?! А пиршества, банкеты, тосты?! Море разливанное! А стипендии, а пожертвования, которые вносятся в это время на благо трудящихся земли обетованной!.. Вы шутки шутите,— какой почет оказывают еврейскому сочинителю?

— Нет, я не о том; я имею в виду...

— Заработок? Полон рот! Только бы хватило свободного времени, вдобавок к тому быть еще и меламедом, лавочником, маклером, сватом или просто человеком, не отказывающимся от подаяний, способным ходить по домам и собирать деньги на издание своей книги. Вы шутки шутите с еврейским сочинителем? Еврейский сочинитель — свободный человек!

— Что значит свободный человек?

— Он свободен от всех благ и на этом и на том свете; он свободен от куска хлеба, от здоровья, от друзей, от жены и детей, от всех радостей жизни...

— Мне кажется, пане Шолом-Алейхем, что тут в вас уже говорит желчь, вы даже залезаете в дебри нетерпимости. ...Нехорошо это. Не к лицу еврейскому писателю, который пишет для народа, так обрушиваться на евреев. Еврей обязан все в жизни принимать с любовью и три раза в день произносить...

— «Все к лучшему»?

— Конечно! Все к лучшему! А что было бы, если бы вы и того не имели? Какой вид мы имели бы среди народов, если бы сбросили с себя наш единственный кафтан? Разве есть у нас, кроме нашей литературы, иная одежда, чтобы покрасоваться в ней перед миром?

— Быть может, вы и правы.

— Как это «быть может»? Наверняка! Но давайте поговорим о чем-нибудь более веселом.

— О поминках?

— Не то. У меня к вам...

— Просьба? Пропечатать кого-нибудь в газетах?

— Боже сохрани! У меня к вам небольшое дело.

— По части сватовства?

— Нет... А впрочем, да, по части сватовства.

— Кто жених? Откуда невеста?

— Жених в Егупце, невеста в Варшаве.

— Далековато для сватовства. Как же их звать?

— Невесту звать «Юдишес фолксцайтунг», а жениха — Шолом-Алейхем. Нравится вам план?

— Недурно. Только бы...

— Что «только бы»?

— Только бы... Ничего...

— Не люблю недомолвок. Скажите, что вас смущает?

— Что может меня смущать? Ничто ни капельки не смущает меня! Одним словом, чего вы хотите?

— Хочу я вот чего. Раз я еврейская газета, а вы еврейский писатель, я хочу, чтоб вы писали, а я печатал.

— Что же мне писать?

— Фельетоны... Чтоб смеялись.

— Смеяться? Ведь плакать хочется...

— Вы можете плакать, только бы публика смеялась. Понимаете?

— Понимаю, как не понять? Вы хотите, чтоб я представился скоморохом, комедиантом, клоуном, шутом гороховым — словом, забавлял публику...

— О! Только свяжись с еврейским сочинителем! Кто сказал — скоморох, комедиант, клоун, шут гороховый? Я только хочу, чтобы в ваших писаниях была и шутка, и прибаутка, и по плечу хлопок, и по заду шлепок. Словом, публике надо доставлять удовольствие...

— Чтобы все говорили: «Черт бы побрал этого Шолом-Алейхема! Ну и язычок — онеметь бы ему! Ну и рученька — отсохнуть бы ей!»

— И еще я хочу, чтобы вы толком поговорили с нашими евреями, и именно на их наречии, на их родном языке, чтобы вы так и сказали им: вы, мол, такие и сякие, вы, дескать, и растакие и рассякие!.. То есть вы должны разделать их под орех, но красиво, чинно и благородно. Вы меня понимаете?

— Понимаю, как не понять? Вы хотите, чтобы мы с ними играли в ту игру, которая называется «кошки-мышки»?.. Так и быть... Только бы...

— Что «только бы»?

— Только бы... Ничего...

— Я же вам говорил — терпеть не могу недомолвок. Давайте прямо, что вас смущает?

— Что может меня смущать? Ничто ни капельки не смущает меня. Одним словом, чего вы еще хотите?

— Еще давайте им сценки...

— Чтоб они зевали?

— Рассказывайте им истории...

— Чтоб они быстрее засыпали?

— Напишите большой роман, роман с любовью, с трогательными сценами, чтобы дух захватывало. Одним словом, чтоб был роман...

— В шести частях с прологом и эпилогом, а-ля Шомер? Ни с чем не сообразные, дикие, нелепые сцены, ни к селу ни к городу?.. Меламед из Несвижа заводит любовь со служанкой Ривкой; он пишет горячие письма, она поет чувствительные песни; потом он уезжает в Париж и спустя девять месяцев возвращается бароном или миллионером и застает свою возлюбленную на кухне у ростовщика Эфраима, бандита, убийцы, душегуба. Тут между ними разыгрывается дуэль: ростовщик Эфраим хочет расколоть пополам несвижского барона; тогда барон бежит к губернатору, будит его и возвращается вместе с ним и с тремя жандармами; видя такой оборот дела, ростовщик хватает нож и закалывается, служанка Ривка падает в обморок и поет при этом немецко-еврейскую песню, да такую душещипательную, что и камень может растаять...

— Все? Вы уже кончили? Не нужно, чтоб несвижские меламеды ездили в Париж, чтоб губернаторов будили среди ночи, чтоб ростовщики закалывались и служанки пели на кухне душещипательные немецко-еврейские песни. Я хочу, чтобы вы дали роман, но роман еврейский, любовь, но любовь еврейскую. Вы меня понимаете?

— Понимаю, почему не понять? Вы хотите, чтоб я писал о жизни, о подлинной еврейской жизни? Хотите, чтоб я писал кровью сердца, нервами, от глубины души, нечто такое, за что расплачиваешься здоровьем и старишься раньше времени, от чего лицо покрывается морщинами, а голова — сединой, вы этого хотите? Так и быть... Только бы...

— Что «только бы»?

— Только бы... Ничего...

— Опять недомолвки? Скажите же, наконец, что вас смущает?

— Что может меня смущать? Ничто ни капельки не смущает меня! Словом, чего вы еще хотите?

— Хочу, чтоб вы потрудились хоть раз в месяц просмотреть все те книги и книжонки, что пишут писатели...

— Изводят бумагу...

— Но печатники печатают...

— Как подмажешь, так и поедешь. Раз им платят, они печатают.

— Но книготорговцы берут.

— Меняют книгу на книгу, шило на швайку...

— Но народ читает...

— Что ему еще остается? Не дают скотинке отрубей — она жует солому...

— Вот вы и потрудитесь все это просмотреть, прочесть, а потом вкратце пересказать читателю, хорошенько ему разжевать, объяснить, что хорошо, а что ни к черту не годится...

— Надо щадить его желудок...

— Словом, будете писать критику.

— Великое ли дело?! Стану той же скотинкой и подохну в том же стаде...

— Но что же? Попрошу, чтобы все это — без лишнего шума...

— К чему кричать?

— И без огня...

— И без воды...

— И без злости...

— Злиться — грех...

— Ваша критика должна быть и нескучной, и полезной, и серьезной, и шутливой... Вы меня понимаете?

— Понимаю! Почему не понять? Вы хотите, чтоб из хлама, которым завален наш литературный рынок, я состряпал вам настоящий цимес. Рыться в куче навоза,— авось найдется когда-нибудь жемчужина,— легкая работа; он нее недолго и посинеть — так полезна она и для тела и для души. Ну что ж, недурно... Я готов, только бы...

— Что «только бы»?

— Только бы... Ничего...

— Фу, пане Шолом-Алейхем! Я вам сколько раз говорил, что не терплю недомолвок. Со мной вы должны быть откровенны. Скажите, пожалуйста, что означает ваше «только бы»?.. Деньги?

— Кто говорит о деньгах?

— Что же? Почет?

— Кто говорит о почете?

— Что же? Здоровье?

— Что говорить о здоровье?

— Что же вы все твердите «только бы»?

— Только бы читали!..

ДЕДУШКИН ОТЕЛЬ

Случалось ли когда-нибудь, чтобы вам захотелось стать не тем, что вы есть? Я, к примеру, был бы иногда не прочь стать нееврем. Конечно, не навсегда, боже сохрани, а только так, на короткое время, чтобы поглядеть нееврейскими глазами, какой вид имеют евреи, когда они идут, беседуют, галдят, препираются и машут руками. Это, полагаю, должна быть необычайно интересная картина. Самая обыкновенная беседа, несомненно, показалась бы мне ссорой, перебранкой, и, глядя на двух евреев, спорящих между собой по какому-нибудь принципиальному вопросу, скажем,— когда нынче заход солнца, или когда у нас в этом году рош-гашано [1], или сколько может стоить вот этот каменный дом, или еще о чем-либо подобном,— я определенно решил бы, что они поносят друг друга и дело вот-вот дойдет до потасовки.

Эти мысли пришли мне на ум, когда мы, три еврейских прозаика и один поэт *, совершали первое путешествие по знаменитым Альпам. Почти все, кого мы встречали на нашем пути,— среди них были французы, немцы и англичане,— с каким-то удивлением смотрели на нас, словно мы явились сюда бог весть из какой страны и наряжены в невиданные одежды. Полагаю, это было потому, что мы беседовали, быть может, слишком громко, и в какой-то мере еще и потому, что мы, все четверо, говорили разом. Говорить всем вместе — это такое искусство, которым владеем только мы, евреи. Ни один народ не может этим похвастать. Наши собрания, наши разбирательства, торжества и заседания славятся в мире. Парламентаризм, то есть когда говорят по очереди каждый в отдельности,— хорошая штука, но не всегда и не везде. И менее всего по душе он трем еврейским прозаикам и одному поэту, странствующим вчетвером по Швейцарии среди знаменитых, покрытых вечными снегами Альп, когда они, все четверо разом, говорят о литературе, о поэзии, о Талмуде, о его толкованиях, об истории, политике, революции и прочих подобных вещах. Не устроим же мы *на ходу* «заседание», чтобы выбрать президента и просить у него слова!

---

[1] Новый год (*древнеевр.*).

Люди, которых мы встречаем,— эти французы, немцы и англичане,— карабкаются по тем же горам, что и мы, но их путешествие лишено интереса.

Они идут и молчат, а если заговорят, то очень тихо, еле-еле слышно. Каждый из них занят только собой, своим собственным желудком. Это вообще правило: если несколько человек идут вместе и молчат, значит, их мысли погружены в дела собственных желудков. Мы не таковы. У нас желудок — груз, подвешенный нам природой, что-то вроде внутренней торбы, чтобы нам весь век с ней маяться. Мысль эта — не моя. Дедушка реб Менделе уже много раз касался ее в своих бессмертных творениях.

Как бы ни обстояло дело — все прохожие смотрели на нас с большим удивлением. Иные останавливались и прислушивались к нашим крикам — видимо, в ожидании минуты, когда мы начнем драться. Глупцы! Они не знали, конечно, что таких истинно добрых друзей, как мы, трудно найти на всем белом свете, хотя мы друг другу комплиментов не говорим, в карты не играем, не питаем пристрастия и к другим земным утехам, которые обычно сближают людей. Когда еврейские беды сгоняют нас в одно место, вся наша отрада в том, что мы изливаем один перед другим всю горечь исстрадавшегося сердца, вместе сетуем над бездомностью благодати, скорбим о судьбе несчастной, исхлестанной «клячи», то есть народа нашего,— а уж если, с божьей помощью, иногда на проводах царицы-субботы хлебнем по малости вина, нам становится так весело, так весело, что слезы льются из глаз...

*

Шествие солнца по светло-голубому швейцарскому небу было в самом разгаре. Оно закидало горы золотыми снопами, которые колосьями рассыпались по вековым камням и катились вниз, под гору, по зеленым долинам, и падали вместе со змеящимися ручейками в ослепительно синюю беспокойную Рону, бегущую с певучим шумом между скал, бог весть с каких пор и доколе, бог весть почему, зачем и ради чего! А мы все еще под горой, которая вырастает у нас на глазах, с каждой минутой становится шире, выше и прекрасней. И чудится, что она уже не бежит от нас, как прежде, а, наоборот, идет нам навстречу, чтобы чествовать, глядит на нас

дружелюбно, но горделиво, подмигивает нам, чтобы, дескать, мы, четыре еврейских писателя, потрудились взойти туда, к ней наверх, поближе к небу, к трону божьему. Там она покажет нам свои великие чудеса; там прочитает нам главу из книги творения; там она расскажет нам, на что горазд всевышний, и оттуда откроет перед нами низменный, глупый мирок, где несмышленыши-дети понастроили маленькие домики и их скопления назвали городами, погнали маленькие тележки и назвали это поездами, а сами представляются царями, королями и президентами, разыгрывают войны, морские битвы, господ и рабов — совсем, совсем как большие...

У каждого из нас гора получает свое название: у одного она называется «Старец», другой нашел, что ей больше к лицу быть «Великой», третьему нравится величать ее «реб Снизойдите». Дедушке реб Менделе захотелось доставить сюда величайшего из великанов, легендарного Ога, царя Васанского, который взвалил бы гору на плечи, пробежал с нею одним духом пятьсот миль и задумал сбросить ее на евреев; но бог вдруг совершает чудо, и у свирепого царя вырастают два клыка, один — вверх, другой — вниз, и царь-душегуб застывает с горой — ни туда ни сюда. Неповторимая трагикомическая сцена!..

— Как она называется, эта прекрасная гора?

Все глаза обращены на моего коллегу, человека с горячим темпераментом,— ведь он в Швейцарии как у себя дома. Он здесь знаком, по его словам, со всеми горами и в наилучших отношениях со всеми реками и речушками. Одним словом, свой человек. Мой коллега, тот самый, что с горячим темпераментом, остановился, покраснел, потер себе лоб, посмотрел вверх, на вершину горы, и сплюнул с такой злостью, словно ему наступили на ногу.

— Тьфу, чертовщина! Я забыл название этой горы! Только что знал — и забыл! Что скажете?

— Забыл? — отзывается дедушка реб Менделе.— Скажи на милость! О том, что такое забывчивость, спросите меня. Нет худшей кары на свете, чем забывчивость! Мне знакомо такое, когда что-нибудь хорошо тебе известное вдруг вылетает из памяти, как птичка из клетки,— поди лови! Забывчивость — это болезнь, наваждение, несчастье для человека! Если хотите, дети, расскажу вам историю — не выдумку, а подлинную быль. Это

случилось со мной в Одессе несколько лет назад. История с отелем...

— Я расскажу вам поинтереснее историю, которая приключилась со мной, и тоже в Одессе!.. Слышите? Она стоит того, чтобы ее описали!..

Так воскликнул мой темпераментный коллега * и уже собрался было начать рассказ, но поэт его перебил:

— А я вам расскажу еще более интересную историю, происшедшую со мной не в Одессе, а в Житомире!

— А я-то что? Не в счет? — вырвался четвертый, то есть я сам, своей собственной персоной.— Я вам лучше расскажу историю о трех городах сразу, будете покатываться со смеху!..

— Сразу о трех городах? Если так, за вами первенство!

Так проговорил Дедушка нараспев, раскатисто смеясь, и махнул рукой, словно говоря: «Вы всех обскакали!.. Ваш и выигрыш!»

Все четверо расхохотались, а я вспомнил изречение: «Семь примет у болвана!» Я понял, как бестактно было с нашей стороны прервать нашими историями речь Дедушки. Желая загладить свою вину, мы стали просить Дедушку рассказать историю, происшедшую с ним в Одессе. И Дедушка,— настойчивой просьбе он всегда уступит,— по своему обыкновению, засучил рукава, сдвинул очки на высокий, белый, умный лоб, обрамленный волнистыми белоснежными волосами. Маленькие, но острые, глубокие, пронизывающие глаза полуприкрылись, посмотрели вверх, несколько в сторону, по лицу разлилась сияющая детская улыбка, которая делает его лет на пятьдесят моложе и придает ему столько обаяния, что хочется сидеть возле него и вечно слушать,— только бы он говорил, и говорил, и говорил!..

И медленно, по своему обыкновению полушутливым-полусерьезным тоном, он начал свой рассказ:

— Было это, как я вам сказал, несколько лет назад в Одессе, то есть не в самой Одессе, а где-то не доезжая Одессы. Короче говоря, я ехал домой, в Одессу. Дело было осенью. Весь мир облачился в дождь. Небо заливалось слезами, ветер выл, земля скорбела и тосковала по милому горячему солнцу, словно вдова по мужу. Деревья давно стряхнули с себя пожелтевшие листья,

птицы покинули свои гнезда, пообещав вернуться на будущий год, если бог дарует жизнь... Непрерывно моросил мелкий дождь, время от времени сердито нахлестывая по запотевшим окнам вагона, где мы, расположившись удобно, просторно, в тепле, сидели целой компанией и беседовали о различных вещах, делах, предметах. Напротив сидел пассажир — образованный, начитанный, чудесный человек, как выяснилось позднее, христианин и редкостный друг евреев. Вы ведь знаете, для меня еврей-подхалим хуже выкреста, и я не прихожу в раж, когда христианин говорит о нас доброе слово. Но к моему соседу я проникся личной симпатией благодаря глубоко скрытой в нем притягательной силе, не подвластной рассудку. Что мне вам сказать? Я чувствовал себя так хорошо с ним, я сказал бы даже — по-свойски, мне, право, не надоело бы ехать вместе еще три дня. И хотелось хоть чем-нибудь быть полезным ему, сделать что-нибудь приятное. И представьте себе, желанный случай подвернулся сам собой. Как это произошло? Так как он, видите ли, впервые едет в мой город, в Одессу, и ему хотелось найти подходящее пристанище — какой-нибудь приличный отель, и так как я местный старожил, то не могу ли порекомендовать ему по моему разумению самый благоустроенный, самый лучший отель в Одессе?

— Отель? Ах!..

Обеими руками ухватился я за этот предлог и самыми яркими красками стал рисовать ему известный отель, по моему мнению, самый большой и самый прекрасный из всех имеющихся в городе. Во-первых, панорама. Дом поставлен так искусно, что все окна выходят к морю. Просторные, высокие, светлые комнаты, роскошный зимний сад, оранжереи,читальный зал, обслуживание, я имею в виду персонал. А ресторан! А музыка! Короче, я так воодушевился, словно рисовал перед ним не отель, а рай.

Светлое, теплое, веселое пристанище в чужом городе, когда на улице так пасмурно, в десять раз отрадней, чем в другое время. В глазах моего спутника светилась благодарность, он выслушал меня с сияющим, счастливым лицом. Я видел, как он вынул из кармана записную книжку, отцепил от часов золотой карандашик и ждал, покуда я кончу говорить, чтоб записать название отеля. Но я все еще был воодушевлен моим описанием и не переставал перечислять достоинства

этого замечательного отеля. Я совсем не заметил, что мы уже вот-вот в Одессе. Но когда народ стал подниматься с мест и заглядывать вверх на свои узлы, мой собеседник осторожно, с весьма дружеской улыбкой, обратился ко мне и деликатно спросил: каково название этого отеля?

— Ах да! Название? Сейчас я вам скажу!..

Я на минуту задумался. Боже мой, как же он называется? Я только что знал... Дело — дрянь! Не стало названия! Вылетело!.. Напрасно я тер себе лоб, искал во всех карманах — нет никакого намека! Вы, может, думаете, что название такое сложное, запутанное, что его нелегко запомнить? Сейчас вы услышите! Более простого и не может быть на свете! Скажу больше — это такое название, которое даже при желании невозможно забыть! Услышите — сами скажете! Короче, мне казалось, что я сам разорву себя на части! Это слово лежало у меня, как говорится, на языке: вот-вот! Но выговорить его — никак, хоть взывай к всевышнему! Хоть ложись да помирай! Что мне вам сказать? Мой спутник, видимо, заметил, что я в трагическом положении. Он хотел мне помочь, насколько возможно, вытащить из трясины, в которую я по собственной воле залез. Он прилагал все усилия, стал подсказывать мне, перечислять все существующие на белом свете названия: «Гранд-отель», «Бельвью», «Терминус», «Метрополь», «Националь», «Интернационал», «Бристоль», «Париж», «Мадрид», «Санкт-Петербург», «Чикаго», «Сан-Ремо», «Лондон», «Гамбург», «Константинополь». Нет, нет и нет! Короче, мой попутчик, увидев, что названия городов меня не выручают, кинулся к названиям стран: быть может, «Франция», «Монтенегро», «Англетер», «Россия», «Австро-Венгрия», «Бельгия», «Голландия», «Бразилия», «Аргентина»? Какое там! Ничего похожего! Быть может, «Отель Пост», «Отель Рояль», «Отель Европа», «Отель Лувр», «Отель Дагмара», «Отель Империаль»? Короче, я видел, как мой собеседник спрятал свою записную книжку, прицепил золотой карандашик назад к часам, довольно добродушно распрощался со мной, благодарил, просил не утруждаться — он как-нибудь уж сам позаботится, чтобы его доставили в самый лучший отель...

А я? Разверзнись передо мной могила — я бы туда живьем полез! Такой срам! Такой скандал! Пощечин надавать бы себе! Порку, порку заслужил я!.. И я без-

жалостно честил себя: старый ты дурень! Ты же каждый день повторяешь перевранную молитву: «Да пребуду все дни свои во злодеях, нежели час единый во глупцах!», «Лучше быть мне всю жизнь разбойником, только бы ни часу дурнем!». И ты напорол такой вздор? Кто просил тебя изображать из себя благодетеля? Кто тебя просил рекомендовать незнакомому человеку отель в Одессе? Откуда у тебя взялись отели? И как можно забыть такое, что знаешь, что видишь каждый день, что у тебя в мыслях любую минуту???

Короче, что мне вам рассказывать? Домой пришел я распаленный, ходил по комнатам, тер себе лоб,— быть может, я все-таки вспомню название отеля? Нет, нет никакого названия!

— Не знаешь ли ты,— говорю я моей жене,— как называется отель?

— Какой отель?

— Вот так так! Поди скажи ей, какой отель! Я ведь спрашиваю тебя!

— Скажи же мне название,— отвечает она.

— Ну? Поговорите-ка с женщиной! Короче, придется самому потрудиться и сейчас же пройти туда, к отелю.

Но у человека, вернувшегося из поездки, обычно находятся тысячи занятий, письма, дела — со всем этим надо управиться. Оттого я еще больше раздражаюсь, волнуюсь, злюсь на себя и на весь белый свет, изливаю свое недовольство на тех, кто ни в чем не виноват. Таким образом, дела и завертели меня. Настала ночь, уже давно отужинали, пора ложиться спать, а меня все еще мучает название отеля. Слыхали вы такое? Что мне вам рассказывать? Один выход: завтра чуть свет, без всяких проволочек пойду к отелю! Но сон меня не берет! Скорей бы дождаться рассвета, одеться и первым делом подойти к отелю и посмотреть вывеску — как же он называется. Вдруг срываюсь с кровати и начинаю одеваться.

— Бог с тобой! — говорит мне жена. Она, бедняжка, перепугана насмерть.— Куда ты?

— Терпения больше нет! — отвечаю.— Я должен немедля пойти и посмотреть!

— Что посмотреть?

— Возьми фонарь,— говорю я жене.— Пойдем со мной!

— Куда?

— Не спрашивай, идем!

Что и говорить! Положение моей бедняжки жены излишне описывать. Вы сами должны понять состояние женщины, муж которой уезжает из дому, кажется, совершенно здоровый, а возвращается злой, ни с кем не разговаривает, шагает по дому, трет лоб, словно умом тронулся, и вдруг просыпается ночью, поднимается с кровати, велит зажечь фонарь и говорит: «Идем!»... Но чего только не сделает жена ради мужа? Он говорит «идем», она идет! Короче, что тут толковать, я иду, моя жена — за мной. Я шлепаю по лужам, моя жена шлепает следом! Бог помог, и мы пришли. Подходим к отелю, я поднимаю фонарь, гляжу на вывеску — а ну, угадайте, какое название? Будь вы о семи головах — не угадаете! Отель назывался: «Одесса»!!!

КАК МЕНЯ ЗВАТЬ?

— Когда у нас в Одессе начались погромы, пожары, убийства, я сказал себе: провались оно сквозь землю, уберусь-ка я отсюда, уеду куда глаза глядят, черт возьми! И стал я готовиться в путь. Но легко сказать: уеду! Не так-то просто в бочке селедке вырваться из самой середки. Паспорт стал у меня костью в глотке!.. Не моя вина, что у меня рифмуются середки, селедки, глотки, плетки и околотки... Да, так на чем же я остановился? Пришлось начать хлопоты о паспорте, пришлось иметь дело с различными субъектами, да сотрется вовеки память о них, познакомиться с писарьками, холера их возьми сегодня же!..

— Этак вы скоро исчерпаете весь запас проклятий. Может, вернее перестать ругаться и толком рассказать свою историю?

Так обратился к нему Дедушка, и мой коллега, обладатель горячего темперамента, продолжал свой рассказ:

— Разве я кого-нибудь проклинаю? Черт его возьми! Я просто говорю — провались оно в преисподнюю! Словом, стал я добывать себе паспорт. А что у нас значит раздобыть паспорт — это, кажется, излишне рассказывать вам. Раздобыть паспорт означает: познакомиться со всякими мордами, со всякого рода паразитами, раздавать им деньги, как — простите за

сравнение — в канун Судного дня у входа в синагогу. Каждой морде — целковый! Короче, вполне достаточно морд насмотрелся я, прежде чем попал к его благомордию, к самому начальнику... Пройдя все семь кругов ада, вошел я к нему в кабинет и застал в самом разгаре работы: он скрипел пером. А это вы, конечно, знаете,— когда чиновник скрипит пером, не смей к нему соваться! Пусть погибает весь мир, но ты обязан стоять и ждать, пока не перестанет скрипеть. Только уж очень не любитель я стоять у двери, пока его благомордие когда-нибудь перестанет скрипеть. Набрался я духу и слегка кашлянул — так сказать, послал эстафету: человек, мол, пришел...

Начальник, однако, не перестает скрипеть. Я осмелел и кашлянул погромче. Он поднимает голову, пялит на меня налитые кровью глаза, разевает пасть и рявкает:

— Что надо?

Я, конечно, вспыхиваю как спичка. Что это за «что надо»? И к чему на меня орать? Я, когда разозлюсь, забываю сразу, на каком я свете; у меня темнеет в глазах, начинает першить в горле, вот тут вот, говорю все, что попадет на язык, мне хочется изломать все, что вижу, разодрать в клочья, уничтожить дотла! Помню историю, я был тогда ребенком. Рос я сиротой, и слово «сирота» было мне ненавистней свинины, и еще не мог я терпеть, когда меня, бедняжку, мол, сироту, жалели. Жалость, когда ее проявляют публично, открыто, перед всем миром, отвратительна, тошнотворна, гадость! Короче, я был сиротой, и меня жалели, а больше других жалела меня наша соседка, ее звали Иешиихой. Надумала однажды эта Иешиха и, преисполненная жалости к сироте, купила ему, прошу вашего прощения, портки. Ладно, описывать вам великолепие, красоту, шик этих портков не приходится. Раз в сто лет попадаются такие портки. Не знаю, можно ли в наше время достать такие портки по три рубля за дюжину! Ладно, не это главное. Стоило бы вам посмотреть, как Иешиха созвала всех соседок и кумушек со всей улицы, развернула портки, показала всему миру — пусть все видят, что за портки Иешиха купила сироте. И весь мир любовался портками, все их разглядывали, как сокровище, оценивали и завидовали не столько сироте, ставшему обладателем таких знаменитых портков, сколько Иешиихе, совершившей

такое благодеяние... Я смотрел на все это издали, разъяренный, слезы стояли у меня не в глазах, а в горле — вот тут вот. Иешиха полагала, вероятно, что я на седьмом небе от счастья, только стыжусь это показать, и обратилась ко мне голосом слаще меда:

— Подойди сюда, сирота, не стыдись, примерь-ка портки, что я тебе купила.

Больше не понадобилось. Я подбежал, схватил портки, впился в них раньше всего ногтями, потом зубами, остальное я доделал ногами. Короче, в несколько минут от портков остались только клочья, напоминавшие, что были некогда портки на белом свете и нет их более... Короче, на чем же я остановился? Да, на том, как «большой» начальник крикнул «что надо?» и как я разозлился и едва не пришел в ярость... но я одумался — что же из этого получится? Еще останусь, чего доброго, без паспорта! И сдержался на этот раз. Подхожу к столу, без единого слова подаю ему бумаги. Начальник заглянул в бумаги и — ко мне: «Как тебя звать?» Я молчу. Видя, что я молчу, он повысил на несколько тонов голос: «Как тебя звать? Как твое имя?!» Мое имя!!! Слышите, клянусь жизнью, в эту минуту я, как нарочно, забыл, что, кроме моего псевдонима, у меня есть еще и собственное имя. Но как, скажите на милость, забыл?! Совершенно-таки забыл! Начисто забыл! Все имена во всем мире я помнил; все имена моих родственников, друзей и знакомых стояли перед моими глазами, и только одно имя, мое собственное имя, ушло туда, куда уходит милая святая суббота, исчезло бесследно! Неслыханное дело! «Боже милостивый! Как мое имя? Как меня зовут! Ну???» Хоть убейте, забыл! Что тут делать? Начальник смотрит на меня, как на наглеца. «Вот-вот,— думаю я,— он разразится трехэтажным благословением с разворотом, позвонит, и войдут два ангела-хранителя, зацапают меня, как бес зацапал меламеда, и со всеми почестями отведут прямо в холодную!» А я это ненавижу, эту штуку я уже отведал! Довольно! Больше не хочу.

Есть, однако, на свете великий бог, и он спас правого. Он подал мне мысль, чтобы я тверд был, как камень. Эти людишки, если вести себя дерзко, да еще говорить с ними, повысив голос, тотчас обмякают, хоть вей из них веревки. Так и было. Сейчас вы услышите,

какой разговор произошел между нами. Передаю его дословно:

О н. Как тебя звать?

Я. Кого? Меня?

О н. А то кого же? Меня?

Я. Точно так, как значится в этих бумагах.

О н. А как значится в этих бумагах?

Я. А читать ты умеешь?

О н. Кто? Я?

Я. А то кто же? Я?

О н (*громким голосом*). Ка-а-ак! Ты смеешь со мной так разговаривать? Со мной? Да ты знаешь, с кем ты разговариваешь?

Я (*тоже громким голосом*). А ты знаешь, с кем ты разговариваешь?

Услышав мой резкий тон, какого отродясь не слышал от еврея, начальник заглянул в бумаги и вслух прочел мое имя — только это мне и нужно было!

Что было дальше — уже неинтересно. Я, благодарение всевышнему, благополучно выбрался оттуда и славлю бога каждый день, каждый час за то, что он вызволил меня из беды, не знать мне подобной отныне и вовеки!

— Аминь! — отозвались мы все трое, и Дедушка подмигнул мне: «Теперь, мол, твой черед рассказывать». И я приступил к моей «Истории с тремя городами».

ИСТОРИЯ С ТРЕМЯ ГОРОДАМИ

Почтеннейшие! Было это года за два до «конституции» *. Я тогда разъезжал по городам и местечкам, совершал благотворительное турне по Литве. Однажды, под хануку, получил я приглашения сразу из трех городов: из Могилева, Витебска и Смоленска, находящихся недалеко один от другого,— все они лежат на одной линии. Приглашения были от различных братий: от «чистых сионистов», «поалей-сионистов» и «бундистов». Само собой разумеется, между всей этой братией царила такая же дружба, как между кошкой и мышкой. «Чистые сионисты» ничего дурного, упаси боже, про своих товарищей «поалей-сионистов» не говорили, а только писали, что «фальшивые сионисты», это им известно, собираются доставить меня в вышеупомянутые три города, чтобы использовать в

интересах своей работы, которая ничего общего с сионизмом не имеет. «Поалей-сионисты» тоже не делали враждебных выпадов против своих коллег «чистых сионистов», а только сокрушались, что эти лжемессии ведут агитацию за дело, которое давно уже мертво... Зато «бундисты» со всем гневом обрушивались и на тех и на других, уверяя, что моим выступлениям на вечерах сионистов гарантирован провал... Короче, дела мои были безотрадны. Что тут делать? И я нашел решение, мудрое решение: пока — «да объединятся», а потом — «да размежуются». То есть я им ответил: «Так, мол, и так, деточки, я приеду к вам только при условии, если все вы объединитесь хотя бы на эти три вечера...» После коротких переговоров мое предложение было принято. И полетели туда и обратно письма и телеграммы по поводу моего маршрута — какой город должен первым удостоиться моего посещения. Этот пункт достался нам труднее, чем все остальные. План менялся каждый день. Вначале было решено, что раньше всего я еду в Могилев, из Могилева — в Витебск, из Витебска — в Смоленск, а из Смоленска, через Могилев,— домой. Потом решили, что лучше ехать сначала в Смоленск, оттуда — в Могилев, из Могилева — в Витебск и опять-таки через Могилев — домой. Потом и этот план был отменен. Сошлись на том, что я прежде всего еду в Витебск, из Витебска — в Могилев, из Могилева — в Смоленск, а из Смоленска назад, через Могилев — домой. Поразмыслив еще, выработали новый план,— моего же блага ради,— прежде всего податься в Смоленск, из Смоленска через Могилев — в Витебск, из Витебска — назад, в Могилев, а из Могилева, сразу же после вечера,— прямо домой. Дни были установлены следующие: восемнадцатое, девятнадцатое, двадцатое. Итак, запомните и держите в голове этот расчет: восемнадцатого — Смоленск, девятнадцатого — Витебск, двадцатого — Могилев. Выехал я семнадцатого, на ночь глядя, и послал три телеграммы во все три города, что приеду к назначенному сроку. Всюду подготовили все, что нужно,— плакаты, билеты, программы и так далее. По дороге к поезду я снова и снова пережевывал и повторял мой маршрут, но так как мне забили голову планами, каждый раз — новыми, я, вполне естественно, все перепутал, и мне показалось, что восемнадцатого я должен быть в Витебске, девятнадцатого — в Смоленске, а двадцатого —

в Могилеве. На этом я и утвердился. Беру билет и совершенно спокойно еду в Витебск. Приезжаю в Витебск, выхожу на вокзал, брожу там полчаса, час, два часа в надежде увидеть кого-нибудь из встречающих. Ай да шатия-братия! Где же ваш порядок? Никто не явился меня встретить.

Я нанял экипаж и поехал в самый большой отель. Снял номер, умылся, не спеша, спокойно переоделся и думаю: «Раз вы оказались такими грубиянами, то черт с вами, ищите меня во всех отелях. Не страшно, Шолом-Алейхем не иголка в сене, будете искать его до тех пор, пока не найдете...» Спустился я вниз в ресторан пообедать, гляжу — два больших плаката:

«Гость в нашем городе! Гость!!!

Шолом-Алейхем — величайший еврейский юморист!

Девятнадцатого...»

— Девятнадцатого? Как так девятнадцатого? — И я подзываю кельнера, детину с красными руками, черной физиономией и белой салфеткой под мышкой грязного фрака.— Скажи-ка мне, любезный, что у нас сегодня?

Детина высморкал черный нос в белую салфетку и с полной готовностью ответил:

— Сегодня? Сегодня у нас свекольный борщ с капустой, очень хороший борщ, зразы с кашей и утка, если хотите...

— Нет,— говорю,— я не про то. Я спрашиваю, какой день у нас сегодня?

Детина несколько призадумался:

— Что за день у нас сегодня? Вторник, восемнадцатое.

— Как же,— говорю,— называется этот город?

— Какой город?

— Этот самый город,— говорю я,— ваш город?

Он ошалело смотрит на меня и говорит:

— То есть что значит, как называется этот город? Этот город называется... Витебск называется этот город!

— Врешь,— говорю я ему.— Это тебе приснилось, любезнейший. Ваш город называется Смоленск, а не Витебск!

— Хи-хи-хи!.. Хи-хи-хи!..

Величайший еврейский юморист, видимо, показался кельнеру величайшим идиотом в мире, потому что он, этот субъект, отвернулся в сторону, уткнул свою

черную образину в белую салфетку, чтобы я не заметил, как его душит смех. Я же снова обращаюсь к плакатам и читаю. Крупными буквами выведено:

«Шолом-Алейхем в Витебске!..»

В Витебске? Господи боже! Откуда я взялся в Витебске, когда сегодня я совсем в Смоленске? Короче, я не могу найти себе места. Что мне борщ? Зачем мне утка? Надо уезжать отсюда, бежать в Смоленск. Но, чтобы точно установить, на каком я свете, самое верное — сначала протелеграфировать домой, жене,— пусть она мне телеграммой даст знать, где я должен провести первый вечер... Во всех делах, касающихся времени и маршрута, моя жена — профессор. И чтобы не терять зря времени, безотлагательно посылаю ей телеграмму в несколько коротких слов:

«Телеграфируй востребования, где я сегодня?»

Отослав телеграмму, я немного успокоился и вернулся в ресторан, назад к свекольному борщу со зразами и уткой, потом прилег вздремнуть и, как полагается, уснул. И во сне путаются у меня перед глазами красные женщины и черные кошки... Это у меня примета: раз мне снятся красные женщины или черные кошки, значит, дело мое плохо. Так и было. Просыпаюсь — горе мне! — поздно! Надо бежать как можно скорее, может, успею еще попасть в Смоленск! Прибегаю, сажусь в поезд и уезжаю в Смоленск. Уже в вагоне начинаю расспрашивать кондуктора, когда мы прибудем в Смоленск. Он останавливается, глядит на носки своих сапог и сообщает, что в Смоленске я буду завтра в шесть часов утра. Я, конечно, взрываюсь:

— Как это — завтра в шесть часов утра? Я должен там быть сегодня не позднее семи вечера!..

Кондуктор довольно спокойно выслушивает меня и с часами в руках объясняет, что отсюда в Смоленск даже курьерский идет не меньше двенадцати часов с минутами, а теперь у нас четыре часа с минутами, как же мы можем сегодня попасть в Смоленск?.. Выходит, что он прав, но мне-то что от того? Проворонил Смоленск! Что теперь делать? Возвращаться в Витебск? Черт бы его взял! Знать бы хоть, как у меня обстоит дело с Могилевом? Но уж этого никто не знает так досконально, как моя жена. И тут я вспоминаю, что просил жену телеграфировать мне в Витебск, а сам я нахожусь на пути в Смоленск... Как же свяжутся концы с концами? Но человек с соображением всегда

найдет выход, не так ли? Посылаю еще одну телеграмму жене и отправляю через кондуктора с какой-то станции:

«Телеграфируй Смоленск, когда я Могилеве».

А теперь давайте пустимся в дебри филологии — науки о языке. Давайте разберем обе мои телеграммы. Получается, что, во-первых, я спрашиваю у моей жены, где я («Телеграфируй, где я сегодня»), и, во-вторых, наказываю телеграфировать в Смоленск, тогда как сам я в Могилеве («Телеграфируй Смоленск, когда я Могилеве»). Когда вы, к примеру, получаете две таких телеграммы от одного и того же лица, у вас не остается сомнений, что тот спятил. К тому же вам не следует забывать, что и Смоленск не хлопал ушами и тоже не промолчал. Как полагается, восемнадцатого меня ждали на вокзале с часу дня до двенадцати ночи. И разразился невероятный скандал! Публика разносила зал. На сионистов кричали, что они затеяли аферу, выдумали какого-то Шолом-Алейхема, чтобы выманить у публики денежки. Что тут говорить, пришлось открыть кассы и вернуть публике деньги. После полуночи, с болью в сердце, сионисты и бундисты в складчину послали ко мне домой телеграмму:

«Что с Шолом-Алейхемом?»

А теперь покинем принца и обратимся к принцессе. Моя жена, дай ей бог здоровья, получив все эти три веселенькие телеграммы, не стала долго канителиться, уселась в поезд и укатила в Могилев.

Вам, конечно, покажется диким — почему вдруг в Могилев? Но если вы меня выслушаете до конца, сами скажете, что она умница. Во-первых, она знает меня уже не первый год. И она знает, что, если я телеграфирую ей из Витебска, чтобы она мне телеграфировала в Смоленск, это верный знак, что я в Могилеве. Она помнит, понимаете ли, одну интересную историю. Однажды был я в Варшаве и на пасху ехал домой в Киев. Вдруг, в первый день пасхи, прибывает от меня телеграмма, что я провожу праздник в Голендре, неподалеку от Вапнярки. Как я попал в Вапнярку, когда Вапнярка лежит на пути между Жмеринкой и Одессой? Шуточка — скачок! Но не задавайте вопросов. Я это сделал не со зла, упаси боже! Я сделал это из лучших побуждений. Чтобы попасть домой как можно раньше, я перескакивал из одного скорого поезда в другой до тех пор, пока не оказался на одесской линии и застрял

на какой-то станции Голендра. Но это к лучшему, будем благодарить бога, что я не заехал в Ригу. Таковы плоды поспешности. Не зря говорят в народе: поспешишь — людей насмешишь... Это вам номер первый.

Во-вторых, моя жена исходила из того соображения, что несчастье, судя по моим телеграммам, должно было со мной случиться не в Витебске и не в Смоленске, а где-то между этими обоими городами. Поэтому она не могла выбрать лучшего среднего пункта, чем город Могилев. Для нее не оставалось никаких сомнений, что тут по меньшей мере имело место столкновение двух поездов — одного, шедшего из Смоленска в Витебск, с другим, шедшим из Витебска в Смоленск. От этого столкновения, считала она, все вагоны разлетелись в щепки; убитых наповал не меньше двухсот; сотни тяжелораненых, среди них — множество сошедших с ума, и среди последних, конечно, я!

Вообще, надо вам знать, у моей жены такой характер: стоит мне отлучиться из дому, и я начинаю представляться ей жертвой самых страшных происшествий, какие только могут приключиться на белом свете. Какая ни есть напасть: железнодорожная катастрофа, обвал моста, удар молнии, землетрясение, пожар, неожиданная эпидемия, нападение вооруженных разбойников, укус змеи, который случается раз в пятьсот лет,— все это, по ее мнению, подстерегает меня и ждет только минуты, когда мне понадобится куда-нибудь ехать. А когда я возвращаюсь домой цел и невредим, она не верит своим глазам, глядит на меня, как на счастливца, чудом вырвавшегося из лап смерти, и благословляет судьбу.

Увидев меня на сей раз живым и невредимым, она расплакалась, как дитя. Спрашиваю ее: «Что ты плачешь, глупенькая?» Она отвечает: «Он еще смеет спрашивать, почему я плачу! Это ему — второе «Ровно»!..»

Интересуетесь, что это за «Ровно»? Это тоже одно из моих испытаний. Если вы горите желанием слушать, я охотно расскажу вам, что случилось со мной в Ровно. Это было несколько лет назад. Я пропадал в Петербурге в связи с изданием еврейской газеты и собирался ехать домой через Вильно. С женой я условился, что в такой и такой-то день выезжаю из Петербурга и, если будет нужно, остановлюсь на день-два в Вильно, а уж оттуда — домой. Если же остано-

виться в Вильно не будет надобности, поеду домой прямо из Петербурга. Так и было. Случилось, что в Вильно мне остановиться не пришлось, и я ехал без задержек. Зная, что жена оценит это по достоинству, я ночью с пути послал ей телеграмму. Спросонья я выразился не совсем точно, вместо «еду прямо» написал: «Еду ровно...» И так как давно уже не видел детей, я прибавил еще два слова: «Встречай детьми». Коротко ли, долго ли, приезжаю в город ночью, бегаю как сумасшедший по вокзалу — где жена, где дети? Ни души! Подъезжаю к дому — темно, как на кладбище! Звоню, звоню, обрываю звонок, колочу в дверь — еле достучался. Потягиваясь, словно заспанная кошка, в дверях показалась кухарка, чернявая литвачка.

Я —к ней:

— Где хозяйка? Где дети?

— Где хозяйка? — отвечает она и проводит рукой по носу.— Хозяйки нету!

— Как так нету?

— Они ведь уехали!

— Что значит — уехали? Куда они уехали?

— Почем я знаю куда? В Ровно.

— Почему вдруг в Ровно?

— А почему вы меня спрашиваете? Вы же сами вызывали их в Ровно!

— Я вызывал их в Ровно? Я?

— А то кто же? Я? — говорит кухарка, и кажется, она смеется.

Вы понимаете? Я обливаюсь кровью, а она смеется! Клянусь вам честью,— слышите? — стыд и срам признаться, никому другому не рассказал бы об этом,— накажи меня бог, если я в жизни хоть раз тронул человека пальцем!.. Но эта заспанная баба с ее идиотским смехом так вывела меня из себя, что я забыл, на каком свете нахожусь... Чем, думаете, кончилось? Дело дошло до суда... Слово «ровно» влетело мне в копеечку, к тому же пришлось просить прощения у этой женщины...

Короче, услышав добрую весть, что жена моя с детьми в Ровно, я, сами понимаете,— одна нога здесь, другая там,— лечу в Ровно. Приезжаю в Ровно. Какое там? Нет никого. Начинаю допытываться — не было ли где-нибудь тут такой-то женщины с несколькими детьми? Мне говорят: была и уехала. Надо, стало быть, возвращаться домой! Приезжаю домой, застаю там

доктора. Что стряслось? Моя жена заболела от переживаний...

— Ну, я тебя спрашиваю,— обращаюсь я к ней после того, как мы оба немного успокоились,— почему ты с детьми полетела в Ровно? С чего это тебе, собственно, взбрело в голову?

— И ты еще спрашиваешь? — отвечает она.— Когда я получила твою телеграмму, чтобы мне с детьми выехать в Ровно, я чуть с ума не сошла. Какие только мысли не мелькали у меня в голове! Я иначе и не думала, что ты, не дай бог, заболел в пути, где-то неподалеку от Ровно, либо тифом, либо черной оспой...

— Откуда еще взялась черная оспа? — сдержанно спрашиваю я.

— Я как раз в тот день читала,— говорит она,— в газете, что где-то в Индии вспыхнула черная оспа.

Тут я больше не мог сдержаться и подпрыгнул на стуле.

— Я не понимаю! Где Индия и где Петербург?!

Смотрит она на меня, как мать на ребенка, и говорит:

— С тобой все может статься!

.....

.....

Ну, не правда ли, цены нет такой жене?!

ПРОИСХОЖДЕНИЕ «КЛЯЧИ» *

Солнце палило, припекало вовсю, накалило камни в горах так, что от них шел нестерпимый жар, с нас сошло семь потов, и мы вынуждены были скинуть пиджаки. Отирая обильный пот, мы поднимались в гору уже не так стремительно, потому что дали себя почувствовать ноги. А это плохая примета: части человеческого тела любят, чтобы их не ощущали. Нехорошо, когда вы чувствуете их,— это я еще в хедере слышал от моего ребе, вызывавшего тем не менее чувствительность в таких частях моего тела, которые без него никогда о себе не напоминали... Короче говоря, ноги дали себя знать, и мы начали переглядываться, спрашивать друг друга:

— Что случилось? Вы уже отстаете?

— Кто? Я? Боже упаси!

— Что же вы так тащитесь?

— Это вам кажется...

— Вы что-то стали, чудится мне, припадать на ногу?

— Кто? Я?

— Вам, видно, трудновато подниматься в гору?

— Ничуть не бывало!

— Что же вы так сопите?

— Ошибаетесь! Отродясь не сопел, у меня и привычки такой нет!

— Ну, а вы, как вы себя чувствуете?

— Недурно! Только ноги отказываются повиноваться.

— И у меня то же самое.

— А у меня не так ноги, как ступни!

— Ступни — вздор! Главное — икры!..

И младенец поймет, что после такого разговора мы, четыре еврейских писателя, из коих один поэт, уселись на зеленую травку и буквально ожили. Дедушке, реб Менделе, уступили самое почетное место, а мы трое расселись вокруг него, как внуки или как ученики вокруг старого учителя, готовые слушать его поучения, слушать, как он трактует библейские изречения, рассказывает о вещах, имеющих отношение к тому, что касается всех нас,— к еврейской литературе, причем каждый раз вплетает постороннюю историю, которую называет «предисловием». Предисловие в начале, предисловие в середине, предисловие в конце.

— Когда я забеременел «Клячей»,— начал рассказ Дедушка...

Но тотчас же его, как обычно, перебили. Его засыпали вопросами:

— Дедушка! Откуда у вас взялась «Кляча»?

— Дедушка! Какое произведение впервые было написано вами по-еврейски? Что привело вас к решению писать по-еврейски?

— Дедушка! Почему вы избрали себе псевдоним «Менделе Мойхер-Сфорим»?

Спокойно, с полузакрытыми глазами и улыбкой на губах, выслушал Дедушка все наши вопросы и, громко засмеявшись, ответил:

— Ну? Все? Больше ни у кого из вас вопросов нет? Если есть еще вопросы, давайте их сюда, пожалуйста, не стесняйтесь, дружно сыпьте в груду — это дело обычное... Забросав меня со всех сторон вопросами, вы напомнили мне сцену: мать приносит с базара

корзину со всякой всячиной — тут и яблоки, и груши, и бублики, булочки, яйца, картофель, морковь, сливы, петрушка, и с упругим гребнем красный петух сам-друг выходит в круг. И вот ее окружают со всех сторон дети: «Мама, мне яблоко! Мама, мне грушу! Мама, а можно мне съесть сырую морковку? Мама, а зачем нужна петрушка? Мама! Сколько стоит этот петух?» — «Деточки,— умоляет мать,— дайте мне перевести дух, и я вам всем отвечу!»

Так успокоил нас Дедушка и каждому дал обстоятельный ответ на его вопрос, никого, упаси бог, не обошел. Оказалось, что писать по-еврейски, то есть говорить с народом на его языке, Дедушку тянуло уже давно, задолго до того, как он посвятил себя еврейской литературе. А так как сорок лет назад писать по-еврейски считалось делом зазорным, тем более для него, молодого человека, «просветителя», о котором умные люди говорили — это, мол, растет второй Хаим-Зелик Слонимский,— первое свое произведение, «Маленький человечек», он тщательно скрывал и, чтобы никто не дознался об авторе, подписался именем некоего Сендера-книгоноши (Мойхер-Сфорим) — подлинное имя человека, таскавшегося в ту пору со своей лошадкой и тележкой по окрестностям Бердичева, то есть знаменитого Глупска. Образ «маленького человечка» — богача Ицхок-Авремла — тоже написан с живого человека, который в те годы, пощелкивая большим кнутом, управлял еврейской паствой в Глупске... Написал он «Маленького человечка» в течение трех дней, не более; полный страха и трепета, автор отослал свою рукопись в «Кол-мевассер» к Александру Цедербауму. Увидев на титуле «Сендерл Мойхер-Сфорим», Цедербаум всполошился — не метят ли в него самого (Александр — Сендер — Сендерл)? Он недолго раздумывал — еврейский редактор никогда не разводил особых церемоний с еврейским писателем, в те времена тем более,— и переделал имя Сендерл на Менделе. Так возник и вышел в свет «Менделе Мойхер-Сфорим», который не переставал разъезжать со своей тележкой, полной печатного товара, по царству Глупскому, а оттуда перекочевал в Кабцанск и Тунеядовку...

Вот те три столицы, которые фигурируют во всех творениях Менделе Мойхер-Сфорима и самими названиями метко выражают всю сущность тогдашнего еврейского гетто. Вот те три черты, которыми отмечено

было прежнее еврейство в России: Глупск — невежество, Кабцанск — нищета, Тунеядовка — бедняки без ремесла, без работы, без занятий, лишние существа на свете.

— В ту эпоху это были три главных элемента еврейского народа, с которыми мне суждено было иметь дело во всей черте оседлости,— вздохнул Дедушка и горько улыбнулся.— Но вы, кажется, спрашивали о происхождении «Клячи»? Придется уважить вас, дети, и рассказать. Дело было так. Однажды летом сижу я в Глупске в заезжем доме и, задумавшись, гляжу на улицу в открытое окно; вижу — подоткнув полы рваного кафтана, измученный, обливающийся потом еврей хлещет кнутом бедную, измочаленную, взмокшую, всю искусанную клячу, запряженную в телегу, полную кирпича, и осыпает страшными проклятиями и клячу, и себя, и весь белый свет:

— Сгореть бы шкуре твоей, кляча проклятая!

А кляча, повернув к нему изможденную горестную морду, глядит на него, как грешный человек, и чудится мне, будто слышу, как она ему говорит:

— Глупец! Он называет меня клячей! Сам ты кляча! Взгляни туда, на площадь, куда я тащу кирпичи, и увидишь, что все вы клячи, истомленные, изнуренные клячи, горе, горе вам!

Так, чудилось мне, говорила кляча. И я обратил глаза к площади, на которую указала мордой кляча, и увидел знакомое обличье расторопного живоглота, ухитрившегося махинациями да плутнями стать обладателем собственного каменного дома в Глупске, затем еще одного такого же дома, и все это за счет праведных грошей еврейской бедноты, праведного пота и крови евреев... Удачливый ловкач, так сказать, достойный человек, стоял он, заложив руки за спину; шапка сдвинута на затылок, лоб, за которым прятались большие планы, покрыт потом, а вокруг него, как рабы, униженно суетились бедные людишки, заглядывали ему в глаза, как преданные собаки, радовались каждой его улыбке и тряслись как в лихорадке от одного его свирепого взгляда... И пришли мне на ум слова из «Песни песней»: «*Кобылице в колеснице фараоновой уподобил я тебя, возлюбленная моя*». Кляче в повозке фараона приравниваю я тебя, еврейская паства! Так и произошло во мне зачатие «Клячи».

Три дня метался я по Глупску сам не свой. Не

слышал, что люди говорят мне, на «здравствуйте» отвечал «кляча», потому что все лица казались мне теперь клячеобразными. И так вот «клячило» меня до тех пор, пока не вернулся я домой, в Тунеядовку, заперся у себя в комнате на шестнадцать дней и написал все шестнадцать глав «Клячи»...

И тогда возник вопрос: что делать с «Клячей»? Для нас еще не была открыта Колумбова Америка, еще не было тех добросердых людей, которые тридцать лет спустя пожалели меня, бедного Менделе Мойхер-Сфорима, и издали там, в Америке, не испросив на то согласия и не дав мне знать,— мол, сим ставим вас в известность, реб Менделе, что вас облагодетельствовали, вас обокрали!..

Тут Дедушка замолчал и задумался. Мы, внуки, имели все основания полагать, что теперь самое время метать громы и молнии, обрушить огненный шквал на головы этих ловких плутов в Америке, которые и в самом деле совершили неслыханное преступление против единственного еврейского классика, против величайшего еврейского поэта, мыслителя и художника. Они издали все его произведения и продавали не только в своей Америке, но и приволокли их сюда, в Европу, и тем самым нанесли ему жестокий удар, создав конкуренцию его товару при помощи его же собственного товара — и подите тащите их на суд праведный!..

Естественно, что мой коллега — тот самый, с горячим темпераментом,— выступил с пламенным протестом против американских пиратов и морских разбойников, смешал их (за глаза) с грязью и удивлялся, почему никто не поднял свой голос.

— Почему вы смолчали, Дедушка? — взывал мой коллега.— На вашем месте я сделал бы из них вот это вот!

И мой темпераментный коллега показал в воздухе обеими руками, что он сделал бы из них; но что именно — понять было трудно, потому что показать руками человек может все что угодно, бог знает что!..

Дедушка ответил ему на это с улыбкой:

— Я вот что вам скажу. Быть только ограбленным — это еще куда ни шло, это можно стерпеть, что поделаешь? Никто не огражден от несчастья. Но быть вдобавок к тому же еще и глупцом — это для меня уж слишком. Протестовать, мстить — глупо; это должны делать другие, не я. То, что я сам должен сделать,

будет вероятно, сделано... Менделе Мойхер-Сфорим, хвала всевышнему, еще не умер! Ладно... Короче говоря, все это глупости. Вы ведь хотите знать: как «Кляча» вышла в свет? Вот и следует рассказать вам, что было дальше.

И Дедушка поведал нам, как в тесном кругу близких друзей он впервые читал «Клячу», как друзья вначале смеялись над ним и высмеяли даже название произведения.

— Далась же ему лошадь, кляча!

И как они потом стали серьезны... Как один из них (Йойсеф-Бецалел Гаркави) после чтения «Клячи» забрал у автора тетрадь, молча положил в боковой карман, увез в Петербург и через некоторое время прислал сочинителю готовую, напечатанную «Клячу». Как потом цензор горько поплатился за то, что пропустил такой крамольный товар. И еще много интересных историй рассказал нам Дедушка, пока мы, его внуки, сидели на травке, а наши измученные ноги наслаждались отдыхом!

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

И опять нас было четверо, те же четыре еврейских писателя, и самый молодой среди них — поэт. Дедушка, как всегда, был душой нашего общества и сидел в середине, а мы, внуки, расположились вокруг него. Была летняя ночь, восхитительная, ароматная, теплая ночь. Не хотелось возвращаться в дом — трудно было расстаться с такой ночью! Разговор шел о сверхъестественном, непостижимом в природе и о декадансе в литературе. Дедушка смотрел своими небольшими, но острыми, близоруко сощуренными глазами куда-то в полумглистую даль. Потом речь зашла об описаниях природы. Дедушка сказал, что описывать природу — значит профанировать ее, и начал своим незатейливым, но сочным еврейским языком рисовать картину ночи не то восторженным, не то ироническим тоном, так, что трудно было понять, говорит он серьезно или шутит...

Вот как Дедушка изображал летнюю ночь:

— Тихо подкрадывается ночь. Поодиночке, точно свечи, угасают красные лучи заходящего солнца. Про-

бегает легкий ветерок и поверяет вам тайну: «День миновал... День умирает...» Деревья насупили брови, они хотят спать. Повсюду печаль, уныние вокруг, как в субботний вечер перед последней трапезой, когда все грустит, все тоскует, и дух праздничной благодати порывается куда-то, трепещет, ему трудна разлука... Но — тише! Вот и она, колдунья-ночь, шествует, простирая над нами свои черные крылья. Вот-вот усядется она в своем темном шатре, и его озарят мерцающие звезды. Вот-вот она скажет нам: доброй ночи! Тихо прошепчет последнюю молитву на сон грядущий и уснет, и будут ей сниться разные причудливо переплетенные, запутанные всесветные сны...

Дедушка умолкает. Мы сидим как зачарованные. Нам хочется в эту роскошную летнюю ночь слушать еще и еще, отдаться очарованию его великолепных ночных картин. Он понимает наше желание.

Вдруг Дедушка прерывает свое молчание:

— Ну, ладно, короче говоря, природа! Все наши описания — сплошная ложь! Перед лицом самой природы все наши изображения, картины имеют такой же вид и дают нам о ней такое же представление, как те знаменитые иллюстрации к хагоде, что печатаются в Вильно или в Бердичеве, дают представление об исходе евреев из Египта... Если хотите, дети, я лучше расскажу вам подлинную историю, страшную историю, которая однажды приключилась со мною в Бессарабии. История эта содержит в себе нечто мистическое, непостижимое и очень гармонирует с такой вот прекрасной ночью, полной волшебства, мистицизма и декаданса... Если хотите слушать, сидите тихо, спокойно, а главное — не перебивайте, по своему обыкновению, и не задавайте вопросов. Могу вас заверить, со временем все само собою разъяснится.

И мы, все три внука, придвинулись к Дедушке поближе, а он махнул рукой, как бы отгоняя от себя кого-то, и начал спокойно и медленно рассказывать свою страшную историю:

— Бессарабия, знаете, это край, где не водятся, упаси боже, ни колдуны, ни духи, ни прославленные на весь мир воры, разбойники или грабители. Бессарабия — это край кукурузы, вина и мамалыги, так что само название это еще не дает особого основания ожидать, что со мной случится там какая-нибудь необыкновенная, сверхъестественная история. И тем не менее я

обязан вас предупредить, что, слушая меня, вы будете цепенеть, замирать и трепетать от страха. Трезвым рассудком вы не сможете понять суть происходящего, я даже побаиваюсь, что не захотите поверить, то есть не станете, боже сохрани, думать, что я выдаю вам вымысел за подлинное происшествие,— помилуй бог! Вы не позволите себе такой грубости! Но про себя будете думать: мало ли что могло стрястись со стариком, ему могло и примерещиться...

Итак, слушайте внимательно. Представьте себе город в Бессарабии лет тридцать с лишним назад (но только не Кишинев, от Кишинева меня уже воротит!). Итак, город в Бессарабии, и в центре города — заезжий дом. Разумеется, мне незачем рассказывать вам, что такое заезжий дом и как он выглядит. Этот дом был построен специально для господ, а раз для господ, можете не сомневаться, он обладал всеми возможными удобствами, потому что господин — это не еврей. Еврей — это еврей, господин — это господин! Но не в этом суть...

Сам по себе дом — обыкновенное здание, не высокое, не низкое, под красной черепичной крышей. Высокие и широкие ворота рассчитаны на то, чтобы экипажи въезжали прямо во двор, где с обеих сторон, справа и слева, протянулись двери комнат. Комнаты — чистые, просторные, глядящие окнами на улицу. Приличная мебель: круглый стол посреди комнаты, красивая полированная деревянная кровать, свежеубранная и затянутая занавесью, такой же платяной шкаф, умывальник, мягкий диван с зеркалом в спинке и пара стульев. На стенах — картины, обычные картины: портрет Мойше Монтефиоре с его пышным жабо и — да простится мне, что рядом помянул,— Наполеон Бонапарт со своей треуголкой и рукой, заложенной за борт жилета, и, пожалуй, слишком уж свирепым видом, являющим резкий контраст с Монтефиоре, у которого, наоборот, излишне слащавый вид. Примечательно! Два различных героя двух разных эпох изображены двумя художниками, а в обоих портретах один и тот же недостаток: не соблюдена мера... Но не в этом суть. Самым прекрасным и самым лучшим украшением комнаты была печь — простая печь, без затейливых завитушек, обыкновенная, желтая, с синими разводами, приятная, а главное — теплая печь, надежная, как мать. Отсюда следует, что история, которую я собираюсь вам

рассказать, произошла зимой — это очень существенная для дела подробность.

Точно так же как лето имеет свое обаяние и красоту, которые милы нам и дороги, и зима имеет свою прелесть и очарование, когда на дворе стоит изрядный холод, дует ветер, жгучий мороз прокрадывается сквозь закрытые ставни и рисует веселые узоры на окнах, а вы сидите с друзьями в жарко натопленной и ярко освещенной комнате у накрытого стола; и горячий самовар кипит, исходит паром и долго, тонко и тягуче поет. Говорите что хотите — все хорошо в свое время. Нехорошо только, когда среди зимы вдруг становится по-летнему дождливо или среди лета нагрянет холод, напомнив о зиме... Но не в этом суть.

Сидел я у самовара и пил чай один-одинешенек, вот мне и захотелось, чтоб кто-нибудь вошел, хоть слово сказал, как это бывает иногда, когда стоскуешься о человеке. Кстати, такова особенность людей: они надоедают, но когда их не видишь, тоскуешь по ним. И бог помог: открылась дверь и показалось обросшее существо, с волосатыми руками, одно из тех, какие могут водиться только в стране кукурузы, вина и мамалыги. Давать его портрет я считаю необязательным, но в двух словах сказать не помешает: он был, как говорится, поперек себя шире, да так зарос жиром, что едва переводил дыхание. Человек оказался хозяином, владельцем заезжего дома. Зашел он ко мне, чтобы, как принято, приветствовать гостя, почтить вниманием, спросить, откуда и куда тот едет, заглянуть, пронюхать, так сказать, «прощупать», а вдруг гостю что-нибудь нужно, и тогда он окажет ему услугу. Ну, и так далее. Долго уговаривать его присесть не понадобилось; выпить со мной стакан чаю я тоже легко убедил его. И пошел у нас разговор, но вряд ли он будет вам интересен. Разговор этот вертелся все больше вокруг разных мировых событий, городских дел, торговли, семейных обстоятельств, а отчасти и просто так — лишь бы говорить, не молчать. Мой хозяин, как я вам уже говорил, был несколько тяжелый человек, пожалуй, чересчур обросший жиром, оттого ему и трудно было начать говорить... Каждый раз перед тем, как что-нибудь сказать, он некоторое время сопел и отдувался, как кузнечный мех, но едва кончал сопеть и выдувал все содержимое меха, его речь шла как по маслу. Он

дал мне полный отчет о Бессарабии, ознакомил со всеми помещиками — и с теми, у которых много земли и мало собак, и с теми, у кого мало земли и много собак. Рассказал он мне также много интересных историй о конях; о «честных» конях и о «вороватых» конях, о конокрадах и о ворах, таскающих все, что попадает под руки, и о разбойниках, которые приходят в эти места из Румынии, преимущественно цыгане, и вытворяют иногда такое, что волосы дыбом встают! Я слушал и присматривался к этому обросшему существу с волосатыми руками — уж не находится ли он в дальнем родстве с теми разбойниками из Румынии. Но тут же убедился, что напрасно заподозрил его. Из дальнейшего разговора выяснилось, что он просто невежда, неуч, а, кроме того, вдобавок еще и основательная скотина! Покончив с разбойниками, он перешел к колдунам, духам, бесам и чертям, мертвецам, вампирам и гномам, которых «своими глазами видел», и — вот вам доказательство: они с рогами. Кто с рогами — я забыл спросить — у меня уже слипались глаза... Бог знает, сколько этот умник просидел бы над моей душой, если б я не начал подремывать. Материалу для болтовни у него было, видимо, сколько угодно, потому что, прощаясь, он пообещал зайти завтра в это же время и еще многое, многое порассказать. Перед уходом он вместе со мной осмотрел окна, проверил, хорошо ли прикрыты ставни, заглянул в печь, не слишком ли рано закрыли вьюшкой трубу, показал, как надо запереть дверь, пожелал мне доброй ночи, выдул свой кузнечный мех и ушел.

Как только он вышел, я замкнул дверь и потянул: не открывается ли? Нет, не открывается. После этого я осмотрел все окна, заглянул, просто так, мимоходом, под кровать, стал раздеваться, положил на стол часы и спички, лег в кровать, накрылся чистым теплым байковым одеялом, погасил огонь и...

Тут Дедушка вдруг остановился и замолчал. Ночь и вправду была полна волшебства. Высь глядела на нас своими звездами, которые перемигивались, мерцали, моргали, совсем как человек. Они подмигивали нам, они обращались к нам, они нам говорили: «Если бы вы знали, что у нас тут в небе творится?!» — «А ну, пожалуйста, скажите нам, звездочки, скажите, что у вас там в небе творится?» Но звездочки не говорят, что у них там в небе творится. Они мигают, искрятся, мор-

гают. А мы глядим, вглядываемся в глубь неба и не знаем, что там происходит.

Мы все, по-видимому, разглядывая звезды, углубились в свои мысли и не сразу заметили, что Дедушка почему-то очень долго молчит. И мы все трое обратились к нему:

— Ну?

— Что ну?

— Почему вы замолчали?

— Я хотел испытать, внимательно ли вы слушаете.

— Как так — внимательно ли слушаем? Конечно, слушаем во все уши.

— Скажите же, деточки, на чем я остановился?

— Вы остановились на теплом байковом одеяле. Вы укрылись, погасили огонь и...

— Вот такими я вас люблю. Раз вы слушаете со вниманием, я могу продолжать рассказ. Итак, я чудесно укрылся и — спокойной ночи!.. Не скажу вам точно, то ли я уже уснул, то ли вот-вот должен был уснуть, то ли успел уже поспать некоторое время,— знаю только, что глаза у меня были закрыты, когда я услышал вдруг шаги, тихие-тихие шаги. Идут!.. Напрягаю слух — да, идут!.. «Пустое! Мне это, наверное, чудится!.. Это плоды россказней хозяина...» Так думаю я про себя, хочу накрыться одеялом с головой и — снова слышу довольно явственные шаги! Пускаюсь в догадки: быть может, это ходят в соседней комнате, по ту сторону стены? Быть может, это — наверху, над моей головой? Нет! Я слышу шаги вот тут, у себя в комнате, недалеко от моей кровати! Я собрал воедино все свои мысли, вспоминаю — как будто хорошо замкнул дверь, осмотрел все окна, заглянул и под кровать... Кто же это может быть и откуда он здесь взялся? А вокруг темно, хоть глаз выколи! Что делать? Спичку чиркнуть? Вы, конечно, правы. Это — верная мысль. Только вот вопрос: как взять спички, когда они за версту, где-то на столе? Ну? Что станете делать? Молчите, не так ли? В том, что кто-то находится в комнате, у меня уже сомнений не было. Неизвестно только: откуда он взялся? Как он вошел? Думать надо — либо через дверь, либо через окно? Если через дверь, то это сам хозяин с запасным ключом, если через окно, это просто вор. Большой разницы тут, правда, нет, но человек, наделенный умом, любит каждую вещь продумать, чтобы знать, на каком он свете, чтобы не блуждать в

темноте даже тогда, когда он лежит в темноте... Я представил себе, понимаете ли, все, как в Библии сказано: «У мудреца глаза его в голове его». Я воскресил в памяти комнату, стол, кровать. Как я улегся? Головой к окну, ногами к двери. Следовательно, будь открыта дверь, кто прежде всего почувствует это? Ноги. Высовываю осторожно ногу из-под одеяла — сейчас почувствую, наверное, легкий ветерок? Какое там! Дверь заперта — готов поклясться! Значит, надо взяться за окно. Как же это сделать? Высовываю осторожно из-под одеяла руку — ни малейшего ветерка, прохлады. Двери и окна заперты, а шаги становятся все явственнее и ближе. Могу поручиться, что уже слышу возле себя чье-то дыхание! Разумеется, каждая минута, каждая секунда кажется годом.

У меня выступает холодный пот! Сердце стучит, стучит, точно часы. Что делать? Соскочить с кровати? Поднять крик? Звать на помощь? О чем кричать? Кого звать? Разве знаешь, с кем тут имеешь дело? Сесть в кровати? Но ведь боишься шелохнуться — к чему показать пришельцу, что ты не спишь? Тут соображение простое: если это вор, он возьмет все, что ему нужно, и уберется подобру-поздорову. Но если ты начнешь вопить, он захочет спасти свою шкуру, вот и нападет на тебя бог весть с каким оружием. Стало быть, ты сам сделаешь из него душегуба — к чему тебе это? Но что же? Ждать, покуда он подойдет к тебе, к твоей кровати, набросится на тебя, схватит за горло и начнет душить? Это что-то тоже не то. Итак, скажите теперь, как поступили бы вы? Послушаем. Вы люди молодые, герои!..

С этими словами Дедушка обратился к нам, к своим трем внукам, и стал дожидаться нашего ответа. Раньше всех выскочил с ответом самый младший из нас — поэт.

Он воспламенился, как истинный герой, и, сжав два страшных кулака, показал, какой бы сделал прыжок с кровати, как свалил бы того на землю, как душил бы его, и закончил горячо:

— Жизнь за жизнь! Мне смерть, но и тебе смерть!..

Выслушав ответ поэта, Дедушка махнул рукой, словно говоря: «Допустим, что так!» — и обратился к моему коллеге, обладателю горячего темперамента: как поступил бы он? И тот ответил довольно искренне:

— Скажу вам правду, Дедушка. Напасть на человека, когда я его не знаю и не вижу,— этого я бы не сделал. Я оставил бы ему часы со всем моим скарбом, черт его возьми, а сам выскочил в окно. Связываться со всяким паршивцем, со всяким ворюгой? Провались оно сквозь землю...

— Тоже верно! — произнес Дедушка.— Связываться с неравным себе, конечно, не стоит. Ну, а вы что сделали бы, случись такая история с вами?

Это Дедушка обращается уже ко мне, и я отвечаю ему тоже довольно откровенно:

— Я? Мне бы не пришлось делать ни того ни другого! Я бы не напал на вора, не прыгал бы в окно. Я бы... Я бы... умер!

— Это вернее всего! — говорит Дедушка, заливаясь громким смехом. И глядя на него, смеются все, кроме меня.— Умереть со страху — действительно добрый совет, но, прежде чем приходишь к такому выводу, у тебя трижды уходит душа в пятки, прошибает холодный пот, и чувствуешь, как мозги шевелятся под черепом! Видишь перед собой ангела смерти, ощущаешь на горле холодное лезвие и не знаешь только, когда произойдет «чик!»... Короче, не стану вас больше мучить. Слышу, возле самой моей кровати кто-то сопит, но как! С силой, со злобой: «Ха! И-ха! И-ха!» Сквозь одеяло чувствую на себе чью-то руку, крепкую, тяжелую, холодную, волосатую руку, и затем — еще руку. Ага! Кто-то лезет ко мне в кровать, вот, вот он... Вот-вот он схватит меня за горло! Вот-вот он долбанет меня чем-нибудь тяжелым по голове! Вот-вот... Ну? Умники! Что бы вы теперь сделали?

Тут Дедушка остановился, желая, видимо, передохнуть. Мы поняли,— ему, очевидно, было тяжело еще раз пережить эту критическую минуту,— и оставили его в покое, а сами стали вслушиваться в тишину ночи. Знаете, милые друзья? Тишина ночи говорлива, она шепчет какие-то слова. Прислушайтесь когда-нибудь и услышите голоса: тихие, но сладкие слова незнакомого существа, которое сидит возле вас, о чем-то шушукается с вами, и чудится, что этот голос вам знаком, вы где-то его слышали, но не знаете где... А вдруг померещится, что вы слышали вздох, глубокий вздох, и не знаете, кто это вздохнул,— то ли таинственное существо, что сидит подле вас, то ли вы сами вздохнули?! И вас охватывают разом и страх и тоска; вы рады бы подняться, уйти, но

что-то удерживает вас — неведомо что... Что-то тянет вас за душу — неведомо что... Давит смертельная тоска — неведомо по ком... И вдруг вы слышите: плюх! Словно в реку кинули камень или что-то опустили в колодец!.. Нигде вблизи вас, это вы знаете, нет ни колодца, ни реки. Что же это за «плюх»?.. Или «кра» послышится. Откуда это «кра», если все птицы спят?.. И кажется вам, что земля дышит, чуть-чуть слышно... Вместе с вами дышит она, земля, весь мир, и вы чувствуете себя частью дышащей земли, частью огромного мира, предстающего перед вами великой, великой тайной...

Молчание Дедушки снова затянулось дольше, чем следовало; мы изнемогали от желания поскорей услышать конец этой истории и начали тормошить Дедушку.

— Ну?!

— Что ну?!

— Как так — «что ну»?! Что было дальше? Кто это был? Что он с вами сделал? Как вы вырвались из его рук?

— Ах, так? Вы и в самом деле хотите узнать конец? Повремените. Завтра тоже не плохой день. Считайте, что это рассказ, который печатается в газете, и умник редактор оборвал его на самом интересном месте, поставив внизу два известных слова: «Продолжение следует». И подите тащите его на суд праведный. Умный редактор, разумеется, сделал это нарочно, чтобы заставить вас на следующий день снова купить газету,— разве есть у вас другой выход? А если хотите, считайте, что это история со змеей.

— С какой змеей?

— Вы не знаете истории со змеей? — протягивает Дедушка нараспев.— Тогда я расскажу вам новую историю, историю со змеей.

Однажды, было это тридцать первого декабря, как раз накануне Нового года, люди читают в газете такого рода рассказ: «Молодая красивая женщина, родившая первенца, сидела со своим крошкой у окна и собиралась покормить младенца грудью. Вдруг откуда ни возьмись подползает змея, кидается прямо на женщину, впивается ей в грудь и начинает сосать. Женщина, само собой разумеется, лишилась чувств. Весь город, естественно, сбежался спасти женщину. Созвали крупнейших врачей, но попробуйте что-нибудь сделать, начните войну с ядовитым хищником! Ничем тут не поможешь — троньте

змею, она выпустит свой яд и убьет женщину на месте. Но, с другой стороны, если не помешать змее, она не отстанет от женщины, покуда та не умрет... Скверно! — так заканчивает газета.— Положение критическое. Змея сосет. Женщина без сознания. Врачи заседают и изыскивают средства. Репортеры ждут. Завтра мы сообщим нашим читателям, что сталось с женщиной и змеей». Не одно завтра, разумеется, прошло с тех пор. Публика ежедневно раскупала газету, долго, долго дожидаясь конца истории. Я даже думаю, что есть такие стойкие читатели, которые и по сей день не перестают покупать газету все ради той же женщины со змеей... Неужто же я не заслужил у вас, дети, чтобы вы подождали меня до завтра? Спокойной ночи!

И Дедушка поднялся и в самом деле стал прощаться с нами. И тогда мы, все три внука, припали к нему, просили, умоляли, целовали,— еле уговорили его снова усесться на свое место и продолжить свою страшную историю.

— Вспомните же, дети, на чем мы остановились! Мы остановились на том, что это существо подошло тихими шагами к моей кровати. И я слышу, как оно сопит с силой и злобой: «Ха! И-ха! И-ха!» И чувствую сквозь одеяло чью-то руку и еще руку, кто-то лезет ко мне в кровать, вот-вот он будет в моей постели!.. Не знаю, как вы, но я когда-то в юности начитался разных страшных историй о чертях, разбойниках, колдунах и духах. Все эти истории, скажу вам по правде, не производили на меня никакого впечатления, кроме того, что я каждый раз хотел знать конец истории,— вот так, к примеру, как вы теперь... Понятия «напасть», «наброситься» «убить», «умертвить» были мне чужды. Даже многоглазый ангел смерти был для меня не более чем страшилище, нарочно придуманное, чтобы пугать нас, не более. На этот раз я увидел ангела смерти перед глазами. Я увидел его и узнал его. Это он! Он! Я только не мог угадать, какой смертью предстоит мне теперь умереть, поэтому я не знал, за что раньше схватиться — за голову, за горло, за живот? Две большие костлявые холодные руки, представлял я себе, схватят меня скорее всего за горло и начнут душить. Я почернею и посинею, глаза вылезут на лоб, и я не смогу кричать. Еще я представил себе, как тяжелый предмет, железный предмет, обрушивается мне на голову и я умираю... Или широкий, острый, холодный нож врезается мне прямо в жи-

вот, и я уже чувствую его прикосновение... Не знаю сам, дети, откуда взялись во мне силы и мужество. Со страху величайший трус иногда становится героем, а если хотите, я открою вам тайну: никаких героев нет; настоящий герой это — именно и только! — трус... Короче, я увидел, что нахожусь на волосок от смерти, и подумал: «Что ты лежишь, дурак? Кого ты ждешь? Твоей жизни теперь все равно грош цена...» Одним рывком поднялся я и спрыгнул с кровати, следующим прыжком я оказался у стола, схватил спички — чирк! — и поднес к кровати, гляжу: большой черный кудлатый пес, настоящий «сибиряк» с красными глазами!..

По-видимому, этот пес лежал все время где-то под диваном или за шкафом; то ли ему там надоело, то ли ему стало холодно, и вот он явился ко мне с визитом, познакомиться с новым постояльцем, тем более что у меня, на байковом одеяле, и впрямь гораздо лучше, теплее и приятнее...

На следующий день волосатый хозяин заезжего дома рассказал мне, что получил этого пса в подарок от какого-то барина.

— Тихий пес,— оправдывался он,— очень смирный пес, мухи не тронет. Он уже очень стар, да к тому еще слеп на оба глаза.

КАК КРАСИВО ДЕРЕВО!

(Эпизод с грушами. Рассказан первым внуком [1] Дедушки реб Менделе и посвящается его 75-летнему юбилею)

Если вы желаете близко познакомиться с Дедушкой, с удовольствием провести с ним часок, что-нибудь почерпнуть из беседы с ним, воистину насладиться его обществом, то знайте: это невозможно в избранном кругу, на банкетах, где осаждают тостами и оглушают аплодисментами и криками «ура».

---

[1] Свидетельствую перед всем миром, что я увенчал Менделе Мойхер-Сфорима именем Дедушки. Это было четверть века назад. Тогда я был совсем еще юнец, «озорной внучек», как назвал меня Дедушка в одном из своих писем ко мне. С тех пор и пошло: Дед, Дедушка. Сейчас Дедушка дождался, слава богу, целого поколения внуков.

Пусть же растут и множатся!

Шолом-Алейхем.

Правда, Дедушка и в обществе не растеряется, не спрячется в уголок. Он ответит на все тосты, речи и выступления каждому в отдельности, и ответы его будут полны блестящего остроумия. При этом лицо у него станет светиться, как зажженный семисвечник, а вы почувствуете себя с ним в такой степени попраздничному, как только можно чувствовать себя с истинным мудрецом. Но это будет, господа, только писатель Менделе Мойхер-Сфорим, отнюдь не Дедушка.

Если же вы хотите узнать Дедушку, уйдите с ним далеко-далеко за черту города, на вольную волюшку, под купол небес. Уйдите туда, где цветет дерево, пробивается травка, пасется теленок, зеленеет лес, где машет крыльями мельница, бежит ручеек, поет птица, прыгает белка, порхает бабочка, летают стрекозы, роится, вьется столбом мошка, гудит и кружится, поет хвалу богу...

Туда, туда пойдите с ним, там только вы познакомитесь с Дедушкой, только там вы его узнаете по-настоящему.

Вы увидите перед собой и глубокого мыслителя, и своеобразного художника, и дитя природы. Он сядет с вами на божью землю, на ее зеленый благоухающий покров, усыпанный цветами. Глядя в голубое небо, он выскажет глубокую мысль, нарисует яркую картину, поведает прекрасное предание старины, бросит умную, острую еврейскую шутку. Громко смеясь, он заставит вас и развеселиться и задуматься. И вам будет с ним так хорошо, как никогда раньше, и будет вам обидно, почему вы раньше не знали его. Вы будете сожалеть, что не захватили с собой карандаша, чтобы записать его глубокие мысли, живые картины, удивительные предания старины, умные, острые еврейские шутки.

Нет, Менделе Мойхер-Сфорим в жизни — это не тот Менделе Мойхер-Сфорим, что в книгах. Менделе Мойхер-Сфорим в жизни сам — книга.

Из этой книги я вырываю листок и отдаю его тебе, друг-читатель, сегодня, в день 75-летнего юбилея нашего Дедушки, в честь нашего общего праздника, праздника еврейской литературы.

В те далекие времена я жил в Одессе, на даче, далеко от города, на берегу Черного моря, на Фонтане. Время было хорошее (Толмачев * тогда еще не свирепп-

ствовал). Славное это было время! Недоставало только гостей, милых добрых гостей.

И бог помог мне: ко мне приехал из города Дедушка Менделе со своим адъютантом И. Х. Равницким *.

Трудно представить себе Дедушку Менделе в Одессе без Равницкого, как трудно представить себе, например, город без казенного раввина, или варшавский еврейский дозор * без крещеного еврея, или царскую Думу без Пуришкевича... Тысячу раз прошу прощения у моего друга и товарища Равницкого за такое сравнение. Я отнюдь не хотел его задеть. Упаси боже! Я ничего против него не имею. Но таков уж писатель: если пустится сравнивать и проводить параллели — подхватит все, что узрит глаз.

Короче, у меня были гости: Дедушка Менделе и Равницкий. Искупавшись в море, где Дедушка показал нам, как можно плавать в шестьдесят лет и какие можно проделывать фокусы в воде, мы пешком отправились с Малого Фонтана на Большой и дальше. По дороге Дедушка рассказывал нам множество разных историй. Мы слушали и удивлялись, восхищались и радовались, как настоящие хорошие любящие внуки. Вдруг Дедушка останавливается:

— Как красиво это дерево!

Мы поднимаем глаза — вот так дерево! Ай да дерево! И не так дерево, как груши на нем. Что за груши! Бергамоты! Круглые, желтые, сочные, сладкие, атласные, мягкие, они висят на толстых загорелых ветвях. Они распространяют тонкий аромат. Они приветливо глядят на нас, подмигивают нам, просят нас: «Люди добрые, сделайте милость: благословите и отведайте нас...» А за этим деревом еще дерево, и еще дерево — и все они усыпаны грушами. Море груш!

С мефистофельской улыбкой на посеребренных устах Дедушка сквозь очки пронзил нас острым взглядом своих умных глаз, без слов говоря: «Вижу: вы, ребятки, кажется, охотники до этих груш...» И мы, все трое, словно сговорившись, направились в сад за грушами.

Евреи не любят долго раздумывать. Мы не стали гадать, что за груши, какие груши, чьи груши. Выяснится, вероятно. Самое главное — найти ворота, вход в сад, а там уж найдется, конечно, хозяин, сторож или садовник, и за деньги мы получим груши.

И действительно, очень скоро мы увидели ворота. На дощечке — золотыми буквами: «Анатра». Таким образом нам стало известно, что хозяин сада — Анатра.

Мы слышали об Анатре: он грек, миллионер и неприятный человек. Но кто может знать, продает ли он груши? Может быть, продает, а может быть, и нет. Можно быть миллионером, а груши из своего сада все-таки продавать. Здраво рассуждая, для чего одному человеку столько груш?

Так размышляя, мы медленно вступаем в чудесный сад, идем по расчищенным дорожкам, выложенным маленькими морскими камешками и украшенным с обеих сторон подстриженными деревцами. Отовсюду выглядывают ароматные цветы, они улыбаются нам и дружелюбно приветствуют: «Благословенны вошедшие! Милости просим! Добро пожаловать!»

Мы идем дальше и дальше, все глубже в сад. Вдруг, откуда ни возьмись, с яростью и рычанием прямо на нас — собака. Но какая собака! Теленок, а не собака! Лев! Леопард! Блестящая желтая шкура. Лапы мягкие, круглые, как у тигра. Морда черная, мокрая, но симпатичная. Зубы белые, острые. Глаза красные, горящие, как у разбойника. Красавец пес, но все же пес!

Не знаю, как вы, но я,— признаюсь, чего мне стесняться? — я собак боюсь... То есть мало сказать «боюсь». Слово «боюсь» слишком слабо, чтоб передать вам то чувство, которое вызывает у меня собака. Всех животных на земле я люблю, люблю всех без всякого исключения. Собаку я тоже люблю, но собака, видите ли, не внушает мне доверия...

Когда я прихожу к кому-нибудь в дом и вижу собаку (у христиан, разумеется, потому что евреи собак не держат, а если у евреев есть собака, так это не собака), я уже не слышу слов, обращенных ко мне. Мои мысли там, вокруг собаки... Когда она подходит ко мне близко и обнюхивает меня, ласкается ко мне и вертит хвостом,— ладно, очень мило, согласен: мы приятели! Только не трогай меня, только не клади на меня свою холодную лапу и не тычь мне в лицо мокрую морду. Я люблю тебя, понимаешь ли, только на почтительном расстоянии...

Как мой товарищ Равницкий — не скажу: возможно, он боится собак еще больше, чем я. Он уверяет меня, что не очень боится. И что за страх? Разве у него

нет зонтика? И еще какого зонтика... Да, я забыл сказать вам, что мой друг Равницкий шагу не делает без зонтика ни зимой, ни летом. Если вам случится быть в Одессе и вы встретите на улице еврея с румяным сияющим лицом, с добрыми, немного грустными глазами, с задумчивым белым лбом и с зонтиком под мышкой, хотя на улице зима и трещит мороз, знайте, что это он, Равницкий. Мне известна тайна его зонтика: это от собак... Ах, вы скажете: ведь для собаки лучше палка?

Не задавайте лишних вопросов!

Словом, когда мы оба — я и мой товарищ Равницкий — увидели это создание, движущееся прямо на нас с разинутой пастью, наши души отделились от тела. Нашей первой мыслью было — бежать! Но хорошо бежать, когда у вас есть ноги. А что станете вы делать, если ноги у вас отнялись, сердце держится на ниточке, волосы стоят дыбом, а глаза вот-вот выскочат? Милый друг, вы можете нам не завидовать. Разве только врагу можно пожелать оказаться в том положении, в каком находились мы.

А Дедушка? Этой минуты я никогда, никогда не забуду. Как только собака раскрыла пасть и кинулась на непрошеных гостей, Дедушка скрестил руки на груди, губы сложил в улыбочку и, глядя собаке прямо в глаза, рассмеялся. Я могу поклясться, что собака поняла этот смех. И не только поняла — она почувствовала себя обиженной. С полминуты они так стояли один против другого и смотрели друг другу в глаза. Может быть, даже меньше, чем полминуты, но мне это показалось вечностью. Это был тяжелый, критический момент. Человек и зверь стояли друг против друга, мерили один другого взглядом: кто кого?.. Потом собаке, видно, надоела вся эта история. Она опустила свои горящие разбойничьи глаза, зевнула во всю пасть, облизнулась и потянулась; затем встряхнулась всей своей блестящей желтой шкурой, повернулась к нам без всякого стесненья, извините, задом и, обнюхивая свои собственные следы, отправилась восвояси.

В тот день мы ели груши, и неплохие груши. Но это были груши, которые моя жена привезла из города.

АУТОДАФЕ

(Воспоминания, посвященные юбилею Дедушки Менделе Мойхер-Сфорима, написанные его первым внуком)

Уж так повелось у нас: когда умирает, не будь здесь помянуто и не про вас будь сказано, большой человек, его начинают превозносить и прославлять. Начинают вспоминать и пересказывать разные истории из его жизни, отдельные эпизоды, анекдоты, повторяют его афоризмы, шутки, остроты и даже глупости. Все подхватывается! Все давайте сюда! Все пойдет!

Я беру на себя смелость сказать, что это не только глупый обычай, но, если хотите, это даже в какой-то мере и несправедливо. Что толку возносить человека после его смерти? Почему бы ему не вкусить славы при жизни? Почему бы при жизни ему не услышать расточаемых похвал, разных историй, которые без конца рассказывают о нем, анекдотов, афоризмов, шуток, острот и даже глупостей, приписываемых ему? Я даже пойду дальше и скажу, что гораздо правильнее было бы при жизни передавать такие вещи, потому что, если, не дай бог, кто-либо расскажет о человеке какую-нибудь несуразность, он может открыто выступить и сказать: «Прошу прощения, господин! Вы, кажется, это выдумали про меня».

Об одном насмешнике рассказывают, что он уехал в дальние края и распустил слух, будто судно, на котором он плыл, затонуло, а сам он погиб. Спустя некоторое время возвращается он домой и, конечно, застает полный разгром: жена сошлась с другим, дом продан, имущество поделили между собой друзья — все погибло. Он стал слоняться из дома в дом:

— Слышали вы когда-нибудь что-нибудь подобное? Такое несчастье!

— А зачем вы это затеяли?

— Я хотел послушать, что люди скажут...

Юбилей — это давно уже отмечено мудрецами — подобен, не будь они рядом помянуты, похоронам. Со мной это случилось. Я сам пережил несколько лет назад такого рода похороны и наслушался о себе таких вещей, каких и во сне не видывал. Жаль только, что публика занялась чем-то другим и скоро замолчала... Так вот, зная, что такое юбилей, я хочу сделать приятное Дедушке и его многочисленным друзьям и почи-

тателям и поделиться с ними одним из многих, многих моих воспоминаний о Дедушке.

История эта случилась в Одессе, на берегу Черного моря, на даче, на Большом Фонтане. Вот все приметы этого места. А самой верной приметой будет название дачи: «Мандражи» — и пусть Дедушка вспомнит, «как может живой опровергнуть свидетельство живого...».

В то время — лет двадцать, должно быть, прошло с тех пор — я находился под сильнейшим влиянием Дедушки и писал большое аллегорическое произведение. Это был роман, но с аллегорией, нечто вроде «Клячи». А так как мне непременно хотелось дать аллегорию, то я, вместо того чтоб рисовать реальную действительность, витал в эмпиреях. И, как это с нашим братом бывает, я был влюблен в свое произведение, как жених в невесту, и полагал, что лучше этого произведения нет. Мне очень хотелось показать кому-нибудь предмет моей любви — мое новое произведение. Кому же показать такой перл?.. Батюшки, да ведь есть у меня высокий авторитет: всего в получасе езды от Одессы живет Дедушка Менделе! Как говорится, ему и книги в руки! Но до бога высоко, а до Дедушки далеко... Как быть?.. Понести рукопись Дедушке? Уж слишком она велика. Заставить Дедушку прийти ко мне — как-то не совсем почтительно. И я нашел выход: время летнее, стоят жаркие дни, надо пригласить Дедушку на дачу подышать воздухом, искупаться в море. Тогда можно будет немного и поговорить. Однако заполучить Дедушку не так просто, нужен удобный случай. И бог мне помог: нашелся благовидный предлог, и я привез Дедушку на дачу. Дедушка — мой гость на целые сутки.

По моему глупому разумению, среди всех добродетелей долг гостеприимства скорее удовольствие, чем долг. И, если будет мне дозволено говорить еще более откровенно, я сказал бы: не тем велик прародитель наш Авраам, что он был странноприимен,— что может быть приятнее, чем принимать гостей?

Но если вообще принимать гостей — удовольствие, то иметь в качестве гостя Дедушку реб Менделе — праздник. Менделе Мойхер-Сфорим в обществе так же своеобразен, как Менделе Мойхер-Сфорим в литературе, если хотите, он в жизни еще ярче. Встречаясь с писателями, нам случается иногда жалеть о том, что мы увидели их слишком близко. Дедушка же Менделе при

личном знакомстве превосходит все, что вы раньше представляли себе о нем в своем воображении. Разумеется, он не чудо какое-нибудь, но, беседуя с Дедушкой, вы чувствуете, что перед вами незаурядная личность. Это не только старец, украшенный высоким разумом, лучший тип еврейского мудреца; это человек, полный жизни, движения. Жизнь горит в остром взгляде его умных глаз, глядит из глубоких морщин высокого лба и молодой улыбки, которая змеится на его тонких губах, жизнь бьется в каждой его жилке. И вы спрашиваете себя: «Так это и есть Менделе Мойхер-Сфорим?» При более близком, более интимном знакомстве с ним вы увидите перед собой ребенка, старца-мальчишку, который покажет вам, что такое мускулы, что значит держаться прямо, как струна, что значит бодро шагать, бегать, играть с детьми. И вы снова спросите себя: «Так это и есть еврейский писатель, семидесятипятилетний юбилей которого сейчас празднуют?» В его обществе вы сами начинаете чувствовать себя моложе, свежее, живее, и вы забываете с ним, как пролетело время, куда девался день.

Но, как известно, соловья баснями не кормят. Как ни был я рад дорогому гостю, как быстро ни убегало время, мой роман не выходил у меня из головы ни на одну минуту. Но как приступить к этому делу? Нельзя же вдруг взять да сказать: «Дедушка, я буду вам читать свой роман!» И господь сотворил чудо: Дедушка сам спросил у меня — вечером это было, после ужина: «Что слышно? Что новенького пишете?» Я почувствовал, что сердце у меня забилось. Слава богу, пришла желанная минута! Я не заставил себя долго просить, вынул мою зазнобушку из ящика, где она лежала свернутая, как священный свиток, перевязанная красной шелковой нитью, и уже готов был приступить к чтению. За мной дело не станет! Но Дедушка взял меня за руку: «Сейчас? Нет. Сейчас нужно идти встречать луну, которая выходит из моря».

Прекрасно море, когда разыграется оно под ослепительными лучами золотого солнца; прекрасно оно во время заката, когда огненный шар спускается с неба и вдруг падает в бездну; все вокруг облито пламенем, в пурпурный плащ одевается край горизонта, и тихая прохлада спускается на землю и воцаряется на ней. Но во сто крат прекраснее море ночью, когда вырисовывается на небе бледный лепесток луны. Волны все

в свете и серебре; луна заливает белым очарованием и сковывает ночным колдовством тихие воды дремлющего моря; оно чуть-чуть дрожит и отражает мириады звезд. Нет, Дедушка прав. Не время сейчас читать романы. Такая ночь!.. И все же у меня из головы не выходит мой роман. Все роман! О чем бы мы ни говорили, я сворачиваю на роман. Я хочу передать Дедушке хотя бы идею романа, познакомить его с содержанием. «Зачем? — говорит Дедушка.— Завтра утром мы сядем с вами вдвоем и прочитаем роман от корки до корки». Ах, как хорошо, как хорошо!

В ту ночь я не сомкнул глаз. Я представлял себе, что будет, например, когда мое произведение уже будет прочитано. Что Дедушка скажет? «Я в восторге»? «Я поражен»? Нет, Дедушка не таков. Он не рассыплется в комплиментах, в сладких речах. На его языке это называется слащавостью. Будет вполне достаточно, если он положит мне руку на плечо и скажет: «Ну, бог в помощь. Пишите, пишите много таких произведений, и пусть Дедушка порадуется на своего внука...»

А может быть, он ничего не скажет. Решительно ничего. И его молчание будет для меня достаточно выразительно. «Дедушка», которого «внучек» обогнал (признаюсь, была такая мысль),— что может он сказать?.. Немножко мне было жаль Дедушку, что я его обогнал. Он ведь не кто-нибудь, он ведь Менделе Мойхер-Сфорим! Шутка сказать: появляется какой-то мальчишка и создает произведение, которое отодвигает в сторону такого исполина, оставляет его позади,— ах, бедняга, бедняга...

В ту ночь Дедушка тоже не спал, но не из-за моего романа. Причина была несколько другая: комната, где мы устроили нашего гостя, была рядом с детской. Ребенок (этот «ребенок» сейчас уже студент) всю ночь плакал, у него прорезались зубки, и он не дал Дедушке глаз сомкнуть!

— Что это у вас за крикун? — жаловался нам Дедушка на следующее утро.— Я хотел бы знать, откуда у ребенка берутся силы так кричать, не сглазить бы?

Еще несколько шуток в адрес «крикуна», и Дедушка делает мне знак:

— Ну?

Из всех «ну» на свете это было самое лучшее, самое сладкое «ну». Райское блаженство разлилось по

всему моему телу. Я уселся с Дедушкой в кабинете, закрыл окно, запер двери, вынул из ящика священную рукопись, развязал красную шелковую нить и...

— Я сяду,— сказал мне Дедушка,— вот здесь, у окна, против вас, а вы садитесь сюда, ближе к моему левому уху, чтобы я мог вас лучше слышать. Но прежде расскажите мне, что вы хотели сказать этим романом.

Что я хотел сказать? Этим вопросом Дедушка как будто обдал меня ушатом холодной воды.

Что это значит — хотел сказать?..

— Писатель, когда садится писать книгу,— поясняет мне Дедушка,— должен прежде всего спросить себя: «Что я хочу сказать?»

Признаюсь, для меня это было настоящее открытие Америки. Уже лет пять, как я пишу, написал уже, слава богу, столько вещей и еще ни разу не спросил себя, чего я хочу. Чего может хотеть писатель? Писатель хочет писать, потому что, если б он не хотел писать, он не был бы писателем... Я вышел из положения, сказав, что мое произведение представляет собой аллегорию, в которой заложена мысль, и я хочу видеть, поймет ли Дедушка эту мысль, прежде чем я окончу произведение. И я принялся читать, и мне казалось, что это не я читаю, а кто-то другой читает. Я не узнавал своего голоса, и это взволновало меня. Но это было бы еще с полбеды. В самую решительную минуту раскричался мой наследник — крикун. Хоть повесься! Ах, показал бы я ему, как плакать! Я готов был с минуты на минуту вскочить, вбежать в комнату крикуна и заткнуть ему рот ватой. Но Дедушка меня не отпускал. Он взял меня за руку, глаза у него были закрыты — это значило, что он внимательно слушает,— и приказал мне ни на что не обращать внимания и продолжать читать. Сколько времени я читал — не знаю. Я не смотрел на часы, я смотрел только на Дедушку. Я хотел видеть, сильно ли он восхищен. Но трудно было по лицу его прочитать, что он думает. Если у человека глаза закрыты, вы никогда не угадаете, что он думает. Вдруг Дедушка открывает глаза, берет меня за руку, с улыбкой глядит на меня поверх очков и машет рукой.

— Послушайте, я должен вас прервать. Как вы думаете, у вас на кухне уже готовят обед?

— Обед? Наверное. Вы, может быть, хотите есть? Я попрошу что-нибудь принести.

— Есть? Боже сохрани! Я только хочу знать, топится ли у вас там печь.

— Наверное, топится...

— Если топится, то бросьте, будьте добры, эту тетрадь в печь и сожгите ее. Это не ваш жанр. Нет, нет! Никуда не годится!

.....

.....

Мы не однажды после этого встречались с Дедушкой, много раз говорили о писательском труде, о том, что является моим жанром,— но о той истории с «нет» и аутодафе мы никогда, никогда больше не говорили, никогда не вспоминали. И поэтому мне не случилось до сегодняшнего дня высказать Дедушке, пошли бог ему долгие годы, как я ему благодарен!

Ах, очень нужно, чтобы чаще топилась у нас печь в то время, когда мы заканчиваем книгу, которая нам кажется так хороша, что лучше и быть не может...

ФРИШМАН В ГОСТЯХ У ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА [1]

Несколько историй в связи с юбилеем Фришмана

Это было давно, очень давно. Ни мне, ни Фришману и не снились юбилеи.

Теперь Фришман юбиляр.

Лично мы не встречались, но добрыми друзьями были. Переписывались и тянулись друг к другу, что вполне естественно для молодых писателей.

Но, по нашей поговорке, как кошке переплыть реку! Мы же на разных полюсах: один в Киеве живет, другой в Варшаве. Пойди попробуй одолей это расстояние!

И вот Фришман приехал в Киев, чтобы погостить у Шолом-Алейхема.

Фришман приехал!

Разумеется, встретили мы его на вокзале, привезли к нам домой и отвели ему целый апартамент. Хорошие были времена! Никогда больше не повторятся.

Как мы время проводили, не спрашивайте. Мы

[1] Публикуется с небольшими сокращениями.

ведь тогда были молоды, веселы, и обоим хотелось смеяться.

Не сумею рассказать об этой радости. Мы озорничали — и смеялись, Фришман сочинял пародии на самого себя — и мы смеялись. Мы передразнивали писателей — и опять смеялись.

Бывая в опере, мы занимали ложу в бенуаре. Фришман тут же отворачивался от сцены и... все четыре акта мы без умолку смеялись.

Это были добрые времена, они не повторятся. И я хочу рассказать вам несколько историй.

История первая

Как только Фришман увидел меня на вокзале, он попросил свой приезд держать в секрете.

Соблюдать по отношению к нему «инкогнито».

«Мудрецы Киева» не должны знать, что он Фришман.

«Мудрецы Киева» — это еврейские писатели: широко известные и мало известные: Мойше Шацкес, Иегалил, Ицхок Вайсберг, Даревский, и еще, и еще.

Большинство из них часто бывали у меня дома, а Фришман не хотел попадаться им на глаза.

Что же натворил наш великий бог?

Случилось так, что ко мне явился гость как раз в то время, когда за столом сидел Фришман.

Отметим: за несколько дней до приезда Фришмана «мой гость» отправил ему письмо, наговорив тысячу комплиментов. А теперь, не узнав Фришмана, ругал его самым непотребным образом.

Не помню, разнес ли Фришман этого субъекта в статье или письме... Но литератор злился, поливал помоями критика Фришмана...

Уходя, писатель узнал, что один из сидящих за столом — это Фришман. Поднялся такой громкий хохот (мы высмеивали двоедушие), казалось, его услышали в Варшаве, Фришман потерял свою тайну, стал скрываться под чужим именем.

История вторая

Сочинители часто посещали мою квартиру. Это были те сочинители, которые пишут и пишут, но никогда никто их не печатает.

Один из них жаловался на Цедербаума: «Что это за редактор, если я ему пишу-пишу, а он меня ни разу не напечатал».

Другой «писатель» из полтавского местечка привез роман и просил меня и Фришмана прочесть его от начала до конца. Нет, не то чтобы мы должны его прочитать. Нет! Читать будет сам романист, мы должны слушать.

Это во-первых.

Во-вторых, он просит нас напечатать его роман где угодно: в журнале, газете, книге. Но только напечатать!

Итак, мы закурили и стали слушать. Три толстых тетради составили роман.

Содержание его я не стану пересказывать. Это было сочинение из трех частей в стиле Шомера, переполненное сальным юмором.

Но главное заключалось в том, каким голосом и с каким выражением автор читал свое произведение: жестикулировал, восторгался сам собой, ужимки сопровождали каждое слово.

Нужно ли рассказывать, что происходило с нами. Мы с трудом сдерживали смех. Фришман первый не выдержал и расхохотался. А я испугался, что романист одной из своих тетрадей ударит Фришмана по голове. От такого удара можно лишиться жизни.

Однако бог миловал. Автор стал вместе с нами смеяться. Он был уверен, что мы смеемся, зараженные его юмором.

Внезапно Фришман поднялся и сказал: хватит! Больше читать не нужно. Роман сработан так хорошо, что дальнейшая фабула понятна.

— Итак, молодой человек, что вам угодно?

— Хочу, чтобы мой роман был напечатан... А о деньгах не будем спорить, сколько вы скажете...

Наглец, ему еще деньги подавай, подумали мы...

— Во сколько вы оцениваете ваше произведение?

Фришман не поленился и вместе с автором положил роман на весы в ближайшей лавке и спросил:

— Почем фунт?

Весы показали три и три четверти фунта. Не сглазить бы...

Сочинитель не назвал свою цену.

— Сколько дадите, будет хорошо.

И мы решили: «Двести рублей за фунт».

Автор ликовал:

— Можно и по сто.

Но Фришман заупрямился: нет, двести и не дешевле. Напротив, двести и то мало.

Автор размяк от удовольствия:

— Ша, прекрасно, раз вы такие упрямцы, что поделаешь, пусть будет двести.

— Сколько это получается за все?

Фришман поправил очки, достал бумажку и сосчитал:

— Кругом получается 750 рублей.

Автор погладил животик, ожидая гонорар.

А мы замолкли.

— Ну?

— Ну, ну...

— Пожалуйте!

— Ну, пожалуйте!

И так, пока не стало ясно, что 750 не мы, а он должен заплатить.

Автор понял свою ошибку и изрек:

— Знаете что, ни я вам, ни вы мне. Только напечатайте его.

Мы не согласились, автор должен положить на стол 750 рублей, в противном случае сделка не состоится... Ха!

Глупое мальчишество. Конечно! Но доброе! Счастливые были годы... Более они не повторятся.

ИСТОРИЯ ПЕСЕН М. ВАРШАВСКОГО [1]

Это было 14—15 лет назад. В разговоре с одним киевским присяжным поверенным я узнал, что он знаком с коллегой М. М. Варшавским, который распевает еврейские песни. Так поет, дух захватывает! Запомнилась песенка, начинающаяся словами: «Ой, печет Хана булки, ой, печет она бублики». Где их можно заполучить, эти строки? Где они напечатаны?

— Стихи его нигде не опубликованы. Он сам автор слов, и автор музыки, и исполнитель.

— Как можно! Почему же вы молчите? Давайте его сюда!

---

[1] Публикуется с сокращениями.

И мы договорились: в ближайшую пятницу он его введет в мой дом.

Имя присяжного поверенного Варшавского мне давно известно. Юрист, который звезд с неба не хватает. Такие, как он, не шумят, а тихо проводят время в кабинете и высматривают, не появится ли клиент. Но когда ненароком кто-то заходит к нему, то легко убеждается, что попал не к адвокату, а к другу, к брату, который внимательно выслушает его и поступит с ним по-братски.

Разумеется, такие, как Варшавский, постоянно ведут войну с нищетой, с трудом зарабатывая на кусок хлеба. Такие рано стареют и рано умирают.

Но Варшавский внешне казался веселым, неунывающим касриловцем, весельчаком, и был душой общества. Ни одна вечеринка, ни один праздник, ни один карнавал не обходился без Марка Марковича, ибо Варшавский обладал удивительным умением веселить публику тонким юмором и экспромтами, акростихами на любое имя и умением несколькими словами выпукло обрисовать характер.

Куперник благодаря блистательным речам и Варшавский благодаря песням были в Киеве очень популярны. Особенно в интеллигентских кругах. Но что этот Варшавский — автор еврейских песен, мне и не снилось. Можно себе представить, с каким волнением я ожидал его появления и его стихов.

Прошло несколько дней — и птичка явилась в наш дом.

Вот вам портрет Варшавского.

Человек лет пятидесяти, невысокого роста, близорукий, с блестящими глазами и приятным голосом, хорош собою, в старом пиджаке с потертыми локтями, старомодном галстуке, двигается быстро и громко смеется...

Гость по первой же просьбе сел за рояль и начал под собственный аккомпанемент петь свои юмористические стихи. Пел прекрасно, он заворожил меня, я обнял его и крепко расцеловал.

— Злодей, почему вы не публикуете свои песни? Не знал бы, что они ваши, сказал бы, что эти песни напевала моя родная мать.

Столько народной мудрости содержали его стихи, и столько простоты звучало в его мелодиях.

Однако предложение о публикации своих зонгов он

решительно отклонил. Он признался: хотя учился в житомирской раввинской школе, но идиш он так плохо знает, что не сумеет записать свои творения.

Мне показалось, что это отговорка, и я стал на него наседать. Я добился того, что он будет диктовать текст песен, а я запишу, а мелодии — композитор. Так был подготовлен к изданию за счет киевских любителей музыки первый том Сочинений Варшавского. Прежде на собраниях и диспутах читали произведения Шолом-Алейхема, а теперь добавили «десерт»: стихи и песни Варшавского. Это стало правилом.

Добрый Варшавский не мог отказываться, всегда соглашался играть и петь. Не один раз по дороге домой после вечернего концерта он показывал мне, добродушно улыбаясь, до ниточки мокрую рубашку.

— Хоть возьми и выжми, черт их побери.

Настало хорошее время. Первый том с божьей помощью увидел свет. Так как песни Варшавского были у всех на устах, то первый том быстро разошелся в количестве тысячи экземпляров.

Капитала автор тома не нажил, но зато мы справили нечто вроде юбилея.

Полуторагодичный юбилей песен Варшавского — так мы его прозвали.

Это означало, что ушли восемнадцать месяцев труда и забот и в добрый час вышел из печати труд Варшавского. С праздником вас, евреи!

Юбилей справляли в моей квартире... Провозглашали тосты и произносили речи, и было весело.

Ворвались киевские студенты, горячие головы, приложились к рюмке, восхваляли виновника торжества, нарекли Варшавского «еврейским Беранже», пели, танцевали — знай наших!..

Книгу Варшавского раскупали, песни его распевали... Это было для него самое счастливое время, это было весной его творчества...

Из Киева я уехал в Екатеринослав, оттуда должен был добраться до Одессы... Однако получил телеграмму из трех слов: «Варшавский смертельно болен»... И когда этому суждено случиться?!

Всю жизнь он героически боролся с нищетой. Никогда не выказывал свою нужду и нужду семьи (жены и дочери). Когда материальные дела его улучшились, он нежданно-негаданно внезапно заболел. Еврейский Беранже скончался... Но песни его живут, занимают

видное место в концертах. Правда, имени его на афишах не указывают.

Кто знает! Быть может, это даже хорошо! Быть может, высшее признание сочинителя: ты популярен настолько, что без упоминаний знают твое имя. Говорят, что стихотворение «Лорелейя» все знают, но никто не подозревает, что его автором является Гейне.

А французского сочинителя «Марсельезы»? Почти никто не знает, что его зовут Руже де Лиль.

Будет забыто и имя Варшавского, но стихи его народ никогда не забудет. Его народные мотивы будут звучать везде, где будут жить евреи.

ПИСЬМА

I

1

БРАТУ ВОЛФУ (ВЕВИКУ) *

Декабрь, 1882—10/XII, Лубны.

Дорогой брат!

Твое письмо я получил. Меня радует, что ты с большим усердием взялся за изучение ремесла! Ты всегда должен держаться того, что труд человека не позорит... Наши мудрецы говорили, что не стыдно сдирать шкуру с падали, только бы не жить подаянием человеческим. Блажен тот, чья рука искусна в ремесле.

Почему ты мне не пишешь, как проводишь свободное время, с кем встречаешься, приобрел ли ты товарищей среди молодых людей, кто они?

Мне хочется рассказать тебе о лесе и саде. В каждом городе живут различные люди с разными характерами, по-разному воспитанные. Люди честные и нечестные; люди доброго нрава и люди дурного нрава; чужой город — что лес дремучий. В дремучем лесу все деревья неведомы, очень трудно отличить одно дерево от другого. Поэтому-то в нем и трудно отыскать дорогу. В чужом городе среди чужих людей тоже вначале трудно разобраться, и найти среди них хороших товарищей труднее, чем у себя дома.

Теперь — о саде. В саду растут плодовые деревья — яблони, груши, вишни, сливы и иные. Каждое дерево в саду имеет свои особенности, свою природу, характер, приносит свои плоды. Например, на яблоне не станут расти груши и, наоборот, на груше не будут расти яблоки. Это очень просто. Каков корень, посаженный в землю, таково дерево, вырастающее из него. Что еще растет в том же саду? Сорные травы, тернии, колючки и крапива.

Ты не похож на тех молодых людей, которые подобны тернию или крапиве. Ты обязан помнить, что ты

сын Менахем-Нохума, сына Зейв-Волфа Рабиновича, и носишь имя нашего, светлой памяти, деда. Оберегай же честь нашего деда, оберегай честь нашего отца, всегда ступай лучшей стезей.

И в этих наших «беседах», и когда мы, бог даст, встретимся, я не буду читать тебе нравоучений. Ведь если я тебе, к примеру, скажу: «Смотри, Вевик, будь благочестив, не то станешь посмешищем в глазах всех!..» — разве такое нравоучение имело бы успех? Нет! Оно лишено смысла, так пугают маленьких детей — бу! Иное дело, если я тебе скажу, что ты обязан быть честным человеком, чтобы твоя совесть всегда была чиста, кристально чиста!

Давать наказы, поучать, читать нравоучения — нет у меня к этому призвания. Я хочу только вести с тобой «беседы» для того, чтобы ты никогда в жизни не плутал, чтобы ты, во время нашей разлуки, находясь в чужом городе, мог обо всем говорить со своим родным братом.

Пиши мне, получаешь ли письма от отца и что он тебе пишет? Пиши ему почаще да повеселее. Ты должен знать, что у нашего отца, пошли ему бог долгие годы, только и отрады — получать от нас частые радостные письма.

Пиши мне обо всем подробно. Будь здоров и счастлив.

Твой брат *Шолом.*

Пиши, как к тебе относится Янкеле. Передай ему мой сердечный привет, а также всей его семье каждому в отдельности. Смотри не обойди ни одной из наших тетушек.

Помнят ли они еще поклоны тети Ханы, которые были так... сердечны?..

2

ЕМУ ЖЕ

Лубны, 4 февраля 1883.

Дорогой брат Вевик!

Могу передать тебе привет от переяславцев. Я был в Переяславе и виделся со всеми нашими родственниками, друзьями и товарищами, почти с полгородом. Отец передал мне теплый привет от тебя. Он же рассказывал о твоих успехах в ремесле, что очень меня

обрадовало. Прежде дом Янкла Солечникова * был для тебя школой, гимназией, а ныне он стал твоим университетом! По окончании его ты должен стать совершенным человеком во всех отношениях. Отец говорил мне, что в свободное время ты читаешь вслух для всей семьи Солечникова книги, которые я тебе присылаю. Так должно быть.

Очень хорошо, что ты проявляешь большую заботу о Берле *. От души поздравляю тебя! Твой план одобряю. Разумеется, все зависит от Берла, нравится ли ему это ремесло и хочет ли он вообще стать ремесленником. Почему-то он изъявил желание прибыть ко мне в Лубны в качестве переписчика бумаг. Разве это серьезное занятие? Постарайся увлечь его ремеслом, вам надлежит жить в братской дружбе. Ты должен помнить, что не так давно и ты горе мыкал в чужом городе среди чужих людей. Отцу тяжело будет расстаться с Берлом, как патриарху Иакову с Вениамином *, ибо Берл самый младший сын, которым его одарила наша, светлой памяти, мама. Но отец не может не проявить заботы об устройстве своего сына, потому он дал согласие на отъезд Берла в Бердичев.

Я думал с тобой подольше побеседовать, это случилось бы, если ты ответил бы на мое предыдущее письмо. Все зависит от тебя. Пиши подробно о своей жизни и о том, что происходит «на берегах» Бердичева, по-русски это значит — в городе Бердичеве, который стоит на реке Гнилопятовке.

Будь здоров и счастлив, как того желает тебе брат Шолом.

Сердечный привет Янклу и всей его семье.

Шолом.

3

ОТЦУ *

16 апреля 1884.

Дорогой отец! Сегодня в часов пять-шесть пополудни я сообщил тебе радостную весть: бог благословил меня дорогим даром. У нас прекрасная дочь — плод многолетней любви, пошли ей бог долгую жизнь! Помнишь, отец, когда ты гостил здесь, у нас, мы были готовы выехать за границу, чтобы там искать исцеления болезни моей хрупкой жены. Но болезнь исчезла, слов-

но ветром ее унесло, потому что на чашах весов все врачи с их измышлениями весят не больше тончайшей пылинки по сравнению с всемогущей природой; все их советы не много стоят! Страх и радость наполняли сердце при мысли, что не сегодня завтра наступит положенный час, когда женщина становится матерью! И вот прошли секунды, не больше двадцати минут,— и моя жена, храни ее бог, дала себя услышать раз и другой, и дом из края в край наполнился голосами... Крошка малютка распелась, что-то вроде: «Куа! Куа!» По-видимому, природа одарила ее певучим голосом? Хорошо, хорошо, дочурка моя! Пой же, пой, прекраснейшая из дочерей, дай мне слышать твой голос, он так хорош! «Куа! Куа!..» Но что ты скажешь лет через пятнадцать и более? Что ты тогда будешь петь? Где слова, тайные знаки и намеки, начертанные на страницах твоей жизни? Запечатаны и скрыты эти слова, и ничей человеческий глаз их не видел!.. Иди же, дочь моя, и живи в стране жизни! Руками любви обнимет тебя первый день и понесет на своем плече дальше, дальше и передаст тебя второму дню, а второй день — третьему дню и так далее, и это твоя жизнь! А что потом будет? Спроси, дочь моя, своего деда, и он тебе расскажет, спроси своих прадедов — они тебе скажут, а мне не задавай вопросов. Потому что нет вопросов и нет ответов в жизни — все зависит от судьбы и случая... Но хватит философствовать!

Будь здоров, дорогой отец, передай привет всей семье, а заодно и нашим друзьям — Золотушкину и Галеви.

Любящий тебя и желающий тебе всего наилучшего, твой сын

Шолом.

Привет моей уважаемой матери Хане, долгой ей жизни. Моему дорогому брату Гершлу, да сияет светоч его, а также жене его Рохл-Лее особый привет.

4

БРАТУ ЭЛЕ *

[*Белая Церковь*] *25 мая 1884.*

Дорогой брат! Одновременно с твоим письмом я получил подарок, присланный невесткой Мириам моей дочери. Мы очень обрадовались, увидев

доченьку, наряженную в красивую шальку. И вправду, она прекрасна в этой чудесной короне. Посему от глубины души я и моя нежная жена говорим спасибо невестке Мириам за подарок. Что касается нашего здоровья и самочувствия — не жалуемся. Дай бог, чтобы впредь было не хуже. Для умножения здоровья, возможно, мы с женой снимем дачу, может быть, в Боярке или в другом подобном месте. Но мне что-то не хочется выезжать куда-либо. По многим причинам. Перечислять не стану. Вероятнее всего, мы никуда не выедем и на все лето останемся здесь. Новостей у нас никаких, если не считать заграничную поездку тестя к своему сыну Иешуе. Он слаб здоровьем. Это вынуждает его жить вне родины.

О моей внешней жизни, то есть о мире моих торговых дел, писать нечего. Торговля застопорилась, жилы ее напоминают стену ниспадающей воды. Может быть, с будущего года торговля вновь начнет процветать. Ближайшее время это покажет.

И еще. Что собой представляет учитель русского языка твоего сына Дойвы? Ты учителя очень хвалишь. Но русское письмо Дойвы полно ошибок. А учитель, вероятно, проверяет письма своего ученика. Кстати, оно списано с письмовника.

В одном из ближайших номеров «Фолксблата» будет напечатано письмо некоего портного редактору журнала «Восход», господину Ландау, за подписью «Гершла Хаита» *. Так знай же, Эля, что этот портной и есть твой брат Шолом. Именно я, никто другой. Надеюсь, будут опубликованы и мои статьи по гигиене * за подписью «Шолом-Алейхем». Со второго полугодия, то есть с первого июля, ты будешь получать «Фолксблат» и «Хамейлиц» на свое имя прямо в Стар.

Сие слова брата твоего, который желает тебе мира и счастья.

Шолом Рабинович.

P. S. Через пару дней брат Гершл передаст тебе небольшую сумму, которую я накопил для тебя. После субботы, вероятнее всего, в воскресенье или понедельник я ее ему вышлю.

P. P. S. Привет сыну брата моего, Дойву, да сияет светоч твой, долгой тебе жизни! Если ты, Дойв, увидел бы мою прелестную дочь в прекрасной шальке, пода-

ренной ей твоей мамой, то сердце твое возгорелось бы к двоюродной сестре твоей пламенной любовью. В ответ на твое благословение шлю свои наилучшие пожелания тебе и твоим родителям.

Всего хорошего,

твой дядя

Шолом.

5

Г-НУ Я. ДИНЕЗОНУ *. ВАРШАВА

Киев, 28 апреля 1887.

Мой господин король!

Чего изволите? Что Вы требуете от Вашего слуги Шолом-Алейхема, чем он может Вам служить?

Напишите мне коротко, что Вам угодно? Большая или маленькая вещь? Проза или поэзия? В настоящее время пишу легенду, через три дня она будет завершена. Осталось сократить ее немного и отшлифовать, обметать петли и вытянуть стежки. Легенда хорошо обработана, в белых стихах.

Сообщите Ваши условия и когда Вы приступаете к первому выпуску. Готовый служить делу Вашему

Шолом-Алейхем.

6

ЕМУ ЖЕ

Киев, 4—5 января 1888.

Милостивый г-н Динезон!

Я сегодня, не про Вас будь сказано, очень расстроен и вряд ли сумею закончить это письмо. Однако Ваше послание меня так разобрало, что вынужден немедленно ответить Вам...

Расстроен я тем, что мои две малютки, которые мне дороже всего на свете, вдруг первого января заболели. А так как это впервые в их и в моей жизни, то Вы понимаете, в каком состоянии я находился... Только вчера им стало легче и появилась надежда, что они вновь будут моими. Но так как Вы бездетная плоть, то об этом с Вами бессмысленно вести разговор. Когда бог подарит Вам «то, чего Вы хотите», и «то, чего Вы хотите» подарит Вам ребенка, и малютка впервые окажется с высокой температурой, начнет каш-

лять и маленькими ручонками обнимет Вашу шею, и полными слез глазами Вам скажет: «Ой, папа, боже мой! Боже мой!..» — вот тогда только Вы поймете, что я испытываю, когда крошка сидит у меня на руках и своими двумя тонюсенькими пальчиками играет моими волосами и заливается смехом: «Папа, где твои косы, ха-ха-ха?»

Но... хватит сантиментов. Разве можете Вы понять мое счастье? А теперь возвращаюсь к Вашему милому письму. Эх, Динезон! Еще два таких послания — и я назову Вас «братом» и полюблю Вас навсегда. Знайте же! Я ведь немножко сумасшедший, как и Вы, точная копия! Не иначе как Вайсберг, этот поганый литвак (так именую всех литваков), которого я люблю, Вам кое-что рассказал о моих волнениях при виде малейшей подлости, мою раздражительность от несправедливости людской, мою эксцентричность в восторге или в гневе и т. д. Вайсберг немного знает меня. Историю с этим дурнем д-ром «Скоморошко» и великим Грецом * я уже знал до того, как Вы мне об этом написали, и до получения «Гацефира» и «Хамейлица». Она меня очень огорчила. О докторе Скоморовице я Вам написал как-то так, между прочим. Конечно, хорошо бы видеть «Историю народа» Греца в переводе на жаргон. Но этот идиот Скоморовиц, который ищет невесту, повесил свои грязные подштанники на виду у всех, пусть, мол, знают: «я и Грец, Грец и я, дайте мне невесту, у которой 50 000 приданого. К тому же я «доктор», состою в переписке с Грецом!» Понимаете?.. Эх, брат Динезон, слов много, а слушать нечего. «Хамейлицу» я отвечу, а Вы напишите в «Гацефира». В «Фолксблат» помещу об этом фельетон. Ваши маленькие и добротные произведения шлите мне...

Дай боже, чтобы дети мои выздоровели, тогда поговорим вдоволь. Пишите, пишите мне, не переставайте мне писать. Куй железо, пока горячо. Вы поняли?

Шолом-Алейхем.

7

И. И. ЛИНЕЦКОМУ

Киев, 27 марта 1888.

Господин Линецкий, сударь мой Линецкий! Отец хочет идти в синагогу, и дитя хочет идти в синагогу,— кто важнее? Скажете: отец? Нет, дитя!

Вы хотите ехать из Одессы в Киев, а я хочу ехать из Киева в Одессу. Кто важнее? Тут остается нерешенным только один вопрос: когда? Бог даст, в ближайшие дни, аминь! А теперь вы можете выставить ваши 20 вопросов, и не только 20, но и 200. Вы сразу же получите на них ответы,— не бойтесь. Но прежде, чем вы станете задавать мне вопросы, я изложу вам ответы. Вот слушайте:

1. У меня есть «рука» в Петербурге, и надеюсь, что все удастся.

2. Нельзя разглашать имя ребенка до того, как он родится.

3. До выхода журнала * я издам один за другим два сборника, которыми ошеломлю мир.

4. Цена — самая дешевая, дабы осчастливить многих и многих.

5. Затея моя предпринята не ради прибылей, а во славу еврейского языка.

6. Программа будет такая, какой не упомнят со времен Адама.

7. Она будет содержать все, включая птичье молоко.

8. Вводится систематическая критика того, что выходит на еврейском языке.

9. Если где-нибудь имеется еврейский писатель, и стоящий, он мой.

10. Плачу (и, что называется, чистоганом) за каждую строчку от 2 до 10 копеек за прозу, от 10 до 20 — за поэзию.

11. Хочу изгнать манеру эксплуатировать автора при помощи лести.

12. В первом сборнике я дам оригинальные статьи разных писателей, пишущих по-еврейски, а также гебраистских и русских писателей в переводе на еврейский язык, целые, не очень большие рассказы, новеллы, поэмы, один роман, немного стихов (и хороших), а также разное из всех отраслей знания и из области языка.

13. О медицине, гигиене, кушаньях, напитках и тому подобном тоже будет.

14. Популярные отрывки из Бернштейна *, Дарвина, Брема *, Бокля, Милля, мудрецов Талмуда и еще, и еще.

15. Таким образом, ваш перевод истории естествознания может не найти себе места: это — слишком

жирно. К тому же боюсь, как бы такой большой дозой не испортить читателям желудок.

16. О чем я позволю себе просить вас, господин мой Линецкий? О весьма небольшом: сценку из еврейской жизни, из народного быта, вроде ваших «Выборов»; я воздерживаюсь от лести, но тут я вынужден обнаружить мой вкус и сказать, что нравится мне в этом жанре.

17. Мне нравятся портреты «по-гейневскому» и народный язык «по-щедринскому»; там, где вы пишете *от народа*, вы Линецкий, а там, где вы хлещете избитое,— вы уже не Линецкий. Об этом моем мнении знают Черни и Соколовский *.

18. Не думайте только, что я не знаю, почему и ради чего вы повторяете известное. Знаю, знаю!

19. Ваши «сценки» будут у меня в числе избранных, и оплачивать их буду не так, как Спектор,— обещаниями, а наилучшим образом и наличными.

20. Сценок может быть три, четыре, маленькие, красочные, живые. А теперь, господин мой Линецкий, когда у вас имеются двадцать моих ответов, вы можете ответить на них своими вопросами, и я незамедлительно откликнусь ответом, и вы мне тотчас ответите вопросом, и так до тех пор, пока не придем к чему-нибудь определенному.

Ну, идет? Ваш слуга покорный

Шолом-Алейхем.

P. S. О дне моего выезда в Одессу я вас извещу, а пока отвечайте. Не ждите, некогда. Напишите мне ваш подробный адрес.

Шолом-Алейхем.

8

Я. ДИНЕЗОНУ

Киев, 1 апреля 1888.

Уважаемый господин Динезон!

Сколько ни ломаю голову, чтобы найти причину, почему вы на меня рассердились и не хотите мне писать, ничего не могу понять, ибо я от греха чист, невинен и чист. К тому же друг наш, господин Вайсберг, клянется, что вы на меня нисколько не в обиде. Почему же вы молчите?

А теперь, любезный друг мой, у меня к вам серьезная просьба. Но, прежде чем начать говорить, хочу взять с вас святое обещание, что вы сохраните все в строжайшем секрете. Потому что когда я однажды доверил Вайсбергу доставшийся мне от Леви * секрет, он написал о нем вам, а вы по простоте душевной, без всякой задней мысли передали его идиоту Тобиашу, который тут же написал об этом Леви; переслал мне письмо Тобиаша, и с той поры между нами — между мной и Леви — разгорелась ссора, которая закончится, кажется, полным разрывом, как это можно заметить по «Фолксблату», от которого Шолом-Алейхем уже начинает понемногу отдаляться...

Потому я и нашел справедливым обратить на это, друг мой, твое внимание и просить тебя,— а я совершенно уверен в твоей честности,— не оглашать до поры до времени строжайшую тайну, в которую я тебя сегодня посвящаю.

Как по-вашему, могу ли я молчать при виде того, как измываются над нашим бедным народным языком? Возьмите три-четыре последних номера «Фолксблата» — и увидите, что там творится! У меня нет слов, язык прилипает к гортани, а перо бессильно выразить причиняемые мне страдания! Вы меня понимаете, собрат, вы обязаны меня понять! Но чем я могу помочь, когда я — тут, а он, этот сумасшедший упрямец,— там? Достаточно крови стоил он мне, и наконец я плюнул, махнул на все рукой,— провались он со своим «Фольксблатом», с вокалами Мейзаха * и с невеждой Ульрихом Калмусом * вместе!

А то что же? Шолом-Алейхему отставить, стало быть, свой инструмент и — конец, долой идиш! — приняться за торговлю? Что вы скажете? Справедливо? Ну, а муза? А то самое, что щекочет (литературный зуд)? А народ? Нет, этого вы от Шолом-Алейхема не добьетесь!

Что же сделал Шолом-Алейхем? Пошел он, принес себя в жертву во имя господа и сотворил нечто совершенно новое: ежемесячный еврейский журнал, на который у меня, надо полагать, имеются шансы и протекции среди власть имущих, но так как должно пройти еще два-три месяца, пока что-либо определится, а Шолом-Алейхем принадлежит к тем проказникам, которым ждать некогда, то поэтому я расшибу голову публике тем, что в одно прекрасное утро вдруг выйдет

в свет большой еврейский сборник, да такой, каких свет не видал, но без объявлений, без барабанного боя, без трезвона, без выманивания денег, без премий, но — с оригинальной программой, с твердо установленной оплатой сотрудников, с доступнейшей ценой, со всеми достоинствами, со всеми привилегиями; в общем, брат мой, это будет нечто особенное, такое, чего и на древнееврейском не было. И представьте себе — это нравится публике, в течение двух недель я получил уже больше половины материала. И что за материал! И от каких писателей! От каких еврейских писателей! Товар высочайшей м[арки]. Первые известия о нем появятся, когда сборник будет полностью готов; за деньгами остановки нет, и трезвонить мне ни к чему...

Итак, брат мой Динезон, имею к вам две просьбы:

1. Дайте мне мудрый совет, как, что и когда, потому что я считаю вас и знатоком и верным другом.

2. Вайсберг мне говорил, что вы основательно начитанны в немецкой литературе, а посему вы могли бы меня снабдить значительным количеством афоризмов умных людей, эпиграмм, поговорок и т. д. А если у вас есть что-либо готовое, небольшая зарисовка, новелла или что-нибудь иное в этом роде, прошу прислать мне как можно скорее, ибо я через месяц примусь за дело.

Печататься сборник будет с пунктуацией, под моим собственным наблюдением, во святом граде Бердичеве.

Гонорар вы от меня получите соответственно стоимости труда. Я вообще не обижу ни одного сотрудника, не стану отделываться лестью и добрым словцом, как это делают иные иезуиты. Нет! Мои сотрудники — это мои товарищи, мои компаньоны, мои братья! Совет каждого мне дорог, пожелание каждого для мени свято, я пойду по стезе первосвященника Аарона * и не превращу свой журнал в место дрязг и ссор из-за почета. Названия я еще не сообщаю вам, ибо до рождения ребенка его имени не разглашают. Вы сами, конечно, понимаете, что я все это затеял не как «доходное дело», упаси боже. То, что останется от прибылей, будет распределено между сотрудниками как бы в виде дивиденда, простите за сравнение. Если же придется, упаси боже, покрывать убытки, то есть человек, который их покроет, благословен господь. Но так или иначе, писателям буду платить всем.

Ну, как вам нравится моя затея? Представляю себе

глаза Леви и его нос при виде первого блина. Боюсь, как бы с ним, упаси боже, не случился припадок. Шутите с литваком?..

Афоризмы,— спасите! — присылайте афоризмы! Ибо на это у меня, кроме вас, никого нет. Вайсберг говорит, что у вас там в Варшаве редчайшая библиотека. Пишите мне незамедлительно, каково ваше мнение, дайте совет и ваши соображения относительно того, что я предпринимаю; пишите откровенно и точно; помогите мне!

И не один только Леви содрогнется. Думаю, что и Спектор не слишком обрадуется, прочитав в газете: «Вышел в свет сборник и т. д., составленный Шолом-Алейхемом, и т. д.». У него заноет под ложечкой, потому что он меня знает, он знает: то, что я сделаю, я сделаю как следует... Не думайте только, что я хочу этим кому-либо из них насолить! Накажи меня бог! Наоборот, я пишу сейчас и для «Векера» *, и для второго номера «Хойзфрайнда» * (кстати, и первый номер «Хойзфрайнда» лежит еще в пеленках, а то и во чреве матери)...

Итак, мой друг, жду вашего незамедлительного благоприятного ответа и надеюсь, что вы все это сохраните в тайне до поры до времени, пока я не напишу вам: «Разгласите».

У меня к вам еще просьба.

Поспрошайте-ка у честного печатника:

1. Сколько он берет за одно только печатание — не его бумага, не его обложка — за одно только печатание, включая расходы по брошюровке, с каждого листа (1000 и 2000 экз.)?

2. Как считается лист: по тексту с обеих сторон или только с одной стороны? К примеру, 16 или 32 страницы?

3. Есть ли разница в цене между малым и большим форматом?

Милый Динезон! Если вы просто сердились на меня, забудьте. Если кто-нибудь вам насплетничал (это случается среди наших сочинителей, дай им бог долгой жизни и здоровья), плюньте тому в лицо. Если я вас задел острым словом, чем-нибудь, упаси бог, затронул вашу честь и т. д., простите меня, и тогда — будь даже мои прегрешения багряны, как кармазин, они станут белы, как снег. Подадим же друг другу руку и станем снова друзьями, как прежде, тем более

что никакого Леви уже больше нет между нами, а мне нужен ваш совет, ваша помощь, ваше мнение, ваша поговорка, потому что я ведь все-таки в этом деле зелен,— учтите это!

Преданный вам

Шолом-Алейхем.

P. S. Посылаю заказным! Боюсь: говорят, в Варшаве водятся воры.

9

И. Х. РАВНИЦКОМУ

Киев, 8 июня 1888.

Мой дорогой друг, Рав Коцин! *

Спасибо! Спасибо!! Спасибо!!!

Знаете за что? За что? За Ваше прекрасное письмо господину Литваку *, опубликованное в № 22, 23 «Фолксблата». Спасибо!!! Надо же так угодить мне своим ответом, как Вы угодили, точным, умным и острым!! Спасибо!!!!

Я не в силах, как говорит Абрамович (вообразите, я в состоянии), изложить Вам на бумаге, как хорошо, во всех отношениях хорошо, Вы поступили. Да благословит господь Ваше перо за то, что Вы защитили наш дорогой народный язык, в кой я влюблен, словно юноша! Поверьте мне, брат, из-за несправедливости и насилия по отношению к нашему дорогому жаргону я харкаю кровью... Ой, не могу больше! Потому до сего времени не выступил (и не так скоро выступлю) со своими взглядами (взгляды? Что значит взгляды?), ибо если возьмусь за перо, то буду метать гром и молнию против этих... Прошу Вас, не заставляйте, не заставляйте!! Так было с Шомером, я долго молчал, пока не накипело на сердце! Брошюра так скоро увидит свет, как Ваши глаза, с божьей помощью, совсем скоро узрят победу справедливости...[1]

Вам, конечно, хочется знать о моем деле (о сборнике), так знайте, друг мой, что за два месяца я в свои 28—29 лет поседел, как голубь (представьте себе, что я еще не седой: посмотрите на мою фотографию у Линецкого и Замощина *).

---

[1] Опущены несколько строк.— *Ред.*

А что с Вашим «Векером»? Я должен еще раз в порядке комплимента сказать Вам, что Ваше письмо в «Фолксблате» написано хорошо и честно, умно и мудро,— поздравляю Вас! Вы помните гоголевскую унтерофицершу, которая сама себя высекла? Вот так поступил этот Литвак, который взял и сам измордовал себя до смерти...

Ваш друг
Шолом-Алейхем.

10
МЕНДЕЛЕ МОЙХЕР-СФОРИМУ

Киев, 26 июля 1888.

Мой дорогой любимый Дедушка.

Нахожу, что я сильно провинился перед Вами. Не думайте только, что я забыл о Вас; у меня голова кру́гом идет: работы по горло! «Библиотека» * уже печатается в Бердичеве. Ваш «Призыв» * я получил и дважды перечитал. Там есть на чем остановиться; Вам пришлось, чувствую, дорогой Дедушка, хорошенько попотеть над ним. Особенно — над концом драмы, потому что в ней много мысли, многое продумано и взвешено, финал напоминает «темное царство» Островского, он хорошо задуман и сильно отработан; я вообще могу думать, что «Заветное кольцо» *, к примеру, написано сердцем, а «Призыв» — рассудком, то есть преимущественно головой, хотя Рейзеле * и сердечная девушка, но, сжальтесь, я не о том; я тут имею в виду ваше сердце... Или, если Вы не понимаете меня с полуслова, мы отложим это до следующего раза. Теперь я настолько заморочен, что мне «плюнуть некогда» (риторика!). Кто это придумал бердичевскую типографию? У меня к Вам просьбишка, дорогой Дедушка. Так как я пишу для «Библиотеки» роман *, и к тому же еврейский роман, как Вы того хотите, вот мне и хотелось бы, чтобы Дедушка его видел раньше и высказал свое мнение! Но любопытно, как он может к Вам попасть и сможете ли Вы его взять и прочесть в несколько дней. Тогда бы я выслал его Вам. Но он покамест еще не готов: я должен еще закончить его и отшлифовать — как Вы говорите. Я послушен Вам во всем! Ответьте мне, как Ваше здоровье и чем Менделе занят?

Ваш преданный внук *Шолом-Алейхем.*

11

БРАТУ ВЕВИКУ

1 декабря 88.

Дорогой брат!

Извини, что так долго не отвечал на твое письмо. Я тебе писал, что я, слава богу, уже не нуждаюсь в должности казенного раввина. А теперь сообщаю, что я распрощался с Лубны. Вместе с женой переехал в Белую Церковь. Переезд занял много времени, что и лишило меня возможности побеседовать с тобою. Зато сейчас я сумею чаще и больше писать тебе. Я теперь довольно часто держу перо в руках и пишу рассказы один за другим на нашем родном языке. А раз я уже пишу, то буду часто и письма писать.

Об Аббе * я еще ничего не знаю. В Вену, в госпиталь, я уже отправил несколько писем, но словно глас в пустыне. Не знаю, что и передумать. Тоска гложет меня. Получил письмо от отца, оно полно слез. Сердце разрывается. Нам надо для утешения отца придумать что-нибудь. Пиши ему все хорошее о себе, что немножко успокоит его глубокую боль.

Будь здоров и счастлив, как того желает тебе твой брат *Шолом.*

Наилучшие мои пожелания передай Янклу и его семье.

12

Д. ФРИШМАНУ

Киев, 17 января 1889.

Друг мой!

Понравились ли тебе моя жена, ее нежная племянница и «Стемпеню»?

Разве ты забыл, что я высоко ценю твое суждение о моем романе (ибо о нем речь)? Не известно ли тебе, что именно твое мнение, мнение гордого поэта, стихотворца, «творящего миры» *, мне важно знать? Разве ты всего этого не знаешь?

Поэт ты хороший, но человек ты плохой, злодей, разбойник, убийца! Наш друг Динезон в тысячи раз лучше тебя. Он открыл мне свою душу, был искренен. Сказал все, и хорошее и дурное. А ты? Ты прекрасный и любимый поэт, но скверный человек и т. д.

Правда, друг мой? Нет! Ты и человек замечательный, добрый. Именно таким хочу тебя видеть или, по крайней мере, такие отзывы о тебе хочу услышать от дам, находящихся в настоящее время в Варшаве под сенью твоих и Динезона крыльев.

Твои слова мне так желанны, как желателен обед, когда я смертельно голоден.

Твой друг, который почитает и любит тебя,

Шолом-Алейхем.

13

БРАТУ ВЕВИКУ

Киев, август 1889.

Дорогой мой брат!

И мне захотелось на некоторое время стать парижанином. Думаю, что скоро это случится. Но пока меня радует то обстоятельство, что имею брата-парижанина. Моя радость была бы приумножена, если я получал бы от тебя более веселые вести. Насколько я понимаю, тебе там живется не так уж сладко, не так, как полагается умельцу по выработке перчаток, и не как богу в Одессе *.

То, что на границе тебя обобрали,— в этом ты сам виноват. Меня удивляет, почему ты не сообщил мне, что собираешься в Париж. Знай я об этом раньше, я бы отсоветовал тебе совершать такое путешествие, не имея заграничного паспорта. Туда надо отправляться, как полагается солидному человеку, с заграничным паспортом. Но это дело прошлое.

Усваиваешь ли ты речь, которую слышишь в стране французиков (словечко это Спектора), или она для тебя сущая тарабарщина? Если хочешь быстро научиться французскому языку, то начинай болтать по-французски. Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду. Так ведь? Совсем не умеешь плавать? Не пугайся. Говори то, что ты еще не знаешь... Как только произнесешь первые два слова, ты уже продвинулся вперед. Остальное договоришь руками, кивком головы или глазами. После этого все пойдет как по маслу. Как бы то ни было — скоро ли начнешь плавать, то есть разговаривать по-французски, или нет, наш родной язык ты забыть не должен никогда.

Раз я пишу тебе об этом, то, вероятно, догадываешься, как меня радует, что и в Париже ты читаешь

еврейские книжки вообще и мои в частности. Тем более что ты читаешь их в «кружке» еврейских товарищей. Будем надеяться, что в твоем Париже я скоро буду иметь сотни читателей, а быть может, и тысячи! Когда будешь в Париже общаться с молодыми людьми еврейской национальности, знающими наш родной язык, и с бородатыми евреями, недавно эмигрировавшими во Францию, то не забудь спросить их, знают ли они проказника, которого зовут Шолом-Алейхем? Кто знает! Я только собираюсь в Париж, а на поверку окажется, что я давно уже там числюсь аборигеном. Человек хотя имеет ноги, но может и поездом передвигаться, а вот книга с места сама не тронется. И все же случается так, что книга опережает человека...

Так как на границе тебя ограбили, высылаю тебе через банк 50 русских рублей. Обменяй их на франки по курсу. Прилагаю квитанцию, в которой все сказано. Ищи себе хорошее место и не хватайся за случайное. Хорошее место за один день не находят.

Твой брат, который желает тебе много счастья в Париже и в любом другом городе.

Шолом-Алейхем.

14

ЕМУ ЖЕ

22 октября 1889.

Дорогой мой брат!

Получил твое письмо с поздравлением, о котором пишешь, что оно коротко и ясно. Я же думаю ответить тебе тоже ясно, но не так коротко.

Я был в Бердичеве и беседовал пару часов с твоей невестой у нее дома. Трижды говорю молодец. Ты выбрал себе красивую невесту. К тому же в Бердичеве. Хорошо, что ты не искал ее где-то на стороне. Хорошо также, что при выборе на первом месте были не деньги, а человек... Деньги — пустяки. Они приходят и уходят. Основное — это человек! А счастье в руках бога. Меня поразило отсутствие в твоей депеше точной даты моего выезда в Бердичев. Из твоей депеши я ничего не понял. Возможно, и моя телеграмма не осведомила тебя о моем выезде. Итак, наши телеграммы, с божьей помощью, запутали друг друга. С твоей депешей случилось то, что со многими бывает: исказили слова и получилось

черт-те что. Полагаю, что нечто подобное приключилось и с моей телеграммой.

Я также был у Соре-Ривы *. Во-первых, она меня отчитала за все старые грехи, во-вторых, я понял, что она вам не друг. Вряд ли это огорчит тебя.

Был я у Шефтла *, удастся ли напечатать мои произведения, пока сказать трудно.

Пиши, как поживает Сося *. Понимает ли она толк в ремесле, нравится ли ей оно? Почему она не пишет? Впрочем, я сам у нее спрошу:

Милая сестра Сося (прошу тысячу раз меня извинить, но Сося мне больше нравится, чем Зофья), почему ты ничего не пишешь? Ты же мне родная сестра. Я тебя плохо помню, но хочу тебя знать так, как полагается брату знать родную сестру. Будьте вы оба здоровы и счастливы.

Ваш брат *Шолом-Алейхем.*

Биба шлет вам свои приветы.

15

МЕНДЕЛЕ МОЙХЕР-СФОРИМУ

Еврейская народная библиотека, издание Соломона Рабиновича. Киев, Елизаветинская, № 8, 22 января 1890 г. № 1656.

Дорогой Дедушка!

Не имея времени, чтобы потолковать с Вами о предисловии — мы еще к нему вернемся,— хочу, однако, знать Ваше окончательное решение насчет Ваших книг.

Вы правы, говоря, что мое объявление о продаже Ваших книг может Вам повредить. Посему в «Библиотеке» следует поместить анонс лишь о том, что «Фишку» и «Клячу» можно приобрести во всех книжных магазинах, у самого автора (Одесса, Базарная, 91), а также в редакции «Библиотеки». Решил было дать объявление о том, что подписавшиеся на «Библиотеку» могут за рубль приобрести обе Ваши книги. Потом передумал. За один рубль с учетом *порто* * две книги сразу. Потому возвращаюсь к первому моему плану, а именно: установить для книгопродавцев стоимость двух книг один рубль, но при условии, что они выписывают не меньше 50 экз. Тогда и порто не велико (товар малой скоростью). Чтобы Вам ни в чем не помешать, я о такой ничтожной цене ничего в «Библиотеке» не сообщу.

А что же? Как я поступлю? Поговорю с читателями частными письмами и этим надеюсь помочь Вам реализовать Ваши книги. В «Библиотеке» же будет помещено объявление, в котором будет сказано, что каждая Ваша книга стоит один рубль, а кто выпишет обе книги, у автора ли или в редакции «Библиотеки», тому они обойдутся в 1 р. 50 коп., включая порто.

Думаю, что после рецензии на «Клячу» с моими добавлениями на полях найдется много охотников, чтобы познакомиться с нею поближе.

Остаюсь в ожидании Вашего подробного письма с окончательным решением (окончательным из окончательных)

Вашим обремененным заботами внуком

Шолом-Алейхем.

16

ЕМУ ЖЕ

Ст. Боярка (Ю.-З. ж. д.), дача 26.
6 июня 1890.

Родной мой, дорогой, добрейший Дедушка!

Сообщаю Вам, что мы с женой собираемся, если бог даст, нынешним летом ехать в Одессу, как обычно. Выедем мы в обычное время, заедем на обычную станцию и будем там находиться обычное число дней. Здесь мы сидим покамест на обычной даче и заняты обычной работой. Дела идут, как обычно. Третья «Библиотека» тоже, вероятно, выйдет * к обычному сроку с обычным материалом. Писем от Вас не получаю, как обычно, и полагаю, что у Вас на душе, вероятно, как обычно... Потому что и мне последнее время весьма не по себе, словно мне предстоит вскоре покинуть этот мир, право. Но ведь мы, вероятно, все умрем в обычный час!

Будьте здоровы. Привет Вашей семье и всем нашим обычным друзьям, и отвечайте на письма. Ваш обремененный заботами внук

Шолом-Алейхем.

17

МОРДХЕ СПЕКТОРУ

Киев, 26 сентября 1894.

Милый коллега!

Ваше счастье, что письмо ваше застигло меня как раз тогда, когда обед еще не готов, жены и детей еще нет, я смертельно голоден и ни за какое дело не могу

взяться, потому что на голодный желудок не пляшется. Вот я и взялся за перо, чтобы ответить на ваше письмо. Дело решено — вы будете удовлетворены. Это значит, что не поздней, чем через месяц, числа двадцатого октября, бог даст, вы получите обещанное мною произведение под названием «Тевье-молочник — история его внезапного возрождения, рассказанная самим Тевье и переданная слово в слово Шолом-Алейхемом». Двести экземпляров, которые я требую от вас, нужны мне не для продажи. Я уже говорил вам это ранее. Но, чтобы успокоить вас, прошу выслать мне сейчас только пятьдесят экземпляров, а остальные сто пятьдесят — позднее. Итак, братец, смотрите же, вытяните на будущий год добрый жребий, как вам того желает

Шолом-Алейхем.

P. S. Почему бы вам не прислать мне ваш календарь? * Мне ведь все ваше интересно читать.

18

РАХИЛИ ЛОЕВОЙ *

Киев, 1896.

Миша проснулся с криком: «Мне приснилась бабушка». Маруся заодно с ним орет: «И я тозе». Их крик доносится до седьмого неба. Сегодня праздник, дети поэтому не пойдут в гимназию. Тися занята кружевами. Ляля не расстается с книгой, которую ей купили за 45 коп. Эмма ей завидует.

Шолом.

19

ЭРНЕСТИНЕ РАБИНОВИЧ *

(Запись в альбом)

Я не мастер писать стихи. Я люблю прозу. Простую, хорошую, честную прозу. Сегодня, 16 апреля 1897 года, тебе исполнится тринадцать лет. Будь ты мальчиком, мы бы сегодня, согласно принятому нашим народом обычаю, отметили твое религиозное совершеннолетие. А так придется отодвинуть этот праздник на целых пять лет, когда наступит твое гражданское совершенно-

летие. Желаю, чтобы исполнились все твои мечты, и дай бог, чтобы твои желания всегда были нашими, а наши — твоими. Аминь!

Твой папа *С. Рабинович.*

Киев, 16 апреля 1897.
Б. Васильковская, 7.

20

Б. И. ИЕРУХИМЗОНУ *

Соломон Наумович Рабинович
Киев, Б. Васильковская, 5
27/XI 1901.

Славный вы мой человек!

На ваше милое письмо могу лишь ответить, что «Десять историй» — запаситесь терпением! — еще не вышли, и немало воды утечет, заверяю вас, пока они выйдут. Мне хочется выпустить такую книгу, какой еще не бывало в нашей народной литературе, а на нашей барахолке тем более. Основные моменты каждого рассказа будут иллюстрированы молодыми, весьма одаренными художниками, и на это требуется время. Кроме того, все старые рассказы я переработал так, что, мне кажется, только названия остались прежние. В общем, все здесь ново.

Один из этих рассказов я, возможно, буду иметь честь читать публично шестого декабря у вас, в Б. Церкви, на вечере в школе для девочек, хотя, по совести говоря, белоцерковские паршивцы аристократы этого не заслужили. Я отлично понимаю: стоит им услышать, что в город собирается приехать Шолом-Алейхем с каким-то Варшавским, будут рассказывать побасенки, будут петь песенки, и пойдет: фи, разве пристало белоцерковскому богачу, который, видите ли, и мухи не обидит, богачу, обладающему собственными домами и туго набитой мошной,— своими ли деньгами, чужими ли, безразлично,— разве подобает такому богачу сидеть рядом с бедняками, с какими-то меламедами, простыми мужчинами и простыми женщинами, не украшенными брильянтами,— фи, позор! Но если хорошенько подумать, то им назло *надо* приехать и им назло *надо* читать, и пусть сидят дома, черт их подери, пусть любуются на себя в зеркало, пусть поглаживают животики и наслаждаются пищеварением. Знаю я их, этих сволочей, ох как знаю! Они изнывают, им тоже хочется

послушать живое слово, но перед самими собой неловко — ведь аристократы же!

Что касается вашего восторга, то я его не понимаю. Прочитайте «Маленькие рассказы» *. Только там *я начинаю писать*.

Правильно говорит мой Менахем-Мендл: «Пишешь и пишешь, и все еще будто только начинаешь». Да, я еще только начинаю. Надеюсь, что, с божьей помощью, в скором времени начну писать неплохие вещи. Знаете ли вы, что лучшие люди начали нами интересоваться, присматриваться и прислушиваться к нам. Один из них, замечательный мастер пера, человек огромного таланта и золотого сердца — Максим Горький,— взялся за дело с большим жаром.

Готовится к изданию довольно большой сборник лучших произведений еврейской литературы в переводе на русский язык. Из моих вещей уже успели подготовить «Горшок» (именно «Горшок»), «Флажок», «Рябчик» и еще кое-что. Несколько вещей Дедушки я сам перевожу на русский. Стихи Бялика (не Ляма и не «Исаака», а другого Бялика!), Гордона, Долицкого * и Розенфельда Мориса * переводит Фруг *. В общем, дело идет. Посоветуйте, стоит нам ехать в Белую Церковь или нет,— но серьезно, по совести.

Шолом-Алейхем.

P. S. Передайте привет доктору Черни. Как вам понравилась моя «Ханука»? Слабовато или ничего? Читал местным аристократам в праздник хануки, чуть дом не разнесли.

21

ДОЧЕРИ ЭРНЕСТИНЕ

Кременчуг, 18 августа 1902 г.

Дорогая моя Тисенька! Я, кажется, уже писал тебе, что местному фотографу захотелось, как рекламу для своей фирмы, снять меня «всей Европе на смех» (посылаю Равницкому одну карточку). Словом, выхожу вчера, в субботу, погулять по главному проспекту (по Екатерининской улице) и вижу — народ толпится возле витрины, словно увидели знаменитость, к примеру, Шаляпина. Фотограф, ради пущего эффекта, подписал также и мой псевдоним по-еврейски. И посы-

пались гуляющие со всех сторон, и стали смотреть на меня, тыкать пальцами, заглядывать прямо в лицо — черт знает что такое! Я был вынужден бежать с проспекта и спрятаться в гостинице! Но меня разыскали и начали приглашать на вечера, на заседания и просто на чашку чая. Ну и народ же тут! Как долго я здесь пробуду, не знаю. У мамы очень много забот, для нее — слишком много. Тебе следовало бы, может, приехать домой, ей стало бы легче. У меня на душе так тоскливо, что временами жизнь невмоготу. И вообще трудно жить на свете. Работы по горло. Целую тебя несчетно.

Твой папа.

22

А. ЦЕЙТЛИНУ *

Многоуважаемый Арнольд Яковлевич!

В интересах издания Максима Горького * срочно требуются кой-какие биографические сведения о еврейских писателях.

Я уполномочил своего родственника г. Рабиновича зайти в «Юдаику» и отыскать в периодике некоторые материалы.

Убедительно прошу Вас разрешить ему вычитать и выписать самое необходимое.

Сохранность и аккуратность гарантирую.

С глубоким уважением

С. Рабинович
(Шолом-Алейхем).

15/IX 02

23

М. СПЕКТОРУ

Киев, 2 ноября 1902.

Моей дражайшей супруге, госпоже Спектор *, дай бог ей здравствовать.

Ты меня, стало быть, вполне заворожил, ну тебя совсем!

Не понимаю, дражайшая супруга, какой черт тебе мешает, если наши письма останутся целы? Почему нам сжигать их? Пусть горят наши враги! Наоборот, пусть через сто двадцать лет читают о том, как переписыва-

лись два еврейских народных писателя, которые сочетались браком без венца и обручения, и что творилось с еврейским языком (идиш). Представляю себе, какой вид мы оба будем иметь в глазах наших праправнуков, к примеру, через пятьдесят или сто лет, когда наши кости уже давно будут гнить в земле! Ах, идиш, идиш! Кто знает, какую роль он еще будет играть в жизни нашего народа! Но пусть «история» идет своим путем, мы должны пока помнить о наших делах. Дражайшая супруга! Если бы ты был в Житомире и видел почет, который был мне там оказан нашей публикой, ты умер бы от радости. Буквально на руках носили! На другой день в «Волыни» * был помещен отчет о том, что в городе гостит известный еврейский писатель Шолом-Алейхем. Там упомянуто также и твое имя («Волынь», номер 242). Всюду, где приводится мое имя, я забочусь, чтобы и моя вторая половина — Спектор — тоже была упомянута, только бы он не злился на меня! В субботу вечером, перед отъездом, мне устроили банкет — ну-ну! Пишу фельетон о хануке. Моя дочь перенесла операцию и, слава богу, поправляется. Мой малыш уже надел гимназическую фуражку, взглянешь на него — помрешь!

Жду теперь хороших сообщений от моей супруги и приветствую от всей моей ватаги.

Твой супруг *Шолом-Алейхем.*

24

ЕМУ ЖЕ

(Киев) 12 ноября 1902 г.

Моей дражайшей супруге госпоже Спектор, дай бог ей здравствовать.

Посылаю тебе копию письма, полученного от редактора Гинзбурга *. Ему тотчас ответил телеграммой: *«Прошу ради общих интересов воздержаться от опубликования моего имени в проспекте».* И надеюсь, что этот Гинзбург джентльмен, вероятно, послушается и моего имени не поставит. А сейчас, дражайшая супруга, смотри, в какую кутерьму ты меня вовлек! Совершенно чужие люди предлагают мне сто рублей всего-то за пять коротких очерков в месяц, без каких-либо условий, а я оказался связан, завязан и привязан пуповиной! Горе, горе нам обоим! Ладно уж, связанность из-за «Юда»

я понимаю; было бы нечестно, если бы я писал и туда и сюда. Но в петербургскую газету — какое это имеет отношение? Вообще условие, которое ты мне поставил, моя дражайшая супруга, чтобы *я нигде никогда не заглядывался ни на какую другую женщину*,— это было такое варварское условие, что только два таких глупца, как мы оба, и только в таких горьких обстоятельствах [в которых] я находился, могли на такое согласиться! Ничего подобного не слышно было во всем мире! Так не продает себя даже служанка, раб,— разве только сто или сто пятьдесят лет тому назад. Но — пропало. Я буду привязан пуповиной до тех пор, покуда ты, дражайшая супруга моя, не скажешь: идем, дорогой супруг, мы свободны, то есть хозяева нам отказали от места. И несомненно, бог даст, так и будет, потому что они не смогут вести войну против нового Голиафа. Наши лучшие места займут такие людишки, что нам доведется, не дай бог, кланяться им в пояс. Это — материальная сторона дела. Что же говорить о моральной?! Я, Шолом-Алейхем, вольная пташка, я имею крылья, умею летать и хочу летать, умею петь и хочу петь, а весь народ хочет слушать,— с какой же стати я вынужден буду сидеть в стороне, на дереве, любоваться чужими птицами, слушать чужие песни и молчать, тихонько покачиваться на одинокой ветке и слушать, слушать, слушать?! Да, дражайшая супруга, горе, горе нам обоим!.. Я пока ответил им письмом, но путем переписки мы ни о чем не договоримся, необходимо лично свидеться, потолковать; конечно, я писал дипломатично. Я убежден, что не поздней, чем через неделю, ко мне явятся из Петербурга. Так что, супруга моя, надобно тебе знать, что мое первое условие: у меня есть жена Спектор, жить ей до ста двадцати лет, с которой я не могу развестись ни при каких добавлениях к брачному контракту! Я не могу без моей жены Спектора, жить ей до ста двадцати лет, ни двинуться с места, ни взять в руки перо, ни вывести букву. Так я им скажу. А если они меня спросят: как так и почему? — я скажу им, что в «Фрайнд» я смогу писать лишь в том случае, если моя жена, Спектор, жить ей до ста двадцати лет, будет находиться в Петербурге и стоять у печи «Фрайнда». Никому другому не могу я доверить мое тесто, мое печенье, мои яства, мои блюда. Об оплате моей работы потрудитесь обратиться опять же к ней, к моей супруге, дай бог ей жить и здравствовать до ста двадцати лет.

А тебя, дражайшая супруга, извещаю: надобно тебе знать, что дела наши — хуже некуда; твоя шатия получит свою ежедневную газету тогда, когда я от тебя забеременею. Что касается письма, в котором тот пишет вам, будто он говорил с министром, то оно к лицу моему Менахем-Мендлу,— а ты, глупая баба, опухнуть бы твоей роже, веришь в ворожбу? Но я знаю, супруга моя, тебе тяжко и горько, ты сама связана, и меня привязала, и обоих нас завязала, и оба мы, благодарение господу, весьма основательно угроблены, не сглазить бы, увязли в болоте и трепыхаемся!.. Понимаешь ли хоть ты, глупая баба, сгореть бы всем моим врагам, что означает для меня, по нынешним временам, еще сто целковых в месяц (к тем сорока, которые я получаю после удержаний по счетам)?! Но я держусь за юбку моей супруги, что мне еще делать? Что мне делать, если ты уже на сносях, вот-вот должен разрешиться на здоровье, не было бы только, упаси боже, выкидыша и не родила бы ты бычка, не приведи господь, или уродца, а то и вовсе не оказались бы, боже сохрани, все твои потуги всуе...

Твой супруг *Шолом-Алейхем.*

25
И. Х. РАВНИЦКОМУ И Х. Н. БЯЛИКУ

Киев, 22 января 1903.

Добрый день, мои дорогие прекрасные друзья Равницкий и Бялик!

Прежде всего — поздравляю Вас, Равницкий, с лавкой *, а Вас, Бялик, с Вашим «Садом» *, помещенным в газете «Фрайнд». Мой восторг смешит мою дочь, однако и она радовалась, читая Ваши стихи. Хорошо, хорошо, очень хорошо, говорю, Вы слышите, Бялик? Хорошо — и только! Прекрасно! Я Вам говорю, что это прекрасно! Вы слышите? Это говорю я, это я говорю Вам, прекрасно! Хорошо. Лучше не надо! Короче — прекрасно!.. Изумительно, вот именно изумительно... просто изумительно!

Посылаю Вам иллюстрации к «Ножику». Иметь бы вам столько времени для еды, сколько у меня для писем! Будьте здоровы и напишите еще такой «Сад». Пусть собаки увидят, что мы, жаргонисты, тоже имеем Бялика. Они думают, что только они Вас имеют; нет,

и мы имеем!.. О чем же еще хотелось Вам написать? Вспомнил, о «Саде» (в газете «Фрайнд»). Ну и сад, ну и сад! Сад из садов! Среди садов — сад! С тех пор как бог создает сады, он еще такого и во сне не видел. Вот это сад! Вот так надо на языке идиш писать о саде, если о саде писать хочется. Одним словом — вот это сад!

И далее (к Вам, Равницкиий, речь моя обращена), Спектор сообщил мне, что «Тушия» * намерена поручить Вам составить мою биографию в качестве приложения к «Собранию сочинений Шолом-Алейхема». Сегодня я отправил Спектору свою автобиографию и список всех своих произведений (по-русски). Это, с божьей помощью, облегчит Ваш труд.

Бялик, ну и сад, ну и сад! Кланяйтесь Пае *. Ее просьбу о родственнике — удовлетворил. Теперь он меряет улицы Егупца *. Со временем все образуется, пока он немного помогает мне писать *. О чем еще сообщить Вам? Черт бы побрал Вашего батьку, Бялик, нарисовали же вы садик, ну и ну! Пишите хоть иногда письма. Вы же не маленький. Будьте здоровы и счастливы...

От Вашего лучшего друга

Шолом-Алейхема.

26

МОРДХЕ СПЕКТОРУ

Пасха. Киев (1—4 апреля 1903).

С праздником, Спектор, черт бы тебя побрал!

Знай же, какой подарок я шлю тебе,— ты его вовсе не стоишь! Новый роман, а-ля «Стемпеню», но значительно короче, разбитый на восемнадцать небольших глав, и называется «Мошкеле-вор» *. Может, в субботу вышлю тебе первые восемь глав, но ты не огорчайся. Клянусь тебе святой мацой, что роман уже закончен и находится у переписчика. Во вторник вышлю остальные десять глав, и ты будешь,с божьей помощью, обеспечен материалом до пятидесятницы. Должен признаться, что чувствую себя, словно я заново родился и полон новых непочатых сил. Могу сказать, что *только начинаю писать.* До сих пор я дурака валял, шалил. Боюсь, не иссякает ли уже, упаси бог, запас моих лет... Я теперь забеременел столькими мыслями и картинами, что я крепче железа, если не лопаюсь от досады: горе, горе мне, я

вынужден метаться в поисках рубля! Сгорела бы биржа. Сгорел бы этот рубль! Сгореть бы всем евреям со стыда, если еврейский писатель не может жить одним своим писательством и вынужден метаться в поисках рубля! Те, кто знает, кто видит меня каждый день, спрашивают, когда я пишу? Право, я и сам не знаю! Вот так и пишу, на ходу, на бегу, сидя у кого-то в кабинете, разъезжая в трамвае, и как раз в ту самую минуту, когда мне морочат голову по поводу леса, непорубленного леса, или дорогого имения, или заводика, как раз тогда у меня вырастают самые яркие сцены и слагаются самые лучшие мысли, а нельзя оторваться ни на минуту, ни на мгновенье, чтобы изложить все это на бумаге,— сгореть бы всем моим делам! Сгореть бы всему миру! А тут еще приходит жена и напоминает о квартирной плате, о плате за учение в гимназии, а мясник-джентльмен — он ждет, а лавочник-паршивец не хочет давать в долг, а адвокат грозит описать стулья (глупец! — он не знает, что они уже давно описаны...)... А тут выбирают нового казенного раввина — и опять-таки виноват я, а мой маленький сынишка говорит: «Папа, деньги!» Ему необходимо купить себе какую-нибудь очень нужную вещь, вероятно, лошадку. Попробуй наберись духу и не дай! А с одной стороны кричит Спектор: спаси, давай материал! А «Фрайнд» засыпает меня телеграммами: материал! А Америка прежде всего присылает гонорар, так что уже невозможно быть свиньей и приходится посылать и туда, а «Восход» тоже не собачья затея, а изданию Максима Горького и подавно необходимо... Ша, звонят. Поздравляю, либо кредитор со счетом, либо маклер с описью имения — сгореть бы им всем и тебе, Спектор, вместе с ними хотя бы за одно то, что ты мне пишешь так редко и так мало!

Твой *Шолом-Алейхем.*

27

ЕМУ ЖЕ

Киев, 2 февраля 1904 г.

Брат Спектор!

Не стал бы писать тебе. Я дал себе слово, по крайней мере, полгода ни строчки тебе не писать за то, что ты так отличился при отъезде, и за твое гробовое молчание вот уже пять-шесть недель. Но две вещи заставили меня написать тебе. Не могу не написать.

1. ..... [1].

2. Все, что когда-либо приснилось мне дурного, мрачного, зловещего, страшного, да падет на головы моих врагов! Это я тоскую о твоей безумной, нелепой трагедии, которую ты напечатал в «Тог»! * Ты думаешь, я шучу? Нет, я серьезно. Ты взял и измазал себе лицо, не взыщи за выражение... украсил себя мочалой, напялил на голову бумажный шутовской колпак с бубенчиками, взобрался на гребень крыши касриловской бани, и это называется — Спектор показал фокус: сатиру, с позволения сказать, написал, провалиться тебе! Не могу понять, что с тобой приключилось,— то ли ты хлебнул лишнее в тот день, то ли просто на несколько часов с ума спятил? Позор, стыдно перед людьми! Где это видано, чтобы Спектор, который написал «Роман без названия», «Межбиж», «Еврейские дочери», «Украсил свадьбу» (последнее — прямо пальчики оближешь), чтобы тот же Спектор замесил квашню из лука с яичной скорлупой, кошачьим пометом и обмывками детских пеленок. И это у него называется юмор, сатира! При чем ты тут, дуралей ты эдакий?! Не твое это дело! Это должно быть Я...с! Не будь подписи «Эмес» *, я подумал бы, что «Тог» решил кому-то всыпать среди бела дня [2], какого-то новоявленного комедианта, подумал я, вырвало таким длинным опусом, что вчуже тошно становится. Поклянись мне, брат, что это в первый и в последний раз! Был бы ты поумнее, ты бы разослал всем своим персонажам письма, попросил бы у них тысячу раз прощения и поклялся бы своей совестью, что ты в тот день был не в своем уме. Задевать живых людей надо умеючи, надо знать, кого, как и к чему. Ты меня опозорил, брат! Я здесь, в Киеве, говорю всем, что это вовсе не Спектор, хотя и подписано Эмес. Это какой-то новичок по фамилии Амитин *. А теперь, когда ты получил по заслугам, потрудись натянуть на себя штанишки, поцелуй розгу и скажи: больше не буду! Оставайся Спектором праздничных рассказов, повестей о простых людях и их дочерях, о свадьбах и бедных трапезах. Оставайся самим собой, тогда ты будешь моим. В противном случае провались в преисподнюю. (Боже упаси!)

Твой, черт тебя побери, навеки

Шолом-Алейхем.

---

[1] Строка точек автора.

[2] Здесь игра слов: «тог» по-еврейски означает «день».

28

ДЕТЯМ

Санкт-Петербург, 15 ноября 1904 г.

Дорогие дети!

Пишу вам всем под свежим впечатлением моего первого визита к кумиру наших дней, властителю дум, Максиму Горькому. Он принял меня по-товарищески. После первых же слов он оглядел меня с головы до ног и пригласил в столовую выпить чаю. И пошел у нас разговор о делах литературы вообще и в частности о еврейской. Не успел я, право, оглянуться, как прошел час (с 11 до 12). Он просил приходить к нему запросто. Сам взялся познакомить меня с лучшими представителями прессы,— одним словом, был дружелюбен, совсем не как некоторые другие! Внешность его вовсе не такая, какой мы себе ее представляем. Интересный человечище, русский человек в полном смысле слова, с хорошим, открытым, ясным лицом и широким носом. Сам высокий, крепкий (совсем не больной), мягкий, хотя немного угловатый, в блузе, разумеется, и в высоких сапогах (продолжение следует).

Папа.

29

ДОЧЕРИ ЭРНЕСТИНЕ

Санкт-Петербург, 15 ноября 1904 г.

Моя дорогая Тиси!

Получил твое хорошее письмо от 12 и обрадовался. Сегодня я вам всем написал о моем первом визите к Максиму Горькому, который принял меня в высшей степени дружелюбно, чисто по-товарищески и очаровал меня.

Пользуюсь случаем и посылаю тебе трешницу на почтовые расходы. Я очень рад, что могу обсчитать государство на пятнадцать копеек, все теперь обкрадывают государство; давай, думаю, будем делать то же самое. Без меня у тебя, наверное, нет ни сантима, ведь мама-то женщина скупая, тем более что кошелек ее набит пуговицами, квитанциями лесоторговцев, старыми конвертами и другим подобным добром.

Как поживает Наумчик? * Сердце болит, когда я произношу это имя! Скорее бы дожить и увидеть вас! До свиданья. Миллион поцелуев.

Твой па.

30

ЕЙ ЖЕ

Санкт-Петербург, 29 ноября 1904.

Друг Тиси!

Все ближе время нашего свидания, и я с трепетом в сердце жду часа, когда смогу покинуть проклятый Петербург. Есть надежда, что этот час близок, очень близок. По секрету пишу тебе, что в субботу вечером выеду, и прежде всего, разумеется, в Киев; мне тяжело откладывать до субботы, но это зависит не от меня, а от обстоятельств.

.....

То, что здесь делается, трудно описать. Вчера был бой — что-то вроде репетиции революции. Ждут завтра чего-то грандиозного...

Па.

31

ФРИШМАНАМ

Мои дорогие друзья и милые хозяева!

Прошу тысячу раз меня извинить. Нахожусь у Спектора. Он привез из Петербурга столько новостей, что дай бог успеть ему их выложить в течение двух дней. Между тем его супруга доверила мне великую тайну: она готовит вареники из гречневой муки. Вы слышите? Из гречневой!!! Короче, я здесь остался обедать. А он, то есть Спектор, просит, чтобы Вы, то есть Фришман, тоже пожаловали к нему, к Спектору то есть; он, то есть Спектор, имеет сообщить Вам, то есть Фришману, много новостей из редакции, то есть из «Хазмана» *. Прошу еще раз извинить меня, желаю Вам приятного аппетита и всего хорошего. Аминь!

Шолом-Алейхем.

Варшава, 6 февраля 1905 г.
2 часа дня.

32

ДАВИДУ ФРИШМАНУ

Киев, 8 апреля 1905.

Марек * пишет мне, что на днях в театре «Элизеум» будет показана моя пьеса «Разброд», сцены из еврейской жизни на польском языке. Дирекция театра, по

словам Марека, намерена пригласить меня на премьеру. Вряд ли я приеду. Потому хочется, чтобы Вы обязательно присутствовали на первом представлении и написали мне о своем впечатлении и о том, как публика приняла спектакль. Одновременно пишу г. Мареку (переводчику пьесы), чтобы он обеспечил ложу для мадам Фришман и для Вас.

Ваш, который понимает Вас лучше, чем другие,

Шолом-Алейхем.

P. S. Только что получил пасхальный номер «Хазмана», немедленно приступаю к чтению «Маленького государства», сочинения Д. Фришмана.

33

М. ФИШБЕРГУ *

Киев, 13 сентября 1905.

Любезный д-р М. Фишберг.

Как Вы доехали, живы ли Вы? Вы еще меня не забыли? Помните ли Вы, что Вы обещали мне у Соколова? * Я закончил две драмы для американской сцены, в четырех и в пяти актах *. Пятиактная с народными песнями и музыкой. Можете ли Вы поговорить с мистером Томашевским * (народный театр) или с мистером Дж. Адлером? *

На внутренней стороне письма Вы найдете новости, из «дома» *.

Ответьте мне, пожалуйста, поскорей.

Шолом-Алейхем.

34

И. Д. БЕРКОВИЧУ

Киев, 23 ноября 1905.

Дорогой мой сын Беркович!

Пишу тебе эти строки, весь обложенный компрессами от макушки до бороды (хотя она и сбрита), потому что очень и очень страдаю от зубной боли!

Картина, которую ты мне нарисовал,— люди редакции «Хазман»,— как живая перед моими глазами, но в Бен-Авигдора * я все же верю, верю, что он достигнет своей цели *.

Посылаю тебе «Надпись для памятника на моей могиле», которую я сочинил в эти «черные» дни, и прошу тебя перевести ее в стихах, как у меня; если сам не сможешь осилить, попроси от моего имени нашего друга Шнеера *, который «зубы съел» на стихотворном деле.

Здесь погребен простой еврей.
Он был писатель из народа,
Всю жизнь писал он для людей
Простого звания и рода.

Он на смех поднимал, честил,
Язвил насмешкой мир великий,
Но мир, однако, не тужил,
А он век прожил горемыкой.

И в час, когда все от души
Смеялись, позабыв печали,
Он плакал,— видит бог,— в тиши
Тайком, чтоб люди не видали [1].

Шолом-Алейхем.

Год конституции и погромов (1905).

35

ДОЧЕРИ ЭРНЕСТИНЕ

Киев, 23—24 ноября 1905.

Дорогая Тисюня!

Пишу среди ночной тишины. Все спят, а я бодрствую до утра в ожидании предстоящей экстракции (ты еще не забыла зубоврачебной терминологии?). Страдания мои превосходят всякие пределы, и я ищу успокоения в письме к тебе и Берковичу (на обороте). Между прочим, я посылаю ему эпитафию в стихах, которую бы желал иметь на моей могиле (через сто двадцать лет, разумеется) на обоих еврейских языках *. Стихи правильные, восьмислоговые и десятислоговые ямбы; таковыми же они должны бы быть и по-древнееврейски, если это возможно. Что касается срока, то это не к спеху: я на тот свет еще не собираюсь. Думаю еще совершить турне по Америке, затем вернуться сюда вкушать пару десятков лет истинную свободу. А затем целую тебя крепко.

Твой па.

[1] Перевод И. Гуревича.

36

М. ФИШБЕРГУ

Львов, 4 января 1906.

Любезный д-р Фишберг!

Как это понять? Вы долгое время не отвечали мне на мои письма из Киева. Вы объявили забастовку? Из Брода я Вам телеграфировал — Вы опять не ответили. Отсюда я писал Сорезону *, просил и умолял найти Вас и сообщить мне, что происходит. В итоге от Сорезона ни привета, ни ответа. Что это все означает? От горя я с ума сойду. Что мне делать? К кому обратиться? Разве все мои планы и воздушные замки сущие мыльные пузыри? Что станет с моей семьей? С угрозой для жизни, с последним поездом я выбрался из Киева. Рассчитывал, что обязательно получу точные сведения от Вас в ответ на мои письма! А в итоге словно набрали воды в рот. Никто не отвечает!!

В Киеве я за два месяца получил от Вас только одно письмо и первые триста рублей. С тех пор земля замкнулась! Я оставил уполномоченного в Киеве для получения денег и корреспонденции. Однако он пишет мне, что ничего не получил. Как я должен это понять? Быть может, Вы вне Америки, тогда кто-нибудь другой должен был мне ответить. А я жду! Жду! Жду!

Ваш *Шолом-Алейхем.*

37

ДЕТЯМ

Лидз, 6—7 июля 1906.

Дорогие деточки!

Прежде чем начать описывать наше пребывание в провинциальной Англии, чувствую себя вынужденным дать вам торжественную клятву, что все, прочитанное вами здесь, истинная правда, то есть это не фельетон, а подлинное происшествие.

Из Манчестера мы выехали второпях (сломя голову), не позавтракав, и прибыли сюда часа в два, голодные, как Ляля * в шестом классе гимназии или как Миша *, который вчера вечером не ужинал. Сионисты (подайте Кауфману * стакан воды), встретившие нас, вначале привели нас в один, потом в другой отель, на что потребовался час. Первый вопрос, который был задан голодным путешественникам, заключался вот в чем:

«Как смотрят русские евреи на раскол в сионизме после Герцля и имеет ли территориализм в России будущее? На это я ответил, что мы не только ничего не ели, но даже еще и чаю не пили. Намек был сразу же (назло Кауфману!) понят, и один из них проговорил с английским акцентом: о! что касается еды, мы можем быть совершенно спокойны, так как мистер Ф. предоставил в наше распоряжение свою столовую на все время нашего пребывания в Лидзе! И вот наконец явился сам мистер Ф., расспросил, как проходит наше путешествие, и пригласил к себе. Мы пошли. Шли-шли, шлишли, пришли. Уселись. Сидим. Беседуем о том о сем, а больше всего о сионизме. У него вот сынишка (бой), четырнадцать лет ему, он тоже сионист и отлично декламирует «Сион» Любошицкого. «Эй, Сэм, подойди-ка сюда! Продекламируй-ка дорогим гостям «Сион»! Но — с блеском!» И четырнадцатилетний Сэм встал и начал декламировать перед нами «Сион», отчего у нас стало сосать под ложечкой (по-видимому, от голода, потому что время было уже около четырех), а Нумчик, бедняжка, расплакался: «Мама, кушать! Мама, булку!» Этот дуэт длился не так уж долго, всего каких-нибудь минут сорок восемь, и нас в конце концов представили хозяйке, которая до сих пор была занята своим туалетом. Просидев с мистрис Ф. минут двадцать и побеседовав о «местном климате» и наболевшем в Англии злободневном вопросе (служанки), мы наконец сами встали и направились вместе с хозяйкой в столовую. На наше несчастье, нам пришлось проходить мимо пианино, и маме вздумалось вдруг выказать хозяйке свое дружелюбие и спросить: «Что, ваши дети играют?» Хозяйка сочла себя оскорбленной: «Что за вопрос? Еще как играют! Эй, дочка, сыграй-ка для дорогих гостей!» В ответ на этот призыв тотчас же показалось существо с распущенными локонами, сделало реверанс и — давай барабанить на чем свет стоит. Мы остолбенели и все время простояли на ногах; один только Нумчик время от времени нарушал гармонию, заявляя довольно громким голосом: «Мама, я не хочу музыки, я хочу кушать!» (Вот озорник!) Но всему на свете существует предел. Я заявил мистеру Ф., что прошу второе музыкальное отделение отложить на послеобеденное время, потому что ребенок, говорю, голоден, а сами мы сегодня еще и чаю не пили. Мы спустились в столовую (она — на нижнем этаже). На столе уже были приготовлены блюдечки, стояла та-

релка с земляникой, лежали два-три ломтика хлеба, намазанных мягким желтым маслом (как раз то, что я страшно люблю, можно сказать — обожаю!), и... больше ничего! «Что вы больше уважаете — содовую воду или лимонэйд?» Я говорю: «Нет, ни то ни другое. Дайте, если это возможно, хлеба, только без масла». Хозяйка спрашивает: «Почему? Вы не уважаете хлеб с маслом?» У меня на языке уже вертелось: «Это дрянь какая-то, а не масло»,— но Нумчик меня опередил и обратился к маме: «Это у них называется обед? Хорош обед!» (Вот сорванец, на что способен!)

.....

ЭПИЛОГ

Часов в восемь вечера тихие жители города Лидз могли заметить, как два отощавших путешественника с мальчиком тащатся без цели и надежды по улицам, останавливают мирных англичан и обращаются к ним на ломаном языке с вопросом: «Ресто-рант?!»

(Конец. Продолжение не следует.)

Меня сюда вызвали сионисты. Я еще голоден. Скоро полночь. Ресторана мы не нашли. Подумываю о браунинге. Муторно на чужбине без обеда...

Целую вас.

38

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «УНЗЕР ЛЕБН» *

Нью-Йорк, 30 апреля 1907 г.

Дорогие друзья Спектор, Вайнтройб и Гохберг! *

Хотя я от вас еще не получил ответа на мои два письма (со вложением глав моего романа «Потоп»), посылаю вам также новый рассказ «*Шпринца*», новехонький рассказ *Тевье-Молочника* (в честь пятидесятницы), «рассказанный самим Тевье и переданный слово в слово *Шолом-Алейхемом*».

Бог велик, Шолом-Алейхем жив, и Тевье еще не *умер*.

«Шпринца» — это *шестой* рассказ моего друга Тевье из Бойберика, который впервые имел честь встретиться с еврейской публикой в газете Спектора «Хойзфрайнд». С тех пор Тевье дарит нам каждый год по новой истории. И сколько *дочерей*, столько историй. Как видите,

Тевье не изменился нисколечко. То есть как сказать? Обстоятельства изменились, годы сделали свое, но Тевье остался тем же Тевье, с тем же мировоззрением, с теми же мыслями и принципами и даже свой слог сохранил. Мне доставит живую радость, если мои братья и сестры в России, которые иногда интересуются еврейским словом, встретятся в пятидесятницу этого года со стариком Тевье и через него получат сердечный привет от их друга

Шолом-Алейхема.

P. S. А ну, покажите, что вы такие же джентльмены, как ваш преданнейший

Шолом-Алейхем.

Само собой разумеется, что «Шпринца» не должна быть напечатана раньше пятидесятницы и пусть пойдет обязательно в газете и ни вами, ни кем-либо другим не печатается отдельным изданием, ни до и ни после праздника.

39

Х. Н. БЯЛИКУ

[*Женева, без даты.*]

Дорогой Бялик!

Теперь, когда Вы живо воображаете, будто Вы находитесь на Монблане *, надеюсь, Вам непременно захочется побывать вместе с нами * в Швейцарии. Мы глаза высматриваем в ожидании Вас, словно мессии. Все, древний седой и высокий Монблан тоже. Приезжайте, будете вместе с нами лазать по горам.

Шолом-Алейхем.

40

ЕМУ ЖЕ

Эх, Бялик, Бялик!

Вы уехали и как в воду канули. Где это видано, чтобы человек уехал и даже письмеца не написал? А у меня, представьте, для вас привет. Угадайте-ка, от кого! От туфель, от ваших домашних туфель.

На следующий день после вашего отъезда из Швейцарии я, как обычно, просыпаюсь рано утром, хочу до-

стать из-под кровати свои домашние туфли, смотрю — совсем незнакомые туфли, клетчатые, с кожаными носками. Беру в руки, что ж, хорошие туфли, еще совсем новенькие. Чьи же они? Оказывается, это домашние туфли Бялика, вот какая история! Каким образом попали сюда туфли Бялика? Видно, он забыл их, а может быть, нарочно оставил мне в подарок? В общем, в доме начался кавардак: туфли-туфли, туфли да туфли!! Первой выступила с претензией Тиси. Ее Берковича с Бяликом водой не разольешь, и поэтому туфли принадлежат ей, и никому больше. Тогда вторая, Ляля, та, что учится на доктора, говорит: по справедливости, туфли должна получить она. На каком основании? Просто так. У нее нет домашних туфель. Она уже давно собирается купить туфли. Тогда третья, Эмма, говорит, что было бы не грешно, если бы туфли достались ей, уж у нее-то, во всяком случае, нет туфель. А младшая, Маруся, и вовсе обижается: чем она хуже других? Туфли Бялика и ей впору. Тут о туфлях услышал Нумчик. Не вдаваясь в подробности, он закричал во все горло: «Мама, хочу туфли!» Разбуженный шумом, Миша устроил погром: это, мол, его туфли, и все тут. Ведь Бялик спал в одной комнате именно с ним, а не с кем-нибудь другим. Значит, туфли, по совести, должны принадлежать ему. В это время приходит Бен-Ами с дочерью Саррой. Узнав, из-за чего спор, Бен-Ами заявляет, что туфли, конечно, должны перейти к нему. Ведь, не случись новогоднего инцидента *, Бялик, несомненно, заехал бы к нему и туфли оставил бы у него, а не в другом месте. Сарра, естественно, поддакивает ему и не отрывает глаз от туфель. Тогда Миша и Тамара * предлагают половинчатое решение: пусть достанется одна туфля Мише, а вторая — Тамаре. Короче говоря, мы отправились к Дедушке попросить совета, как поступить с туфлями, кому, наконец, нужно их отдать. Выслушав с прищуренными глазами и с улыбкой на устах все претензии, Дедушка реб Менделе вынес решение: так как туфли эти забыты, брошены на произвол судьбы и так как их хотят получить все, пусть туфли пока перенесут к нему, к Дедушке, значит, и у него они будут храниться до пришествия Ильи-пророка. Приговором остался доволен один только Бен-Ами. Ему припомнилось изречение: «Ни тебе, ни мне...» Я же остался недоволен, и поэтому туфли пока у меня. Собираюсь вскоре, с божьей помощью, переправить их вам в Одессу, не обе сразу, ко-

нечно: одну я вам пришлю осенью, тотчас после кущей, а вторую — под пасху, вот у вас опять и будут две туфли. А для того чтобы вы не скучали по своим туфлям, я сфотографировал их. Прилагаю при сем снимок туфель с дружеским приветом от всех нас, а также и от них, пока они находятся у меня на ногах, потому что у меня и в самом деле нет туфель, кроме ваших. Спасибо вам за туфли. Прошу вас и в дальнейшем приезжать к нам каждое лето в новых туфлях и оставлять их у нас, ибо я по опыту знаю, что в туфлях лучше, чем без туфель, не говоря уж о таких красивых, как ваши, которые являются наилучшими туфлями среди всех возможных.

Шолом-Алейхем.

После дня всепрощения 1907.

41

И. Д. БЕРКОВИЧУ

Женева, 7—8 апреля 1908.

Дорогой мой сын Беркович! Я озадачен и не верю, что получу от тебя ответ на телеграмму *,— наверняка не получу. Я отчаялся и махнул на это рукой. Мы будем спасены иным путем. И тем не менее я не потерял надежды. От всего сердца верю, что настанет время, когда «Клад» будут разыскивать днем с огнем, с ним будут носиться, им будут наслаждаться, о нем будут говорить очень и очень много! Но пока с ним дело очень трудное. Что же нам делать и что мы можем сделать? Надо подождать еще полгода — не больше. Мои глаза, быть может, этого не увидят, но ты, несомненно, увидишь это, потому что ты молод и тебе предстоит еще долгий жизненный путь. Поэтому ты не должен поддаваться отчаянию. Если ты не находишь себе там работы по душе, не пугайся и не падай духом, потому что, быть может, суждено, чтобы и нам и тебе пришло спасение не в стране доллара. Мы, наверное, не умрем с голоду и здесь, в странах Запада, а что касается тебя, мне не следует повторять еще раз слова, уже однажды сказанные мной тебе от глубины души, а именно, что наш дом — твой дом, что мы будем делить хлеб, и только если, упаси боже, нам нечего будет есть, тогда не будет и для тебя, как водится в нашей коммуне. (А Та-

мара лезет мне под ноги, катается по полу и поет песенку под столом.)

А я, обнимающий тебя с отцовской любовью, весь твой *Шол.*

42

МЕНДЕЛЕ МОЙХЕР-СФОРИМУ

Генф. Швейцария, Пасха 1908.

Ой, Дедушка, Дедушка! Годы и горе озорству не помеха. Признаюсь, я таки озорной внук! В нынешнюю пасху я такое проделал с Вашими письмами, да простит меня бог, и Вы тоже. Послушайте историю.

Сегодня утром до ухода в синагогу я от Вас получил письмо. Не успел зайти в синагогу, как Бен-Ами шепнул мне на ухо: «Вы знаете? Я получил от Дедушки письмо!» — «Поздравляю вас! А ну-ка, покажите, что пишет Дедушка?» И Бен-Ами засовывает мне Ваше письмо прямо в молитвенник. Прочитав письмо, я положил его к себе в карман и ему вернул взамен его древнееврейского письма свое «жаргонное». Кантор между тем поет и распевает, а Бен-Ами, ничего не подозревая, прячет в карман мое письмо, а я — молчок!

Сейчас начинается вторая часть драмы: Аберсон *.

Во время чтения торы еврейская душа, по обыкновению, покидает синагогу, выходит на улицу погулять, держит руки в карманах, курит папиросу. И разумеется, первое слово Аберсона ко мне было: «Привет вам от Дедушки». — «Каким образом?» — «Я сегодня получил письмо». — «На самом деле? А ну-ка, посмотрим!..» Держу его письмо, читаю, перечитываю, затем незаметно всовываю Аберсону письмо Бен-Ами, а себе в карман забираю письмо Аберсона. При этом заговариваю зубы, расписываю богослужебное усердие Аберсона и мадам Аберсон, восхваляю их молитвенный экстаз, пение гимнов и т. п. И возвращаюсь в синагогу.

Вот только теперь начинается развитие интриги со всеми драматическими элементами. Прежде всего направимся к Бен-Ами, но нет, не так! Сначала пойдем к Аберсону. Он вернулся домой, произнес молитву над бокалом вина и сел за стол рядом с женой (в пансионе Фукса).

«Когда развеселилось сердце царя от вина» *, Аберсон сказал мадам Аберсон: сегодня я прочту тебе

письмо Менделе из Одессы. Гости тоже заинтересовались. Возникает разговор о Менделе. Кто он такой, этот Менделе? Вот это-то и наиглавнейшее. Одним словом, Менделе — это Менделе, тот самый Менделе! Менделе — это великий Абрамович! «А чем он занят?» — «Его занятие? Он писатель, еврейский писатель. Разумеется, знаете. Так вот я от него получил письмо из Одессы. В настоящее время от живет в Одессе». — «А на каком языке он вам пишет? Конечно, по-французски?» — «Вы не здешний, что ли? На жаргоне, на простом жаргоне»,— так отвечал Аберсон, достает письмо и... о, ужас! Древнееврейское! Бе-ме! Не идет, хоть лопни, язык не тот! Одним словом, он рассматривает письмо со всех сторон, читает адрес: Бен-Ами! Но как к нему попало письмо Бен-Ами? Он его, правда, видел, но издали, даже полусловом не обмолвились. Как это все понять? Аберсон поднимается со стула и отправляется к Бен-Ами. А разве есть другой выход?

А Бен-Ами? Бен-Ами пообедал (фаршированной рыбой и другими пасхальными блюдами, конечно, вином пейсаховкой и пр.), достал из кармана письмо и передал его Сарре. Пусть знает, что пишет Дедушка. «Папа,— спрашивает Сарра,— почему Дедушка на сей раз пишет на языке идиш, а не на древнееврейском?» — «Что ты мелешь, Сарра? Ты не в своем уме»... Одним словом, вновь и вновь читают, Бен-Ами вне себя. Рано утром, перед уходом в синагогу, письмо было на древнееврейском, а теперь стало еврейским! Переворачивают, нюхают... И вдруг звонок. Вваливается Аберсон. «Ой, гость, с добрым праздником!» — «Какой я гость? Послушайте, Бен-Ами, не получили ли вы сегодня письмо от Дедушки?» — «Да, а вы?» — «Я тоже, но странное дело, кажется, перепутали наши адреса, покажите, пожалуйста, ваше письмо!» Ну что ж, бывает, давайте меняться. Однако беда в том, что письмо к Бен-Ами находится у Аберсона, а письмо у Бен-Ами адресовано не к Аберсону, а черт знает кому — Шолом-Алейхему. Вероятно, и Шолом-Алейхем получил от Дедушки письмо. Спрашивается, почему он молчал и прикидывался дурачком? Это во-первых. А во-вторых, где же письмо Аберсона? Одним словом, надо пойти к Шолом-Алейхему. И Бен-Ами с Аберсоном поднялись со своих мест и отправились к Шолом-Алейхему (продолжение следует).

Извините, Дедушка, что прервал письмо, так как на-

ступил час молитвы. Будьте здоровы, спасибо Вам за то, что вспомнили о своих внуках, которые Вас любят и желают Вам всего доброго.

Шолом-Алейхем.

43

М. СПЕКТОРУ

(Одесса) 23 июня 1908.

Брат Спектор!

Сегодняшние одесские газеты я выслал в редакцию *. Трудно описать, что здесь творится. Для Одессы вечер, вероятно, будет историческим. Вдове Штейнберг * оказана серьезная помощь. Билетов продано на сумму свыше 2000 рублей. За вычетом расходов она получит рублей 1500 — это хорошо. А моральный успех! Опасаюсь давки и драк у театра. Это я говорю вполне обоснованно. Пришлось обеспечить полицию. Евреи и знать не хотят про билеты-шмилеты, им дай послушать всех шесть писателей *, да и баста!

Твой *Шолом-Алейхем.*

44

Д-РУ Г. ЛЕВИНУ *

[*Август 1908*]

Я все еще пишу с муками, полулежа, но все же пишу! Могу передать Вам привет с того света (от Ваших пациентов? О нет, нет! От пациентов Ваших коллег...). Ничего, и там жизнь. Та же, что и здесь. Имеется «Наша жизнь» и другие газеты... Но холеры там нет... Ага!...———— Точки и тире я ставлю в подражание Перецу [1]. Жена моя благодарит Вас за Ваше письмо. Больше писать она мне не разрешает. Жена — это цензор.

Ваш *Шолом-Алейхем.*

P. S. В Вашей статье я встретил своего белостокского еврея с желтым порошком *. Ах, где мне достать желтый порошок... от кашля?!

---

[1] Опущены две строчки.— *Ред.*

45

М. СПЕКТОРУ

*В день поста Гедалии *, 1908. Барановичи.*

Брат Спектор!

К сожалению, много писать не могу, впрочем, мало тоже. Но как не написать Спектору хоть пару строк? В общем, что? Ничего! Был одной ногой в могиле, вырвался из лап ангела смерти. Выпросил маленькую отсрочку, пока не напишу все, о чем имею сказать, пока не обработаю сотни сюжетов, которые копошатся в голове, и не исправлю все, до сих пор написанное, пока не переведу все свои произведения с идиш на иврит (в противовес тому, что, судя по его заявлению на конференции в Черновцах *, собирается делать талантливый Аш!). А засим, когда справлюсь со всеми этими делами, тогда, пожалуйста, потрудитесь, пан ангел смерти!.. О времени я веду разговор не с ним. Время в руках у бога. Торопиться некуда; не опоздаю... Одним словом, Шолом-Алейхем жив и готов, засучив рукава, взяться за бумагу и начать писать новыми свежими инструментами. Так врач, пропади он пропадом, не дает! Кстати, и сил тоже нет. Ноги не двигаются (сорванцы!), руки не подчиняются (наглецы!), а голова кружится (что голове может прийти в голову!). И сам я не того! Желаю тебе и твоей супруге счастливого года.

Всегда твой

Шолом-Алейхем.

46

Н. Е. МАЗОР *

(Нерви) 7/20.10.08.

Милая Наташа!

Жестокий рок играет со мной, он хочет омрачить мою душу, испортить настроение, бросить меня во тьму меланхолии, но я не из тех, которые так скоро распускают нюни. Раскис я только тогда, когда ты, словно светлая голубка, слетела ко мне в Барановичи, в незабываемые Барановичи *. О, тогда было совсем другое дело. Тогда я плакал, бывало, по два раза в день, но, кажется, напрасно. Теперь я уже не плачу. Я только пугаюсь немножечко, и больше ничего. Вот, к примеру,

позавчера утром снова показалась кровь, то есть не кровь, а так, невесть что, самые пустяки, какие-то «кровяные шарики в выделениях мокроты...». И я подумал: вот-вот повторится барановичская история. Стоило ли в таком случае трудиться и ехать в эту божественную страну? Но явился врач (Мандельберг — милый человек) и высмеял нас; выяснилось, что это отрыжка барановичских грехов. И действительно, я встал, гуляю по «марине» (взморье), и меня ласкают лучи такого солнца, какого я до сих пор еще никогда не видывал. Какое солнце! Какой воздух! Если я отсюда не уеду богатырем, значит, судьба моя решена. Ты получишь, Наташа, это письмо точно в самый день моего праздника, моих литературных «именин» *, к которым, как нам пишут, готовятся повсюду, во всех уголках. А я буду в этот день бродить, одинокий, по берегу Средиземного моря, один со своими мыслями, темными, как ночь, с непостижимым страхом перед неизвестным будущим, так как я не знаю сегодня, на что мы проживем завтрашний день... А если мы и проживем, то на чьи средства? На средства «общества»? Да, как ни верти, все всегда грустно, черт побери, и, уж во всяком случае, не так весело, как это обычно рисуется в моих глупых, но веселых писаниях. Было когда-то и весело, но это было давно, это было в ту счастливую пору, когда мы праздновали твой 19-летний юбилей (в Одессе, помнишь?). Ну, мне уже надо идти к морю. Желаю вам веселиться на этом свете. Моисею Савельевичу *, Н. С. Сыркину *, Евгению Львовичу * и всем моим друзьям в несчастье и в радости — мой самый теплый привет!

Твой дядя, не падающий духом

Шолом-Алейхем.

47

Я. ДИНЕЗОНУ

Октябрь — ноябрь 1908.

Бесценный друг, дорогой Динезон!

Не обессудьте за карандаш, я все еще пишу лежа. А ну-ка, попробуйте писать лежа чернилами, вы увидите, что из этого получится: кривульки, закорючки, поди разберись!

Бог с вами, Динезон, вы совсем колдун! Ваше описание моего юбилея и сравнение моей особы со знаме-

нитой вашей лошадкой Шамшона-Шлоймы попало в точку. Как будто вы своими глазами видели. По совести говорю: было много радости,— телеграммы со всех концов земли и пожелания, бесконечные добрые пожелания, и слезы, конечно, были, скрытые тихие слезы, как водится у Шолом-Алейхема. Но и слезы эти были слезами радости. Оттого что я сподобился увидеть свой народ или, по крайней мере, лучших людей народа выросшими, сознательными, тактичными, полными человеческого достоинства, равными другим народам, нисколько не менее благородными.

Видели бы вы телеграммы! Многие и многие из них проникнуты любовью к народу, «к униженному народу, к его литературе, к его языку». Разве это не прогресс? Разве это не достаточное вознаграждение для писателя? Что касается меня, то клянусь, что уж одним этим я удовлетворен. Мне не хватает только двух вещей, которые имеют отношение ко мне лично и без которых Шолом-Алейхем не Шолом-Алейхем: первое — это здоровье, второе — душа моя.

Что касается первого пункта, то моему бренному телу необходимо проваляться не меньше года у моря, в жилище, полном света и воздуха, а такое жилище обходится в 1500—1800 франков в сезон (600—700 русских целковых). А поскольку такие деньги мне и во сне не снились, то дело плохо. Здесь обычай: деньги на бочку! Вы должны знать, что в той же мере, в какой мне на свой собственный рубль наплевать, мне чужой рубль дорог. Не думайте, что так уж приятно разменивать чужие целковые, общественные! Да и целковые эти, кстати сказать, где-то еще в пути, а может быть, только в воображении. Но такие целковые итальянские банкиры никак не хотят разменивать, хоть им кол на голове теши. «Динариа дел Русиа ченто рубла» [1],— говорит банкир, глотая слюнки и показывая вам сотню. Вот и приходится лежать в пансионе без солнца, а это скверно, скверно, Динезон. Нужно солнце, солнце нужно.

Второе, душа, вы сами знаете,— это мои детища, мои сочинения, они должны быть мои, и ничьи больше... Был бы я здоров, я бы своими силами постепенно выкупил их из рабства *. Но где же взять здоровье? Здесь, в раю, в котором я нахожусь, можно окончательно выздороветь только при помощи воздуха, солнца и хоро-

[1] На русские деньги четыре рубля (*ит.*).

шего питания. На все это нужны деньги, деньги, деньги. А все мое достояние пока составляют лишь огорчения и прошлогодний снег. И все-таки ничего, не надо падать духом, как вы говорите.

Вы меня достаточно знаете, меланхолией я не страдаю. Я, пожалуй, полная противоположность вам, Динезон. Вы вздыхаете, рыдаете, обливаетесь слезами, а кончаете ласковым словом, доброю надеждой. И читатель уходит от вас умиротворенный, в несколько размягченном состоянии, но довольный, счастливый, согретый, обласканный и утешенный наилучшим образом. Я же наоборот,—ха-ха-ха да хи-хи-хи, всегда живой, всегда веселый и, глядь, ущипнул, уколол, сжал сердце в комок, а там — вздох, стон, слеза и снова ха-ха-ха и опять хи-хи-хи, но, расставаясь со мной, читатель, мне кажется, чувствует себя немножко того... И наверно, про меня говорят: «Вот бездельник, а? Что вы скажете? Будто ничего... А как подумаешь... черта его батьке!»

Но вернемся к началу. Вы хотите знать, как я себя чувствую? Пока, благодарение богу, так, что и врагам не пожелаю. Кашляю ли я? Еще бы! Желаю Крушевану * так кашлять хотя бы года три с хвостиком. Болит ли голова? А почему бы ей, собственно, не болеть? Иногда больше, иногда меньше — не от меня зависит. Голова — своенравное создание, это все знают. Температура? Ничего! Должна быть 36 с чем-то или без чего-то. А у меня — 37 и того больше. Спасибо, что не 38. Аппетит? Кто этим интересуется? Интересоваться-то интересуются, еще как! То и дело суют кашу, молоко, яйца! Сколько, вы думаете, яиц? Шесть яиц, семь яиц, восемь яиц, девять яиц, десять яиц,— во имя бога, оставьте меня в покое! Вы думаете, это все? Так нет же, потрудитесь еще похлебать молока, да масло глотайте, да кашу жрите, наполняйте кишки, набивайте их, дабы червям было чем питаться лет этак через сто двадцать...

Как я себя чувствую? Дай бог Пуришкевичу! Я чувствую себя так, как должна себя чувствовать телка, которую вскармливают не просто так, а с задней мыслью, как стреноженный конь в чужом овсе; как кот, который смотрит на масло, накрытое стаканом; как связанный петух; как верный пес, потерявший своего доброго хозяина, или — погодите-ка! — как еврейский писатель, который отбарабанил 20 лет, стал кашлять кровью, да убережет вас от этого господь, и как раз к юбилею за-

везли его куда-то там в Италию, забрали перо из рук и стали ему твердить: «Побольше воздуха, побольше солнца! Ешь, ешь, ешь!»

Ваш благодарный друг

Шолом-Алейхем.

48

И. РОЗЕТУ *

Нерви, 8 ноября 1908 г.

Май дир френд [1] Розет! Ай тенк ю вери мач [2] за портреты, за почтовые открытки и за ваш поздравительный стих. Надеюсь, что вы ол райт и ваши бизнесы хороши. У меня это идет номером хуже. Мне еще не разрешают писать письмо пером и чернилами, и поэтому прошу вас экскюзить [3] меня, что пишу вам карандашом. Благодарение богу за это. Было время,— и совсем недавно,— когда я одной ногой был на том свете. А сегодня меня уже тянет писать фельетоны, рассказы, комедии, но, увы, друзья не дают! Бог создал жену затем, чтобы морочить нам голову бифштексами, молоком и яйцами, причем только сырыми и во множестве. Гулять она велит по берегу моря и на солнце, а солнце здесь, Розет, не то, которое светит притворно, греет холодной усмешкой, а настоящее солнце, сияющее светом первых семи дней творения. Оно ласкает и греет, как мать, а воздух, друг Розет, струится сюда прямо из рая. И вот тут, у моря, на воздухе, под этим солнышком гуляет ваш больной Шолом-Алейхем с карандашом в руках и пишет свои историйки (одну вы скоро получите, если потрудитесь написать в Варшаву доктору Левину, Лешна, 34. Рассказ называется «Шмуел Шмелькис из Касриловки и его юбилей»). Пришлите мне, если возможно, почтовые открытки с моим портретом и передайте привет всем интересующимся мной. Напишите мне лэтэр [4]. Гуд бай.

Шолом-Алейхем.

---

[1] Мой дорогой друг (*англ.*).
[2] Благодарю вас (*англ.*).
[3] Простить (*искаж. англ.*).
[4] Письмо (*англ.*).

49

М. Н. СЫРКИНУ *

Нерви, 6 декабря 1908.

Милый, дорогой Сыркин!

Мы только что получили ваш весьма дружеский адрес, который вы написали, а пьяная братия подписала. Представляю себе, сколько было выпито водки. Пусть ее столько достанется всем нашим врагам вместе с Пуришкевичем, скажем даже, на один завтрак. Жалко вам, что ли? Адрес растрогал меня до слез. Это ведь Киев, а Киев — это ведь мой город. Можно пожелать нам обоим, мне и вам, иметь то, во что мне обошелся Киев. Быть всюду на моем празднике немыслимо, но то, что я не мог быть в Киеве, нагоняет на меня тоску! Что же касается самого вечера, должен вам правду сказать,— я никоим образом не ждал и половины того. Я лично считаю это необычайным успехом. А что творилось бы, если бы вам предоставили там немного больше свободы! Если бы вам дали, к примеру, держать речи на Подоле и на Демиевке, а доктору Лиокумовичу — читать меня на еврейском языке! Но не будем говорить о грустных вещах. Подождите немного,— взойдет еще когда-нибудь солнце и на нашей улице. Вы ведь не любите, когда вас благодарят,— передайте же привет моей старой знакомой, с которой я был знаком еще до того, как вы надели ей на палец обручальное кольцо, ущипните вашего наследничка в щечку и напишите мне, везет ли вам в карты, в «шестьдесят шесть»? Доктора Элиашева я уже пригласил сюда на хануку. Сорвитесь-ка и вы сюда, в Нерви, и мы втроем, скинув сюртуки, в одних арбеканфесах будем резаться на балконе в «пятьсот одно» всю ночь напролет.

Ваш друг *Шолом-Алейхем.*

50

ОДЕССКИМ ДРУЗЬЯМ

Нерви (Италия), вилла «Бриано»
6 декабря 1908.

Дорогим друзьям, избранным и могущественным и т. д. и т. д.! Дедушке реб Менделе, льву среди нас, Бялику, Левинскому * и Равницкому — привет!

По каллиграфическому почерку, по бисерным буковкам а-ля Абрамович вы можете догадаться, что Шолом-Алейхем больше на этом свете, чем на том. Не день ото дня, а час от часу я чувствую себя все лучше и лучше. За те несколько недель, что я здесь, в благословенном городе Нерви, я прибавил почти четыре кило, то есть десять фунтов. Десять фунтов мяса. Скажите «не сглазить бы», сплюньте три раза и покажите мне за глаза кукиш...

Как человек практичный, который когда-то, не в пример теперешнему, делал дела, я подсчитал, что если так пойдет дальше, то мне не останется желать ничего лучшего. Расчет как на ладони: десять — пятнадцать фунтов в месяц, вот вам и сто восемьдесят фунтов в год. Фунтов сто пятьдесят я весил раньше, значит, мы имеем на круг триста тридцать фунтов, или восемь пудов и десять фунтов. С таким весом мне уже незачем писать или выступать с публичными чтениями, достаточно показываться перед публикой! Это намного легче, чем писать или выступать. Да и публике тоже интереснее посмотреть на крупного писателя, чем слушать его. Что же касается Америки, то там можно золото загребать. Я уже и рекламу придумал:

!ЧУДО ЧУДЕС!
!ПРИХОДИТЕ! ВАЛИТЕ ТОЛПАМИ! СМОТРИТЕ! ЛЮБУЙТЕСЬ!
!САМЫЙ КРУПНЫЙ ЮМОРИСТ В МИРЕ!
!ВЕСИТ ТРИСТА ТРИДЦАТЬ ФУНТОВ!
— ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ! —
...ВХОД ОДИН ДОЛЛАР...
!СПЕШИТЕ! ПЕРЕДАЙТЕ ДРУЗЬЯМ!

Теперь давайте прикинем, сколько можно на этом заработать. Предположим, что во всем мире десять миллионов евреев. Не будем обольщаться. Допустим, что лишь один из ста захочет посмотреть на крупного юмориста, и то вы имеете сто тысяч долларов. Тогда уже незачем ждать, пока еврейская община преподнесет тебе имение *, можно самому купить целых два имения. Мы с вами знакомы, кажется, не день и не два, и вы прекрасно знаете, что я не фантазер какой-нибудь, упаси бог. Я люблю, когда расчет ясен, подан на тарелке. С таким расчетом можно прожить в Италии не одну зиму. А больше мне вам нечего писать, то есть я бы многое мог написать, но мне не

дают. Помимо врача, бог наградил меня еще и домочадцами, которые берегут меня как зеницу ока (нехорошо быть зеницей ока!), дрожат надо мной, как над стеклянной пасхальной посудой, не допускают, чтобы я склонялся над столом больше получаса в день, и гонят меня или на солнце, которое по целым дням купается в море, или есть. Ох, эта еда меня в могилу вгонит. Она у меня уже под ложечкой стоит (да убережет вас от этого господь!). Душа из меня вон, а они — знай одно: есть! есть! есть!

Таким образом, вы думаете, что я уж и не пишу вовсе. Столько бы болячек на кончик языка нашим злопыхателям и столько бы нам с вами тысяч, сколько строк я здесь написал. В скором времени, бог даст, вы будете читать мою небольшую книжонку * сразу на трех языках: на еврейском, древнееврейском и русском. Надеюсь, она доставит вам удовольствие, и вы скажете, что Шолом-Алейхем остается

Шолом-Алейхемом.

О главном забыл: пусть вас не удивляет, что я не выступаю в газетах с благодарностью за оказанную мне честь. Я уже несколько раз собирался это сделать, но, что ни день, поступают все новые поздравления, письма, адреса, телеграммы. По не зависящим от них обстоятельствам, многие города не успели освятить луну *, некоторые собираются в праздник хануки есть в мою честь оладьи. В Америке тоже готовится к тому же времени большая шумиха. Там во главе Давид Пинский *. Авром-Эля *, очевидно, опоздал, хотя я получил от него несколько очень горячих писем из Карлсбада, Берлина, Парижа и других городов, в которых он побывал. Ну-ка, соберитесь с силами все четверо, купите в складчину марку и напишите письмецо вашему лучшему и верному другу

Шолом-Алейхему.

51

СЫНУ МИШЕ *

Нерви, вилла «Бриано», 8/XII 1908.

Дорогой Миша! Заниматься переводами достаточно сложное дело. Тем не менее нельзя знать заранее, кто хорошо и кто плохо переведет. Многое

зависит от таланта, но еще больше — от опыта, навыка, и, по моему мнению, все зависит от желания. Даже то, что люди видят во мне талантливого, я называю исключительно желанием, настойчивым желанием. Переводчик, кроме того что он знает и понимает оба языка, должен сильно желать хорошо переводить. А чтобы желать, требуются усилия. Прежде всего, надо вдуматься в оригинал. После того как перевод уже сделан, нужно тщательно проконтролировать каждую фразу: говорят ли так, пишут ли так по-русски. Каждый язык имеет свои идиомы, которых сразу не перевести. Надо искать соответствующие эквиваленты. Примеров имеются тысячи. Я приведу тебе по меньшей мере один.

По-еврейски: от спешки ничего хорошего не получается; по-русски: тише едешь — дальше будешь.

Или еще пример.

По-еврейски: вот ты и имеешь! По-русски: вот тебе на!

И еще. По-еврейски: ну и сбегал же по порученьицу!

По-русски: попал пальцем в небо.

По-еврейски: и не начинается!

По-русски: ничуть не бывало!

При встрече с трудными идиомами я всегда готов тебе помочь. Начинай! Мы еще не раз будем беседовать об искусстве перевода. Меня это будет радовать не только с точки зрения заработка, но и по многим другим мотивам. На днях пришлю тебе кое-что для дебюта. Целую тебя.

Папа.

P. S. Прежде всего ставлю условие: всегда, даже в черновиках, писать четко и ясно. Эта ясность сообщается и мысли. Пойми это.

52

И. РОЗЕТУ

Милый друг Розет!

Вы, конечно, еще не получили мою благодарность за ваши открытки? * Ну, примите же ее сегодня, когда мне, слава богу, немного лучше и я могу уже ходить один, без провожатого, уже могу выводить буковки

тоненьким перышком... Программки киевского вечера, вижу, у вас напечатаны. В «Киевских вестях» читаю, что ваши открытки полностью распространены, и меня радует, что мой литературный вечер связан с именем того, кто остался мне так дорог и перед кем я, бывало, изливал свое наболевшее сердце в те времена, когда все держались за бока, читая мою писанину. Помните те времена? Но прочь сетования! Живу, выздоравливаю и пишу уже второй и третий рассказ, а в голове роится еще множество рассказов, и все они жизненно трагичны и горестно-веселы, и хохочется сквозь слезы, и плачется сквозь раскатистый смех, и тянет меня домой к свирепой мачехе, к бедненьким родненьким братьям и сестрам, томящимся в изгнании, в изгнании, в изгнании... Мир вам.

Шолом-Алейхем.

P. S. Напишите мне, прошу вас, исчерпывающий отчет о вечере и обо всем, что может интересовать меня в далекой Италии.

11 декабря 1908.

53

И. ЯМПОЛЬСКОМУ *

[*Нерви, без даты.*]

Мой честный друг Ицхок Ямпольский!

Когда в земном и заброшенном раю, имя которому Нерви, больной и одинокий человек получает письмо от друга, к тому же от такого честного и искреннего друга, как Вы, Ицхок Ямпольский, тогда этот человек начинает себя хорошо чувствовать, улыбаться и у него появляется аппетит.

. . . . . .

Вы говорите, что некоторые американские газеты озоблены против меня. Возможно. Это, вероятно, потому, что я у них своровал (а не они у меня) и перепечатал (а не наоборот) несколько фельетонов?.. Можете говорить что угодно, но у меня нет врагов, ибо я никому не враг: Тевье никогда не покидала надежда на лучшее будущее, а Менахем-Мендл никогда не переставал верить всему свету... Скоро Вы прочтете «Юбилей неудачника Шмуеля Шмелькиса», который написан мною в дни моей болезни. Посему не удивляйтесь,

если он чуток слабоват. А быть может, он и не такой уже слабенький? Вы ведь знаете, я всем доверяю, но не себе. Внутри меня сидит какой-то бес, который подтрунивает, хохочет и издевается над моим писанием. Стоит мне что-нибудь написать и прочитать с энтузиазмом, как, по обыкновению, мой бес свистит губами и смеется глазами. Удалось бы мне его схватить, я бы его задушил! Иногда бывает, что он меня серьезно выслушивает и качает головой. Я это принимаю за одобрение и написанное отправляю в типографию. Вот когда бес разражается злорадным смехом, сгореть бы ему!

В «Эпитафии», которую Вы напечатали, кое-что изменилось. Я добавил к началу четыре строчки:

Извините, человече, куда спешите?
Вы кому нужны, герой?
Шолом-Алейхема ищете?
Он давно в земле сырой!
Он был писатель из народа, и т. д.

Крепитесь, Ямпольский, и пишите хорошие вещи, да сопутствует Вам счастье, как того желает Вам

Ваш друг *Шолом-Алейхем.*

54

МЕНДЕЛЕ МОЙХЕР-СФОРИМУ

Нерви, 10 января 1909.

Большое Вам спасибо, Дедушка, за Ваш подарок * и за Ваше письмо. Я себе позволил в письмах к некоторым моим друзьям цитировать Ваши слова о кисло-сладком мясе, пироге и рюмочке вина. Я помню, что Вы отмечаете русский Новый год. Посему желаю Вам от своего имени и от имени моей колонии много счастья в новом, 1909 году. Последняя неделя была у нас холодной, гремело, сверкали молнии, а я был прикован к постели и родил двойню: два новых рассказика сразу. А еще десятком новелл я забеременел. Помилуй мя господи, я, не про Вас будь сказано, стал курицей, которая кудахчет... Где взять силы? Счастье, что со мной рядом Беркович, я ему диктую, а он записывает. Диктовать — сущее удовольствие. Можно диктовать, будучи больным, лежа в постели. Плохо

то, что домашние долго своевольничать не дают. А врач утверждает, что для здоровья лучше аппетитно поесть, чем диктовать. Бабьи сказки! Что Вы скажете об этом мудреце? Будьте здоровы и пишите мне иногда. Это послужит исцелением для Вашего больного — здорового внука.

Шолом-Алейхем.

55

СЫНУ МИШЕ *

(Нерви) 10—23/I 1909.

Дорогой Миша!

По правде говоря, мне твои оба письма не нравятся. В первом письме ты излагаешь какую-то скептическую чайльд-гарольдовскую философию безысходности. В сегодняшнем письме ты подводишь итог своим занятиям за минувшие годы и приходишь к выводу, что до золотой медали тебе не дотянуться. Разве дело в медали? И разве медалисты имеют гарантию, а немедалисты разве непременно останутся вне стен университета? Речь идет о том, что ты должен стараться получить как можно больше пятерок и ни одной двойки. Об университете пока забудь. Думай только об аттестате, причем о хорошем аттестате, вот тебе и вся философия. Что же касается разочарования — плюнь на него, не читай современных идиотов, читай лучше классиков. Весь поток современного литературного декаданса (в особенности российского) очень скоро минет! Жаль, что ты не прислал мне копию твоего перевода прежде, чем отнес в редакцию. Но раз отнес, то — пропало. Я просил тебя достать «Киевскую мысль» и непременно прислать мне. От Наташи и от М. С.* мы почти ежедневно получаем письма из Ниццы.

Твой па[па].

56

А. Л. ПРИЦКЕРУ ДЛЯ Н. Е. МАЗОР

4.II.1909.

Дорогие Моисей Савельевич и Наталья Евсеевна!

Вы, стало быть, объездили мир. Были в Париже, теперь вы в Берлине. Я особенно рад, что Наташа

в конце концов увидела мой Париж *, которым я так горжусь. Надеюсь, Моисей Савельевич, что тебе показали там все, начиная от Лувра и кончая Гранд-опера. А бульвар? А кафе по вечерам? Ах, Наташа, Наташа! Как жалко выглядит теперь Киев после блестящего Парижа и после чистенького Берлина! И все-таки, если бы мне предложили выбрать один из этих трех городов, я остановился бы только на Киеве, хотя он и не так благоухает, и не так благоустроен. И чем чаще я слышу, что мне придется оставаться здесь не один сезон и не один год, тем больше меня тянет туда, *домой*... До сегодняшнего дня я себя чувствовал превосходно, много гулял по взморью и еще больше писал. Сегодня же подскочила температура, но это — мелочь. Кашляю гораздо меньше. Аппетит есть. В весе я прибыл. Чего же еще нужно? Погода у нас — просто очарование. Запахло маем. Вчера я написал вам в Киев, писал и по поводу «первофевральской» лжи в виленской «Идишер цайтунг» о моем юбилее в Филадельфии. Это еще остается загадкой и по сей день. Кончаю мое письмо приветом многоуважаемой Анне Львовне и желаю вам и ей всего наилучшего.

Ваш *Соломон Рабинович.*

57

Н. Е. МАЗОР

(Нерви) 24.2.09.

Дорогая Н. Е.!

Мы теперь переживаем здесь какое-то подобие зимы. Вчера ночью температура была 10° (ниже нуля. Днем — 5°). Кутаемся теперь в перины и т. д. Видимо, русские снежные завирухи сказались и на нашей атмосфере. Тем не менее завтра у нас может быть очень жарко, вот ведь, к примеру, вчера днем на солнце было больше 25° тепла.

Вчера и сегодня мы получили из Варшавы два письма, которые я отсылаю вам. Для того чтобы вы их поняли, мне нужно рассказать вам все детали. Как вы знаете, с главным издателем, с Лидским, уже уладили (он издал два юбилейных тома по 1 рублю и около 30 небольших брошюр, которые расходятся очень хорошо). Ему уплатили 2700 рублей за все права на 75 печатных листов за 1000 экземпляров этих двух томов. Эти самые экземпляры и брошюры упакованы и

ждут дальнейших результатов переговоров с другими двумя издателями. Один из них («Тушия») уже сдался. С ним уладили на прошлой неделе. У него отобрали первые, уже давно изданные, четыре тома и все права. Сколько комитет уплатил этому «Тушия», мне не пишут. Таким образом, комитет имеет в своем распоряжении 6 томов и около 30 брошюр, то есть не считая книг, матриц-стереотипов; все, стало быть, было бы очень хорошо, не будь здесь небольшой беды. Беда такая: дело с обоими издателями будет считаться улаженным при условии, что и третий издатель (Крынский) * отступится от своих прав, которые он получил в качестве компаньона на 20 листов прозы (небольшими брошюрками) и 10 листов драматических произведений. И вот, представьте себе, что именно Крынский — это такой орешек, который не дает себя раскусить. Вы это увидите из писем доктора Левина и Динезона, посылаемых мною. А почему он не сдается — вполне понятно. Я знаю, к примеру, наверняка, что одна брошюрка «Дядя Пиня», выдержавшая много изданий, дала ему не меньше 3—4 тысяч. Кроме этой брошюры, он издал еще 20 брошюр, из которых иные выдержали 3—4 и 5 изданий. Итого они, по моим подсчетам, за 4 года дали ему 12—15 тысяч прибыли, часть которой должна принадлежать автору. В действительности же автор по сей день не только не получил ни одного сантима из прибыли, но даже гонорар и тот ему еще не весь выплачен (по договору я ему уступил на 20 лет право издавать 20 листов прозы с гонораром по 20 рублей за лист и 10 листов драматических произведений — по 40 рублей за лист, кроме того, я получаю первые 10 лет по 10%, а вторые 10 лет — 25% прибыли). Целых три года я требовал у него гонорар с процентами, но он мне ни разу не ответил. Теперь он представил комитету отчет, по которому он якобы заработал всего-навсего 5200 рублей, причем он считает, что чистой прибыли тут только 50%, то есть 2600 рублей, из которых, по его признанию, мне причитается 260 рублей, а кроме того, еще рублей сто гонорара. Но не в этом дело. Несчастье в том, что он не хочет расстаться с изданием. Он требует много тысяч отступного; комитет, по-видимому, растерялся, потому что с этим господином связано все дело по выкупу моих произведений. Это вам — раз. Во-вторых, вот уже два месяца, как продажа книг и брошюр по

нашей вине почти полностью остановилась. Мы упускаем золотое время! Но... Тут идет хорошее «но». В моем контракте с этим самым господином (этот контракт мой где-то в пути среди бумаг, следующих из Варшавы в Нерви уже больше месяца) имеется среди прочих и такой пунктик, который гласит: «Если автор продает полное собрание своих сочинений, он, Крынский, обязан уступить по той же цене и его 30 листов, и все права» и т. д. Таким образом, я могу продать полное собрание вам или комитету, третьему, четвертому, скажем, по цене в 10—15 рублей за лист и за какие-нибудь три-четыре сотни рублей ликвидировать с ним все дело. Останется только выкупить у него остаток экземпляров согласно оценке или по взаимной договоренности, а также и стереотипы. Так что мы его аппетит немного умерим. Остается один вопрос: как это провести? Пока я об этом пункте написал комитету. Но ведь комитет — это всего только комитет. Если бы я уже был вполне здоров, Ольга съездила бы сама в Варшаву. Необходимо послать ему нотариальное извещение, во-первых, о расторжении контракта за невыполнение элементарных условий общества. Во-вторых, о продаже полного собрания и т. д. (как сказано выше). Жаль, что Варшава так далеко от Киева. Иначе Наташа могла бы много помочь, и вы, Моисей Савельевич, тоже не отказались бы помочь комитету своим добрым советом. Если даже передать это дело третейскому суду, то некому выступить за меня. А хуже всего, что этот субъект тормозит выкуп, а также распродажу книг. Не могу выразить, сколько волнений и страданий я испытываю от всего этого. За последние 8—10 лет люди заработали на моих произведениях десятки, да, десятки тысяч рублей, а я получил всего-навсего жалких несколько сот рублей!!! К тому же я преступно отнял у моих детей единственное достояние, которое может остаться после меня... Все это сделала нужда, державшая меня, словно железный обруч, все эти годы моей неудачливой жизни... Простите, дорогая, что я вторгся к вам с моими «гешефтами». Хотелось излить душу, и все. Письма, которые я при этом посылаю, прошу вас сохранить. Обнимаю вас и целую ваших детей.

Ваш *Соломон.*

58
МЕНДЕЛЕ МОЙХЕР-СФОРИМУ

Нерви, 20 февраля — 5 марта 1909.

Моему милому и дорогому Дедушке реб Менделе Мойхер-Сфориму, да сияет светоч его.

Из всех благословений и подарков, которых я удостоился на моем литературном празднестве, этот подарок несомненно самый лучший; я имею в виду машинку, на которой я выстукиваю, Дедушка, мое первое Вам машинное письмо. Врачи мне категорически запретили писать, иное дело — машинка. Сидишь, понимаете ли, удобно расположившись, как король за пасхальной трапезой *, и постукиваешь. Истинное, говорю Вам, наслаждение!

Словом, как же Вы поживаете? Главное, как ваше здоровье? Я, благословен господь, как говорят в Америке,— ол райт! Главное, что от смертельной опасности я, слава богу, ушел. Подумываем уже о чем-нибудь послекурортном, то есть, когда лето здесь закончится,— примерно в мае,— уехать искать другое (несколько более прохладное) лето, где-нибудь в Швейцарии или даже в нашей России, быть может, в лесу и, возможно, где-нибудь неподалеку от Вашей Одессы — все это зависит не от меня, а от врачей. Во всяком случае, в Америку уже не так скоро. Ну, а раз не в Америку, значит, есть какая-то надежда, что мы с Вами, бог даст, свидимся. Скорее бы, с радостью в сердце, да обновятся наши дни, как в былые времена... Если Вам не лень, Дедушка, напишите когда-нибудь письмо. Не ищите себе оправдания в том, что раз у Вас нет машинки, то Вы свободны от писания писем. Наоборот, Ваше письмо имеет наибольшую ценность именно потому, что оно написано Вашей рукой. Пропади все машинки, кроме моей, за одно Ваше собственноручное письмо с Вашим редкостным очаровательным жемчужным почерком.

Ну, будьте здоровы вместе со всеми, всеми Вашими! Ваш внук

Шолом-Алейхем.

Моя жена просит передать Вам привет, написанный моей рукой, а не на машинке. Она не в восторге от нее. Она утверждает, что машинка — это тело без

души. Если я когда-нибудь, говорит она, уеду и стану писать ей письмо, чтоб я не смел писать его на машинке. Она отошлет мне его назад. Так она говорит. Посмотрим!

Ваш *Шолом-Алейхем.*

59

ЕМУ ЖЕ

Нерви, 11 марта 1909.

Здравствуйте, Дедушка, с праздником, пусть всегда будет у нас праздник!

Хорошо, прекрасно, когда получаешь письмо и немедленно садишься за стол, чтобы ответить. Я стал удивительным еретиком. Вы помните? Вы меня когда-то прозвали «торопыгой» *. Нынче, с божьей помощью, я стал хуже всякого торопыги, остро чувствую, что каждая прожитая минута — дар божий и потому необходимо немедленно ею воспользоваться. Знаю, что чувство это из глупейших, но ничего не могу с собой поделать. И если подумать, то это даже хорошо: от подаренной минуты получаешь больше удовольствия, чем от минуты своей. Однако в этом есть что-то недоброе: кажется, что минуты зря проходят; жаль подаренных минут... Короче, Вы спрашиваете, как я поживаю? Хвораю, слава всевышнему, крепко хвораю. Пью всякую дрянь (словечко позаимствовано у Бен-Ами) и делаю вид, будто верю врачам, что так следует себя вести. Счастье, однако, в надежде, будто завтра станет легче. Но приходит завтра, и опять хвораю: сильно кашляю, голова трещит от боли, одним словом, великолепно; глотаю пилюли, от которых так тошнит, как от полемики Аша с его товарищами...* Но зато здесь море, оно само исцеление от всех болячек. А местный воздух — истинный рай. Жаль, что, по мнению врачей, я сумею здесь пробыть еще только две-три недели, а затем они меня отправят в Тироль, Швейцарию или Германию. Вы об этом будете знать первым. Ваш ответ не откладывайте в долгий ящик.

Ваш внук *Шолом-Алейхем.*

А Равницкий и Бялик, не долго думая, решили — ша! Вот уже скоро полгода!

60

Я. ДИНЕЗОНУ

Нерви, 27 марта 1909.

Дорогой, хороший, милый Яков Динезон!

Узнали Вы бумагу? Это — Ваша. Имеется, слава богу, и в Италии бумага. Но бумага Динезона совсем не то. Есть и чай в Италии. За деньги можно достать все. Но чай Динезона имеет совсем другой вкус. Мы уже вчера пили чай Динезона за столом со всеми детьми. Маленькая Тамара тоже была. Она не знает дядю Динезона. Но скоро узнает, что где-то, в каком-то городе Варшаве, на Дзельной улице, живет маленький, худенький, бледненький, с маленькими, но чистыми ручками, с маленькой седоватой бородкой,— была когда-то рыжеватой,— с хорошими, всегда улыбающимися, даже когда он плачет, глазами, всегда тщательно одетый; маленькие сапожки блестят, папироски курит собственные, своими маленькими пальчиками свернутые, чай пьет собственный, им самим в своем чайничке заваренный, и всегда на одном и том же стуле сидит он за столом, где всегда лежат в необычайном порядке скрытые чужие тайны, чужие беды, чужие воли, которым он отдал большую часть своего необыкновенного большого сердца,— и звать этого самого доброго дядю: дядя Динезон... Из этого Вы должны понять, что у нас теперь гость,— вы знаете, конечно, кто этот гость. Если я Вам, к примеру, выскажу сотую долю того, что питает к Вам мое сердце, то знаю, это было бы большой профанацией. Если мне будет суждено прожить несколькими годами больше, чем я полагал, я смогу не колеблясь сказать, что в этом Вы повинны, Вы и все остальные друзья, сделавшие столько, чтобы осуществить Вашу идею «выкупа пленных» *. Мое выражение благодарности Вам отложу до поры моего пребывания в Варшаве в полном здоровье. А пока хочу передать Вам привет и братский поцелуй от меня и от всех моих — и тех, кого знаете, и тех, кого еще не знаете.

Ваш *Шолом-Алейхем.*

61

МЕНДЕЛЕ МОЙХЕР-СФОРИМУ

Блазьен (Шварцвальд), 7/20.VII. 1909.

Здравствуйте, дорогой мой Дедушка!

Тот, кто почитает старших, не станет сводить с дедом счеты — ты мне писал, я тебе писал... Когда доживу до Ваших лет (что-то не верится!), я от своих внуков тоже буду требовать, чтобы они мне уступали. Я увлекся, как видите, вопросами, касающимися Вас, а пишу Вам, как поживаю я. Слава богу. Вначале, когда я из Италии прибыл в Швейцарию, поживал я не весьма хорошо. То есть совсем-совсем нехорошо. Ха-ха, мне повредила Швейцария! Не смешно ли? И меня переправили сюда, тут я начинаю выздоравливать, и по-настоящему. Послушайте только: я уже купаюсь в холодной воде, как и Вы, ежедневно. Так немцы лечат легочных больных. Они полагают, что это новинка. Не знают (ослы!), что Дедушка Менделе лечится этим способом вот уже лет 40. Словом, все в порядке. И аппетит уже появился. И температура — так, пустяки, а кашлять — ни-ни! Пусть наши враги кашляют, если им хочется. А ходим мы здесь потихонечку и понемножечку, но уже в гору без палки. Все дело только в том, что они не говорят, сколько времени еще придется здесь пробыть и когда уже можно будет уехать домой, я имею в виду именно домой, пусть в Одессу, пусть в Варшаву, только бы перестать заниматься легкими и печенью, желудком и нервами,— тьфу, осточертело! Но должно быть, нет, не так скоро. На зиму они посылают меня еще выше. На какую-то гору в 2000 саженей высотой. К чему это? Подите спросите их. Словом, Вы уже все знаете. А теперь послушаем Вас. Как Вы поживаете? Вы поселились на лето под Вильно. Неплохо. Я там был. Конечно, с Женевой не сравнить, но это лучше, чем жариться на камнях в Одессе. Привет Вам от меня, моей жены, моих детей. А я просил, чтобы спекторскую «Найе велт» * высылали Вам в Одессу. Я не знал, что Вы теперь виленский житель...

Ваш очень любящий внук

Шолом-Алейхем.

62

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ДИ НАЙЕ ВЕЛТ»

Лугано, отель «Регина», 10 сентября 1909.

Многоуважаемые друзья Спектор, Загородский, Милштейн! *

По словам моей жены, вы ждете от меня непременно романа и считаете, что он необходим для дела. Так знайте же, что в интересах вашей газеты и в интересах дорогой нам литературы я готов исполнить ваше желание. Пора, право, произвести дезинфекцию в литературе, чтобы лицо не пылало от стыда из-за того, что мы дожили до пресловутого американского вкуса, из-за бульварщины, которую мы с таким трудом выкурили во время оно, двадцать лет назад. Я и сам ощущал потребность написать еще один роман после «Стемпеню» и «Иоселе-соловья» и тем закончить свою трилогию, как обещал когда-то (если не ошибаюсь, во вступлении к роману «Иоселе-соловей»). Там я говорил, что мой третий «герой» будет уже не свадебным музыкантом и не кантором, а чем-то больше, человеком более тонкой души — артистом или художником. За истекшие двадцать два года обстоятельства, естественно, сильно изменились. Возникли новые идеи. Появились новые кумиры. Народились новые типы. Короче, я нисколько не раскаиваюсь в том, что не поторопился с третьим романом. Было бы куда лучше, если бы и те романы я написал теперь, а не тогда, они выглядели бы совсем по-иному. Ничего удивительного, что мой новый роман * резко отличается по своему построению от тех двух. Я вовсе не собираюсь приспосабливаться ко вкусам улицы, лишь бы сделать его интересным и увлекательным. Но по самому существу своему это увлекательная история, роман, полный поэзии, а также жизни, действия и, само собой, всевозможных картин и образов,— все в юмористическом плане, иначе я уже не умею, если бы даже и захотел стать плакальщицей. Я собираюсь осветить в своем произведении жизнь определенного круга в России, а затем в Америке. Фундамент моей постройки в нашей стране, а завершение свое она найдет в Америке — там происходит развязка. Пишу вам обо всем этом весьма приблизительно. Пока еще не могу дать вам ни названия романа, ни конспекта его содержания, но, во всяком случае, вы о нем уже знаете и

можете даже выпустить первую ласточку (анонс!), но с толком. И всевышний, который дал мне силы до сих пор писать лежа и полулежа, с трудом и мучениями, и впредь меня не оставит, ибо писание — это единственное мое лечение, без него я бы давно уже очутился... ого-го!.. Да будет вам известно, дорогие друзья мои, я надеюсь — и очень хочу этого,— что мой роман сделает эпоху в нашей литературе и вместе с тем побьет рекорд в привлечении широкой публики. И пусть нашими руками исполнится завет: «Искорени зло в себе», и без ругани, болтовни и пустой полемики, а мирно, на самый благородный манер, чтобы читатель и смеялся, и наслаждался, и хотел бы знать, что будет дальше. Аминь.

Ваш покорный слуга
Шолом-Алейхем.

63

Н. ЗАБЛУДОВСКОМУ *

Санаторий ст. Блазьен, Шварцвальд
12 сентября 1909.

Добрый, добрый друг, Нойах Заблудовский! Благословен воскрешающий мертвых,— Вы, благодарение господу, живы! Откиньте прочь меланхолию, мрачность духа не к лицу хасиду из наших хасидов...

Хотите сделать богоугодное дело? Так и быть. Почему бы нет? И вот Вам тут же исполнение Вашего желания: как я понимаю, Вы едете просто так, пускаетесь в прогулку удовольствия ради, в путешествие по «черте». Очень хорошо. Вы можете быть полезны и себе, и мне, и литературе вообще. Любопытствуете, каким образом?

Поскольку Вы знаете, я теперь вроде путешественника, коммивояжера * по всем местам, где обретаются евреи (смотри «Найе велт»). Так вот, быть может, Вы смогли бы проделать следующее: прислали бы мне материал (сырье) из Гомеля, из Витебска, из Белостока,— откуда хотите, но такой материал, который мог бы послужить мне для моих «Железнодорожных рассказов». Тут должны быть типы, встречи, события, происшествия, злоключения, удачи, разные случаи, любовные истории, свадьбы, разводы, вещие сны, банкротства, празднества,— упаси боже, похороны,— одним

словом, все, что видите и слышите, или видели и слышали, или услышите в пути, в гостинице, где хотите. Одно только хочу подчеркнуть: никаких вымыслов, только факты и факты! Жизнь богата фактами, полна курьезов, кругом множество несчастий, море слез, которым, пройдя через мою призму, не миновать обернуться смехом, они станут яствами в моем вкусе... Возьмите, к примеру, рассказ номер шесть — «Могилы предков». Это подлинная трагедия, материалу в нем для модернистского романа на полгода. И все же как он короток, как безыскусствен! Словом, Вы должны меня понять. Само собой разумеется, Вашего имени я не назову, а покажу Вас только в такой роли, как, например, в рассказе номер восемь «Чудо в седьмой день кущей» (выйдет к празднику кущей). Там у меня изображена встреча с гайсинским купцом. А Ваши рассказы будут у меня воспроизведены в виде новой встречи с другом, инкассатором Нойахом Элькесом, или подберите себе сами какое хотите имя. Понимаете? Я, Шолом-Алейхем, коммивояжер, встречаюсь в поезде с Вами, инкассатором, и Вы мне рассказываете историю за историей.

Не старайтесь писать так, чтобы уже было готово к печати. Только разборчиво и на одной стороне листа.

И еще одно: названия городов и имена людей должны быть подлинными. Я их сам уже переиначу там, где надо. Пойдет дело или нет? Ответьте.

Как прежде, Ваш

Шолом-Алейхем.

64

Д. ФРИШМАНУ

Нерви, 19 апреля 1910.

Друг мой!

Из письма Берковича я понял, что мою русскую книгу * Вы еще не получили. Больше месяца тому назад я распорядился, чтобы ее выслали Вам из Москвы. Сегодня я моим издателям крепко натер морду... Ваш ответ на это письмо я рассчитываю получить между первыми и вторыми днями праздника (какого? пасхи или кущей?). В Варшаве живет моя дочь, Тисей, или Эрнестиной, ее зовут. Она же имеет дочь (по законам природы дочь имеет дочь, а эта дочь потом тоже

будет иметь дочь — и так до конца всех поколений). Зовут ее дочь, дочь Эрнестины, имею я в виду, Тамарой. Люблю я дочь Эрнестины, которую зовут Тамарой, так как люблю мать этой дочери, которую зовут Эрнестиной. Она, мать дочери, т. е. моя дочь, которую зовут Эрнестиной, в пятницу, в шестой день (пасхи, а не кущей!), 16/29 апреля,— именинница. И именно потому, что я очень-очень не ненавижу ни мать дочери, ни дочь дочери, ни даже мужа матери дочери, ни отца дочки дочери — короче, Вы же видите, нитки кончились. Привет вашей супруге.

Шолом-Алейхем.

P. S. Ровным счетом ничего.

65

ЕМУ ЖЕ

Нерви, вилла «Розенгартен»
22 ноября 1910.

Мой дорогой Фришман!

У берегов светло-серого Средиземного моря, под куполом синего неба, красными чернилами пишу я Вам в ответ на Ваше милое письмо, которое меня обрадовало. Слава всевышнему — Вы живы. Доказательство: Вы еще в состоянии иногда написать письмо.

Вы требуете от меня: «не вспоминайте о предыдущих письмах». Согласен. Ни звука более о них. Честное слово!

Смерть Левинского? Не говорите, горе, горе, которое не так скоро забудется. Он собирался ко мне (как и Вы, Вам назло — Вам на долгие годы) в Баденвейль, но отправился он совсем неведомо куда-то ввысь, в потусторонний мир — туда, где мы, я и Вы, когда-нибудь встретимся. Ну, и смеяться же мы тогда будем, до коликов в животе, вглядываясь в мир, который внизу, в этот глупый мирок идиотов, дурней, дикарей, зазнаек, нищих, невежд, эгоистов, лгунов, свистунов, деляг, так сказать, врачей, царей, заносчивых дам — ха-ха! Уже заранее смеюсь, честное слово!..

Хорошо, что Вы напомнили мне о смерти. Я и сам иногда об этом думаю. Иногда ночью, когда не спится. А иногда и днем. Ибо стоит вообразить мир с его пустыми людишками, как непременно приходит на ум мысль о смерти. Вот Вам ассоциация идей. А с тех

пор, как Реб Корев * сыграл эту шутку, я все чаще возвращаюсь к мысли о том свете. На днях я... но дайте поговорим о более веселых делах.

Привет Вашей супруге. Скажите ей, чтобы она не мешала Вам писать мне письма. Так повелевает

Шолом-Алейхем.

66

М. КАМИОНСКОМУ

10/23 VI.11.

Мир тебе, друг мой М. И. Камионский *, мир!

Что с тобой приключилось, друг мой? Кто сказал тебе, будто я освобожден от элементарного нравственного правила — отвечать на письма и т. п.? Напротив, мой принцип всем известен: отвечать каждому, тем более такому другу, как ты, который по отношению ко мне вел себя во все дни моего проживания в Киеве как родной брат и товарищ. Своим письмом ты меня очень обрадовал, хотя о себе ты ничего не рассказываешь. Как поживаешь и чем ты занят? Как поживает твоя семья? Читал твои сочинения и получил истинное удовольствие от чистоты слога. Почему ты скрыл свое мнение о домашней Библии, нуждается ли она в транскрипции на языках идиш и иврит? Ты же переводчик не с чужого для тебя языка, перо у тебя хорошее, и читатель тебя знает. Лишняя скромность — это тщеславие. Если увидишь нашего друга — поэта Иегалела, передай ему привет от меня.

Будь здоров и ты, и твоя семья, как того желает тебе твой друг, который сейчас, как и всегда, высоко ценит тебя.

Шолом-Алейхем.

67

МЕНДЕЛЕ МОЙХЕР-СФОРИМУ

Монтре (Швейцария), Гранд Ри, 93
15 октября 1911.

Уже несколько дней, Дедушка, собираюсь написать Вам и все откладываю со дня на день. Во-первых, потому, что я не могу решиться вдруг обратиться к Вам с просьбой. Я никогда, кажется, не обращался к Вам с просьбой. И во-вторых, я болен не моей бо-

лезнью, благодарение господу, но от волнения. Это называется — я нервен. И изводит меня одна глупость, но так сильно, что ни за какое дело взяться не могу. Даже писать не могу, а это мне внове, как пьянчуге, простите за сравнение, которому вдруг опостылела водка, это — дурная примета. Но давайте-ка перейдем к «бизнесам».

У Вас в Одессе кому-то вздумалось издавать еврейский листок. Ну что ж, пусть листок, кого это трогает? Так нет же, захотелось ему этот листок назвать не иначе, как «Шолом алейхем» *. Услышав об этом, я тотчас же написал Равницкому и самому редактору и получил от них обоих письма, которые еще больше меня взволновали. Редактор позволяет себе насмешки. Он говорит, что лишь после того, как принял решение издать листок под названием «Шолом алейхем», он вспомнил, что существует писатель Шолом-Алейхем... Ну и совпадение, что и говорить! Излагать Вам мотивы, по которым я не могу мириться с этим, считаю излишним, Вы сами хорошо все понимаете. Но вижу, что все мои старания ни к чему не приведут, пока Вы, и только Вы, не окажетесь так добры и не придете мне на помощь. Вам нужно только позвать к себе этого редактора, его зовут Янкелевич. Его адрес: Пушкинская, 57. Подарите мне десять минут и переговорите с ним, я уверен — все будет сделано. Клянусь Вам всем святым, я так пришиблен этим пустяком, что не знаю, как мне быть! Прошу Вас, сделайте это ради меня. Ваше слово подействует лучше всяких переписок.

С любовью, Ваш внук
Шолом-Алейхем.

68
ГОСП. КАМИОНСКОМУ, В КИЕВ

Нерви. 27.2.1912.

Друг мой!

Ты меня обрадовал своими милыми словами. Они свидетельствуют о том, что я сею семена не на совсем каменистую почву. Если найдется один, как ты, мой дорогой, из тысячи один в каждом городе, то это для меня вполне достаточно. Сие и есть плата за мой труд. Но что говорит простой читатель, скажем, еврейская читающая публика в твоем городе? Читатель типа «уважа-

емый», читает ли он мои произведения после того, как вдоволь в годы оные напичкался «Дамой в вуали»? * И не отдает ли он еще до сих пор предпочтение «Даме в вуали», нежели моим рассказам? Сам свет еще недостаточен, нужно, чтоб он прогнал тьму. Если ты мне по сему поводу напишешь, то я вечно буду тебе благодарен. Хотя я в Нерви, но здоровье мое улучшается с каждым днем. Через неделю возвращусь домой в Кларан, Рю-ди-Ляк, 15.

Остаюсь твоим с любовью.

Шолом-Алейхем.

69

Д-РУ ЭЛЬЯШЕВУ

(Кларан) 28 июля 1912.

Любезному доктору Эльяшеву, псевдоним которого «Баал-Махшовес»! *

На сей раз Вы так подписались, посему и я к Вам так обращаюсь.

«Еврейский твой народ нуждается в заработке» *. Потому, говорите Вы, нет никакой беды в том, что *писатель*, к тому же *еврейский*, наполняет свой роман старыми газетными статьями * и т. п.

Поначалу меня это сильно задело, мне захотелось смеяться, смеяться так громко, чтобы смех мой дошел до Вас в Гейдельберг. Затем я решил воздержаться. Ведь это говорит не ***, который мне однажды сказал, что писатель пишет лишь ради заработка, а европейски образованный, умный Баал-Махшовес. Он утверждает почти то же самое, но в более циничной форме. Как же не смеяться? Как можно удержаться от смеха? Вы попали пальцем в небо! Друже Баал-Махшовес! Не только теперь, когда я независим от «Хайнта» и могу, слава богу, прожить за счет своих произведений, которые расходятся в десятках тысяч экземпляров, но даже в трудные годы, когда я находился в безысходной нищете, искал ссуду для уплаты за «правоучение» детей в гимназии, что было связано с моим «правожительством» и существованием,— даже тогда я не способен был подсовывать редактору «старые газетные статьи» ради заработка. Роману, который я сейчас пишу, я отдаю всю силу своего умения, свою кровь и мозг; роман этот полируется и шлифуется, многократно переписы-

вается, не менее шести раз переписывается каждая глава (чаще — десять раз). Единственное оправдание Вашему письму (я его сохраню на память, авось иногда опубликуют наши письма, когда мы оба будем уже лежать в сырой земле...) — это Ваше признание в том, что Вы мой роман не читали, а Ваше суждение основывается на слухах. Я не против критики. Вы прочтете роман и, быть может, скажете, что он никуда не годится. Но если Вы будете утверждать, будто он написан, исходя из девиза «еврейский народ нуждается в заработке», то вспомню *** и буду смеяться. Во-первых, буду смеяться потому, что это вздор. Убежден, что любой писатель, не только Шолом-Алейхем, но и менее одаренный, хочет дать самое лучшее. Во-вторых, буду смеяться потому, что наши критики никакого понятия не имеют о психологии писателя. Вы пишете в Вашем письме: «Это мое мнение, а Вы как считаете, маэстро?» Видимо, Вы ожидали от меня: «Ну, конечно же, что еврей не делает ради заработка?» И по-Вашему — это было бы «в порядке вещей». Вот что меня смешит! А о «слухе» по поводу протокольных статей — я догадываюсь, кто мог быть его источником. Но о нем помолчу, мне хочется только смеяться. «Источник!» Я его понимаю. Он мне, разумеется, друг и хотел бы, чтобы Шолом-Алейхем перестал быть Шолом-Алейхемом. Глупцы! Идиоты! Они не понимают, эти добрые мои друзья, что Шолом-Алейхем только теперь засучил рукава и начинает быть Шолом-Алейхемом. Но хватит о Шолом-Алейхеме. Что у Вас хорошего? Ваше-то здоровье каково? Не собираетесь ли Вы в Швейцарию? Я на этой неделе хочу посетить Бернер-Оберлянд: Берн, Шпиц, Тун, Беатенберг и т. д. Авось встретимся где-нибудь? Потолкуем, только не о «заработке»?..

Ваш *Шолом-Алейхем.*

70

И. РОЗЕТУ

Лозанна, 18 октября 1912 г.

Мой добрый ангел!

Сразу приступим к делу. Мой старший сын Михаил Соломонович окончил Киевскую гимназию с медалью. Все же в университет «Святого Владимира» его не приняли.

Ныне с 21 сентября он числится студентом юридического факультета. Слава всевышнему!

Хорошо, не правда ли?

Не торопитесь. А где получить правожительство? Он им не обладает, и его могут исключить. Но Шолом-Алейхем не такой уже дурень, как Вы думаете. Он на чудо не надеется. Девятого или десятого октября я через банк отправил чек на 45 рублей и телеграмму следующего содержания: так как я (имеется в виду мой сын) принят, то отправил вам 45 рублей за правоучение.— И знай наших! Стало быть, хорошо! Но не торопитесь!

Отправил одно письмо, второе, одному дружку, другому, просил их зайти в канцелярию университета и узнать, как обстоят дела студента Михаила Соломоновича Рабиновича. Приняли? Не приняли? И еще хочу знать: парень заболел, может ли он сдать экзамены в мае? Прошла неделя, другая, а знакомые набрали воду в рот. Молчок! Дорогой Розет... Если Вы все еще мне друг, то прошу Вас надеть сюртук и глубокие калоши (не забудьте захватить стек) и зайти куда нужно и узнать... а узнав, немедленно телеграфировать,— одно слово: «порядок».

Ваш старый друг

Шолом-Алейхем.

P. S. Не забудьте, не дай бог, передать мои приветы всем вашим домочадцам.

71

И. Д. БЕРКОВИЧУ

Берн, 18 января 1913.

Мой дорогой сын! Через Эмму я из Лозанны отправил Тиси несколько слов, чтобы успокоить ее. Пусть не подумает, будто я болен. На самом деле нахожусь не в Лейзене и не в Лозанне, а в Берне, в клинике Лиденгофа, под наблюдением опытного и знаменитого профессора, со мной жена. Состояние мое плохое. Не приезжай я сюда, я бы умер, так как лейзенские врачи ничего не понимают... Я телеграфировал другу Нигеру, и он отыскал этого специалиста... Муки и боли, которые я ощущаю, не поддаются описанию. Все муки ада ничто по сравнению с теми, которые я претерпеваю. Большое

спасибо Нигеру, проф. Рейхсбергу, доктору Лифшицу и другим, кто навещает меня. Когда кончатся мои мучения, не знаю. Профессор меня успокаивает, говорит — скоро, но я не верю его обещаниям. Счел необходимым поставить тебя в известность, чтобы ты узнал это не от других. Главное — моя дочь. От нее ты должен скрыть содержание этого письма. Чем дольше, тем лучше. Вдруг еще придет облегчение. Пиши мне по вышеуказанному адресу. Тиси ничего не должна знать.

Остаюсь твоим отцом, который любит тебя.

Ш.

72

ЕМУ ЖЕ

Берн, 25 января 1913.

Мой дорогой сын!

Я все еще тяжело болен. От тебя ничего не поступило. Для преодоления своих горестей и мук пишу время от времени для «Пинкеса» * Нигера автобиографию, которую я начал, будучи в Нерви (помнишь?). А ты Нигеру не ответил, он очень сердится. Всю автобиографию я ему не дам, только первые три главы. А с остальными не знаю что делать. К кому мне обратиться и кому их послать? Может быть, оставить их в письменном столе, пусть публикуют после моей смерти?

Главы хорошо читаются, как хороший роман.

Твой отец *Шолом-Алейхем.*

73

И. КОТИКУ *

Берн, 28 I 13.

Вот мой теперешний адрес: Линденгоф, Организация Красного Креста для ухода за больными, Берн, частная больница № 82.

Очень дорогой мой Котик!

Вы хотите получить от меня письмо, потому что оно для вас, вы говорите, праздник. Иду вам навстречу, но у вас будет, боюсь, омраченный праздник: пишу из больницы, куда я приехал умирать. Но, представьте себе, не так скоро умирает Шолом-Алейхем. И вот уже несколько дней, как мне вдруг даже лучше стало, и я еще смогу, кажется, закончить свою автобиографию,

которую начал писать в 1908 году, когда заболел туберкулезом в Барановичах, если помните. От туберкулеза я излечился: народ меня у смерти отмолил. Что теперь будет — не знаю: пока не лучше. Я уже кое-как передвигаюсь, но муки мои еще не кончились. Все же — пишу и пишу. А главное — хочу описать всю историю моей жизни. Она представляет некоторый интерес для литературы, потому что в ней проходят все наши писатели со всей их литературой. Простите, много я сегодня писать не могу. В понедельник мне было совсем плохо. В женевской синагоге молились. Конечно, Женева не Каменец и не то богослужение; тем не менее и тут живут ервеи, женщины, девушки, студенты и просто еврейская молодежь, которые не хотят, чтобы я вдруг взял да помер, и это придает мне силы. Но в конце концов разве что-нибудь поможет? Мне немного жаль литературу и немного жаль детей. Мои дети еще молоды. Сам же я смеюсь над этим глупым миром, верьте слову!

Пишите письма, старичок, и заканчивайте ваши книги!

Ваш *Шолом-Алейхем.*

74

МЕНДЕЛЕ МОЙХЕР-СФОРИМУ

Линденгоф
Организация Красного Креста
для ухода за больными
Берн, частная больница № 82
Берн, 31.I.13.

Дедушка! Дедушка!

Сегодня такой день, что мне полегчало и хочется написать Вам несколько слов. Вы уже стороной узнали, что я очень, очень болен. Но меня обнадеживают, говорят, что я еще буду жить. Право, не так уж боюсь я смерти. Мне только жаль детей. Они меня странно любят. Моя Тиси *, к примеру, ничего ни о чем не подозревает. Я пишу ей в письмах разные глупости о Лозанне, а сам я в Берне, в клинике. Что со мной будет, не знаю. Но кажется, что у Смерти я выпросил отсрочку, и мы еще увидимся с Вами в Одессе, и, ой, смеяться же мы будем! Будьте здоровы и излейте душу перед моим Берковичем. Он мне — родное дитя. Я давно уже должен был написать Вам поздравление. Пусть Ваши

дети доставят Вам столько радости, сколько мои — мне. Дайте мне Вашу руку, Дедушка, и благословите меня!

Ваш первый внук *Шолом-Алейхем.*

75

И. Д. БЕРКОВИЧУ

Берн, 1 февраля 1913.

Сын мой, дорогой мой Беркович! Прошлой ночью я одной ногой уже был в могиле. Оставался один шаг между мной и смертью. Я много кричал и еще больше плакал, что не увижу Тиси перед смертью. Но вот пришел профессор, сделал все, что нужно, и мне стало немного легче. Сегодня днем он еще раз придет сделать мне подкожное впрыскивание, чтобы заглушить боль, пока природа будет делать свое. Но я не очень сильно верю в это... Может быть, я излечусь, а может быть, уйду в могилу. Очень страдаю при мысли, что не выживу и не увижусь со всеми вами. А вы, которые так привязаны ко мне, живите все. Вообще я не слишком огорчаюсь, что моя жизнь обрывается. Я достаточно жил, имел много почета при жизни да еще какое-то наследство после смерти оставляю моему народу, который я люблю великой любовью. Но эти юные агнцы, чем они согрешили? А агнцы еще очень юны! Тамара и Белла * меня уж совсем не будут помнить; даже Нума не достиг еще совершеннолетия. А моя жена, любимая всей душой,— увы! — что с ней будет? Сегодня консилиум решит, что делать. Приведенные в твоем письме случаи с различными людьми, пережившими такие же боли, вызвали у меня смех. Ведь я всю ночь буквально землю грыз, мои вопли доходили до неба. Передай привет моим друзьям: Бялику, Равницкому и всем нашим близким. Мне очень обидно, что нет возле меня никого, кому я мог бы диктовать мои последние слова. Человек так глуп, что откладывает со дня на день свое завещание. Доктора уверяют меня, что есть еще надежда. Поживем — увидим. Пока пиши мне каждый день.

Твой отец, пишущий тебе с омраченным духом, но при ясном разуме.

Ш.

76

ЕМУ ЖЕ

Берн, 4 февраля 1913.

Мой дорогой сын!

Я спал девять часов подряд. Боли утихли. Врача еще не было. Но чувствую, что опасность миновала, есть надежда, что я выздоровею. Маруся была делегирована, чтобы разузнать о состоянии моего здоровья. Теперь она возвращается в Лозанну. Будь здоров и пиши мне.

Любящий тебя отец

Шолом-Алейхем.

77

ЕМУ ЖЕ

Берн, 26 февраля 1913.

Мой дорогой любимый сын!

Я больше не пишу тебе по-древнееврейски — вдруг письмо попадет в руки Тиси. Я уже поднялся и буду сегодня гулять, и я уже снова стал человеком, и я уже громко смеюсь, и я уже снова надеюсь жить, и писать, и путешествовать, хотя лечиться мне еще, разумеется, надо. Но лечение можно продолжить дома, и моей радости нет предела, когда я вспоминаю, что всех вас увижу, и с Тамарой буду беседовать, и Беллу держать на руках, и с Тиси прогуливаться, и мои книги смогу читать, и даже бутылочку вина распить с добрыми друзьями, и публику, которая, кажется, немножко меня любит, приветствовать и смешить,— в общем, огромный мир передо мной открыт, а я ведь был на краю могилы, и повергнут в отчаяние, и почти готов распрощаться с солнцем, которое я так люблю, с небом, которое, я всегда думал, принадлежит мне, с землей, которая терпеливо носит меня, и с людьми, которых я почти всех считаю моими родными и близкими. Писать завещание * я пока раздумал, и это глупо. Целую вас, Тиси и Тамару.

Твой отец *Шол.*

78

БЕРКОВИЧАМ

Вена, 1 марта 1913.

Вчера мама сообщила вам приятную весть: проф. Цукерандель отменил операцию и освободил нас от кошмара. Об этом я телеграфировал Равницкому.

Мы отправляемся через Венецию, которую Беркович не возлюбил, в Нерви. Вы, конечно, представляете себе, как мы с мамой радуемся. В Швейцарии Кохер (тоже знаменитость) напугал нас своим диагнозом: операция, иначе — капут! (Этот кровожадный Кохер после двухминутной аудиенции даже назначил цену: 1000 франков. От самой аудиенции мне уже дурно стало!) Профессор Цукерандель прописал мне режим и окончательно отбросил всякую мысль об операции, советовал поехать в Нерви, чтобы отдохнуть и успокоить нервы. Едем на месяц. Можете писать на мое имя в Нерви, гостиница «Эден». Целую вас и прошу совсем успокоиться.

Па[*па*].

79

И. КОТИКУ

Венеция, 3.III 1913 г.

Дорогой друг!

Из прекраснейшего города мира пишу я Вам — из Венеции. Отсюда я уезжаю в Нерви по рекомендации венского профессора, который считает, что я почти выздоровел, но нуждаюсь только в закреплении здоровья, а это осуществимо только в Италии.

Вчера написал Вам несколько слов на визитной карточке о вдове Замощиной, в девичестве была Котик; она пришлет Вам рукописи, и я очень прошу Вас, если возможно, быть ей полезным. Мой адрес в Нерви: моя фамилия, гостиница «Эден». В самом деле рай!

Шолом-Алейхем.

80

ШРИРО *

6/IV 1913.

Мой друг Шриро!

Я обещал поговорить с вами о моей «Автобиографии». Дело обстоит так. Я давно уже хотел взяться за историю моей жизни. Кроме того, что она сама по себе занимательна, что она представляет собой роман о своеобразном Менахем-Мендле, который проделал путь из маленьких людей в большие, а из больших в

еще большие, потом сорвался вниз, затем снова возвысился, но уже в другом мире и с другими интересами; кроме того, что герой моей автобиографии повстречался с разного рода типами, купцами, большими, малыми и средней руки, и с миллионерами и был с ними знаком совсем, совсем близко. Кроме всего этого, на моих глазах (и вместе со мной) выросла целая литература, наша еврейская литература. Целое поколение сочинителей, целая галерея писателей, больших и малых, молодых и старых, всяческих мастей и различных талантов — и все это мои хорошие знакомые, а некоторые — мои добрые друзья. «Ваша биография — это история нашей литературы,— пишет мне один молодой критик из новых.— Ваш долг как можно скорее взяться за работу. Это будет если не лучшее, то необходимейшее и полезнейшее, а также удачнейшее из всего, что вы до сих пор писали». Теперь я взялся закончить то, что я уже давно начал, и мне кажется, что тот молодой критик, о котором я вам говорю, не ошибся. Боюсь, что это будет не только лучшая, но и единственная моя удачная книга.

А теперь начинается «история об истории», канитель на тему, «где печатать такую книгу». В ежедневной газете нет места для такого крупного произведения. Толстых ежемесячных журналов у нас еще нет. Издать это произведение в виде книги у моего всегдашнего издателя — мне жаль моего гонорара. Я ведь наказан богом согласно библейскому стиху: «И ты будешь жить мечом твоим» *.

Мой варшавский издатель обязан издавать только то, что ранее прошло в газете или журнале. То, что я получаю от журнала, это моя чистая прибыль. Книги — мой последующий доход. В данное время я веду переговоры с одним виленским предпринимателем, который предлагает сто рублей за печатный лист (в биографии будет от 25 до 30 листов), а я хочу 200 рублей за лист. И еще тут есть один недостаток: виленский предприниматель хочет печатать ее в своем ежемесячном издании «Ди идише велт» 1 лист в месяц, это значит — ни много ни мало — растянуть печатание на 2 или $2^1/_2$ года. Неудобно! Главное, чего я хочу,— чтобы биография была, поэтому надо ее закончить. Но так как я вынужден писать и другие вещи (очерки) для заработка (с пасхи в «Хайнте» начнут печататься письма Менахем-Мендла к его жене Шейне-Шейндл), то я буду каждый

день понемногу продолжать мою «биографию». Я называю ее здесь «биографией», а не «автобиографией», потому что избрал форму «биографии», то есть автор говорит с читателем о себе в третьем лице. Чтобы вы меня правильно поняли, посылаю вам отдельным пакетом первые несколько глав и прошу вас в свободный час дать себе труд просмотреть их, вдуматься и потом письмом высказать мне откровенно свое мнение: что вы думаете об этом? Не делаю ли я ошибки, придавая столько значения этой книге? Считаю вас лучшим критиком не потому, что вы критик, а потому, что у вас глубокий и широкий взгляд на мир и на людей. Жаль только, что книга пока не сможет дать мне того дохода, который мне причитается по справедливости. Нет у нас литературы, как у других людей. Нет у нас меценатов, как у других народов. Я буду, вероятно, мучиться, но кое-как доведу книгу до завершения и в конце концов все-таки издам ее сам в виде книги, как давно печатавшуюся вещь,— что поделаешь?

В том, что вы мне эти главы вернете, я убежден после того, как вы мне вернули «Блуждающие звезды». До вашего ответа на оба моих письма прощаюсь с вами и дружески целую.

Ваш благодарный друг

Шолом-Алейхем.

81

ЕМУ ЖЕ

Лозанна, 30/IV 1913.

Глубокоуважаемый и дорогой друг Шриро!

Ваше любезное письмо от 6/19 апреля было мне переслано сюда из Нерви,— мы уже снова в Лозанне. Соглашаюсь с вами в том, что моя автобиография должна была бы быть более литературной. Этим вы, вероятно, хотите сказать, что я должен уделять больше места литературе и меньше говорить о себе. Так оно и будет. Пока ведь это только начало, описание моего детства. Птичка только вылупилась из яйца,— это еще только, как пишут в книгах, «эмбрион». Дальше все будет расширяться и углубляться, откроются новые горизонты, число типов и картин будет умножаться, как песок на берегу морском, а вместе с тем будет выясняться и личность автора, сначала как человека, потом как писателя. Так постепенно дойдем мы до самой

сути дела — до еврейской литературы с ее пророками и лжепророками, с ее ценными творениями и с гнилыми. Но не один литературный мир будет здесь фигурировать. Перед читателем пройдут, как в кинематографе, целые картины из купеческой жизни; вся биржа с ее настоящими и воображаемыми Менахем-Мендлами, которую я наблюдал в Киеве (Егупце) с тех пор, как мне было 23 года, и до последнего времени. Развернется целая цепь движений нашей общественной жизни: хасиды, миснагды, ассимиляторы, националисты, ховвейцион *, сионисты, территориалисты, социалисты — все, что пережил я сам. Все это не выдуманные, а живые люди, которых я прекрасно знаю и вижу насквозь,— словом, это будет не моя биография, а история всего нашего еврейского мирка. Попутно же выяснится и моя фигура — как человека и писателя, и если я местами (как, например, когда речь идет о Шмулике) и делаю сокращения, то только с одним намерением: не задерживаться долго на одном месте, а безостановочно идти вперед к настоящей цели. Но я не хотел бы, чтобы вы показывали рукопись чужим людям и моим землякам — воронковцам. Я доверил ее лично вам, и никому больше, и ни одна живая душа не должна ее видеть, пока она не выйдет из печати.

А теперь о «деловой» стороне.

Я, конечно, с радостью принимаю ваше предложение. При моем теперешнем бюджете триста рублей в месяц — большой плюс. Но не будем говорить лишних слов. Не будете ли вы так добры распорядиться в конторе, чтобы ваш кассир каждое первое число переводил мне деньги по почте (или через банк). Пусть запишет у себя в книге мой адрес и пусть начнет высылать деньги с 1/14 мая с. г. и высылает их до 1/14 апреля будущего года. Потому что вы ведь еврей, заваленный делами, да еще, не в обиду вам сказано, рассеянный, если не такой рассеянный, как мой герой Шахне (см. в «Хайнте», в номере, вышедшем в канун пасхи, мой рассказ «Из-за шапки»), то, по крайней мере, как Шриро из Баку, который пишет письмо, потом засовывает его в карман и носит с собой три месяца. Я же, со своей стороны, буду потихоньку писать автобиографию и отсылать вам главу за главой, и через год, надеюсь, то есть к концу апреля 1914 года (а может быть, и раньше), книга будет закончена. Принимаю я, само собой разумеется, и все ваши условия за исключением

одного пункта, который может убить меня в смысле заработка. А именно: у меня с газетой «Хайнт» условие, по которому я не могу напечатать ни одной строки ни в одной варшавской газете, ни в одном журнале. В Вильне же я могу печататься в журнале (но не в газете) у того самого Клецкина, который предложил мне 100 рублей в месяц. Вы же пишете что-то о варшавских газетах «Момент» и «Фрайнд». Это совершенно невозможно. Яцкан * меня за это убьет, да и вас пристрелит.

Будьте добры, когда начнете вести переговоры с издателями, напишите им, пожалуйста, что вы купили у меня мою книгу — автобиографию — в качестве мецената, хотите издать ее через их посредство и т. п.

То же можете вы сделать и с американскими жуликами. Предупреждаю вас, впрочем, заранее, что с этим народом вам ничего сделать не удастся, а если и удастся, то вы потом сами не рады будете. Они напечатают вещь, а потом за один доллар продадут обоих нас, и вас и меня. Они могут, например, как-нибудь ввезти книгу в Россию и создать, таким образом, конкуренцию русскому изданию,— словом, они будут вам делать всевозможные неприятности и пакости, даже если вы будете о трех головах и заключите с ними десять контрактов (на их воровском жаргоне это называется «агримент»). Не забудьте, что и наши русские издатели имеют в Америке отделения и что тамошний рынок для нас открыт. Не стоит из-за нескольких сот долларов создавать конкуренцию самим себе и наживать себе кучу неприятностей.

Итак, я резюмирую все пункты: прежде всего надо попытаться выпустить книгу в виде приложения к «Хайнту»,— только не к «Моменту»,— или же издать ее отдельными выпусками. И после издания, скажем, у Яцкана в виде приложения, выпусками ли или отдельной книгой, у нас еще остается навсегда право издать потом книгу в издательстве «Централ». Должен вам сказать, что в «Централе» мои книги почти ежегодно выходят новым изданием,— иначе разве стали бы они платить мне пять-шесть тысяч в год? Надеюсь, вы будете добры известить меня своевременно о ходе ваших переговоров с издателями. Несмотря на то что я Менахем-Мендл, а вы — опытный делец и лучше знаете, что и как следует делать, чтобы получить побольше денег, я все же посоветую вам не пренебрегать

моими советами. И Менахем-Мендл может подать иногда хороший совет.

Надеюсь, что, прочтя следующие главы, вы измените свое мнение о субъективности биографии. Половину работы нельзя показывать не только глупому, но и умному человеку, а уж одно начало работы и подавно.

Кончаю наконец.

Остаюсь ваш Менахем-Мендл — тьфу! Я хотел сказать — ваш

Шолом-Алейхем.

82

М. БЕЙЛИСУ

Начало декабря 1913.

Любезный друг Менахем-Мендл Бейлис!

Я Вам до сих пор не писал, так как вокруг Вашего имени было слишком много шума. Что Ваша история мне, как и всем евреям, стоила много здоровья — Вы сами хорошо понимаете. А что ее исход меня радовал, об этом писать излишне.

А теперь примите мое поздравление. Дай бог, чтобы мир больше никогда не услышал ни единого слова клеветы на наш народ, чтобы на Вашей истории все это и закончилось...

Я отдал распоряжение своему издателю в Варшаве, чтобы Вам выслали мои книги — рассказы в шестнадцати томах, написанные на языке идиш. Буду рад, если Вы, после того как отдохнете, будете иногда заглядывать в них, забудете свои муки, будете смеяться, а быть может, и утирать слезу!..

Засим я бы Вам посоветовал (какой же я еврей, если не посоветую?), как Вам дальше жить, собраться ли в Америку и т. д. Однако я думаю, что советами Вы сыты. Поступайте так, как Ваш собственный разум Вам подсказывает. Кланяйтесь Вашей супруге и детям. Не уверен, знаете ли Вы меня. Я Ваш земляк, лет двадцать прожил в святом Киеве, а имя мое

Шолом-Алейхем.

83

ВНУЧКЕ ТАМАРЕ *

Лозанна, 10 января 1914.

Дорогая Тамара!

Получил твое письмо, и мне стало не по себе, я так давно тебе не писал. Все пишу и пишу книги, а тебе ни строчки! Но это не означает, что я тебя забыл, совсем наоборот, пишу и думаю: а что скажет Тамара, когда будет читать мои произведения? Значит, я не забыл, правда? Передай привет мадам Белле Кауфман, скажи ей, что она пишет, как курица на песке. Целую тебя и думаю: когда же наступит лето?

Твой папа

Шолом-Алейхем.

Забыл тебе сказать, что когда я был в Париже, то мне довелось увидеть девочку с обезьянкой. Было холодно, обе мерзли, обе дрожали и просили кусочек хлеба. Их было так жалко, что я чуть не заплакал.

Забыл рассказать тебе и о том, как на улицах Парижа кинематограф показывает комические картинки, от которых смеются до коликов в животе. Хоть один раз ты обязательно должна поехать со мной в Париж. Расцелуй за меня мамочку, и папочку, и Лялю, и Беллу, и Михаила.

84

ЯКОВУ П. АДЛЕРУ *

Лозанна, пансион «Гелиос», 20 января 1914.

Большому художнику и мастеру
еврейской сцены, мистеру
Джейкобу П. Адлеру. Нью-Йорк.

Несравненный мастер!

Посылаю Вам через моего друга Джайкоба Сапирштейна пьесу *, которую я переработал из ряда моих произведений, написанных за двадцать лет. Я над нею изрядно потрудился и вложил в нее большое содержание. Работая над главным героем, я все время имел в виду Вас, маэстро; только такой артист, как Вы, сумеет создать и представить его подлинный, живой образ, потому что только Вы почувствуете его душу.

Большой мастер сцены! В моей пьесе Вы не найдете тех эффектов, которыми пичкают уже столько лет еврейскую публику, посещающую еврейский театр. Ни душераздирающих слезливых сцен с мертвыми и живыми трупиками в детских кроватках, с безумными женщинами, с взлохмаченными девицами, кричащими, как в доме умалишенных, чем доводят до слез все Бауэри; нет и приторно-сладких, рассчитанных на национализм невежд, патриотических песенок, не стоящих никеля *, тогда как со зрителя дерут кводер; * нет и постояльцев, влюбляющих в себя распутных скромниц и стреляющихся на глазах у публики; нет и пошлых острот и щекотания кончиками пальцев под мышками — ради того же вожделенного кводера. Нет, не ищите всех этих штук — у меня Вы их не найдете. Зато Вы найдете еврея, отца пятерых дочерей — он простой человек, но цельный, честный, чистый, страдающий, который при всей своей трагичности смешит слушателя от начала до конца. Смешит не затем, чтобы осмеивать, а чтобы веселым смехом вызвать симпатии и сочувствие к его великим страданиям и малым горестям. Все четыре акта представляют собой четыре малых трагедии, а взятые вместе, они составляют одну долгую жизненную трагедию еврейской семьи. Я это так и назвал, не крикливо: «Семейные картины в 4 актах». Не комедия, не трагедия, хотя она носит в себе элементы обоих жанров. Пора уже, пора Вам, большой мастер, в осеннюю пору своей артистической карьеры выйти на сцену в представлении из подлинной еврейской повседневной жизни. Хорошенько вчитайтесь, вдумайтесь, и Вы увидите, что покажете чудеса, что именно в таком представлении без претензий, без пустых эффектов, без выжимания слез и без натужного смеха Вы покажете себя во всем своем подлинном размахе и создадите одну из лучших, любимейших ролей, где Вы будете привлекательным и любимым, будете вызывать и здоровый смех, и сочувственный вздох, и непринужденную тихую скрытую слезу. Хочу думать, что это станет Вашей коронной ролью на Вашем долгом артистическом пути прежде, чем Вы расстанетесь с вашей профессией, дай бог, чтобы это произошло не так скоро, аминь!

Один из Ваших горячих почитателей

Шолом-Алейхем.

P. S. При распределении ролей Вы роль Хавы, собирающейся принять христианство, будьте любезны передать миссис Адлер. Она проведет ее блестяще. Остальные роли — Вашим дочерям, которые, как я слышал, одарены от природы и от Вас по наследству. Короче, это Ваша фамильная пьеса.

Шолом-Алейхем.

85

Д. ПИНСКОМУ

Лозанна, 6 февраля 1914.

Глубокоуважаемый коллега и друг Довид Пинский!

На днях у меня гостил Х. Житловский *. В беседе с ним я ему рассказал о том, что написал пьесу и хотел бы ее отправить в Америку для еврейского театра, но не знаю, через кого. На это Житловский мне ответил, что в Нью-Йорке я имею искреннего друга, замечательного и честного, который мне очень предан.

— Как его зовут?

— Довид Пинский.

Сие предисловие, засим перехожу к бизнесу.

Мои друзья, почитатели и критики, люди знающие, пришли к выводу, что корона моего творчества — «Тевье-молочник» и семь рассказов о его дочерях. Они утверждают, будто «Тевье» — это особый мир. Я, разумеется, ничего сказать об этом не могу. Я знаю только одно, что в течение двадцати лет, на протяжении которых создавал историю Тевье, я чувствовал, что все мои симпатии на стороне этого простого и цельного человека. Жаль, сказали мне, что сей образ до сих пор не показан на сцене. Он и автора прославил бы, и стал бы грандиозной ролью для хорошего актера. Слова эти запали мне в душу, и в прошлом году, когда я читал рецензию на игру Шильдкраута * на еврейской сцене, мне сильно захотелось превратить «Тевье» в пьесу для великого Шильдкраута. Но пока я ее творил, я узнал о страшном провале великого артиста ввиду его действительной или мнимой хрипоты. Пьесу свою я забросил и глубоко запрятал в письменный стол. Однако этой зимой я вновь взялся за «Тевье», вспомнив, что в Америке имеется великий художник мистер Джейкоб Адлер, хотя и трудный на подъем человек, но артист он прекрасный. И узрел я, что «Тевье» создан

только ради него. Итак, засел я и переписал всю пьесу — один раз и еще раз, еще и еще, как это мне свойственно, и вещица готова. Писал я кой-кому письма, запрашивал, но из этого ничего не вышло, а теперь, кажется, я на верном пути, связавшись с Вами, дорогой коллега и друг. Однако я Вашего адреса не знаю, потому пишу третьему лицу и прошу Вас, как брата, откровенно сообщить мне: хотите и можете ли Вы мне помочь? Если да, то я пришлю пьесу на Ваш суд, в полном смысле этого слова, то есть буду просить Вас прежде всего самому ее полистать, затем вступить в переговоры с импресарио, с Адлером, прочитать ему пьесу, продать ее, быть на гриме, на премьере, то есть представлять меня во всех смыслах.

Название пьесы: «Дочери Тевье», бытовые картины в четырех действиях. Действующие лица: Тевье, его жена Голда, пять дочерей, несколько русских, несколько евреев, слуги — и все. Никаких эффектов, грубых шуток, патриотических стишков, мертвых детей и т. п. вещей в ней не содержится. В ней и трагические и комические ситуации, и шутки, и песенки, и острые сцены, и пение. А главное — это то, что с первого акта до закрытия занавеса Тевье работает на все тяжкие, публика смеется и с развитием событий все больше и больше влюбляется в него. А если Тевье будет играть Адлер, то этот образ станет его коронной ролью, а сам Адлер навсегда станет любимцем публики. И роль Голды (для мисс Адлер) такая же сильная, и еще три-четыре сильные роли трех-четырех дочерей (Годл, Хава, Шпринця, Бейлка). В общем, все ол райт! Даже работа для комика найдется, правда только в первом акте. Однако много комизма, естественного, здорового комизма в самом Тевье, переплетенного с трогательным трагизмом. А язык? О таком языке актер может только мечтать. Уснащенная библейскими стихами речь Тевье, с своеобразным их толкованием! Итак, я жду Вашей телеграммы. Сердечный привет Вашей супруге.

Шолом-Алейхем.

P. S. В каких Вы отношениях с Адлером — мне неизвестно, удобно ли Вам зачитать ему это письмо от альфы до омеги? Читал о его занятости с каким-то «Клеветником» *. Не помешает ли он мне? Кроме телеграммы, жду от Вас письма.

Тот же.

86

М. СПЕКТОРУ

Нерви, Приморский отель
17 февраля 1914.

Друг Спектор!

Старым, но милым и святым дохнуло мне в сердце от твоего короткого, но теплого письмеца. Спасибо за адрес Пинского! Ты спрашиваешь, что тебе делать, чтобы нам увидеться вскоре в Варшаве? Вот наивный человек Спектор! Ты разве не знаешь, что ждут разрешения? Живешь в Варшаве двадцать лет, а то и больше, хвор ты, что ли, шепнуть там полицмейстеру пару слов, чтобы он не валял дурака? «Пан,— скажи ему на твоем русском языке,— пан! Вы думаете, Шолом-Алейхем реферат, товарищи, киш-киш, куры на свободу? И не начинается! Це не боле мене добре братик читает по-нашему, по-жаргонскому, а мы, еврейчики, держимся за стороны и качаемся на земля!..» Вот если ты выступишь с такой речью, он расхохочется до колик и подмахнет: «Шолом-Алейхему разрешаю, и конец!» Как видишь, я пока еще на старом месте, в Нерви, сижу у моря, под жарким палящим солнцем и — пишу. Стареем, говоришь? Я — нет, слава богу, пока становлюсь моложе. Я не люблю стареть! Бродский * мне когда-то признался, что он не любит бедняка. Я признаюсь, что не люблю старика... Но тебя я не ненавижу, потому что ты Мордхе Спектор и ты, слава богу, еще большой мастер покушать, дай бог на многие лета. Амень!

Был и остался твой

Шолом-Алейхем.

Главное забыл: где, ты говоришь, мы подзакусим ночью после чтения? В каком баре? Ты думаешь, что я не читаю «Момента» и всего, что ты там пишешь? Ай, глупец, глупец! Я тебя от души разбранил за то, что ты восхищался в Одессе «народной песней», а ты не знаешь, что эта самая «народная песня» написана, шутка ли, Варшавским! Сгори со стыда!

87

ОЛЬГЕ РАБИНОВИЧ

Нерви, 25 февраля 1914.

Друг мой!

Как бы ни хотелось писать о погоде, но когда встаешь утром и вместо Нерви находишь нервишки, то приходится начинать разговор о погоде...

Зато хорошо на сердце! Весело! Знаешь почему? Потому что заканчиваю пьесу. Как, уже заканчиваю? Вот так! После того как ты ее прочла, я ее переписал заново, собственно, написал новую пьесу согласно плану, о котором я тебе рассказывал. Теперь, полагаю, получилось так, как надо. Увидишь. Сегодня допишу четвертый, последний акт. Вышло по-твоему: четыре акта, семь картин. Первые три акта большие, четвертый маленький, но трогательный. Особенно трогает момент прощания Тевье с голыми стенами, когда он их целует, когда горюет по поводу осиротевшей кошки... У неевреев (если пьеса будет достойна внимания нееврейской сцены) вызовет недоумение то, что еврей, которого изгоняют и преследуют, проявил сострадание к кошке...

Как только закончу пьесу, отправлю ее Берковичу для того, чтоб он ее переписал, а сам немедленно приступлю к своему «Мотлу» *. Еженощно он снится мне в разных образах. И кроме Мотла, меня донимают разные темы, оторваться от них не могу. Где взять столько сил, а главное, времени, чтобы справиться со всем этим материалом? А тут еще лежит «Потоп» * и плачет: зачем я забросил оригинал и перевод?

Целую всех.

Твой.

88

БЕРКОВИЧУ И КАУФМАНУ

Лозанна, 5 апреля 1914.

Дорогим детям Дову и Михаилу, Берковичу и Кауфману!

Ваши женушки подложили нам свинью — приехали без предупреждения и вызвали такой тарарам, что смеха было до небес; им удалось захватить кусочек бармицве *, доставили нам огромное удовольствие и много радостей, и все же они заслужили того, чтобы их крепко наказали. У меня возник прекрасный план! Прямотаки золотой! Так как они, собственно, купаются в радостях и счастье, а вы оказались «соломенными вдовцами», и ввиду приближающегося праздника пасхи, и ввиду того, что мы уже все в сборе, а вы, по мнению ваших мудрых жен, сидите себе в Берлине одинокие и заброшенные, то по логике, и по совести, и по всем

законам было бы правильно, если в пятницу, в канун пасхи, раскрылись бы наши двери и вы бы оказались на пороге, ну будто с неба свалились. Заранее представляю себе, сколько было бы смеха и удовольствия, которое вы бы доставили всем нам, старикам и молодым, вашим присутствием в дни пасхи (сколько пасх нам еще осталось всем вместе отмечать? А потратить на это вам придется всего три-четыре дня). Кроме всего прочего, я так захвачен своим планом и проделкой, что, будь я Ротшильдом, подарил бы вам за ваш приезд целый миллион! В настоящее время в салоне у нас семья Кабак *, Тиси рассказывает разные истории, и все смеются до колик в животе. Белла и Тамара легли спать. И никому в голову не приходит, что я пишу вам сие подстрекательное письмо! Ах, дети! Дети! Умоляю, садитесь в поезд, который отправляется в четверг в три тридцать дня (в эти же часы ваши жены уезжали), и вы утром в пятницу будете у нас. Все готово. Для пасхальной трапезы мы совместно с Кабаками сняли отдельный зал у Шехтмана *. Моя квартира в вашем распоряжении. Зачтется вам в благодеяния ваш приезд ради детей и, главным образом, ради смеха и веселья, которыми будут заполнены два дня, и воздастся вам за все это вниманием ваших детей в той же мере, в какой вы удостаиваете вашим вниманием нас. Мы будем фотографироваться (Миша тоже приедет к нам на пасху). А в Берлин, с божьей помощью, уедем все вместе в ночь на воскресенье, ибо 1/14 апреля мой первый вечер в Варшаве. Предварительно купите нам два билета второго класса в спальном вагоне Калиш — Берлин — Варшава и захватите их с собой. И никакой депеши, вы слышите? Никакой! Приезжайте неожиданно, появитесь, скажете «доброе утро»,— и ша!

Вот вам слова отца, который хочет вас видеть и находится в веселом настроении.

Шолом-Алейхем.

P. S. Раз я знаю, что поезд приходит в 11.30, то встречу вас на вокзале, приведу вас под руки домой и как ни в чем не бывало скажу: вот и они!

NB. Кстати, мне необходимо с вами посоветоваться о Соколовском, который приезжает из Америки, и о том субъекте, о котором писал мне Воркель *. Если вы

не приедете, то мы и потолковать не сумеем. Ш. тоже приехал сюда на пасху, приходит каждый день и выкладывает грандиозные прожекты. Он уже выделил 100 тысяч рублей на газету и издательство. Я же за его сто тысяч и двух франков не дам.

89

Ш. ШРЕБЕРКУ *

Двинск, 6/19. 6.14, пятница.

Друг Шреберк. Такого приема, как в Двинске, я не имел нигде. Вокзал был запружен евреями (молодежью); кроме букетов, великолепных букетов, меня засыпали цветами и всю дорогу от вагона до кареты устлали цветами. Сама карета тоже была украшена цветами. Цветы, цветы, цветы! Гремели приветственные возгласы и «ура». Офицеры, жандармы, полиция были чрезвычайно удивлены этим приемом. Одни говорили, что знаменитый раввин приехал, другие объясняли, что это еврейский Чехов, еврейский Горький прибыл. В отеле было битком набито. Всюду приветствия и «ура». Билеты почти все расхватаны. Хотя вечер должен состояться еще только послезавтра, в воскресенье, а уже поговаривают о необходимости второго вечера, во вторник. С приветом.

Шолом-Алейхем.

О моем отъезде я Вас телеграфно извещу.

90

И. ОПАТОШУ *

Нью-Йорк, 27 апреля 1915.

Мой дорогой Опатошу!

Благодарю Вас за те две книги *, которые Вы мне прислали, доставив мне этим огромное удовольствие. Вы обратили мое внимание на «Роман конокрада», но обошли молчанием «Нью-Йоркское гетто» *. Это свидетельствует, что сам писатель — плохой ценитель собственных произведений. Нельзя сказать, что «Роман конокрада» плох. Думаю, что писать плохо Вы просто не способны. Мне только хочется повторить то, что я уже Вам однажды сказал, когда Вы были у меня дома:

пишите об американском еврействе. Рисуйте картины из жизни нью-йоркского гетто — это Ваш жанр, здесь Вы неподражаемы. Ни у кого среди американо-еврейских писателей я не нашел такие острые черты, такие ясные, четкие, живые образы, как у Вас в «Нью-Йоркском гетто». Некоторые выписаны просто мастерски. Мистер Поллак, миссис Рич, ее сестра-ханжа и Джейкпьяница — прекрасные образы. А диалоги? Золото. Все это говорит о том, что у Вас проницательный глаз и острое ухо. Сцена, в которой Джейк за рюмкой водки братается с Черным, неоценима. Только у Диккенса и Теккерея подобную можно встретить. Я же уверен, что она Ваша, собственная. Вы ее видели, пережили. Вы хорошо знаете гетто того ада, который именуют Нью-Йорком. Бог Вас одарил талантом, необычным талантом. Не разбрасывайтесь. Делайте свое дело. А дело Ваше рисовать картины нью-йоркского гетто, из жизни американского еврейства. Вы этим обогатите нашу литературу новой главой и обретете имя в мировой литературе. Я искренне счастлив, что на ниве нашей литературы произрастает такой плод, как Вы, при этом здесь, на каменистой американской почве. Произнес я благословенную молитву, как на впервые появившиеся плоды. Хочу еще. Пришлите мне хорошие вещи «молодых». Там я нашел стихи некоего Манн-Лейба *. Это великолепно! Некоей Фрадл Шток — она баба озорная! И даже Слоним, который давно уже не молодой, очаровал меня отдельными строчками из своих «Городских песен». [...] [1]

Вот что я Вам скажу: каким же стал бы я писателем, если в Ваши годы сочинил бы нечто вроде Вашего «Нью-Йоркского гетто»! Хох! Браво! Ура! Хейдод! Выкрикиваю на всех языках, ибо дожил я до той поры, когда и в Америке стала развиваться еврейская литература, когда и в Америке стала появляться пресса, не только напичканная «политикой» и не только выращивающая крикунов на час и писателей, жизнь которых измеряется одним днем.

Ваш *Шолом-Алейхем.*

---

[1] Опущены цитируемые в тексте стихи Слонима.

91

И. ИЕГОАШУ *

Нью-Йорк, 23 апреля 1916.

Дорогой, добрый товарищ Иегоаш!

Примите мое искреннее поздравление в связи с Вашими путевыми заметками *, пока с первыми двумя главами. Сработаны поистине мастерски. Это все, что я сегодня хотел Вам сказать. Желаю Вам доброго праздника *. Пишите, пишите еще и еще, много, много!

Шолом-Алейхем.

II

92

Г-НУ С. М. АБРАМОВИЧУ В ОДЕССЕ

Соломон Наумович Рабинович в Одессе
Шолом-Алейхем
23.XII.84
М. Белая Церковь
(Киев. Губ.)

Многоуважаемый юбиляр,
Милостивый Государь
Соломон Моисеевич!

Чувствую, что опоздал своим посланием, но не вся в этом моя вина. Быть может, в массе писем и поздравлений Ваше внимание невольно остановится на этих строках, которые шлет Вам из далекой провинции, так сказать, из глубочайших недр нашего русского гетто, молодой, но ярый поклонник Вашего таланта, поклонник, работающий на разрыхленной Вами почве, упорно и ревностно следуя по стопам, так метко оставленным Вами на полях нашей жаргонно-литературной нивы. Если же я до сих пор, в продолжение моей двухлетней литературной деятельности в «Евр[ейском] нар[одном] листке», а с недавнего времени в журнале «Евр[ейское] обозрение» (см. июльскую, VII кн. «Евр. обозр.», рассказ «Мечтатели» *, бледный отблеск Ваших прекрасных «Путешествий Вениамина III»), если же я, говорю я, ничего примечательного еще не дал моими столь незначительными трудами, зато какая будущность предстоит мне как начинающему, какое широкое поле для всякого желающего посвятить свои досуги служению алтарю нашей народной музы! Но я начал с задушевного приветствия юбиляру и кончил тем, что наговорил самому себе кучу любезностей — слабость всякого начинающего! Но я должен был обратить Ваше внимание на пишущего сии строки, хотя бы с этой, не столь похвальной стороны. А должен я в интересах не личных, а касающихся и этой «массы», которая празднует нынче Ваш юбилейный праздник, и нашего бедного,

загнанного и всячески эксплуатируемого жаргона, и меня самого, и даже Вас. Не желая рисковать, быть может, лишними словами, я оставлю «дело» до Вашего ответа, а пока, выразив Вам мою глубочайшую преданность и пожелав Вам от чистого сердца ознаменовать и последующее 25-летие не менее славными успехами в этой благородной отрасли деятельности, остаюсь с глубоким почтением

Ваш покорный слуга
С. Рабинович.

Мой адрес:
В Белую Церковь
С. Н. Рабиновичу.

93

М. ГОРЬКОМУ

Соломон Наумович Рабинович
Киев, Большая Васильковская, 5
31 декабря 1901.

Многоуважаемый
Максим Горький!

Простите, что я Вас так называю, не имея чести знать Вашего имени-отчества.

В свое время я получил Ваше любезное приглашение, которое, вследствие своей официальности, показалось мне несколько обидным. Показалось оно мне обидным еще потому, что в Вашем письме не указан Ваш адрес, из чего я должен был заключить, что Вы намерены отклонить от себя непосредственные со мною сношения. Тем не менее я дважды писал Вам по адресу г. Гольдовского, п. ч. я считал для себя великою честью переписываться с «властителем дум нашего времени», к которому, признаться, давно стремилась душа моя. И вот оказывается, к[ак] сообщает мне Гольдовский, что письма мои к Вам затерялись у г. Потемкина и у него. Поистине — перст божий!

Ныне же, узнав, что к Вам можно писать, хотя и по чужому адресу, я намерен нарушить Ваш покой присылкой копий с двух моих посланий на имя Гольдовского (от 12.XI и 29.XII), для того чтобы ознакомить Вас с программою Вашего сборника * по моему разумению.

Просил бы Вас вникнуть в их содержание и удо-

стоить меня скорым ответом. Через несколько дней я Вам пришлю копии с некоторых моих вещиц, уже переведенных с евр[ейского] жаргона. Я хочу, чтобы Вы познакомились с характером моих писаний, и поэтому просил бы Вас покорнейше уделить им несколько минут внимания.

Затем позвольте пожать Вам дружески руку и пожелать Вам Ново[го] года и полного восстановления сил на пользу неблагодарного человечества.

Шалем-Алейхем.

94

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Соломон Наумович Рабинович
(Шалем-Алейхем)
Киев, Б. Васильковская, 5

27 апреля 1903.
Графу Л. Н. Толстому
Ясная Поляна

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Судя по тому, как Вы чутко следите за всеми течениями и явлениями жизни общества и народов, нельзя допустить, чтобы Вы прошли без должного внимания мимо того вопиющего дела, которое творилось в дни «светлого» праздника Христова в губ[ернском] городе Кишиневе, по наущению злых людей, вроде Крушевана и К^0. Читая газеты, Вы не могли не содрогаться при мысли, что в наш век возможны такие безобразия, как избиение евреев в Кишиневе в продолжение 2-х дней на глазах полиции и местной интеллигенции, гнусные насилия над девицами на глазах родителей, избиение младенцев и т. п. ужасы времен варварства. Автор этих строк имеет честь не только принадлежать к этому вечно гонимому, бесправному, презираемому, но по-своему великому народу, но быть скромным выразителем его чувств, мыслей и идеалов. Короче — я еврейский народный бытописатель, пишущий на еврейском разговорном наречии, именуемом жаргоном, вот уже 20 лет под псевдонимом «Шалем-Алейхем». Мне поручено составить сборник в пользу пострадавших от кишиневского погрома. В сборнике участвуют лучшие еврейские силы. Чтобы обеспечить сборнику успех, я осмеливаюсь просить Вас, Великий Писатель Земли Русской, дать нам что-нибудь, ну хотя бы письмо

утешительного свойства. Удрученное и растерявшееся восьмимиллионное еврейство в России нуждается в таком слове, быть может, еще более, нежели в чем-либо другом. Ваше письмо я берусь перевести на еврейский (народный) язык, которого люди знающие считают меня одним из лучших стилистов.

Ждем Вашего скорого ответа, за который заранее благодарит Вас редакция сборника * в лице

глубоко уважающего вас Соломона Рабиновича.

Шалем-Алейхем.

P. S. Не побрезгайте прочесть небольшой этюд мой в «Восходе», при сем препровождаемом, и, если не трудно, высказать ваше мнение.

95

ЕМУ ЖЕ

10 мая 1903.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Спасибо за скорый ответ *, за теплые слова и за готовность участвовать в нашем добром деле. Приятно было бы надеяться, что вещь, которую Вы обещаете, была бы прислана нам возможно раньше, и, во всяком случае, если бы Вы имели возможность определить нам срок. Мы бы тогда могли об этом оповестить в еврейских газетах, издающихся на жаргоне, и подписка на наш Сборник значительно бы поднялась.

Сочувствие, встреченное нашими несчастными братьями среди христиан всего мира, поразительное и трогает нас до глубины души. Из Нью-Йорка и Филадельфии мне пишут, что оттуда высылаются в Кишинев от евр. и христ. десятки тысяч долларов. Речь мэра Льюиса стоит выше всяких долларов. Несомненно, что горе наше великое нашло отклик в сердцах всех лучших наших современников, и это служит значительным утешением для моего бедного народа, великого в своих страданиях, которым нет равных в мире, ибо глумление над целой нацией, гордящейся своим прошлым и лелеющей свое будущее воскресение, куда хуже всяких ограничений и даже кровопролития, подобно кишиневскому. Если я, например, не был в Кишиневе во дни святой пасхи и тем сохранил свою жизнь и жизнь моих детей, то разве не льется моя кровь здесь, когда

я читаю то, что пишут насчет нас в газетах, и когда я слышу то, что говорят кругом меня люди, именующие себя интеллигентами? Или что должен чувствовать мой мальчик, когда не только товарищи по гимназии, но и сами учителя глумятся над ним только потому, что его фамилия Рабинович? А что должен был он чувствовать, когда, выдержавши экзамен на круглое 5, не был все-таки зачислен вследствие «процентного отношения»? *

Что касается до Вашего письма к знакомому Еврею, то некоторые места (особенно заключение) для меня совершенно непонятны, и я не смею критиковать его.

Прилагаю при сем летучий религиозно-нравственный листок *, продававшийся здесь во время пасхи при Михайловском монастыре по 1 коп., и обращаю Ваше внимание на то, что Листок не подпольный, а дозволенный С.-Петербургской духовной цензурой в феврале 1903 г.

Жду Вашего скорого ответа относительно обещанного и остаюсь с глубочайшей преданностью и любовью к Вам

Соломон Рабинович.
Шалем-Алейхем.

96

ЕМУ ЖЕ

11 июля 1903 г.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Одновременно с сим имею честь преподнести Вам 1 т. Полного Собрания моих сочинений *. Мне будет очень приятно, если не побрезгаете моим скромным подарком.

Пользуюсь случаем, чтобы напомнить Вам о Вашем обещании дать что-либо для нашего сборника в пользу кишиневских евреев. Ввиду того, что Сборник уже печатается, Редакция еженедельно пишет мне об этом. Прошу Вас от имени всего русского еврейства оказать нам эту честь Вашим литерат. участием в нашем предприятии,— будь это рассказ, статья, письмо или заметка. Не забудьте, что я должен еще перевести Вашу вещь на еврейский язык, а времени осталось немного.

Преданный Вам
С. Рабинович.
Шалем-Алейхем.

97

ЕМУ ЖЕ

24.VII. 1903.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Возложенная на меня миссия Редакциею Сборника в пользу кишиневских евреев и Ваше любезное обещание принять в нем участие присылкою какой-либо статьи или рассказа для перевода на еврейский жаргон дают мне право напомнить Вам еще раз, что все грамотное еврейство — а какой еврей неграмотен по-еврейски? — с нетерпением ждет и надеется услышать авторитетное слово величайшего писателя и человека, впервые переведенное с рукописи и специально предназначенное и для доброго дела, и для симпатичного издания.

Премного обяжете, если уведомите меня о характере и наименовании статьи.

Один из миллионов Ваших учеников

С. Рабинович.
Шал.-Алейхем.

P. S. На днях я имел честь послать Вам 1-й том Полного Собр. моих сочинений на еврейском языке. Простите мой, быть может легкомысленный, поступок.

98

ЕМУ ЖЕ

25. VIII. 1903.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Получил я Ваши две прелестные сказки * и не считаю себя вправе благодарить Вас, во 1-х, потому, что не для этого Вы их написали, и, во 2-х, потому, что спасибо Вам скажут тысячи обиженных в Кишиневе евреев и десятки (а может быть, и сотни) тысяч читателей, которые впервые увидят Ваши произведения, для них предназначенные и — простите мою нескромность — мною переданные на еврейский жаргон. А что я передал их мастерски, в этом я смело Вас могу уверить. Я совсем иначе понимаю слово «перевод». Сохраняя смысл, дух и буквальное содержание Ваших сказок, я постарался сообщить им красоту, свойственную нашему народному, до чрезвычайности простому

и вместе с тем образному языку. И в этих видах мне пришлось в некоторых местах поступиться выражениями в оригинале, заменяя их сочными, чисто еврейскими выражениями и оборотами речи. Для иллюстрации я Вам приведу пару примеров из первой сказки. Вы слишком хорошо знакомы с европейскими языками, чтобы не понимать — хотя бы одним чутьем, как великий художник,— еврейско-немецкого жаргона.

Вот примеры:

Стр. 1... «пировать с моими друзьями». Слово «пир» в жаргоне заменяется древнегебрейским словом «souda», отчего «пировать» в жаргоне отсутствует. Поэтому мне пришлось заменить его целой фразой «leben a guten Toug» — буквально «жить хороший день», т. е. весело провести время, что выходит больше, чем пировать.

Стр. 1. «Издохнет» — также имеет гебрейское слово «peger-pej» — заменено у меня фразой: «bis die kouschere Neeschoumegern (душа) wet ihm ausgehn» — пока «кошерная» душа его не отлетит. Kouschere Neeschoume — благочестивая душа — форма иносказательная и насмешливо-презрительная.

Стр. 4. «Лаилиэ страдает... и бессильной злобы. Он чувствует себя бессильным» и т. д. Слова «бессилие» в жаргоне нет, и вдобавок оно повторено здесь *два* раза. Пришлось изменить конструкцию так: Lailje leidet nit asoj von Hünger un von wehtog, wie von Bisoin (стыд — *гебр.*) un von Kaass (*гебр.* злоба, а вместе с предыдущим — бессильная злоба). Es brent ihm, nur er fült as er is nit umstand sich rechnen mit'n Ssoine (враг — *гебр.*), obzollen ihm far allesding wous er thüt mit ihm». И дальше: «Одно, что он может, это то, чтобы не доставить своим врагам радости видеть» и т. д. Изменено в переводе так: «Ein Sach, wous er kon ihm obthün (отплатить, отомстить), is nur dous, wous makes (болячки — *гебр.*), wet der Ssoine (враг — *гебр.*) wissen» и т. д. По-русски (на народн. языке) это вышло бы: «Черта с два он будет знать» и т. д.— Дальше. «...к залитому кровью месту казней» — пришлось ярче оттенить «место казней»: zum *güten* Ort, wous is bespritzt mit Blüt.

Стр. 5. Слово *güten* (хороший) применено в том же иносказательном смысле к окровавленному колу.

Стр. 5. «Лаилиэ догадывается, что кол этот освободили для его казни» — Un'Lailje stoist — sich as der güter Vlockn (кол) is oungegreet (vorbereetet) von sein

Couwed wegen — для *его чести*. По-русски оно, может быть, и некстати, но на жаргоне еврейском,— *раз приготовили*, то уж непременно к чести.

Стр. 5. «Два палача подхватывают» и т. д. «и хотят опустить на кол». В переводе: «Un die zwei Taljonim (палача — *гебр.*) chap'n ünter dous dosige Laib far die dare fiss, heeben auf un willen ihm araufsetzen auf'n *güten* Spitz von'm *güten* flok'n». По-русски вышла бы нелепость: «на добрую вершину доброго кола»; между тем как по-еврейски это более чем уместно.

Что же касается до древнееврейских слов, которыми, как видите, изобилует мой перевод, то я должен Вам пояснить, что жаргон еврейский, чем богаче он гебрейскими именами существительными и глаголами, тем он красивее; масса таких слов давно получила в нем право гражданства, и народ давно с ними знаком. Для Ваших же «сказок» такая (гебр.) форма больше всего соответствует.

В общем, я должен Вам сказать, что в переводе «сказки» вышли так, как будто Вы их написали по-еврейски. Никаких следов перевода в них не заметно.

Теперь позвольте мне сказать Вам, Лев Николаевич, спасибо за удовольствие, которое Вы доставили лично мне Вашими этими маленькими вещицами, и за честь, которой Вы удостоили меня, поручив мне их перевод.

Глубоко преданный вам

С. Рабинович.
Шалем-Алейхем.

P. S. Уже письмо было готово, когда получил я третью сказку * Вашу «Труд, смерть и болезнь». Принимаюсь сейчас за перевод этой третьей (по порядку 2-й) вещицы, чтобы вместе отправить в Редакцию.

Курьезно, что слово «ассирийский» в перестановке букв выходит «рассийский». Что-то скажет на это г. цензор?!

99

ЕМУ ЖЕ

28. VIII. 1903.

Многоуважаемый Лев Николаевич!

В ответ на Ваше письмо от 25 с/м с приложением «Das bist du» спешу уведомить Вас, что предисловие Ваше я думаю напечатать как есть, по-русски, вовсе

не переводя его на еврейский язык, имея в виду круг читателей, для которых предназначен Сборник.

Что же касается до напечатания «Das bist du», то я позволю себе считать это для данного издания не только бесполезным, но совершенно лишним, могущим вызвать в уме простого человека смешение понятий и тупое недоумение. Сказка Ваша («Ассарходон»), воплотившая в себе идею «Das bist du», облечена Вами в столь прекрасные образы, что прямо жаль портить цельность впечатления у незатейливого читателя. Надеюсь, Лев Николаевич, Вы согласитесь со мною и не будете настаивать на том, чтобы непременно сделать так, как Вы пишете, хотя бы в ущерб делу.

Поправка, вместо «патагонцев» «южноамериканских индейцев» — сделана.

Глубоко преданный Ваш
Шалем-Алейхем.

NB. Может, еще какие поправки — поспешите. Ответить прошу скоро, т. к. перевод мой переписывается начисто и должен быть на днях отослан в Редакцию.

100

А. П. ЧЕХОВУ

Соломон Наумович Рабинович
(Шалем-Алейхем)
Киев, М. Благовещенский, 17

30.VIII. 1903.

Многоуважаемый Антон Павлович!

На днях я получил от гр. Л. Н. Толстого «Три сказки», спец[иально] для нашего изд. «Hilf» *, написанные в пользу кишиневских евреев, и «сказки» эти мною уже переведены на евр[ейский] жаргон и отправлены в редакцию сборника. Я уполномочен редакцией еще раз обратиться к Вам с просьбой, не найдете ли Вы возможным уделить нам какую-нибудь новенькую вещицу? (Хотя бы копию с того, что предназначено для ближайшей книги журнала.)

Одновременно с этим прошу Вас, не можете ли Вы взять на себя труд перевести мой рассказ из еврейской жизни (на русский язык) в журнале «Русская

мысль * и др. каком-либо русском журнале? Если да, то могу ли я Вам прислать рассказ для просмотра?

С глубоким уважением

С. Рабинович
Шалем-Алейхем

101

Л. Н. ТОЛСТОМУ

3. IX. 1903.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Сегодня я получил письмо от П. А. Буланже *, которого я не знаю. Он пишет мне, что после того как выйдет еврейский Сборник, то, по всей вероятности, «Сказки» Ваши будут переведены с евр. перевода на русский язык и изданы ловкими промышленниками-издателями и в таком искаженном виде только и станут известны русской читающей публике. Для того же, чтобы избежать такого нежелательного явления, он спрашивает, нельзя ли вслед за выходом в свет еврейского Сборника, *через неделю*, выпустить означенные «Сказки» на русском языке. Вот содержание письма г. Буланже.

Я ему ответил на это, что, во 1-х, нечего опасаться перевода с еврейского разными промышленниками, т. к. в нашем Сборнике мы, в выноске, обращаем внимание тех из читателей, которые возымели бы желание познакомить русских людей с содержанием «Сказок», что «Сказки» в скором времени будут изданы в оригинале особой книжкой, так что *просят покорнейше их не трудиться*. Во 2-х, выпустить *через неделю* сказки по-русски значило бы идти вразрез с Вашим желанием *содействовать успеху Сборника*, предназначенного в пользу бедных людей. Гораздо проще будет, если мы напечатаем «Сказки» в оригинале здесь же, в Киеве, о чем я уже вошел в переговоры с здешней издательской фирмой С. Б. Фукс (кстати, весьма солидной фирмой), с тем что значительная часть выручки пойдет в пользу тех же кишиневских евреев. Таким образом, мы извлекаем из них наибольшую выгоду в пользу бедных, что, конечно, составляет сущность Вашего желания, и вместе с тем отпадает всякое опасение относительно искажения «Сказок».

Будучи намерен приступить к печатанию «Сказок» по-русски в скором времени (по-еврейски они уже

печатаются), я бы просил разрешить мне высылку Вам корректуры, авось Вы найдете нужным внести в них какие-либо поправки или дополнения. Со стороны цензуры мы здесь находимся в несколько более благоприятных условиях, чем в другом центре, т. к. фирма Фукс поддерживает с нею хорошие отношения.

Жду Вашего наискорейшего ответа и остаюсь глубоко преданный Вам

С. Рабинович.
Шалем-Алейхем.

P. S. Печатал «Сказки» по-русски. Здесь мы их выпускаем лишь тогда, когда продажа еврейского Сборника подвигается к концу.

102

ЕМУ ЖЕ

8 сентября 1903.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

В Вашем письме от 6 сентября, писанном по Вашему поручению г. Никитиным *, находится одна фраза, которая требует разъяснения. Там сказано: «*Но при этом просят Вас о всех подробностях списаться с П. А. Буланже*» (о сроке и т. п.).

Если речь идет *только* о сроке издания «Сказок» на русском языке, то на этот счет я уже воспользовался ценным указанием г. Буланже — *выпустить русское издание вслед за еврейским.* Надеюсь, что «Сборник» наш будет продан в течение 2—3-х недель, т. к. большая часть экземпляров, благодаря нашей широкой рекламе о программе книги и *об участвующих в ней силах*, уже продана по подписке. Издание же русское, к которому я уже приступил, будет *напечатано одновременно* с нашей еврейской книгой, а выпущено через короткий промежуток времени вслед за нею. Таким образом, всякое опасение обратного перевода с еврейского на русский само собою отпадает. Так как г-ном Буланже руководит лишь одно желание предупредить искажение произведения автора, то мы на этот счет, значит, с ним спелись. И я ему об этом уже написал. Кстати, я сегодня получил от него письмо из Москвы, в котором он предлагает мне одно из двух: или чтобы мы сами издали «Сказки» по-русски одновременно с евр. Сборником, которому он также очень сочувствует,

или, если нам это неудобно, предоставить последнее ему. И т. к. к русскому изданию приступили мы, то о каких еще подробностях могут и должны быть между нами и г-ном Буланже разговоры?

Просил бы наискорейшего ответа, п. ч. всякое Ваше указание для меня закон.

Еще забыл уведомить Вас, что предисловие Ваше к «Сказкам» я распорядился напечатать в евр. Сборнике по-русски, не переведши его по-еврейски.

На мое предложение относительно пересылки Вам корректуры русского издания Вы ничего не ответили.

Жду ответа и желаю здравствовать.

С. Рабинович.
Шалем-Алейхем.

P. S. Часть выручки со «сборника», особенно с издания русского, пойдет в пользу гомельских евреев, ибо и в Гомеле произошло нечто вопиющее прямо *«под команду и под барабанный бой»... Куда мы идем?!*

103
ЕМУ ЖЕ

10. IX. 1903.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Уже после того, как я Вам отправил мое последнее письмо (№ 1171), я получил Ваше письмо от 7-го числа, пролившее свет на все те неясности, которые тормозили дело.

От г. Черткова * из Англии я пока еще никакого запроса не получил. Что же касается до П. А. Буланже, то его желание относительно одновременного издания обоих вариантов исполнено, и я обратился к нему с просьбой о некоторых новых и полезных для нас указаниях, как насчет количества экз., так и касательно формата, цены и пр.

Не могу затем не выразить искренней признательности Вам от себя и Редакции Сборника за то теплое отношение, которое Вы к нему проявляете.

Будьте здоровы телом и духом.

Преданный Вам
С. Рабинович.
Шалем-Алейхем.

104

ЕМУ ЖЕ

24. IX. 1903.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Вследствие праздников (еврейских) издание Сборника несколько задержалось. Тем временем я вошел в согласие с П. А. Буланже относительно издания оригинала «Сказок» в Москве, а не в Киеве, как предполагалось раньше.

В свое время Вы писали мне, что ко мне обратится г. Чертков из Англии, причем Вы мне адреса его не сообщили. Но г. Чертков ко мне не обращался, и, взамен его, я недельки две тому назад получил предложение от M-r'a Aylmer * Maude'au (Chelmsford, England), который ссылается на Вас и на г. Буланже. Не желая Вас затруднять лишней перепиской, я обратился к Буланже, который дал о нем хороший отзыв, и я отослал ему Вашу рукопись для перевода на английский язык и для издания с целью, чтобы чистая прибыль, какая окажется, поступила в пользу погромленных в Гомеле евреев. На этой цели я остановился потому, что требуется немедленная помощь, а официального сбора пожертвований правительство не разрешает нам.

Но вот сегодня вдруг получаю письмо от г. Черткова, который уведомляет меня о том, что ему присланы были Вами те же «Сказки» для издания их на английском и русском же языках в Англии, и он просит лишь известить его о сроке выхода в свет нашего Сборника.

Я ему изложил подробнейше все предшествовавшие обстоятельства и просил его очень повидаться с Альмером Моодом, дабы, во 1-х, не вышло два перевода и два издания, и, во 2-х, чтобы не повредить той цели, для которой мы затеяли издание и для которой Вами присланы были «Сказки» нам.

Боясь, однако же, осложнений и дальнейших qui pro quo и полагая, что Вы состоите с Чертковым в переписке, я бы просил Вас, Лев Николаевич, замолвить за нас доброе слово перед Чертковым, который может быть затронут тем, что я поручил перевод другому, не предупредив его, хотя и не по моей, а по его вине. Моода я просил сойтись с Чертковым.

Истинно любящий Вас

С. Рабинович.

NB. Забыл в свое время заметить Вам, что основная мысль сказки «Ассарходон» выражена талмудическим ученым Гиллелем: «Ma schessani loch lechawreich lo taa wad» — *что неприятно тебе, не пожелай твоему ближнему.* По мнению раби Гиллеля, это есть основание и цель всего Моисеева учения.

105

ЕМУ ЖЕ

Киев, 3 октября 1903 г.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Простите, что пишу Вам на телегр. бланке. Нахожусь на вокзале. Собираюсь в Гомель, на место погрома. Хотел Вам сказать, что, по причинам цензурным, не касающимся, однако, Ваших «Сказок», издание нашего Сборника несколько затянулось и потребуется еще месяца 1 1/2 для того, чтобы «обезвредить» некоторые наиболее ценные забракованные цензором вещи. Это же потребует мою личную поездку в Варшаву.

Второе, что я хотел Вам сказать, это про инцидент Моод — Чертков. Я попал в крайне неприятное положение. Вследствие того что Чертков мне ничего долго не писал, а я не знал, куда ему писать, я согласился на предложение Моода (считающегося лучшим Вашим переводчиком), которому я и послал копию для перевода и издания на английском языке. Прошу Вас, предоставьте Черткову их напечатание по-русски в Англии, а перевод и изд. английское пусть Чертков уступит Мооду. Ввиду этого конфликта я боюсь, что случится то, чего я больше всего опасаюсь, а именно: чтобы кто-нибудь из этих двух не пожелал предупредить своего товарища и не выпустил бы «Сказки» Ваши раньше времени и тем повредил бы и еврейскому Сборнику, и нашему русскому изданию в Москве.

Простите, Лев Николаевич, что впутываю Вас в такие мелочи; но раз мелочи эти вытекают из Вашего произведения, предназначенного не для корысти книгоиздателя, а для доброго дела, то мы не можем не беспокоить и не утруждать Вас.

Глубоко преданный Вам

С. Рабинович.

Шалем-Алейхем.

Киев, Мар.-Благовещенская, 27
С. Н. Рабиновичу

106

ЕМУ ЖЕ

14. II. 1904.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

С сим посылаю Вам книгу «Hilf» (переведенные мною Ваши 3 Сказки помещены на стр. 19—33). Книга вследствие цензурных препятствий вышла с большим опозданием, но с возможной полнотой и изяществом, какие только допустимы в еврейском издании. Не побрезгайте, Лев Николаевич, получить этот 1-й экз. нашего Сборника как выражение искренней благодарности от еврейской читающей публики, от издателей и переводчика Вашего

С. Рабиновича.
Шалем-Алейхема.

107

ЕМУ ЖЕ

30 октября 1905.
Киев. Б. Васильк. 35/1

Великий Писатель Земли Русской!

После кишиневского погрома Вы указали мне в Вашем письме на истинных виновников того позорного дела. Ваши слова оказались вещими. Лучшим подтверждением этому служит прилагаемое при сем письмо профессора Киев. политехн. инст. Мих. Тихвинского.

Но неужели не раздастся Ваш мощный голос теперь, когда позор и беда постигли нашу общую родину и, больше всех, они коснулись нас, несчастных евреев?! Больше, чем когда-либо, мы нуждаемся в нем теперь. Всякие доводы излишни. 6 миллионов евреев в России и около миллиона моих братьев в Америке ждут от Вас хотя бы слова утешения. Ваш ответ может быть переведен мною во всех здешних и американских еврейских изданиях. Мы ждем его.

Шалем-Алейхем.

108

Д. Я. АЙЗМАНУ

Нерви
16/29 XI. 08.

Дорогой Давид Яковлевич! *

В свое время ответил Вам на Ваше люб. письмо и советом воспользовался. Отправил пару рассказов (в переводе) в «Совр. мир» * уже давненько. Ответа нет.

Возможно, что моя супруга будет на днях в Питере. Будет и у Вас. Передайте ей, прошу [В], что все благополучно и что выпиваю литр молока в день — честное слово. Ваше-то здоровье каково теперь? У нас — лето. Супруге [В] мой сердечный привет.

Жму [В] руку. *Ш.-Алейхем.*

109

ЕМУ ЖЕ

Нерви. 4. III. 09.

Многоуважаемый Давид Яковлевич!

Спасибо за извещение. Ваше исчезновение было для нас неожиданностью. Хвала богу, что Вы живы и здоровы. Благодарю Вас очень за готовность содействовать мне в великом океане русской литературы. Как только погода и здоровье позволят, не премину воспользоваться Вашей любезностью и загляну в Ваше Монрепо. Прошу передать мой привет Вашей уважаемой супруге. Ваш очерк «Богема» помещен в переводе евр. в варшавской газете.

Ваш душою *Ш.-Алейхем.*

110

ЕМУ ЖЕ

Нерви. 11. V. 09.

Спешу ответить на «запрос» относительно сверления зубов. Есть у нас решительно все: и «бормашины», и борчики, и всякая чертовщина, которые способны просверлить любой зуб и даже душу вымотать. Однако для человека, проведшего полжизни в Шлиссельбурге, подобное сверление является, вероятно, легким щекотанием вроде развлечения. В таком случае передайте г. Лопатину *, что мы к его услугам. Будем сверлить. Надо, однако, торопиться, ибо числа 18—20 мы уезжаем. Приемные часы моей супруги от 2—4 дня. Villa Briand, 3. Это — что касается зубов. Теперь перейдем к литературе. Прочтите, пожалуйста, прилагаемое письмо № 1 и скажите Ваше мнение.

Я в этих делах полнейший профан. Бог весть — успею ли я побывать у Вас в Cavi. Расхворался я после тех рыбок, помните? — Одновременно посылаю Вам некоторые печатные вещицы (мои), давно (и пло-

хо) переведенные по-русски. Просил бы просмотреть две-три из них и показать также Амфитеатрову *, что скажет он, как нееврей. То есть могут ли подобные вещи быть сколько-нибудь интересны для русской читающей публики? Я постарался сгруппировать вещицы разного жанра. Разумеется, переводы должны быть возвращены мне до 18—20-го мая.

Не откажите отослать их заказным.

Уважающий Вас *Ш.-Алейхем.*

P. S. Урра! Я получил 3 рубля за постановку моей пьесы — первый гонорар за 10 лет. Читайте прилагаемое письмо № 2.

111

ЕМУ ЖЕ

Baugy
28. V. 09.

Многоуважаемый коллега Давид Яковлевич!

Как видите, оставил Италию и живу в не менее прекрасной и не менее свободной Швейцарии. Если бы не временная простуда, вроде совершенно излишней инфлюэнцы, я бы сказал, что чувствую себя прекрасно. Жизнь же здесь (пансионная) дешевле и куда удобнее, нежели в Италии. В первых числах июня я переезжаю выше, в Беатенберг. (Пока мой адрес сюда: Baugy sur Clarens Pension Beau — Site.) Из Нерви дети переслали мне пакет с моими вещицами от Вас. К сожалению, я в пакете не нашел ни одной строчки от Вас, что меня удивило и крайне огорчило. Не будете ли Вы столь любезны пополнить этот пробел, который меня очень интересует. Надеюсь, что Вы поправляетесь и работаете. Вашей уважаемой супруге мой сердечный привет. Г-ну Лопатину также. Как его зуб — спрашивает моя супруга, которая шлет Вам троим свой привет с высоты 460 метров над уровнем моря. До свидания.

Ваш *Ш.-Алейхем.*

112

ЕМУ ЖЕ

12/25 VIII. 09.

Дорогой коллега Давид Яковлевич!

Я все еще живу и даже поправляюсь.

Удивлен, что не получил от Вас ответа. Весь томик [В] рассказов я прочел с большим вниманием и удо-

вольствием. Кое-где сделал отметки. При личном свидании побеседуем. Получаете ли Вы газету «Die neue Welt», которую я выписал для Вас? Где Вы теперь и как [В] здоровье? Подумывал на зиму опять в Италию поехать. А Вы — о чем думаете? Где [В] мысли? Жму руку.

Ш.-Алейхем.

Привет [В] уважаемой супруге. Все мои кланяются вам обоим.

113

ЕМУ ЖЕ

6. IX. 09.

Дорогой Давид Яковлевич!

Спасибо за письмо. А то я думал, что позабыли и улетели на Север, и поминай как звали. А дела вот как обстоят. Числа 12-го оставляю санаторию. Уеду на осень в Швейцарию, где посоветуюсь с профессорами и поеду, куда скажут. Вероятнее всего, что на старое пепелище в Нерви или в Кабу (если и Вы там будете: одному скучно).

Об одном прошу Вас: не прерывать переписки со мною. Давайте знать каждый раз, где Вы. То же буду делать и я. Пока пишите сюда. Из Швейцарии же сообщу мой адрес. Из Италии тоже. Если Вы получаете газету «Ди найе велт», то жена [В], вероятно, читает мои «Ж.-д. рассказы», которые, как меня уверяют, просятся, чтобы их перевели по-русски. Имейте их в виду, когда будете в Ред. «Совр. мира».

Обнимаю Вас.

Ш.-Алейхем.

114

ЕМУ ЖЕ

Hotel «Metropole» — Locarno
11/X. 1909 (н. ст.).

Дорогой друг Давид Яковлевич!

Вот оно, где я. Недельки 3, как я здесь. По дороге в Нерви, конечно. Но здесь так хорошо, что и Ривьеры не надо. Разве наступит зима, тогда марш в Нерви. А может, и в Давол. Если проф. Салли скажет. Было мне довольно плохо, потом лучше, потом хуже, теперь

опять лучше. Что будет потом — увидим после, как говорят в Одессе.

А вы, Давид Яковл., где обретаетесь? Вы еще в Италии или, пожалуй, махнули домой, в Расею? Если домой, то Вы будете ведь в Питере. Так мне необходимо знать Ваш адрес (петербургский). Почему необходим? П. ч. там будет скоро моя жена, которая постарается с Вами увидеться. Кстати, у меня нашелся переводчик. Ын девке ын Адэсс. Дорт, ви мэ акт аф рышыс, зол зах Гот дербаремен [1]. Он переводит все мои новые [жел.-дор.] рассказы. С ними-то я бы хотел дебютировать в русском журнале. Ссылаясь на [В] любезное обещание содействовать мне в этом деле, я заблаговременно прошу Вас об этом. Я их даже прямо пошлю к Вам. Стыдно мне как-то стучаться в двери Русской редакции, да боязно тоже. А что, если забракуют? Вам же легче будет объяснить им, что если слабовато, то много виноват язык, на котором я пишу. Всего лучше, чтобы все русские редакторы и критики научились по-еврейски. Тогда они поймут Ш.-Алейхема. А супруга Ваша читает ли? Я шлю ей маленькую вещь «Кейвер увыс» *. А засим жму Вам руку.

Ваш *Ш.-Алейхем.*

115

ЕМУ ЖЕ

31. X. 09.

Дорогой Давид Яковлевич!

Спасибо! Спасибо!

Все сделано будет, как Вы пишете. Как видите, я на старом месте. Послал меня сюда Салли, бог медицины. А я, безумец, думал, что попаду в Россию. Простите, много писать сегодня не могу. Я болен и утомлен.

Ш.-Алейхем.

Здесь лето в полном ходу. Вашей уважаемой супруге мой сердечный привет.

---

[1] Именно в Одессе, где говорят по-русски, упаси и помилуй мя, господи.

116

Л. Н. ТОЛСТОМУ

10. IV. 10.

Дорогой Лев Николаевич!

Я просил московское книгоиздательство «Соврем. проблемы» выслать Вам для народной читальни Вашего имени в Ясной Поляне 1 экз. моей книги «Дети Черты» (вышел пока I т.— II, III и IV печатаются).

Никогда я бы не дерзнул утруждать Вас произведениями моего пера. Но для Вашей читальни я рискнул это сделать — и вот почему.

«Наше ужасное время,— говорит Амфитеатров в своей рецензии об этой книге,— льет в жизнь такую массу ядов ненависти, что встретить в литературе противоядие — великая радость. Книга Шолом-Алейхема — противоядие могучее и проникновенное». Он поэтому горячо рекомендует эту книгу всем русским родителям, которые хотят, чтобы их молодое поколение возрастало в чувствах справедливости, любви к ближнему и всечеловеческого равенства.

Зная, как надоедает Вам публика, начиная с вопроса о перемене религии и кончая советом, на каком следует лежать боку, чтобы желудок лучше переваривал, я отказываюсь просить Вас ответить на мое письмо. Но я был бы бесконечно счастлив, если бы узнал, что скромный дар мой принят с тем братским чувством, с каким он принесен Вам.

Любящий Вас *Шолом-Алейхем.*

117

М. ГОРЬКОМУ

Нерви, 22.4.1910.

Шолом-Алейхем
С. Рабинович

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Пишу под диктовку моего отца, Шолом-Алейхема.

Ваше короткое, но выразительное и прочувствованное письмо застало его в постели, как раз во время сильного недомогания, постигшего его вследствие наступившей у нас неслыханной жары. Потребовались консультации врачей, вызов профессора и прочая бестолочь, которым, по мнению больного, грош цена. Братски выраженное Вами мнение * подействовало на него, гово-

рит он, лучше всяких велемудрых профессоров и хитро придуманных лекарств.

Папа просит передать Вам, что, по словам американских еврейских газет, Вы собираетесь будто к будущему сезону с супругою на гастроли в собственном театре, где будут играть исключительно Ваши пьесы на английском и русском языках. Папа сообщает Вам это потому, что те же газеты в прошлом году чуть не похоронили его в развалинах Мессины, так что приходилось ему писать опровержение, что благодаря счастливой случайности Нерви лежит далеконько от Мессины и что поэтому он чудом спасся от землетрясения.

Примите рукопожатие от дочери Шолом-Алейхема, которая является Вашей, неведомой Вам, поклонницей.

Ляля Кауфман.

118

ЕМУ ЖЕ

7.IV.1911.

S. Rabinowitz
Scholom-Aleichem

Дорогой Алексей Максимович!

Здесь распространился слух, будто Вы собираетесь в Нерви.

Если это правда, то моя квартира к Вашим услугам. Занимаю большую виллу в Эденском саду, лучшем в Нерви.

Бываете ли Вы в Ferrano у Амфитеатрова? Собираюсь туда на один день. Был бы рад встретиться с Вами где бы то ни было.

Любящий Вас
Ш.-Алейхем.

Привет Вашей уважаемой супруге — извиняюсь, не знаю ее имени-отчества.

Nervi (Italia),
Villa «Rosengarten».

119

ЕМУ ЖЕ

8/21.IX.1911.

Дорогой Алексей Максимович!

Как Вам нравится это письмо? Представьте — это лишь копия. Оригинал остался у меня. И писано оно чрезвычайно легко и до курьезности просто: каменным,

агатовым карандашом (Achatstift). Таким карандашом и книгой в 100 листов я снабдил А. В. Амфитеатрова, который пришел в такой восторг, что попросил для Германа Александровича то же. Исполняя его просьбу, я, будучи в магазине (Freiburg Eisenbahnstr. 12. Wuhrmann), вспомнил о Вас по ассоциации идей. Авось и Вам случится надобность написать что-либо в 2-х экз. без всякого труда, а напротив, с значительным облегчением труда.

Я, напр., пишу уже теперь *только* агатовым пером. Даже в 3-х (можно и 4-х) экз. Каталог и книга Вам объяснят, к[а]к это делать, чтобы получать по 3—4 экз. за раз.

Надеюсь, что Вы не откажетесь от ничтожного подарка, чем доставите мне великое удовольствие, остаюсь — любящий Вас

Шолом-Алейхем.

Книга и карандаш к ним высылаются посылкой без цены. Баденваймар (Шварцвальд), Villa «Ruppert».

120

ЕМУ ЖЕ

10/23.IX.12.

Дорогой Алексей Максимович!

Податель сего г. Гольдберг — сотрудник самой распространенной и богатой газеты еврейской в России — «Хайнт» (ее тираж достиг 100 000). Я состою одним из ее постоянных сотрудников (в отделе беллетристики), и это, беру смелость думать, некоторым образом говорит о ее лит[ературной] физиономии.

Редакция «Хайнта» желает заручиться Вашей статьей по определенному вопросу, который передаст Вам г. Гольдберг. Переведет статью сам г. Г[ольд]берг, который отлично владеет жаргоном. Размер гонорара потрудитесь определить сами, и сколько бы ни сказали, если только г. Г[ольд]берг Вам подтвердит, то я Вам ручаюсь. С таким же предложением, но по другому вопросу, он едет в Фетзано к А. В. Амфитеатрову.

Любящий Вас

Шолом-Алейхем.

121

ЕМУ ЖЕ

18.X.12.

Дорогой Алексей Максимович!

Если Вас не затруднит, будьте добры сообщить, действительно ли бывают на Капри зимою, как говорят, сильные ветры? Это раз. Второе — название отель-пансиона (лучшего) и цена какая приблизительно. Четыре зимы провел в Нерви. Хоть я и выздоровел окончательно, но на декабрь — февраль, когда здесь выпадает снег, я бегу на Ривьеру.

Что с Вашей статьей для «Хайнта»? Налаживается ли?

Читаю в рукописи начало новой повести А. В. Амф[итеатро]ва. Чудесная, талантливая вещица!

Шолом-Алейхем.

122

В. Г. КОРОЛЕНКО

Глубокоуважаемый Владимир Галактионович!

Г-жа Цукасова, Мария Абрамовна, передала мне, что Вы выразили готовность принять мою повесть * для напечатания в «Русском богатстве».

Считаю нужным ознакомить Вас с сущностью предмета. Это роман из еврейской и русской жизни, бытовой, по объему почти не меньше печатающегося произведения в журнале «Современник»...* В основе его — идея о нелепом обвинении евреев в «ритуальном» убийстве. Никаких внешних признаков трагедии внутренней. Наоборот, ситуации до забавности смешны. (Христианин и еврей обменялись паспортами, оба студента, в итоге — христианин попадает на скамью подсудимых, будучи обвинен в убийстве христианского мальчика — «ритуальной кровью».) Смею думать, что если когда-либо появится книга, убедительно опровергающая этот нелепый остаток средневековья, который так пришелся по вкусу нашим доморощенным «патриотам», то это будет моя книга... Она будет переведена на русский язык (произведение пишется по-еврейски)... Жду ответа и остаюсь

любящий Вас

Шолом-Алейхем.

123

МЕНДЕЛЕ МОЙХЕР-СФОРИМУ

Нью-Йорк, 28.V.1915.

С. М. Абрамовичу, Одесса.

Дорогой Дедушка!

Сколько раз собирался Вам писать! Но накопилось столько на душе, что, пожалуй, лучше ничего не писать. Однако как же быть? Ведь хочется поговорить с родным и близким. Живете ли? Здоровы ли? Это наиглавнейшее. Все остальное — пустяки. Привыкли. О себе распространяться не буду. Слишком много надо было писать. Разве в двух-трех словах? Извольте. Настигли меня вражеские немцы *. Забрали здоровье, деньги и равновесие духа. Долго вандалился по нейтральным странам. Болел физически и душевно. Совсем уже помирал. Обращался к друзьям, взывал о помощи; никто, по обыкновению, не откликнулся, какими-то чудесами попал с семьей без копейки денег в Америку. Здесь приняли меня по-царски. Устроился при газете с жалованьем в десять тысяч. Пишу больше, чем когда-либо. И с любовью к тому, что пишу. Бодр и продуктивен, как никогда. Одна беда: жена больна, дети часто похварывают, да и сам не Геркулес. Беркович с нами, также работает. В журналах пишет. Нюма, мизинец, до того насобачился по-английски говорить, что подумаешь — американец! У него талант к рисованию. И, вообразите, рисует карикатуры. Восьмилетняя Тамара, Тисина дочь — будущий профессор. Киплинга прочла, берется за Шекспира. Вот и все. Передайте мой привет Бялику, Равницкому и др. друзьям. До свидания. Увидимся ли мы с Вами на этом свете? Напишите, Дедушка!

Ваш *Шолом-Алейхем.*

III

124

С. М. ДУБНОВУ

Киев, 29 мая 1888.

Препровождая при сем мое сочинение «Дас бинтл блумен», или «Букет», стихотворения в прозе (первый опыт на еврейском жаргоне писать подобные стихи, доводя язык до совершенства, не прибегая ни к немецким, ни к русским оборотам речи и словам), прошу дать Ваш отзыв в ближайшей книжке «Восхода» *.

Судьбе не угодно было свести нас, когда Вы были здесь; лишь когда Вы уехали, г. Калмансон передал мне, что Вы были в Киеве; а жаль: мне нужно было с Вами поговорить о многом, в особенности же о моем предприятии — издавать еврейский журнал на жаргоне.

Еще хотелось бы Вам слово-другое передать касательно Вашего труда «История хасидизма» *. Дело, видите ли, в том, что здесь есть одна личность весьма оригинальная (мой добрый знакомый), утверждающая, что один из благородных отпрысков Бешта принял св. крещение и долгое время служил в Петербурге чиновником какого-то департамента. Не знаю, насколько подобный факт интересен сам по себе для Вашей статьи, так как «Введение» Ваше еще не вполне ясно определяет характер дальнейших Ваших трудов.

До Вашего благосклонного ответа остаюсь с истинным почтением

Шолом-Алейхем.

125

ЕМУ ЖЕ

Киев, 4. VII.88.

Ваше почтенное письмо от 28 июня получил и спешу ответить, что субъект, от которого Вам желательно получить сведения о цадиках, вовсе не такого свойства человек, чтобы снизойти до нашей братии щел-

коперов — сообщать сведения. Но благодаря тому положению, которое я, волею судеб, занимаю в здешней архиплутократии, я могу косвенным путем выжать из него все нужное Вам. И то при случае, сторонкою, между прочим, что обещаю Вам исполнить самым добросовестным образом.

В Сборнике моем я располагаю одним интересным очерком о целой хасидской группе, который, мне сдается, также не лишен для Вас интереса. Он написан известным критиком-сатириком М. А. Шацкесом. Когда будете в Киеве, я весь к Вашим услугам.

В заключение я к Вам с просьбою. Вы едете в Киев к Мандельштаму *. Город Киев — город святой и посему не особенно гостеприимный для нашего брата *. У меня, смею Вас уверить, Вы бы жили славно, вольготно, лучше, нежели у самого Христа за пазухой. Поэтому я и жена моя, т. е. моя жена и я, челом бьем, хлебом-солью встретим Вас, многоуважаемый Семен Маркович, дорогим гостем будете у нас. Знаю, что Вы ответите на это уклончиво, конечно, очень вежливо: дескать, так и так и все прочее-другое, между тем как я никаких резонтов не принимаю, а Ваш отказ будет для меня, выражаясь на моем языке, kimat a′ patsch in ponim [1].

Итак, решено. Ну, и прекрасно. Жду только Вашего извещения о дне выезда Вашего. Советовал бы приехать сюда к 15 июля: по случаю 900-летия крещения Руси у «нас» здесь будет большой праздник; съедется к нам весь мир или по крайности полмира. До свидания. Весь к Вашим услугам

Шолом-Алейхем.

126

ЕМУ ЖЕ

7 августа 1888.

Ваше любезное письмо от 31 июля получил. Чтобы еще больше убедить Вас в том, что Вы должны остановиться у меня, я должен сообщить Вам весьма прискорбный эпизод из пребывания здесь одного Вашего знакомого, которого я люблю. Его зовут Я. Динезон. Сей честный муж остановился на Подоле у своих знакомых, и ровно в полночь, когда он наслаждался чтением моего «Букета» (это — между прочим), к нему постуча-

[1] Пощечиной.

ли в дверь... ну, и так дальше. Его попросили «Стихотворения в прозе» оставить на другой раз, а «покудова что» его продержали часов десять в каком-то погребе, это было лишь недели две тому назад. Он дал себе слово никогда моих произведений не читать и на Подоле не останавливаться. Теперь ясно, кажется, что квартира Ваша должна быть у меня. О стеснениях же не может быть речи. Уверяю Вас. К тому же жена моя в сентябре собирается в Ялту; тогда Вы просто облагодетельствуете меня. Забыл тогда сообщить Вам, что у меня есть два херувимчика в образе девочек, которых Вы сразу полюбите, как полюбил их Динезон и еще заставил Г. Ф[ришмана] издали (из Варшавы) влюбиться в них.

Вы спрашиваете, что за Сборник издаю я * и когда он выйдет? Отвечу Вам на последний вопрос: выйдет он через полтора месяца ровно, и до того времени подписка не принимается, ибо бедный читатель жаргонной книжки, заплативши трудовую копейку, не может долго дожидаться этой самой книжки. На первый же вопрос я отвечу еще короче: я уверен, что он (Сборник) вполне заслужит Вашу симпатию. У него двойная цель: во 1-х, дать возможно больше лучшего материала за доступную цену и дать возможность нуждающимся литераторам (а какой литератор не нуждается?) зарабатывать рубль-другой, что, как Вам известно, в нашей литературе (т. е. вообще еврейской) дается не так-то легко. Достаточно Вам заметить, что до сего числа мной уплачено гонорара моим друзьям-сотрудникам почти тысяча рублей. Но этим еще не исчерпывается главная суть моего Сборника. Я хотел подняться на такую высоту, до которой не доходило еще ни одно из подобных изданий, не исключая «Гаасифа», «Кнесета» и пр., и вместе с тем оставаться доступным для народа. Я сгруппировал действительно все, что есть лучшего в нашей литературе. В пылу увлечения жаргоном ко мне перешли лучшие силы древнееврейской литературы, во главе коих Вы встретите и Льва Осиповича Гордона и Д. Фришмана, а за ним маститого Готлобера, и Егалела, и Калмансона etc. Из посмертных сочинений я раздобыл драгоценную в историческом отношении рукопись р. Исак-Бера Левинзона и мудрые стихи — Цвейфеля *, также переписку, имеющую важный интерес, между р. Исак-Бером Левинзоном и д-ром Эттингером *. Живое участие в моем издании принимают также Абрамович и Линецкий. Всех не исчислишь в письме. Одна из статей Шацкеса

имеет некоторый интерес и для Вас, как материал для «Истории хасидизма», но я ее в I томе моей «Библиотеки», кажется, не дам; но как будете здесь, то воспользуетесь ею, если найдете нужным.

В заключение просьба — и просьба всепокорнейшая. На фельетон г. Случайного Фельетониста * в последнем номере «Восхода» я написал возражение *, каковое я думал отправить в редакцию «Восхода»; но подумал — и весьма основательно,— что возражение мое попадет прямо в «корзину», и, при лучших обстоятельствах, удостоюсь еще ответа в «почтовом ящике Редакции». Поэтому я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой оказать мне эту важную для меня услугу, которую я Вам не забуду никогда в жизни моей. Извините только, что, не будучи еще с Вами знаком, я уже надоедаю Вам своими просьбами; что же будет потом? Ничего не будет. Вы только приобретете себе горячо преданного Вам друга, который может быть Вам полезен и приятен во всех отношениях (как гоголевская дама).

Еще хотел я Вас спросить: когда Вы рассчитываете окончить Вашу «Историю хасидизма»? Я уже говорил с одним студентом, который согласен перевести ее на жаргон для моей «Библиотеки» (II тома). Разумеется, прежде всего мне нужно Ваше согласие, а затем мне нужно с Вами поговорить относительно того, что необходимо ее, в некоторых местах, сократить; особенно о «Schibche Bescht» * с «моими» читателями говорить совершенно в ином тоне. «Мои» читатели могут это принять за чистую монету, и тогда получится второе «Schibche Bescht». Я откладываю эту беседу до личного свидания.

Не отпущу Вас. Еще один вопрос. Г. Калмансон (сын) написал для моей «Библиотеки» (I т.) недурную компиляцию о *мнениях, высказанных разными учеными и философами о еврейском народе*. Статья написана недурно, но меня беспокоит мысль, что не следует народу подносить такой «цимес», что мы, дескать, великая цаца у господа бога, ato bechartonu» *. Как Ваше суждение на этот счет? Жду ответа. Готовый на всевозможные услуги, преданный Вам

Рабинович.

P. S. Забыл о самой сути моей просьбы. Я прошу Вас, чтобы Вы похлопотали за меня в редакции «Восхода». Пошлите мое «Письмо» туда, и тогда его наверно

напечатают. Если же Вам неудобно, чтобы письмо проходило через Ваши руки, то Вы мне пришлите «Письмо» обратно, и я его сам вышлю туда, а Вы тем временем им напишите. Я посылаю его Вам в готовом конверте, и Вы могли отправить письмо, если бы хотели, из Мстиславля; редакция не заметит.

127

ЕМУ ЖЕ

Киев, 2 сентября 1888.

Одновременно с № «Восхода» * получил и Ваше любезное письмо, и, признаться, мне теперь совестно: не знаю, чем могу Вам услужить за оказанную Вами мне великую услугу. Я в полной уверенности, что без Вашего содействия письмо не было бы напечатано. Важность же заключается не в том, что несколько оправдался перед публикой, вовсе нет, ибо все знающие и не знающие меня проникнуты убеждением, что мое предприятие — дело не коммерческое, дело хорошее. Я хотел только перед читателями «Восхода», большинство коих смотрят на жаргон глазами Случайного Фельетониста, выставить любимый мой жаргон в более благообразном свете, как он (жаргон) этого и заслуживает, с чем Вы, как я вижу, тоже согласны. К сожалению, немногие разделяют наше мнение. Иные на самом деле смотрят на нас, как на маленьких людей, Пимперле; иные плечами пожимают от удивления; иные же, глядя через желтые очки зависти на эту *новую* литературу, лопаются от злости. При таких-то обстоятельствах нам приходится работать. Какой же тут может быть успех?

Итак, я должен поблагодарить Вас за Ваше участие, но благодарить не буду, а буду ждать случая, когда сумею услужить Вам при первой возможности.

В знак признательности и глубокого моего к Вам уважения посылаю Вам мою фотографическую карточку, и был бы рад, если бы Вы отплатили тем же.

Забыл предупредить Вас, что «Р. Сендер Бланк» есть, собственно, 1-я часть романа. 2-я часть — «Маркус Бланк» — у меня заканчивается в рукописи, а 3-ю — «Последний из Бланков» — я лишь напишу со временем, когда лучше и подробнее, всесторонне познакомлюсь с нашим юным поколением, достойным серьезного изучения. Вы видите, что я задался мыслью Э. Зо-

ля при составлении его бессмертного труда «Карьера Ругонов» (Jehawdel) *.

Я все еще не теряю надежды видеть Вас здесь.

Для моего Сборника я пишу *«еврейский роман»* под названием «Стемпеню». Имя это принадлежит личности до известной степени исторической, по крайней мере для юго-западного еврейства. Стемпеню был не кто иной, как замечательный маэстро, скрипач в Бердичеве. Сегодня я вернулся из Бердичева, где я на месте собрал кой-какие сведения об этом герое,— и вообразите себе, что описанные мною подробности, даже внешность его и пр. ни на йоту не уступают всему тому, что передали мне бердичевские старожилы. В одном лишь я согрешил против истины; мне необходимо было, чтобы Стемпеню после себя не оставил потомства; ан оказывается, что в Бердичеве и поныне живут его дети. Типов, т. е. я хотел сказать — *характеров,* во всем романе лишь три: Стемпеню — художник, поэт и пр. в еврейском смысле; его супружница — особа мелочная, жадная и жестокая, и, наконец, еврейская Лаура, идеал чистоты, кротости, красоты и чувства. Фабула самая незатейливая, процесс любви — мгновение, как подобает в таком порядке вещей у евреев и лет 20 тому назад. Стиль доведен до совершенства.

Боже мой, что за богатство для нашего брата маляра город Бердичев! Жаль, что дела (проклятые *дела*!) не позволяют мне подольше оставаться в этом еврейском Париже. Но я буду его навещать от времени до времени. При личном свидании я расскажу Вам повесть из действительной жизни в Бердичеве, от которой Вы придете в умиление. Вот она, жизнь!.. Но я Вам порядком-таки надоел. 7-го я еду денька на три — провожать мою супругу, уезжающую в Ялту. Я еду до Одессы. Наконец я увижу Абрамовича. Он великий человек. Его никто из читающих жаргон не знает, никто решительно. Если бы я не знал, что время Вам так дорого, я бы, невзирая на неприличие, выслал бы Вам его очерк (в корректуре) «Волшебное кольцо», который напечатаю в моей «Библиотеке».

Считаю приятным долгом поделиться с Вами отрадною новостью, что Бен-Ами высылает мне свой очерк для «Библиотеки». Затем г. М. Г. Моргулис * (Одесса) выразил готовность принять участие в «Библиотеке»... Все сюда!

Имею еще кой о чем с Вами поговорить да посове-

товаться, да совестно просто. Жму Вашу руку. Глубоко преданный Вам *Соломон Рабинович.*

P. S. Когда именно вы переедете в Питер и как будет Ваш адрес туда?

128

ЕМУ ЖЕ

Киев, 13. X. 88 г.

Посылаю Вам проспект о выходе (в ноябре) моего Сборника «Евр. народная библиотека». Желательно было бы, в назидание моим врагам, чтобы в «Восходе» была помещена заметка об этом отрадном литературном явлении. Прошу Вас, если можете, посодействовать мне в этом. Жду еще Вашего ответа и возврата известного Вам письма. Преданный Вам

Рабинович.

129

ЕМУ ЖЕ

Киев, 18 ноября 1888.

Вчера лишь вернулся из Ялты, где пробыл недели три, и застал Ваше письмо от 24 октября. Спешу уведомить Вас, что Ваше письмо с «документом» * получил еще перед отъездом в Ялту. Забыл добавить Вам тогда, что в деле просматривания Вашей статьи в корректуре, по-моему, фигурировала одна очень уважаемая и даровитая личность... * Но не будем больше об этом говорить. Когда-нибудь при личном свидании я Вам сообщу много интересного и поучительного касательно этих «уважаемых и даровитых» личностей. Пока же, дабы не показаться Вам чрезвычайным мизантропом, я спешу оговориться, что я, по натуре своей, слишком доверчив, а по неопытности слишком непрактичен, а то и другое вместе стоят мне очень дорого в смысле крови и жизни.

Неужели Вы так-таки в Киеве не будете? Видно, Ваши глаза «плюют» на Мандельштама. А когда Вы собираетесь в Питер? Не проходит письма без просьбы. Опять просьба. Дело в том, что мой новый роман «Стемпеню», о котором я Вам давеча писал и который входит в состав «Библиотеки», печатается особо — в Одессе — и уже вышел из печати. Вот мне хотелось бы, чтобы Вы взглянули на него прежде еще, чем выйдет

«Библиотека», и *частно* высказали бы мне о нем свое мнение. Идет?

Видно, никакие вылазки Леви и нападки Случ. Фельетониста не имеют никакого действия; подписка на «Библиотеку» идет *очень бойко*, и, кажется, в успехе моего предприятия уже нельзя сомневаться. Впрочем, еще посмотрим дальше. Будьте здоровы и не медлите ответом. Весь Ваш

С. Рабинович.

130

ЕМУ ЖЕ

Киев, 11 января 1889.

Одновременно с сим посылаю Вам заказной бандеролью мое новое произведение «Стемпеню», первый мой роман, давно обещанный мною Вам. «Стемпеню» есть произведение художественное, и от его успеха зависит вся дальнейшая судьба моей литературной деятельности. Задавшись мыслью написать еврейский роман для народа, я спустился к нему, к народу, заимствовал у него все прекрасные легенды об этой, так сказать, исторической личности. Стемпеню действительно личность, существовавшая в нашем крае, а в Бердичеве (где он родился), Житомире и других городах Волыни и Украины нет того еврея-старожила, который бы не знал если не самого Стемпеню, то, по крайней мере, массу анекдотов, историй и легенд по поводу него. Для этой цели я поехал в Бердичев, вошел в переписку и личные сношения с «клезмерами» [1], которые отчасти раскрыли предо мною душу этого человека; остальное же досоздала моя творческая фантазия. Помимо [этого] и не дожидаясь Вашего печатного отзыва, я прошу удостоить меня письменно Вашим авторитетным для меня мнением. Полагаю, что Вы еще в Мстиславле, ибо не получил от Вас обещанного уведомления о перекочевании Вашем на Север.

При сем прилагаю оглавление моего Сборника, из которого Вы убедитесь, что Сборник уже совершенно готов; на днях будет разослан. Ст. XXXVI, взятая в красную рамку, касается Вас лично. Жду ответа.

Преданный Вам

Шолом-Алейхем.

---

[1] Клезмер — музыкант.

131

ЕМУ ЖЕ

Киев, 9 II.89.

Очень жаль, что обстоятельства помешали Вам пройтись по моему Сборнику. Буду надеяться, что с приездом Вашим в Мстиславль Вы не забудете вернуться к нашему жаргону, который считает Вас своим *высоким покровителем* после того, как целое десятилетие, если не больше, наша эмансипированная сестра — русско-еврейская литература совершенно игнорировала своего даровитого подростка-жаргона. В особенности меня интересует Ваше беспристрастное мнение о «Стемпеню», который уже не есть копия действительности, а художественная картинка, одухотворяющая действительность в сочетании стройных, гармоничных и ярких образов и штрихов. Это первая моя попытка создать нечто прекрасное в области фантазии на еврейской народной почве. Вам предстоит оценить, верно или неверно решена мною задача художника. В последующих произведениях я возвращусь к обычному моему жанру — бытописанию.

Вы спрашиваете, как идет подписка, т. е. продажа «Библиотеки». Если это есть успех, то «Библиотека» может на него претендовать, ибо в течение января месяца разослано до 2000 экз. и подписка еще продолжается, так что, по мнению экспедитора, в феврале и марте она должна разойтись и потом уже составит библиографическую редкость. Отзывы же mevinim [1] достигают высших пределов в своих восторгах. Но Ваше мнение для меня важно ввиду собрания материалов для II тома, к которому имею желание приступить скоро, несмотря на все трудности, неприятности, мерзости, пакости и бесконечные сплетни... Весь Ваш

Шолом-Алейхем.

P. S. Неужели в «Нед[ельной] хр[онике] восх[ода]» никто словом не обмолвится о «Библиотеке»?

132

ЕМУ ЖЕ

Киев, 14.IV.89.

Только сегодня узнал, что Вы уже в Мстиславле. Горю нетерпением узнать Ваше мнение о моем «Стемпеню». Это не просто любопытство, а интерес важ-

[1] Понимающие.

ный для меня в отношении дальнейших моих произведений. Ваше слово всегда служит для меня путеводною звездою на моем писательском поприще.

Имею к Вам еще частную просьбу. Не знаете ли Вы, из каких источников могу я почерпнуть сведения по истории происхождения еврейского костюма? Профессор Доброславин в ПБурге недавно прочел лекцию о ермолке у евреев. Но это недостаточно для моей задачи.

Собираю материал для II тома моей «Народной библиотеки».

Будьте здоровы. В. В.[1]

С. Рабинович.

133

ЕМУ ЖЕ

Боярка Ю.-З. ж. д. 18 июля 1889.

Благодарю Вас за карточку. Извините, что до сих пор Вам не отвечал. Дела, дела, дела! (Литературные преимущественно.) В скором времени приступлю к печатанию II т. «Библиотеки», который должен перещеголять первый том во всех своих отделах. Сам написал я повесть «Perele» *, которая стоит мне полгода труда и, кажется, нескольких лет жизни. Никогда я еще столько не трудился над произведением, тщательно обрабатывая его со всевозможных сторон. Характер нового моего романа — лирический; при всей моей наклонности к веселому юмору, у меня при нынешнем нашем социальном положении не хватает духу юродствовать, тем более что в жизни, которую я описываю, я нахожу, откапываю такие перлы, как Perele или Rochele в «Стемпеню». Кстати, «Стемпеню» печатается теперь в немецком переводе во львовском «Израелите». Нашлись, однако, люди, сумевшие оценить вещь хотя бы на жаргоне. В нашей же еврейской литературе я имею теперь столько антагонистов, что, право, не понимаю, за что такая честь, ибо «много врагов — много чести». Иногда же мне становится довольно жутко при таких обстоятельствах.

Не имеете ли Вы такого знакомого в Петербурге, который бы взял на себя труд — за приличное вознаграждение — списать брошюру «Mausse gedola mitebach

[1] В. В.— то есть: весь Ваш.

Uman» * в библиотеке Академии наук? Когда рассчитываете Вы быть в Питере? Мне это нужно знать. Еще раз простите, что опоздал ответом.

Весь Ваш *С. Рабинович.*

P. S. Будет ли скоро отзыв в «Восходе» о моей «Библиотеке»? Мои древнееврейские «Типы и силуэты» * печатаются в «Хамейлице». Пришлю Вам потом целую книжку этих крохотных вещиц.

134

ЕМУ ЖЕ

Киев, 3 августа 1889.

Будьте столь любезны и сообщите мне, где я могу достать книгу о кавказских евреях, которую Вы, помнится, разбирали в прошлом году... «Восхода» я, живя на даче, давно не читал. Кажется, я Вам уже сообщил, что мой «Стемпеню» переведен на немецкий язык в «Израелите» (львовском). Преданный Вам

С. Рабинович.

135

ЕМУ ЖЕ

Боярка, 17.VIII.89.

Ваше открытое письмо получил. И рецензию Вашу в «Восходе» (июль) читал. Вы — единственный писатель, сочувственно и гуманно относящийся к бедному жаргону. Трудно выразить Вам ту искреннюю благодарность, которую я должен был выразить Вам. Я переживаю нынче столько гонений и несправедливых нападок на меня и на жаргон, с которым почему-то связали мое имя, что не могу не радоваться от всякого доброго слова. В особенности мне достается от одного психопата, забравшего в свои нечистые руки единственный «Народный листок» *, который обращен им теперь в клоаку для излияния помоев по адресу жаргона и его адептов-поклонников, в особенности по моему адресу, после того как я — что бы Вы думали? — отказал этому проходимцу в ссуде 6000 рублей! С того самого момента и начинается его поход против меня и жаргона (несчастный, ни в чем не повинный жаргон!). И Вам нужно видеть, как издатель (он же фактический редактор) *жаргонной* газеты кричит в каждом номере: «Долой поганый жар-

гон!» Вот геройство! Но это бы ничего. Чтобы окончательно подорвать авторитет жаргона, он в передовых статьях, в фельетонах, в политической и иностранной хрониках повествует читателям о том, что Шолом-Алейхем-де курит десятирублевые сигары и подкупает своих критиков (в том числе и Вас, конечно) для рекламирования своих произведений, и т. п. грязь, которую повторять стыдно. И это все — в *единственном* органе для массы! Удивительно, как, однако, моя «Библиотека» так быстро и с таким успехом разошлась в народе; а отзывы и сочувствие людей искренних придают мне силу и бодрость бороться против явной несправедливости двумя путями: презрительным отношением ко всякой сволочи и энергичным стремлением вперед, распространяя полезные книги в массе. Ваше замечание относительно существенного пробела в «Библиотеке» — исторических популярных статей — принял к сведению с душевной признательностью. Пред[анный] Вам

С. Рабинович.

136

ЕМУ ЖЕ

Киев, 2 февраля 1890.

Давненько не писал я Вам. Не то чтобы не было о чем, а скорее от невозможности самому оторваться от усиленных занятий (на днях II том моей «Библиотеки» выходит в свет) и нежелания мешать другому заниматься. Прошли те блаженные времена, когда люди нуждались в обмене мыслей. Теперь этот обмен мыслей заменили либо деловой корреспонденцией, либо журнальной перегрузкой. Единственное спасение — это искусство, куда удаляешься на время и забываешь всю эту литературную мразь. Говоря об искусстве, я считал для себя приятным долгом уведомить Вас, что через недельки две пришлю Вам мой новый роман «Иоселе-соловей», имеющий войти во II том «Библиотеки». Если Вы отнеслись к «Стемпеню» так благосклонно, то я не знаю, что Вы уже скажете об этом произведении. Я, по крайней мере, переписывал его раз пять и, кажется, недаром потрудился над ним. Кстати, посылаю Вам одновременно с этим письмом мои «Типы и силуэты», первые мои опыты на языке наших праотцев. Преданный Вам

С. Рабинович.

137

ЕМУ ЖЕ

Киев, 16 февраля 1890.

Я уже начинаю думать, что Вы в Питере и письма мои таким образом пропадают в Мстиславле. Но я рискую и пишу все-таки Вам опять и опять. Одновременно с сим посылаю Вам мои мелкие рассказы на древнееврейском языке, как первые опыты, пробы пера (я, кажется, послал Вам их в Петербург). Со стороны содержания их я не могу похвалиться, ибо обратил все свое внимание на изящество слова. Я вынужден был обратиться вначале к типам «отживающим», ввиду того что хочу дать целую серию таких типов и силуэтов вплоть до новейшего времени, и эти типики мне пригодятся для параллели... Если время позволит Вам, пишите о них отзыв в «Восходе» и, кстати, сообщите мне Ваше мнение. На днях получите мой новый роман «Иоселесоловей», который прошу прочесть с особенным вниманием.

До свидания, В[есь] В[аш] *С. Рабинович.*

138

ЕМУ ЖЕ

Ю.-З. ж. д. Ст. Боярка,
17 мая 1890.

Ваше письмо меня обрадовало: наконец-то мы с Вами познакомимся. Но будете ли Вы скоро в Киеве? Во всяком случае, если приедете в Киев, то прошу Вас заехать либо в Киев, на Елизаветскую улицу, № 8, либо в Боярку, дача 26, по Вашему выбору. Мой совет — заезжайте прямо в Боярку, откуда Вы имеете 5—6 киевских поездов в день. Д-р Мандельштам также живет в Боярке, т. е. приезжает ежедневно в Боярку дачным поездом в 5 часов и проводит здесь до следующего утра, по обычаю всех дачников. Я советую Вам потому так делать, дабы не приходилось Вам ночевать в Киеве, что важно во всех отношениях. Наконец я требую и настоятельно прошу ускорить Ваш приезд, ибо в июне — июле — кто знает? — д-р Мандельштам может куда-нибудь уехать. Ясно, кажется, как летний день, что Вы должны немедленно приехать,— и в Вашем полном распоряжении моя зимняя квартира, которая теперь совершенно гуляет, а также полный отдых и самое что ни на

есть простое «балебатыше» [1] гостеприимство в Боярке. Жалуйте же, Семен Маркович, не медлите, ибо в середину лета я собираюсь в Одессу. Жду Вашего письма с назначением дня и недели Вашего к нам приезда. Весь Ваш

Соломон Рабинович.

P. S. Казус с Линецким * для меня не нов: этот несносный автор стоит мне много денег, крови и жизни. 70 чертей и 140 ведьм тому, кто выдумал жаргонную журналистику и жаргонных писателей.

139

ЕМУ ЖЕ

Боярка, 28 июля 1890.

Сир и вдов, брожу я весь день в саду, по излюбленной Вами аллее, и все думаю о том, как было бы приятно, хорошо и полезно, если бы стук Ваших каблуков раздавался в столовой, хотя бы тогда даже, когда я буду спать. Лучшим доказательством, что я скучаю, это то, что я почти потерял аппетит, увы! Но довольно сентиментальничать. Поговорим о делах более важных. Эмма *, Ваша любимица, спрашивает, разыскивая кого-то в саду: «Где дядя?» Не знаете ли, милостивый государь, о ком мечтает сия девица? Извините, я, как отец, беру себе право вникать в сокровенные тайны моих дочек, ведущих кумовство с еврейскими писателями. Кстати, о них, о писателях наших... «Но неужели они еще Вам не надоели?» — скажете Вы. Совершенно верно, они мне надоели страшно, но все же какая-то сила проклятая тянет меня к ним [...] [2]. Я бы писал да писал Вам, но знаю, как 2×2=4, что в данную минуту Вы плывете по Днепру, затем Вы, по живости Вашего темперамента, проведете денька 3—4 с «Моткой», затем простоите с недельку в городе Пропойске и лишь к Hoschana-raba приедете домой. Такого мнения держатся все мои домашние, которые шлют Вам сердечные поклоны... Обнимаю Вас и грызу ногти от досады, что я делаю, впрочем, всегда.

Весь Ваш *Шолом-Алейхем.*

---

[1] Балебатыше — в смысле: хлебосольное.
[2] Опущены несколько строк.

140

ЕМУ ЖЕ

Киев, 28 августа (1890).

...Что же до меня касается, то столь много накопилось, что писать грешно и невозможно. Живу собачьей жизнью. Занят и разбросан. Мчусь на суетножитейском аэростате по всем направлениям. Голова ходуном идет, в ушах постоянный звон, и вся душа моя будто находится в чьей-то власти, во власти современного Демона; лишь изредка поглядываю вниз, на расстилающийся подо мною мир, и я созерцаю его прелести, упиваюсь его красотой и смеюсь над его неисчерпаемою глупостью. Словом, это не жизнь, а какая-то дьявольщина, и бог весть, куда я попаду,— наверное, в ад...

Моя жаргонная книжка новая скоро увидит свет. Рассказец юмористического свойства живой, бойкий и не лишен психологической правды. Древнееврейский же рассказ * мой тоже готов к печати, но я остался им недоволен, и едва ли он увидит свет, если его не исправлю. Весь Ваш

С. Рабинович.

141

ЕМУ ЖЕ

Киев, 2.X.90.

Тяжело будет для Вас то, что я Вам сообщу здесь, но каково уже мне! Ваш раздвоенный друг, столь бурно прошедший бурную жизнь, оскользнулся и погиб... погиб для мира золота и бумаги *. Пробил его последний час, и он, сложив оружие, обратился в бегство,— разумеется, до поры до времени. Что скажет «свет»? Как примут это мои друзья, искренние и неискренние? Но до того ли мне теперь? Считая Вас добрым, искренним другом, я прошу вспомнить о том, что говорено было между нами в Боярке. Дела уже тогда были скверны, но один шаг, устремленный мною к выходу из неопределенного и шаткого положения, ускорил лишь конец. Две-три крупнейших неудачи, два-три ужаснейших банкротства — и я очутился в огне, объятый пламенем долгов и обязательств, грозящих мне не только разоре-

нием, но чем-нибудь более ужасным. Куда направляюсь я — одному богу известно!

Рад я, что Вы очутились в Одессе, Adonaj schlochocho [1]. Там живет теперь моя семья. Должен ли я просить Вас быть для нее утешителем? Сойдитесь с Б. А. Он святой человек. У него Вы узнаете адрес моей супруги и деток. Прощайте, дорогой товарищ. Весь Ваш

Шолом-Алейхем.

[1] Бог тебя прислал (*древнеевр.*).

IV

142

БЕРЛИН. «ЦЕНТРАЛ-ОТЕЛЬ», 196

21.XII.07

Многоуважаемые друзья,
Саул Моисеевич и С. Розенфельд!

Часа 2 тому назад я получил любезное приглашение от г. Розенфельда участвовать в «Венике» *. При этом г. Розенфельд ставит мне 3 условия: 1) дать «самое лучшее», 2) не больше 100 строк фельетон и 3) гонорар за фельетон Ш[олом]-Алейхема «самое лучшее» — шесть рублей серебром! Помните, в Питере у Вас такую монету дают старшему дворнику в день Нового года. Будем откровенны, господа. В 1-ю минуту я был возмущен. Поймите, после моей вопиющей телеграммы из Берлина, после полученных из Швейцарии печальных писем: и от «Фрайнда» ничего, после обещания С. М. *, что 1-го дек[абря] будет выслано,— я вдруг получаю подобное приглашение. Чем можно отомстить за подобную злую насмешку? А вот чем. Я исполнил желание Ваше. Сел и написал Вам фельетончик для 1-го №-а «Безем» (т. е. «Веник». — *Ред.*), который при сем прилагаю, и — клянусь Вам — пожелай я от какого-нибудь Крынского, кабцана из кабцанов *, 100 рублей за него, он жену заложит в ломбард и пришлет мне, п[отому] ч[то] Крынский за нечто подобное («Дядя Пиня и тетя Рейзя») попробовал заработать тысячи (я не преувеличиваю). Я хочу, чтобы этим фельетоном Ваш «Безем» прогремел от одного конца евр[ейского] мира до другого и чтобы Вы помнили (и, кстати, поняли), что у Вас был сотрудник, которого зовут Ш[олом]-Алейхем. Что же касается до гонорара, то если Вы стоите на этой цене, о которой пишет г. Розенфельд, то будьте любезны отдать его в кассу взаимопомощи нуждающимся студентам-евреям в П[етер]бурге. Я был бы грубияном, если бы я сказал, что я дарю Вам этакой гонорар. Разумеется, что

только в 1-м номере «Безем», а не в другом №-е Вы можете дать эту историйку. Что касается рекламы и пр[очего], то не мое дело вмешиваться в Ваш бизнес. В знак того, что я не сержусь (обида слишком велика, чтобы сердиться), я жму обоим Вам руку совершенно по-дружески.

Ш[олом]-Алейхем.

143

Берлин (без даты).

Многоуважаемый Израиль Моисеевич! *

Ну, что за счеты? Вы бы на минутку вошли в положение человека, не знающего истинного положения вещей, и Вы бы тогда отказались от всяких обвинений. Отказываюсь и я от них. Будем друзьями. Сомневаетесь ли в том, что я буду участвовать в дальнейших «Беземах»? Я чертовски занят здесь — вот беда. Но урвем минутку и для «Безема», которому я симпатизирую уже до его рождения. Что до «Фрайнда», то я выслал сегодня зак[азной] бандеролью дальнейших «Эмигрантов» *. Итак, кто старое вспомянет, тому глаз вон. В конце декабря Вы сведете счеты — посылайте же деньги в Женеву по адресу моей жены, прошу Вас: Geneve (Швейцария), M-me O. Rabinowitz. Avenue du Mail, 21. Приобщите к счету и тот материал, который я Вам выслал сегодня, приблизительно и то, что будет выслано мною до заключения счета. А еще лучше было бы, если бы взяли сейчас да отправили моей супруге просимую сумму. Ваш старый друг

Ш[олом]-Алейхем.

С. М. и Розенфельду мой привет. Отчего они не пишут сами? Боятся они меня? Не съем...

144

А. И. РАПОПОРТУ

(Берлин) 20.I.08.

Многоуважаемый г. Рапопорт!

Получил Ваше еврейское письмо, на которое я отвечаю Вам по-русски. Когда Вы будете писать мне по-древнееврейски, тогда я Вам отвечу на жаргоне. Получил жалобу из дому (Женевы), что с 1-го января

перестали высылать мне «Фрайнд» (по адресу: Geneve, Avenue du Mail, 21. S. Rabinowitz). Я здесь также его не получаю и не вижу. И, вообразите, встречаю людей здесь, которые благодарят за фельетон в «Безем», а я «Безема» и не видел. Психология писателя — он должен видеть, иметь перед глазами свое детище, для того чтобы производить дальше. Просил бы, помимо экз[емпляра], высылаемого в Женеву (надеюсь, что возобновите высылку), распорядиться о высылке «Фрайнда» с «Беземом» сюда в Берлин в течение этого января месяца (начиная с 1-го числа).

За дружеское письмо благодарю.

Ваш *Ш[олом]-Алейхем.*

С. М. и Розенфельду поклон.

145

(Берлин) 24.I.08

Многоуважаемый Израиль Александрович *!

Получил неподписанное письмо и чек на г. Ривкеса * (Берлин) на 75 марок. Спасибо. Но почему же не прислали мне счета? Или счет отдельно пришлют? «Безема» не видел. Теперь я к Вам с вопросом (мит а шайлэ). Имеет ли право газета * выпустить отдельным изданием напечатанный у нее фельетон или фельетоны без ведома и разрешения их автора? Что может автор предпринять в случае, если бы газета позволила себе такой поступок? Какие существуют законы в ограждение авторских прав в этом случае? Не существуют ли особые законы об этом для Царства Польского? Вы меня премного обяжете, если поручите кому-нибудь из знающих написать мне подробное письмо об этом. Заранее выражаю Вам мою благодарность.

Ваш *Ш[олом]-Алейхем.*

Привет С. М. и Розенфельду.

146

ЕМУ ЖЕ

15.II.08.

Мой адрес: Geneve (Suisse), 21, Avenue du Mail.

Сегодня я узнал, что г. Ривкес (Kaiserstr., 35) писал Вам, между прочим, что денег он не шлет Вам,

имел в виду меня, 1) т[ак] к[ак] я живу в одном доме с ним, 2) т[ак] к[ак] я состою Вашим сотрудником, 3) т[ак] к[ак] мне будут причитаться с Вас деньги, 4) т[ак] к[ак] и т. д.— поэтому и т. д. Покорнейше прошу это объяснение, данное Вам помимо меня, записать в дебет *его собственной благоглупости.*

Что касается моих дальнейших работ, то вследствие перевода и постановки моей пьесы * я залез ужасно далеко в какие-то дебри немецкой журналистики и бог весть, когда я выпутаюсь из этого приятного болота. Бог не без милости. Кланяюсь.

Ваш *Ш[олом]-Алейхем.*

147

А. И. РАПОПОРТУ

(Женева) 5.III.08

Многоуважаемый Александр Израилевич!

Посылаю Вам одновременно с сим «Шалахмонэс» * (историю в честь праздника пурим, рассказанную касриловским евреем и переданную слово в слово Шолом-Алейхемом).

Дадите Вы его в «Фрайнде» или в «Беземе», если ради праздника издаете в более роскошном виде, на лучшей бумаге.

Имею к Вам просьбу, которую изложу просто в 2-х словах: нуждаюсь в деньгах. До зарезу мне нужна пара сот рублей. Хотя по счету Вашему еще причитается рублей 50 или 60, но Вы не обратите на это внимания и поступите со мною по-джентльменски, к[ак] поступали доныне. Обещаю Вам целый ряд фельетонов и не буду к Вам обращаться за деньгами впредь до того, когда Вы сами раскошелитесь. Еще более любезно поступили бы Вы, если бы распорядились эти деньги выслать мне сюда, в Женеву, телеграфно, так чтобы я их имел здесь не позже 1/13-го марта.

Преданный Вам *Ш[олом]-Алейхем.*

148

ЕМУ ЖЕ

(Женева) 8.III.08

Многоуважаемый Александр Израилевич!

Ваше письмо от 21 февраля получил. Вы угадали: мой пуримский фельетон * был уже в пути (теперь он у Вас). Жалею, что не ответил Вам телеграммой на телеграмму. Но теперь уже все равно. Вы уже получили и мою телеграмму, и мои два письма, где была выражена моя покорнейшая просьба об авансе двухсот рублей *по телеграфу*, и я жду с минуты на минуту Вашего телеграфного перевода.

Что касается Вашего предложения насчет «Клада», то я *его принимаю*. Для него нет лучшего места, как «Фрайнд», читаемый *всеми* классами нашего общества. Но тут есть закавыка, и от Вас зависит сие уладить, а именно: т[ак] к[ак] теперь можно в т[еатральну]ю цензуру провести пиесу и на евр[ейском] языке, то Вы возьмете на себя этот труд. Это одно. Второе — как оградить себя от гг. Фишзонов * и $К^0$, дабы они не смели поставить ее на сцене без разрешения автора? Будет ли театр[альная] цензура гарантией от того или это еще недостаточно? Возможно ли путем огласки это сделать при печатании самой пиесы, что, мол, все права представления, перевода и пр. сохраняются за автором? Имеет ли подобное «справа архангел Михаил, слева архангел Гавриил» какое-нибудь практическое значение? Как я Вам уже писал, пиеса переводится на нем[ецкий], русский языки, ведутся переговоры с разными театрами о постановке пиесы на нем[ецкой], русской и польской сценах,— и вот какой-нибудь театральщик Фишзон может мне натворить беду. Сыщите какой-нибудь способ раньше, чем приступить к обнародованию пиесы, и напишите мне, пожалуйста. Во всяком случае, пиеса Ваша. Жду исполнения просьбы *телеграфно*.

Ваш *Ш[олом]-Алейхем*.

P. S. Не мешало бы, кажется, в хронике «Фрайнда» поместить маленькую заметку о том, что 5-го марта в Женеве пред большой публикой учащихся и толпы евреев была Ш[олом]-Ал[ейхе]мом прочитана на жаргоне его новая пиеса «Клад» (комедия в 4-х актах и 5 картинах) при общем энтузиазме публики, устро-

ившей автору шумную овацию. Как нам передают, это после целого ряда драм *первая жизненная еврейская комедия*, соединившая в себе внутреннее содержание, идею, с редкою сценичностью. Пиеса переводится на русский, немецкий и польский языки.

149

ЕМУ ЖЕ

(Женева) 15.IV.08

Многоуважаемый Александр Израилевич!

Вы, вероятно, в душе ругаете меня, что так опоздал присылкой моего «Клада», который предназначен у меня для Вас, а рус[ский] перевод его для «Шиповника» *. Но того Вы и знать не хотите, что писатели вообще народ сумасшедший, а Ш[олом]-Алейхем — подавно. Прежде, чем я выпускаю что-нибудь из рук, я должен по меньшей мере 5 раз перекроить, а потом начинается отделка, полировка — беда! То же случилось и с «Кладом». Из 4-актной комедии она превратилась у меня теперь в одноактную трагикомедию с прологом (в смысле строчек я понес большие убытки — разве это не сумасшествие?). Итак, на днях Вы получите трагикомедию «Дер Ойцер» *. Но вот что, голубчик мой: мне слезно хотелось бы обеспечить право собственности для театра. А это возможно провести через цензуру, особенно по-русски, в «Шиповнике». И вот что: 3 или 4-го мая (н. с.) меня вызывают на гастроли в Варшаву «Хазомир» *, где я буду читать вообще и «Ойцер» в частности. Числа около 10-го меня вызывают в Одессу с тою же целью. Мне думается, что если бы «Фрайнд» захотел, он сумел бы организовать хотя бы только один лит[ературный] вечер в Питере, большой, конечно, на котором Ш[олом]-А[лейхем] прочтет свои новые произведения, в том числе и свою пиесу «Дер Ойцер». Помимо других выгод, я бы побывал в некот[орых] сферах в П[етер]б[урге], полезных для меня в смысле устройства моих театр[альных] пиес. Здесь, в Европе, да еще в прекрасной Швейцарии, я задыхаюсь; нет переводчика! Нет!

Сию минуту получил письмо из Нью-Йорка (Америка). Мне пишут следующее от имени Любарского: Д. Пинский также написал драму «Ойцер». Читал ее Адлеру. Адлер не принял. Но Пинский печатает ее

в «Фрайнде», который сторговался с Пинским за 500 руб. (sic!).

Просил бы Вас немедленно сообщить мне, правда ли это, т. е. что Пинский прислал Вам драму под этим названием и что Вы печатаете ее во «Фрайнде»?

Преданный Вам
Ш[олом]-Алейхем.

150

ЕМУ ЖЕ

(Женева) $\frac{6.V}{23.IV}$ *08.*

Уважаемый Александр Израилевич!

Обещанную пиесу «Дер Ойцер» я выслал г-ну Розенфельду, с тем чтобы он потрудился провести ее через театральную цензуру, а затем уже передать «Фрайнду» для напечатания. К тому же я выслал *два* варианта, которые, быть может, придется либо соединить, либо сделать выбор. Прошу разрешить мне сделать именно так, ибо достоинство произведения важнее для меня гонорара и авторского самолюбия. Вопрос еще в некоторой зависимости от евр[ейского] театра, так что спешить печатанием нельзя! Надеюсь, что займет не более недели времени.

Г-ну Розенфельду пишу особо. А где Саул Моисеевич?

Преданный Вам *Ш[олом]-Алейхем.*

На мое письмо я ответа еще не получил.

151

ЕМУ ЖЕ

(Женева) $\frac{25.4}{8.V}$ *08.*

Многоуважаемый Александр Израилевич!

После того, как я Вам выслал обе пиесы («Ойцер» 5-актный и «Ойцер» 3-актный), я получил Ваше письмо от 22-го и вынужден был Вам телеграфировать: «Вчера «Ойцер» выслал. Прошу драмой Пинского подождать. Мою раньше безусловно». Надеюсь, Вы поняли и приняли к сведению! Теперь мотивы. Вы пишете, что не Ш[олом]-Алейхему конкурировать с Пинским. Вот именно, потому я и требую напечатать раньше мою пиесу, на что я бы

предъявил даже свои права: 1) Мы вели с Вами переговоры *куда раньше*. 2) Я, кажется, имею основание считать себя более, нежели П[инский], Вашим *постоянным* сотрудником. 3) Никоим образом мне не идет печатать произведение после кого бы то ни было *под тем же заглавием и с тем же, по-видимому, сюжетом.* А посему, представив на Ваш суд *оба варианта, прошу* один из них напечатать во «Фрайнде» по Вашему усмотрению.

Что же касается до срока, то я, принимая во внимание осложнившиеся обстоятельства, разрешаю Вам приступить к печатанию *даже сейчас.*

В случае же, если бы Вы, невзирая на все мои доводы, все-таки решили бы печатать раньше пиесу другого автора, тогда я на печатание моей пиесы во «Фрайнде» никоим образом *согласиться не могу* — и тогда, само собой разумеется, просил бы рукопись обратно.

В ожидании удовлетворительного Вашего ответа и благоприятных известий вообще

остаюсь

неизменно Ваш *Ш[олом]-Алейхем.*

152

ЕМУ ЖЕ

(Женева) 9.V.08.

Многоуважаемый Александр Израилевич!

Свершилось!..

Нет слов, которые могли бы выразить состояние духа, горечь, обиду и... (я видел «Фрайнд» № 91) *. Поистине катастрофа! Отчего Вы не предупредили меня за неделю раньше? Ваше письмо было уже тогда, когда набор был готов. Но... нет, я Вас не упрекаю, никого не обвиняю. Сам виноват.

Итак, что теперь?

Вот что, Вы еще можете помочь беде, *если захотите выручить сотрудника.*

Приостановить печатание драмы П[инского], с объяснением, какое Вы найдете для себя лучшим, или же без всякого объяснения, и немедленно приступить к печатанию моей 3-актной трагикомедии, но под другим названием «Золотоискатели»... А когда моя пиеса окончится, Вы приступите к продолжению прерванной.

Если же Вы этого сделать не можете, то немедленно

телеграфируйте мне одно слово: «Нельзя». Тогда я напечатаю свою пиесу в другой газете. Это письмо Вы получите во вторник. Я же буду ждать до среды, и, если в среду не получу телеграммы, я буду считать все равно что нельзя, тогда я приступлю к печатанию в другой газете. Вы бы меня премного обязали, если бы, в случае Вы согласились на мое предложение приостановить драму П[инского] и печатать мою, дали мне депешу: «Согласны», которую также жду во вторник или среду.

Итак — во всяком случае телеграфируйте. Неполучение от Вас депеши до среды буду считать за отказ, разумеется.

Ну, решайте же! Больше писать не могу, да и не нужно...

Ваш *Ш[олом]-Алейхем.*

153

ЕМУ ЖЕ

(Женева) 9/22.V.08.

Многоуважаемый Александр Израилевич!

Не знаю, услышана ли моя молитва, я делаю свое: прилагаю при сем необходимое предисловие к моей пиесе. Думаю, что Вы еще успеете пристегнуть его к произведению. Повторяю мою покорнейшую просьбу напечатать сейчас мою 3-актную трагикомедию в «Фрайнде» или немедленно отослать мне рукопись вместе с настоящим предисловием обратно, о чем телеграфно уведомить меня. Равным образом, если моя молитва дошла до Вас и Вы, в удовлетворение Вашего сотрудника, согласились поступить против редакционной этики, то прошу также уведомить меня телеграммой: *согласны.* Неполучение таковой до среды буду считать за отказ. Говорю с Вами теперь в тоне «тахнуним» [1], хотя мог бы основываться на правах: 1) Вы со мною вели переговоры об «Ойцере» раньше, нежели с П[инским]. 2) Я Вам выслал *его* на *три* дня раньше, чем я знал о том, что П[инский] Вам прислал свою пиесу, и 3) ...Я не желаю настаивать, я прошу и надеюсь, что Вы вырвете себе здоровый кусок мяса, лишь бы показать, что дорог Вам Ваш

Ш[олом]-Алейхем.

[1] В тоне мольбы.

154

(В РЕДАКЦИЮ «ДЕР ФРАЙНД»)

(Женева) 9/22.V.08.

Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Я жду вот уже дней десять, если не больше, Вашего ответа и все дождаться не могу. А праздник шевуот на носу. А время идет вперед. Чему приписать подобное молчание, к которому я не привык? К тому же я готовлюсь в путь-дорогу в Россию (на время) и не знаю, право, как быть. Да или нет, но ответ же должен быть когда-нибудь. Я его жду каждой почтой.

Жду и жду.

Ш[олом]-Алейхем.

155

А. И. РАПОПОРТУ

(Нерви) $\frac{26.XI}{9.XII}$ *08.*

Заказное
С. И. Рапопорту
СПбург
Фонтанка, 147

Дорогой Александр Израилевич!

Получил Ваше письмо и спешу Вас поздравить *. Я буду на сей раз очень краток. Во 1-х, я ведь пациент *, хотя и не совсем послушный. Во 2-х, я завален работой. Пишу и диктую одну крупную вещь для английского издания *, которое, кроме славы, может еще и хорошо заплатить. И нет священнее данного слова, а «Фрайнд» прежде всего. И вот перехожу прямо к цели.

«Шмуль Шмелькис» * написан мною на 2-х языках (жарг. и др.-евр.), а копия его отправлена в П[етер]бург С. М. Дубнову для перевода на русский язык. Цель книжки агитационная. Оригинал находится в Варшаве, и тамошний комитет * — д-р Левин, Я. Динезон и др.— имеют [целью] издать книжку для распространения и т. д. Сегодня-завтра я жду от них извещения о получении рукописи и о готовности приступить к изданию. Получилось вдруг Ваше письмо. Я сейчас же написал Динезону, просил его взвесить все обстоятельства и, в случае чего, зателеграфировать мне; тогда немедленно даю телеграмму Дубнову о выдаче ману-

скрипта Вам. Варшавскому комитету я предложил пряничек такого свойства, что они, члены комитета, я думаю, согласятся. Я им обещал, что «Фрайнд» раньше всего отпечатает рассказ в виде фельетона, а затем, по окончании, отпечатают со стереотипа тысяч пять или десять (я же не могу знать, сколько экземпляров комитету понадобится) в виде особой брошюры со всеми онерами, к[ак] предполагалось в комитете (предисловие, портрет, факсимиле и пр.). Это — что касается «Шмуль Шмелькиса», отчасти вышедшего уже из сферы моего влияния (хотя я надеюсь, что после моего письма к Динезону «Шмуль Шмелькис» должен скорее перейти к Вам). На всякий же случай я оставляю все начатые дела и берусь писать для «Фрайнда» целую серию коротеньких рассказов, созревших у меня во время моей тяжелой болезни в Барановичах. Все, что успею написать, моментально будет отослано Вам. Успею ли к 2-му декабря (через 4 дня) — весьма сомнительно. Да и необходимости в этом нет. Будьте хоть в отношении рекламы американцем. Сперва звоните во все колокола!

Тихо! Жених идет!
Тихо! Вот он идет!
Тихо! Вот он!
Тихо! Жених! Жених!
Жених уже здесь! [1]

Что же касается до условий, о которых Вы говорите, чтобы я поставил *сегодня*, то я их не выставлю ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра, а буду терпеливо ждать, пока Вы их не выставите сами. А до того времени прошу не беспокоиться и помнить и верить, что я весь Ваш

Ш[олом]-Алейхем.

P. S. Вчера получил любезное приглашение от г. Ан—ского * писать для журнала (рус.) «Евр. мир» * *новые, оригинальные, коротенькие* рассказы. Обещают хороший, высокий гонорар. Желательно ему, чтобы таковые раньше всего появились в «Евр. мире». Мне же желательно, чтобы они раньше появились на стр[аницах] «Фрайнда». Как бы скомбинировать так, чтобы *одновременно*? Или Вы против такой комбинации?

[1] В письме стихи написаны по-еврейски.

Подумайте и напишите. А какой состав нынешней редакции, если это не секрет? Беркович * также собирается писать для «Фрайнда».

№. Понятно, что в газете не может быть объявлено о «Шмуль Шмелькис», а лишь глухо, до получения моей телеграммы.

156

ЕМУ ЖЕ

6/19.XII.08.

Дорогой Александр Израилевич!

Из письма Динезона я узнаю, что желание мое исполнено и «Шмуль Шмелькис», вероятно, уже не только у Вас в портфеле, но в наборе. Я также жалею, что опоздал к 1-му номеру обновленного «Фрайнда» *, и потому-то я и просил Вас, по кр[айней] мере, объявить о моем отношении к газете. Вы же скептически отнеслись к моим самым торжественным обещаниям. Как нельзя заставить любить, так нельзя заставить верить. Вслед за «Ш[муль] Шмелькисом» пойдет у Вас заканчиваемый мною новый рассказ «Тевеля Молочника» *. Что же касается комбинации с «Евр. миром», то вряд ли она выгорит. Никогда я не мог бы согласиться, чтобы рассказ мой, созданный по-еврейски, печатался раньше в переводе. На уступки придется пойти не «Фрайнду», а «Евр. миру». 2-й рассказ мой, который я пишу для «Фрайнда», носит следующее название: «Тевье-молочник едет в Палестину» [1].

Черновка готова вся. Скоро получится копия, и сейчас пошлю Вам ее. Жду Ваших более веселых писем. Всегда Ваш

Ш[олом]-Алейхем.

На пурим готов для Вас рассказ «Два мертвеца».

P. S. Будьте так любезны сообщить мне, пишет ли Вам Динезон об оттисках с рассказа «Ш[муль] Ш[мелькис]» и сколько, или вовсе нет?

---

[1] В тексте название рассказа написано по-еврейски.

157

ЕМУ ЖЕ

Конфиденциально

7.I.09
25.XII.08.

Дорогой Александр Израилевич!

Опять уложила меня инфлюэнца, и вот сегодня лишь встал и взялся за перо. На первой очереди Ваше загадочное письмо, где Вы пишете, что решили ответить мне через «Фрайнд». Искал я во всех «Фрайндах» и ничего не нашел, кроме фельетона Бал Махшовеса *, который, кстати, очень талантливо и оригинально написан. Но где же ответ на мои письма? Неужели мистификация, в декабре первоапрельская утка?

От загадочного к положительному. «Тевье-молочник» готов *, но он не может представиться публике в оригинале раньше января. Вы, конечно, знаете, что я имел с «Ш[муль] Шмелькисом»? Перевели его по-русски в П[етер]бурге на мой счет для «Евр. мысли» *. Но, увидев сего горемыку во «Фрайнде», гг. мировцы * отшатнулись от него, да еще с претензиями ко мне, что вот, мол, они готовились дать его в 1-й книжке «Мира», что он им как раз пришелся по вкусу, и вдруг такой скандал! Им, мировцам, ходить позади «Фрайнда»! Дабы загладить вину перед моим другом Дубновым (который действительно имел этот рассказ в своих руках раньше возобновления «Фрайнда»), я им дал «Тевеля» для 1-й книжки с тем, что «Фрайнд» его не перехватит по дороге в Питер. Т[о] [есть] я бы хотел так, чтобы «Тевель» появился *одновременно* и в оригинале и в переводе. Нынче он переводится Ан—ским, и как только я получу от Дубнова точные сведения, когда перевод набирается, я направлю оригинал к Вам. Думаю, что это обстоятельство Вам не повредит. Если же «Ш[муль] Шмелькис» мне повредил тем, что, во 1-х, он выскочил из «Евр. мира» и, во 2-х, что придется мне из кармана заплатить рублей 30 или 40 за перевод,— то это не большая беда. Жил бы только «Фрайнд» и стоял бы на прочном фундаменте. Я пока держусь героем за Ваши фалды, хотя, признаться, был бы истинным героем я, если бы Вы последовали моим советам перекочевать на Юг. Я отлично понимаю, что Вы этого не сделали [не] потому, что не любите Юга, а потому, что по по-

словице: «Не имея пальцев, кукиш из них не состроишь» [1].

Есть ли резон в П[етер]бурге конкурировать — Вам лучше знать. Если Вы ринулись в бой после столь горького опыта, то у Вас, верно, есть свои резоны и мотивы. Не мое дело вникать в подробности. Только я Вас должен предупредить насчет того, в чем я считал себя наиболее авторитетным. А именно: насчет здоровья. Вы пишете, что работаете 18 ч[асов] в сутки. Столько же работал и я. А чем я кончил? Поддержать 1-й и лучший орган печати во Израиле — вещь весьма похвальная. Но быть мужем своей жены и отцом своих детей также не последняя вещь. Вот что пишет мне мой дедушка Абрамович из Одессы от 17/30 декабря: «Жить — это прекрасно! Правда, некоторые философы проклинают мир, но это своего рода сумасшествие. Право же, кисло-сладкое мясо с пирогом и рюмочка вина — штука прекрасная. Ей-же-ей! Будем живы и здоровы, а с ума пусть другие сходят» [2].

Возвращаюсь к «Ш[муль] Шмелькису». Он доставил мне неприятности и из Варшавы. *Один редактор одной газеты* пишет мне, что тот факт, что Ш[олом]-Алейхем выступил своим первым произв[едением] после болезни в «Фрайнде», служит доказательством, что он не признает никого, кроме «Фрайнда», и, следовательно, он этим дал пощечину другим газетам, и пр. А потому пошлите нам скорее фельетончик! Потеха! (Прошу об этом факте в газете отнюдь не промолвиться. Я разумею г. Логоса *.)

Уже письмо было готово для подписи, как мне принесли телеграмму из Вильны *срочно*. Газманцы издают с 1-го января газету *. Просят убедительно к 1-му номеру фельетон.

Надо полагать, что фельетона этого они не прочь бы получить по телеграфу. Разумеется, они его, к сожалению, и по почте не получат. Если суждено «Фрайнду» (не дай бог!) погибать, то погибнем вместе. А все-таки... не сделаете ли Вы сверхчеловеческое усилие и не попытаетесь ли перекочевать с «Фрайндом» хотя бы пешком на юг, на юг, на юг!.. Ах, если бы этот сон осуществился!!!

Однако баснями соловья не кормят. Вы хотите видеть фельетон Ш[олом]-Ал[ейхема]. Увидите, уви-

[1] В тексте пословица приведена на языке идиш.
[2] В тексте цитата написана по-еврейски.

дите. Дай же оправиться от болезни. Не забудьте, что мне *строго* воспрещено писать, а лишь $2^1/_2$ часа в день мне дано право диктовать (во время прогулки на берегу моря под палящими лучами южного солнца). Положим, что я краду у них еще часика 3—4 на работу. Есть ли это для Вас, утешение, что то, что я пишу, я пишу для «Фрайнда», а не для других? Другого утешения я Вам дать не могу. А вот Вы дайте мне хоть какое-нибудь утешение, что «Фрайнд» подает надежду на жизнь. А виленская газета * много ли может вредить «Фрайнду»?

Кстати, вспомнил об оттисках. Пишу целую серию маленьких рассказов * и хочу, во что бы то ни стало, сейчас за появлением в газете, чтобы они появились в форме брошюры (одной для всех 10 рассказов). Т[ак] к[ак] с «Шм[уль] Шмелькисом» вышел прецедент, то можно ли надеяться, что это не повторится с этими 10 мелк]ими] рассказами? Вообще попрошу Вас написать мне без мистификаций.

Всего наилучшего. Ваш *Ш[олом]-Алейхем.*

158

ЕМУ ЖЕ

5/18 1.09
Нерви

Многоуважаемый друг, Александр Израилевич!

Получил Ваше письмо, писанное накануне Нового года и в состоянии очень уязвленного самолюбия. Я не буду отвечать Вам на все шпильки, пущенные Вами по моему адресу, забыв самое главное: что я ведь больной человек, часы которого строго рассчитаны, и, несмотря на все мои порывы, мне редко удается браться за перо. В общем же, я готов признать себя виновным перед Вами. Однако не в приписываемых Вами мне прегрешениях и менее всего в предпочтении «Фрайнда» перед другими газетами. Но оставим это. Оно доведет нас до взаимного раздражения, и только. Перейдем к делу. Вы ставите мне вопрос ребром: на каких условиях и пр.? Отвечаю Вам: никаких условий. Полная свобода. Напишу что-нибудь новое, хорошее, пришлю Вам. Захотите — напечатаете. Гонорар по Вашему усмотрению. На днях лишь окончил рассказ «Тевье-молочник едет в Палестину» [1], который переводится

[1] В тексте название рассказа написано по-еврейски.

Ан—ским и будет помещен в янв[арской] кн[ижке] «Евр. мира». Согласны ли Вы: 1) напечатать рассказ во «Фрайнде» в день выхода книжки «Евр. мира», и 2) можете ли оставить для меня матрицы с рассказа и напечатать 2000 экз. для меня же, причем стоимость бумаги и печати записать в счет гонорара? Если да, то мы будем держаться этого порядка и по отношению к др[угим] моим новым произведениям. Все матрицы, равно как и экземпляры (на обыкновенной, но не очень плохой бумаге), будут отправляться товаром мал[ой] скорости в Юбилейный комитет в Варшаву по адресу Я. Динезона: Дзельная, 15. Прошу возможно скорого ответа на все вопросы и смею Вас уверить в устойчивости моей к Вам дружбы и преданности.

Ваш *Ш[олом]-Алейхем.*

NB. Почему Вы не предупредили меня о письмах М. Менделя? * Нехорошо.

P. S. Не найдете ли возможным напечатать во «Фрайнде» прилагаемые сведения о евреях в Сицилии (из газеты «Дер американер», Нью-Йорк, от 8.1.09)?

159

ЕМУ ЖЕ

(Нерви) 29/30.I.09.

Дорогой Александр Израилевич!

Я отдал «Тевье», чтобы снять с него копию для Вас. Как только изготовят — пришлю. Считаю для «Фрайнда» унизительным получить рукопись с третьих рук в то время, когда у меня есть возможность передать ее непосредственно. Вообще же мне везет с этим несчастным «Тевелем». Не знаю, каков будет его успех в публике, но неприятности от него я *уже* имею. Вы требуете 2 дня до выхода «Мира» *. Ан—ский просит несколько дней *после*. Однако я надеюсь настоять на своем, чтобы и оригинал и перевод были напечатаны *одновременно*. День раньше или позже, я думаю, не играют никакой роли, если не считать человеческого самолюбия *. Сверх того, меня угораздило послать копию в Америку с тем расчетом, чтобы в конце января (н. с.) они начали его печатать. Я был уверен, что числа 5/18 уже выйдет «Мир». Тогда же и «Фрайнд». И вот «Мир» запоздал, и я не мог повторить с Тевелем то, что я сделал с «Шм[уль]

Шмелькис», который был уже готов в переводе, и вдруг — о, ужас! — оригинал появился во «Фрайнде». И вот оказывается, что в американской газете * Тевель *уже* печатается. Положим, американская газета в Россию доступа *не имеет*; запрещено их получать здесь вообще. Дальше. Предвижу еще одну неприятность. Вы пишете, что «Мир» выйдет 22-го. Ан—ский пишет, что 27-го. Я, конечно, со своей стороны обяжу его честным словом, чтобы и он был так же корректен, как и Вы. Одновременно с сим пишу и Ан—скому.

Преданный Вам *Ш[олом]-Алейхем.*

160

ЕМУ ЖЕ

(Нерви) 30.I.09

Дорогой Александр Израилевич!

Забыл во вчерашнем письме написать Вам, что для «Фрайнда» я написал специально к празднику пурим новый рассказ «Золотопряды (Зарисовка из жизни «маленьких людей» в честь праздника пурим)» [1]. Отчего Вы мне не пишете о письмах «М[енахем]-Менделя»? Я не помню, хоть убейте, много ли их у Вас или нет? Я ведь должен иметь соображение.

Ваш *Ш[олом]-Алейхем.*

161

ЕМУ ЖЕ

31 янв. 1909.

Дорогой Александр Израилевич!

Препровождаю при сем письмо *, которое, если захотите, пошлете через кого-либо в редакцию «Евр. мира». А если не захотите, то не посылайте. Я такое же письмо послал и в редакцию «Евр. мира» и не думаю, чтобы они отказались исполнить мое желание. Рукопись высылаю Вам заказным. Вслед за ней получите пуримовскую картину «Ди голдшпинерс» *. Серия мелких рассказов * подвигается вперед. Однако не могу их отдать в печать, пока не соберется их штук 8—10. Каждый новый рассказ непременно вносит в предыдущие какое-нибудь изменение в форме.

Будьте любезны, прикажите в конторе кому-нибудь составить список мест и лиц, откуда поступили к Вам

[1] В тексте название рассказа написано по-еврейски.

для юбилейного фонда предыдущие 50 фр[анков] и нынешние 70 ф. (26 руб.). Это нужно для отчета Юб. комитета в Варшаве, куда и направляются все поступления.

Дружески жму [В] руку.

Ваш *Ш[олом]-Алейхем.*

162

ЕМУ ЖЕ

(Нерви) 1.II.09.

Многоуважаемый друг Александр Израилевич!

После высылки Вам копии «Тевеля» со всеми поправками получил Вашу телеграмму и ответил Вам и «Евр. миру»: «Убедительно прошу немедленно выдать «Фрайнду» манускрипт «Тевье». Приступить к печатанию на 2-й день после выхода «Мира» (1 книжки). Надеюсь на корректность обеих редакций».

Но я гораздо раньше писал ред[акции] «Мира» о том же. Ан—ский мне положительно сообщил, что кн[ижка] выйдет 27-го, а не завтра, 20-го. Удивляюсь. Думаю, что Вы не хорошо осведомлены и Вы рукопись мою получите еще до выхода книжки. Инцидент, стало быть, исчерпан. Прошу о тщательной корректуре. Ну, а затем матрицы и пр.

Ваш *Ш[олом]-Алейхем.*

163

ЕМУ ЖЕ

(St. Blasten) 1.VI.09.

Дорогой Александр Израилевич!

Что с Вами? Нет Вас в Питере? Сердитесь ли Вы или болеете? Уже 2-й месяц от Вас ни слова. Не прикажете ли тиснуть и это (прилагаемое) письмецо? * Жду Вашего ответа на все предыдущее.

Ваш *Ш[олом]-Алейхем.*

164

ЕМУ ЖЕ

2 июля 1909, Sanatorium St. Blasten

Дорогой Александр Израилевич!

По тонкой иронии Вашего последнего письма я догадываюсь, что Вы досадуете на то, что пишут

за меня другие. Что делать? Я и сам досадую. А вот сегодня пишу Вам «собственноручно», хотя и лежа, «бледным» (по Вашему выражению) карандашом.

Вполне понимаю и вхожу в Ваше положение редактора-издателя евр[ейской] газеты в русской столице, где наборщик играет роль наемщика в эпоху славного царствования Николая I... От печатания моих «Ширгаширимов» * охотно Вас освобождаю. От «Тети Рейзы и ее детей» — тоже. Оказывается, что отпечатанные Вами по 2 [т.] экз[емпляров] «Тевье» и «Гольдшпинеры», по словам моего издателя Лидского *, для продажи неудобны и, следовательно, матрицы их совершенно *негодны*. Однако прошу Вас составить счет стоимости уже напечатанных и вообще подвести итоги, прислав мне полный счет. Не забудьте при этом моего старого долга (кажется, около ста рублей), причем надо бы из долга вычесть запоздалые письма «Менахем-Менделя». Так мне кажется.

Что же касается до перекочевания «Фр[айнда]» в Варшаву, то разве я об этом мало писал Вам еще в первую стадию моей болезни, из Италии? Вы даже не ответили мне, и я уже думал, не говорил ли я Вам тогда абсурдов? Теперь Вы сами признали целесообразность этой идеи, очевидно. Хотя судить по В[ашему] письму, Вы еще колеблетесь. Вы говорите о каком-то 6-м (почему 6-м?) органе Спектора в эмбрионе. Это не эмбрион, а факт, и не факт, а *истинное происшествие*. Приезжал даже ко мне специально Спектор и такой мне предложил гонорар (надеюсь, между нами это останется), что — говорю Вам, как брату родному,— стыдно и грешно мне будет пред моей семьей написать что-либо для другого издания. Не забудьте, что семья моя состоит из 10 человек, а сам я лечусь и должен еще долго лечиться, и не хочется жить на счет общества. Хочется самому зарабатывать...

Возвращаюсь к вопросу о перенесении газеты в Варшаву. Какого бы мнения Вы ни были о Спекторе как о писателе, но что он человек газеты — это Вы увидите скоро. Он Варшаву знает как свои 5 пальцев. Говорит, что в Варшаве есть место не для 2-х, а для 5-ти хороших газет. Знаете — одно время я даже собирался предложить Вам открыть отделение «Фрайнда» в Варшаве, т. е. печатать второе издание там, передав дело именно Спектору, тому самому Спектору, над которым вся наша литературная братия так мило

посмеивается. Даже безобидный Динезон — и тот не упустит случая лишний раз пошутить над простоватым Спектором. Не писал же я Вам об этом потому, что не хотелось быть литературным шадхеном. Раз. Второе то, что уж очень чувствительны Вы стали к обидам. Видно, Вас баловала жизнь. Не можете переносить малейшего. Если бы Вы знали, любезный друг, какие обиды переносил я от людей *словом и делом,* как оскорбляли меня уже во дни моей так называемой славы. И все ради куска хлеба презренного! Недаром же плачусь я теперь моим здоровьем, которого я зря не растрачивал. Однако я заболтался. Пора кончить. Да поможет Вам бог устроиться так, как того желает Вам Ваш истинный друг

Ш[олом]-Алейхем.

165

ЕМУ ЖЕ

Sanatorium St. Blasten, 9.VII.09.

Многоуважаемый друг Александр Израилевич!

Получил Ваше письмо с отказом напечатать мое «Письмо к другу». Это, однако, менее поразило меня, чем Ваше поздравление меня с каким-то *моим новым изданием.* Не только поразило, но и оскорбило. Привыкши считать Вас очень откров[енным] человеком и желая быть откров[енным] с Вами, я надеюсь, что Вы не откажете мне в моей просьбе ответить мне, о каком таком издании Вы узнали не от Ш[олом]-Алейхема и от кого Вы это узнали? Судя по обидному, прямо оскорбительному тону Вашего письма, нельзя допустить, чтобы Вы подразумевали издание Лидского *. Не намекаете ли Вы на какое-нибудь период[ическое] издание? Газету? Если Вы верите честному слову и понимаете, что значит для больного клясться своим здоровьем, то я мог бы поклясться Вам, что подозрение Ваше или наушничание другого только причинило мне боль. И боль непростительную. А как узнаете или поймете сами неосновательность, то раскаетесь...

Ваш друг по-прежнему *Ш[олом]-Алейхем.*

Могу я просить «Письмо к другу» обратно?

166

ЕМУ ЖЕ

(St. Blasten), 13/26.VII.09.

Да, любезный Александр Израилевич, Вы совершенно правы. Я больной человек. И больно выслушать такой упрек от человека здорового. А ведь лишь год тому назад и я был здоровым человеком... Однако Вы вот здоровый человек, а бухгалтерия у Вас слабая. Ваш бухгалтер сосчитал число строк в кучу, и вышло у него 3747 строчек. Он, очевидно, упустил из виду, что лишь 2 вещи напечатаны обыкновенной Вашей строкой («Ш. Шмелькис» и «Письма М. Менделя»). Все же остальные вещи набраны строкой почти в $1^1/_2$ раза шире обычной строки «Фрайнда». Неужели, если бы Вам вздумалось печатать во всю ширину «Фрайнда», то и тогда бы Вы считали Вашим сотрудникам, даже таким дешевым, как я, тот же размер гонорара? Соображаясь с этим, я сделал тщательный подсчет, и у меня выходит (можете посадить человека и проверить) minimum 4826, т. е. на 1083 строки больше (я не считал в $1^1/_2$ раза больше, а гораздо меньше; именно как есть). Выйдет тогда мой кредит не 187.15, а 241.30. Сняв показанную в дебете сумму 228.92, получится сальдо в мою пользу, если по Вашему счету, 12 р. 38 к. Но нам остается еще поговорить о самом размере гонорара. Конечно, теперь поздно прибегнуть к Вашему благоразумному совету: «побольше деловитости, поменьше сантиментальностей». Если бы я не рисковал казаться смешным, я должен был, в сущности, поставить Вам *мои* условия, послать Вам контрсчет, согласно гонорару, получаемому мною от др[угих] издателей. Ибо нельзя допустить, чтобы Вы серьезно ценили, скажем, мой фельетон «Шир-хаширим» [1], о котором Вы прислали мне столь восторженное письмо, наравне с фельетоном одного автора, перевод с которого был напечатан по-русски много лет тому назад, да и сам оригинал два года или год тому назад появился в другой стране. (Заметьте — я ничего не говорю о содержании. Об этом предоставляю судить Вам.) А ведь я «Шир-хаширим» писал исключительно для «Фрайнда». Нигде ни для кого не переводил. Даже копии в Нью-Йорк не послал. «Шир-хаширим» — это действительно

[1] В тексте название фельетона написано по-еврейски.

мой «Шир-хаширим». Этот роман, который, по-моему, должен венчать все написанное мною за 25 л[ет], я пишу главами, т[ак] к[ак] здоровье не позволяет мне написать его целиком...[1] В этот роман я намерен был вложить всю силу маленького дарования, которое дала мне судьба, всю силу моей поэзии, весь полет фантазии. Связал же я его главные моменты именно с нашими праздниками, ибо в них источник вдохновения для еврейской души. И вот Вы, оценив вещь по достоинству до того, что не могли даже удержаться, чтобы не выразить своего восторга (а Вы уже куда более деловитый, чем сантиментальный человек),— все-таки не постеснялись поставить Ш[олом]-Алейхему за его «Шир-хаширим» пятикопеечный гонорар, что выходит по ширине строчек даже не 5, а $3^1/_4$ коп.! Ну, скажите, не есть ли это обида? Вы, м[ожет] б[ыть], скажете, что дела газеты не позволяют широко платить. Допустим даже, что это так. Но я Вам неоднократно намекал на счет, но не на деньги. Я ни разу не требовал денег. Я уверен, что если бы я у Вас попросил денег еще в Италии, Вы бы мне не отказали. Не могли бы отказать. Но я не требовал, п[отому] ч[то] знал или полагал, что когда у Вас будут деньги, Вы сами мне пришлете. Знаете что? Скажите мне по чистой совести: если бы не Спектор с его газетой, Вы бы также оценили меня в $3^1/_4$ коп.? Если Вы мне ответите, как честный человек, как Рапопорт: «да», тогда я готов забыть обиду. Самолюбие человека, если он не очень глуп, может быть уязвимо только тогда, когда намереваются его язвить, а не тогда, когда его без всякого умысла ценят очень дешево или даже вовсе не ценят. Итак, я жду Вашего ответа.

Все еще уважающий и любящий Вас

Ш[олом]-Алейхем.

P. S. Неужели по Вашему распоряжению прекратили печатать мой адрес? Или это одна случайность? Просил бы 1 раз в две недели, если возможно.

Адрес Шолом-Алейхема:

Sanatorium St. Blasten (Schwarzwald).

---

[1] Опущены несколько строк: названия глав, написанные по-еврейски.

V

167

И. ЛУРЬЕ

14/15.III.1901.

Любезный друг И. Лурье!

В данный момент я еще не имею № 12 «Дер Юд». Вероятно, какая-нибудь заминка вышла в экспедиции. Однако пора готовить материал для послепраздничных №№ заблаговременно. Вы имеете лишь одну 2-ю главу «Бердичевских очерков» *, которые, займут вероятно, два №№ послепраздничного издания.— У меня для Вас *совершенно готово* еще пять глав: III, IV, V, VI и VII, т. е. почти до конца. Я бы их послал Вам сейчас, но полагаю, что Вы едете на праздники куда-нибудь на родину, поэтому я жду Вашего сообщения: прислать ли теперь или после праздника? Смешно говорить о своих произведениях, но уверяю Вас, что «Бердичев» затмит «Миллионы» * и произведет фурор, если не будете дробить и прерывать. Все вместе должно занять 10 №№-ов. ...Хочу напомнить еще раз об оттисках (100... 200 экземпляров). Довольны ли Вы «Пасхальным фельетоном»? Желаю Вам весело провести праздник среди близких Вашему сердцу людей.

Всегда Ваш

Шолом-Алейхем.

168

ЕМУ ЖЕ

2 мая 1901.

Многоуважаемый Доктор!

Отчего Вы умолкли? Не даете знать о себе вот уже больше месяца! Удивляюсь, почему до сих пор не появилось мое «Письмо» в адрес г-на Энгеля *? Неужели и Вы тоже являетесь одним из тех, которые преисполнены благоговения... и раболепствуете перед «Восходом» только потому, что в нем пишут по-русски?

Я этого не могу допустить, насколько я Вас понял. Настаиваю поэтому на скорейшем напечатании «Письма». Иначе разругаемся и поссоримся.

Весь Ваш

Шолом-Алейхем.

169

ЕМУ ЖЕ

Киев, 3.X.1901.

Многоуважаемый Доктор!

Вчера отправил Вам «ответ» г-ну Энгелю. Надеюсь, что статейка отдана Вами в печать.

В № 40 «Юд» стр. 16 среди литературных новостей помещены Вами сведения, будто Максим Горький издает сборник переводов с жаргона. Не можете ли сообщить мне источник, откуда почерпнуты Редакцией эти сведения.

Мне сегодня стало известно, что один из Ваших одесских корреспондентов, кажется, автор книги «Нищета в Одессе», послал Вам продолжение своих очерков из жизни бедняков, ютящихся в Одессе на Лимане. Так как я теперь заканчиваю фельетон «В Одессе на Лимане», то, во-первых, неудобно будет мне под этим заглавием печататься после этого или одновременно с другим по тому же предмету под тем же заглавием, хотя бы в различных формах и приемах. Во-вторых, желательно было бы мне познакомиться с рукописью этого автора, дабы избежать неизбежное, т. е. могущие быть ошибки.

Жму Вашу руку дружески.

Шолом-Алейхем.

170

ЕМУ ЖЕ

Киев, 12/25 октября 1901.

Многоуважаемый Доктор Лурье!

От Ваших писем всегда веет искренностью, и это единственное, что удерживает меня от того, чтобы окончательно порвать с «Юдом». Что касается перебранки с Энгелем, я с Вами согласен. Но я не понимаю одного: как это такой честный и приличный человек, как Вы, позволяете г-ну Энгелю в его «научно-музыкальном»

возражении неприличные замечания по адресу Вашего *постоянного* сотрудника, вроде того, что Шейне-Шейндл * умнее меня и что я занимаюсь осмеиванием и передразниванием бедных евреев и т. п., что совершенно не гармонирует с научно-музыкальной критикой. Вообще я замечаю с некоторого времени крайне враждебное настроение «Юда» ко мне. И как это Вы не понимаете, что дали место подобным неприличиям, какими являются некоторые замечания Энгеля в мой адрес. Но вместе с тем позволяете плевать в лицо лично себе. Как будто Вы не могли без ущерба для научно-музыкальной критики опустить резкость и остроту г-на Энгеля. Повторяю, порядочные редакторы так не поступают со своими постоянными сотрудниками.

Кстати о моем «постоянстве». Стоит мне недельки две не писать Вам, как Вы начинаете меня уверять, будто газетный подвал принадлежит исключительно мне. Между тем мои работы валяются у Вас месяцами раньше, чем они увидят свет. Вот и с «Дрейфусом». Вы говорите, что в «ближайших №№» Вы начнете его печатать. Положим, что Вы недовольны моей работой. Но ведь ответственность литературная падает на меня. К чему же затягивать и откладывать на «ближайшие №№»? Это ведь тормозит мою дальнейшую работу. Вот уже не могу я прислать Вам моих «крошечных» людей, не знаю, когда Вам вздумается приступить к их печатанию, после Нового года, или перед Пасхой? Нет, как хотите, отношения наши не совсем нормальные и нуждаются в восстановлении взаимной теплоты.

Сколько раз я собирался спросить Вас, кто в этом повинен? Я желал бы с ним познакомиться хотя бы посредством переписки. Не можете ли Вы взять этот труд на себя? Я прилагаю при сем мою визитную карточку ⟨...⟩.

Что касается до издания Максима Горького, то я бы желал дать туда то, что уже переведено некоторыми любителями на русский язык, а именно: 1) «Рябчик» (История еврейской собаки) переведен пом. повер. Гольдманом,

2) «Знамя» переведено Д-ром Элькумовичем и

3) «Ножик» — переведен им же.

Кстати, «Рябчик». Он, как мне сообщают, переведен на немецкий, английский языки (в Америке).

Пишу теперь вторую подобную «Рябчику» вещь на жаргоне и древнееврейском языке, для «Юд» и «Хадор».

В ожидании лучших между нами отношений

Шолом-Алейхем.

171

ЕМУ ЖЕ

14.IV.1902
Киев.

Д-ру Лурье
Варшава

Многоуважаемый Доктор!

Вы пишете, что в принципе Вы ничего не имеете против возникновения новых журналов на языке идиш. Вполне присоединяюсь к Вашему взгляду, я приветствую Ваше вполне гуманное отношение к нашей бедной народной литературе.

Что же касается поступка Спектора, то я могу Вам сказать, что если издательство отнеслось к нему так же, как и ко мне за все время моего с Вами сотрудничества, то можно найти ему оправдание. Между нами говоря, Ваши г.г. издатели совсем не джентльмены. По крайней мере по отношению ко мне было проявлено очень мало джентльменства. Из этого, однако, не следует, чтобы я сделался таким же изменником, каким, по-Вашему, оказался Спектор. Я ничем не был обязан ни Вам, ни другим и впредь хотел бы исповедовать культ свободы и независимости в храме искусства. Я не подкапывался ни под чью фирму, не злоупотреблял ничьим доверием, и потому о моей честности или бесчестности не может быть и речи, хотя я знаю, найдутся глупцы, которые назовут и меня изменником. Одно еще могу Вам сказать, что Ваши издатели не только не хотели заботиться об интересах своих крупных сотрудников и не только не умели ценить их, они, по-видимому, о своих собственных интересах мало заботились. Слишком уж халатно и даже презрительно они относились к «презренной служанке», т. е. к жаргону... На днях я Вам вышлю последние очерки «Маленьких людей». Один Вы получите числа 10-го.

С истинным почтением

Шолом-Алейхем.

172

ЕМУ ЖЕ

Киев, 14 мая 1902.

Редактору газеты «Дер Юд»
Доктору Лурье
Варшава

Милый Доктор!

После того, как я Вам ответил телеграммой (вчера ночью) на Вашу любезную телеграмму, приглашающую меня фельетоном принять участие в праздновании Шевуот, я сегодня утром получил № 21 «Дер Юд» и не без восхищения прочел вылазку против меня Вашей уважаемой газеты в лице г-на Брайнина. Не надо быть особенно дальновидным, чтобы догадаться об *источнике*, откуда идет подобная *работа* и *куда дует ветер*. Не удивляюсь также крайней тактичности и замечательно тонкой политике, которую ведет газета против своего не столь даровитого «эскизника» Шолом-Алейхема, однако некогда считавшегося чуть ли не любимцем «здешней публики». Надо только удивляться, как это после столь основательной порки говорят выпоротому «встань-кось да позабавь нас маленько». Одним лишь я доволен: Вас, милый Доктор, предварить — не думайте только, что я обижен отзывом Вашего новоявленного критика обо мне как о писателе, лишенном таланта писать хасидские эскизы, страшно повторяющемся и самому себе подражающем, зубоскале, пустомеле и пр. В эту минуту мне приходит на ум блаженной памяти Леви, некогда арендовавший и погубивший единственную газету «Фолксблат». Я рекомендую Вам достать №№ этой газеты за последние 2 года ее жалкого существования. Вот были перлы! Что Брайнин с его жалким ночным горшком? Там обдавали нас целыми ушатами самых отборных помоев. Там писали г.г. рецензенты вроде Лернера, Замойчика и Леви, что Шолом-Алейхем позволяет себе курить рублевые сигары и расплачиваться с извозчиками не иначе, как полуимпериалами. А в адрес самого жаргона отпускались такие комплименты, что даже кучера и городовые краснели. Вот это была критика. А тут вдруг Брайнин с своей системой подражания, самоповторения и пустого зубоскальства.

Подражание? Да кто же этого не знает, что Шолом-Алейхем хотел бы подражать хасидским эскизам некоего знаменитого эскизника, да не тут-то было, не может! Не всякому ведь дан талант! А самоповторение? Боже мой, разве можно спорить против очевидности? Разве все детские рассказы Шолом-Алейхема не носят на себе один и тот же отпечаток? А героями их не являются ли одни и те же дети или юноши? И не один ли и тот же мрачный хедер он нам рисует, не одного ли того же деспота меламеда, не одни ли и те же вожделения? А эти «маленькие люди» разве не одни и те же *маленькие люди* с их *маленькими* вожделениями?

Видали ли Вы когда-нибудь целых 15 маленьких людей и ни одного *большого* человека? А в его злободневных фельетонах разве не рисуется и та же модная жизнь наших «аристократов» с их благоверными «мадамами»? Или возьмите хотя бы «Рябчика», разве он не есть тот же «Тевье», а «Тевье» не есть ли тот же «Менахем-Мендл», и «Горшок» не есть ли тот же «Бойберик», а «Выигрышный билет» не напоминает ли Вам «Призыв», который, собственно говоря, как и «Горшок», не есть ли одно лишь пустое зубоскальство, «показывание языка публике» (буквальное выражение г. Брайнина). Что касается до писем «Менахем-Мендла», которые Редактор некогда так облюбовал, что не только такой дальновидный критик, как г. Брайнин, который «по *первому письму уже расскажет вам содержание всех настроений*». Было время, когда газета щеголяла этим своим *бездарным* сотрудником Ш.-Алейхемом, не умеющим писать эскизы, и комплименты ему делали, и ласкали и проч. Ну, а теперь вот он вдруг постарел, «отжил свое» (слова критика). Да что тут удивительного, когда между последним номером «Дер Юд» и готовящимся к выходу в свет первым номером новой газеты прошло чуть ли не 50 лет. Поневоле состаримся, когда тебе стукнет этак лет 90. Прибавьте к этой старческой дряблости природную непродуктивность и отсутствие *таланта писателя эскизов*, тогда, о, тогда долой его, Шолом-Алейхема! Вот еще выдумали «писатель», прости Господи!

В корзину его! Да на свалку!.. Да, позвольте сказать, любезный читатель,— выходит, что газета нас дурачила почти четыре года? Где же были Ваши глаза, г.г. редакторы, издатели? Или, быть может, Вы такие безбож-

ные, как Шолом-Алейхем, тогда Вы хоть молчали бы, черт вас побери! а то взяли и всенародно выпороли себя самым безжалостным образом! Так скажет читатель, и начнет доискиваться до настоящей причины «нового курса» (а еврейский читатель очень это любит!), и станет он в тупик: что делать с этим несчастным Шолом-Алейхемом, который забавлял нас бесталанным зубоскальством почти 20 лет.

Что же будет делать развенчанный бесталанный Шолом-Алейхем? То, что он делал во времена незабвенного Леви, и именно, он будет платить презрительным молчанием. Ибо слишком много чести для Шолом-Алейхема, если с ним сцепится какой-нибудь новый литературный колосс. Несдобровать ведь тогда такому и без того слабосильному зубоскалу, которому на склоне дней своих хотелось бы на покой! Да, любезный друг, таковы наши дела ⟨...⟩

К черту его! Давайте нам одни *хасидские эскизы*, да талантливые, проникнутые *искренностью* статьи г. Брайнина. Так скажет «любой читатель» и будет совершенно прав. Пройдет некоторое время, и выползут из своих нор разные «букашки и тараканы», которые только и ждут удобного случая, чтобы блеснуть своими «остроумными» статьями, и пойдет писать губерния! Развенчают они несчастного Шолом-Алейхема, разнесут вдребезги всю гниль, которой он угощал до сих пор своих глупых читателей, и останется о нем только одно воспоминание, и то неприятное... Хватает духу «*убедительно*» (так, кажется, сказано у Вас в телеграмме?) просить у меня фельетона для праздника Шевуэса. Я, как получил эту телеграмму, был приятно польщен, тем более что у меня еще сохранился хотя и бездарный, но все же забавный рассказец (разумеется, *не* «*эскиз*», куда нам с суконным рылом да в калашный ряд!) под заглавием «Зелень к празднику», который я и передал переписчику, чтобы снять с него копию и послать его Вам. Вдруг приносят мне номер 21! И бысть плач и стенание в обиталище моем. Зарезали! И я сказал себе: Как предстану я пред ясныя очи «любезного читателя» в том самом о́ргане, в котором только вчера меня похоронили? Не лучше ли предать самого себя забвению?..

173
ЕМУ ЖЕ

2/15.IV.06.

Многоуважаемый г. Лурье!

С чувством полного удовлетворения я прочел Ваше любезное письмо и поздравляю Вас от души с новым литературным предприятием, которому я предсказываю полнейший успех. В литературном еженедельнике издавна ощущается потребность, тем более теперь, при наводнении рынка ежедневным газетным хламом, собирающимся перещеголять американско-еврейскую «Прессу».

Ваше письмо как раз застало меня за работой: я кончаю новую повесть, или повествование о Тевье, под заглавием — «Хава» новые испытания Тевье-молочника. Жанр Вам знаком. Объем приблизительно тот же, что предыдущие три его рассказа. Сюжет совсем иной, нисколько не напоминающий «Годл» и затрагивающий уголок души Тевье, мною еще не затронутый. Рассказ психологический, современный (но без политической основы) и читающийся с захватывающим интересом, надеюсь.

Думаю, что двумя номерами рассказ будет исчерпан. Помнится, Ваш «Дер Юд» также дебютировал с Тевье. Я намерен был отправить эту вещь в изд. Мориа в Одессу (в «Цайт» прямо грешно отдавать серьезную вещь, но раз Вы опередили их, я согласен рассказ послать Вам.

Что касается гонорара, то ссориться не будем... Главное, чтобы условленное было в точности соблюдено и вовремя. Я четко Вам поставил мое контрусловье, на которое прошу Вас согласиться, а именно: по получении сего письма, т. е. во вторник, прислать мне сюда и непременно телеграфно пятьдесят рублей. И конечно, безо всяких извинений, что нужно совещаться, что необходимо раньше иметь вещь в портфеле и т. п. Что касается рассказа, то все равно, что он уже у Вас, раз я Вам это пишу и называю его заглавие и содержание. Наконец, не с целью обмануть Вас я Вам пишу. Прошу у Вас этого одолжения потому, что как раз в этот вторник для меня 50 рублей равняются 500 руб. в иное время. Вы жили за границей и потому должны мне сочувствовать, что значит жить за границей,— да еще в Галиции.

Желаю Вашему детищу полного успеха, остаюсь уважающим Вас Ваш будущий постоянный сотрудник.

Шолом-Алейхем.

P. S. Мой искренний привет Шмарию Хаимовичу и Семену Марковичу.

NB: И. Д. Беркович также принимает Ваше предложение. Постараюсь, чтобы и он успел со своей работой к первым номерам Вашего журнала.

Беркович — это сила сильная, поразительно здоровый талант. Чего не могу сказать про Шофмана, разыгрывающего декадента и Горького одновременно. Вы знаете, я ненавижу декадентство, хотя люблю Горького. Но только Горького, а не его подражателей. Писателю, который не похож на себя,-- грош цена. Я именно люблю Берковича за то, что он прежде всего Беркович. Советую Вам предложить ему перевести для Вас маленький его рассказец «Благословение»... Это ничего, что с древнееврейского. Такую поэму можно трижды перевести. Таково, по крайней мере, мое мнение.

VI

174

ИЗД-ВУ «СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ»

20/7.IX.11 г.

Сейчас получил письмо от Пинуса *, который извещает меня, что Вы неохотно соглашаетесь на название письма «М.-Мендл», а согласны на «Супружеская переписка», а подзаголовком «М.-Мендл». «Супр. переписка» — название пошлое и совершенно не соответствует содержанию книги. Поэтому прошу озаглавить этот томик: «*Похождения неудачника*».

С почтением

Ш.-Алейхем.

Можно подзаголовок в скобках Менахем-Мендл.

175

ЕМУ ЖЕ

Изд-ву «Совр. проблемы» *2/15.X.11. г.*

М. Г.!

Вы правы. Издаваемые Вами сочинения не будут пропускать через журнал в русском переводе. Только в те тома, которые последуют после X-го или XII-го, можно будет, я думаю, вставить и те, которые раньше были переведены, но не изданы отдельно. Пока же Вы имеете довольно материала даже для романов, а именно XII том будет озаглавлен «В мире звуков» и будет состоять из двух небольших романов «Стемпеню» и «Соловей». 1-й отослал Пинусу; 2-й, переработанный мною, будет также выслан Пинусу. Затем в VIII т. войдет уже большой роман «*Потоп*» (новейший и нигде не переводившийся). Ввиду того, что этот роман немного велик для одного тома и слишком мал для двух, я его сокращаю значительно и вообще приноравливаю его для рус. чит. публики. X и XI же томы будут посвя-

щены опять рассказам. А затем опять вернемся к романам. Надеюсь, Вы со мною согласны. Во всяком случае все переводимое Пинусом благоволите посылать Дорману для редактирования. Кстати, когда пошлете ему деньги за труды по уговору (40 р. за книгу), то пошлите ему эти 40 р., укажите, поставив 20 р. за книгу на мой счет.

В ожидании приятных вестей остаюсь

с глуб. уважением

Ш.-Алейхем.

176

ЕМУ ЖЕ

Изд-ву «Современные проблемы» *17/30.XI.11 г.*

М. м. Г. г.!

Настоящим письмом я позволю себе сделать Вам предложение, выходящее из сферы наших личных отношений.

Если Вам еще неизвестно, то переводчику Пинусу, надеюсь, очень знакомо имя одного из самых популярных и оригинальных наших писателей, Давида Фришмана.

Фришман многосторонен, изящен и глубок. Он и поэт, и беллетрист, и критик-публицист, которому нет равных в молодой евр. литературе. Я убежден, что среди его писаний на протяжении 30 лет Вы найдете немало в высшей степени интересного для русского читателя. Если мое предложение приемлемо, в чем я не сомневаюсь, то могли бы обратиться к нему по следующему адресу:

Д. Фришману. Холодная, 18, Варшава.

За руководящей статьей для 1-го тома сочинений Фришмана Вы могли бы обратиться к тому же д-ру Эльяшеву, который написал Вам об Абрамовиче.

С почтением

Ш.-Алейхем.

177

ЕМУ ЖЕ

25/12.XII.11.

Многоуважаемый Лазарь Абрамович!

С удовольствием готов вступить в Ваше дело, т. е. всегда до сих пор имел дело ведь только с Вами. Буду

очень рад *личному* свиданию, которое было бы, мне кажется, не бесплодным для нас обоих. Я только не понимаю, о каких таких юридических ущербах говорите Вы? Разве не с Вами мы условились лишь до 1 января 1912 г.? И разве не Вы писали мне, что дальнейшие (II, III и т. д.) издания суть моя собственность, а не изд-ва?

Во всяком случае жду Вашего письма.

Ваш
Ш.-Алейхем.

P. S. Пинусу писал.

178

ЕМУ ЖЕ

6.I 12 г.

Уважаемый Лазарь Абрамович!

Письмо и устав получил. Т. к. Вы приезд отложили, то благоволите немедленно — первой почтой — сообщить мне Ваши условия. Ибо я понимаю, что Вы намерены предложить мне *лучшие* условия. А лучшие условия выражаются у меня в трех пунктах:

1. Размер % — больше 10-ти. 2. Таковые получаю не по мере *продажи* книг, а по мере *выхода в свет*. 3. В январе, при заключении договора, получаю от изд-ва авансом известную сумму, которая отсчитывается постепенно, частями, при выходе каждого тома в 1, 2 или 3-м издании. Вступить же в сделку с кем бы то ни было на тех же условиях, что до сих пор, для меня нет никакого смысла. Буду ждать Вашего ответа через 10 дней.

С почтением
Ш.-Ал.

P. S. О том, что евреи пользуются в России авторским правом, для меня не новость. Никто не будет издавать меня без моего разрешения, ни старый издатель, ни новый, ни в России, ни за границей.

NB. Отложить переводы на Пасху никак не могу. Через 10 дней от сего числа должно быть все выяснено. Если не можете приехать сейчас, то к Вашим услугам почта и телеграф.

179

ЕМУ ЖЕ

15/28.I.1912.

М. м. Г. г.!

Вернувшись из Лейзована (Швейцарский гор.), застал Ваше почтенное письмо, на которое спешу ответить: соглашусь на старые условия, если соблаговолите перевести авансом пятьсот (500) рублей.

Надеюсь, что, из-за пустяка в сущности, Вы не допустите, чтобы наши до сих пор добрые отношения были нарушены и чтобы мои сочинения перешли в другое издательство.

В ожидании Вашего благоприятного ответа не позже 28 января — 10 февраля остаюсь с соверш. почтением

Ш.-Алейхем.

180

ЕМУ ЖЕ

24/6.I.12

М. м. Г. г.!

Просмотрел счет. Ввиду того, что истекает год и наступает новый и нам нужно обменяться на 1912 г. новыми договорами-письмами, я просил бы Вас такое составить в 2-х экземплярах, при этом считаю необходимым внести один из следующих пунктов.

1. Т. к. я живу вне России и не имею никакой возможности проверять ни склады, ни коммиссионеров, следовало бы изменить фразу: «Мы уплачиваем Вам по 10 коп. за каждую проданную книжку» так:

«Мы уплачиваем Вам по 10 коп. за каждую напечатанную книжку». Это значит, что, как только Вы выпустили на рынок какой-либо том, скажем 3000 экз., Вы высылаете мне 300 руб. Я вправе требовать этого пункта теперь, после того, как Вы уже выпустили 6 томов моих сочинений, и я уже для Вас не новичок.

2. Если же Вам никак нельзя согласиться с этим пунктом, то, по крайней мере, Вы обяжетесь дать мне авансом в счет 1912 г. тысячу рублей при подписании договора, каковую сумму Вы вычтете себе, во-первых, с оставшихся 10-ти экз., во-вторых, с I—IV т. (которые выпустите в начале 1912 г. и 3 изд.) и, в-третьих, из VII и дальн. томов. Я надеюсь, что через полгода эти 1000 руб. будут погашены, и я Вас попрошу именно

к 1 июля подвести итоги. Впредь деньги будете платить мне лишь по продаже дальнейшего. Жду ответа. Договор наш 1912 г. будет действителен с того момента, как я подпишу присланное Вами письмо.

Ваш
Ш.-Алейхем.

181
ЕМУ ЖЕ

Изд-ву «Совр. проблемы» *24.II.12.*

М. м. Г. г.!

Ваше последнее письмо, где Вы пишете, что соглашаетесь на продолжение договора 1912 г. лишь при условии аванса в 200 руб., мне передано сюда, в Нерви, где я временно нахожусь не далее, как до 1-го марта.

Ввиду наших старых связей я соглашаюсь на Ваши условия, но выговариваю себе лишь то незначительное преимущество, что эта сумма (200 р.) высчитывается Вами не с первых следуемых мне посылок, а с последних, при подведении годового баланса, причем если мы в декабре месяце возобновим договор на след. 1913 г. в дебет моего счета. Надеюсь, больше между нами переписки не будет по этому поводу; прилагаю при сем наше условие в 2-х экз., из коих один возвратите мне подписанным.

С почт.
Ш.-Ал.

P. S. Материал от Пинуса получил. Если подтвердите, что получили его просмотренным, Вы вышлите редактору-корректору 40 р. (из коих 20 р. на мой счет), то немедленно передайте рукопись переводчику, а я Пинусу посылаю продолжение материала.

№. По словам Пинуса, оба романа не дадут достаточно материала на VII т., и поэтому он добавил к ним рассказ «Юбилей», значит, необходимо, по-моему, *несколько* видоизменить название этого тома. Вместо «В мире звуков» озаглавить «*В мире звуков и мечтаний*». Немножко длинновато, но иначе никак нельзя. Что касается VIII тома, то это будет большой роман и мы его озаглавим либо «*Потоп*», либо «Наводнение». Выбирайте. Самый роман этот пошлю г. Пинусу.

182

ЕМУ ЖЕ

Изд-ву «Совр. проблемы» *7/20 V.1912*

М. м. Г. г.!

К ответу на Ваши письма от 23 апреля и 2 мая прилагаю договорное письмо на 1912 год.

Что же касается моего согласия на издание не изданного еще по-еврейски романа «Блуждающие звезды», то принял во внимание 1. что перевод его еще далеко не окончен, 2. что я против частного условия с журналом «Современник» и, согласно существующим обычаям, не вправе в текущем 1912 году пользоваться печатающимся в журнале моим произведением (которое, быть может, окончится лишь к концу года), 3. *что договор наш с издательством* обязателен для нас обоих лишь *в течение текущего* года, я считаю таковое мое согласие *преждевременным.* При этом считаю нужным подчеркнуть, что роман «Блуждающие звезды» переводится по рукописи и в оригинале по-еврейски еще не издан. И еще один пункт. Ред. «Современника» допустила целый ряд ошибок, которые подлежат моему тщательному просмотру и исправлению. *Но об этом не ранее 1913 года.*

С совершенным почтением

Ш.-Алейхем.

183

ЕМУ ЖЕ

Книгоиздательству
«Современные проблемы»
Москва. *7/20.V.1912.*

М.м. Г.г.!

В подтверждение Вашего письма от 12 марта с/г имею честь уведомить Вас, что принял Ваш договор об издании моих еврейских сочинений в русском переводе *в течение сего 1912 г.* на следующих условиях:

1. До 1 янв. 1913 г. я обязуюсь доставить Вам материалы *до четырех томов,* размером ранее изданных 6-ти томов.

2. Материал должен быть отобран из сочинений на еврейском языке, уже изданных совместно автором и издательством.

3. Перевод с еврейского оплачивается Книгиз-вом, которое также оплачивает редактирование перевода специально приглашенному по выбору автора лицу по 40 р. за том, причем 20 р.— за счет изд-ва и 20 р. за счет автора.

4. За авторизацию Из-во уплачивает автору 10% с номинальной цены каждого проданного экз.

5. Из-во вправе выпускать каждый том в любом количестве экз. и изданий *в течение договорного времени*, причем извещает автора о выходе каждого нового издания и о количестве экз. изданий.

6. Авторизация *до конца 1912 г. дается* исключительно Из-ву «Совр. Проб.».

7. Для определения причитающегося автору, согласно § 4 сего соглашения, процентного отчисления, он имеет право проверять торговые книги и склады сам или через уполномоченного.

При заключении сего договора автор получает от Из-ва аванс в размере двухсот (200) рублей, каковой должен быть погашен в конце договорного года.

С совершенным почтением

С. Рабинович
Шолом-Алейхем.

VII

184

Ш. НИГЕРУ

Баденвейлер, 20 мая 1911 г.

Многоуважаемый господин Нигер!

Вы плохо знаете меня? Как это понять? Возможно ли такое?

Быть может, Вы знакомы со мной и это по-Вашему плохо? Когда говорят о человеке, к примеру, что он платежеспособен,— это хорошо, если нет — плохо... Это во-первых. Во-вторых, Вы говорите, что у Вас ко мне «какие-то сложные вопросы». Плохо ли писателю, если его читатель или критик говорит о его достоинствах... Ну, ладно, спрашивайте. Я Вам на них отвечу... Шимен Добин и Рахиль * знают, что я на вопросы даю ответы. Отвечаю всем. Вам тем более. Вы же о пустяках не спросите, ибо Вы не пустой человек. Адрес моей жены в Варшаве: она живет у еврея, которого зовут Яков Динезон; «он милосердный отец» всех осиротевших еврейских писателей. Варшава, Дзельная, 15.

Вам, Добину, Рахили и Хьене * свои приветы шлет

Шолом-Алейхем.

185

ЕМУ ЖЕ

Кларан, ри ди Лок, 15 (Швейцария) 12.IV.1912 г.

Глубокоуважаемый друг Нигер!

Отвечаю на Ваше милое письмо второпях, на ходу, на бегу, другого времени нет у меня.

Роман «Блуждающие звезды» я Вам пришлю, соблюдая три условия:

1. Финал изменю.

2. Никто не должен видеть рукопись. Разумеется, кроме Вас и Вашей жены. Когда-то, до замужества, она была поклонницей моего писательского дарования. Прочтете рукопись и немедленно верните.

3. Как только получите это письмо, Вы должны достать несколько листочков чистой бумаги и написать следующее:

Вы ожидали другое.

Что именно. Вы считаете, что я должен был открыть нечто новое в психологии моих героев. А именно, что? Разумеется, у меня свои планы. И я уже продвинулся очень далеко. Но хотел бы знать Ваше мнение, Ваши пожелания, что Вы бы сделали? Нет, не спрашиваю *как*, хочу знать *что*. Только обо всем откровенно, чистосердечно, как верный друг. Главное — немедленно. Как только получу Ваш ответ, вышлю «Блуждающие звезды».

О моем здоровье? Вполне удовлетворительно. Я не так здоров, как юн и свеж. *Молодею* (имею в виду творчество), серьезно.

Вы пинского парня спутали со студентом Тамаркиным. Эти живые образы просят меня: нарисуй наш образ, но редактор орет: больше историй и меньше типов.

Вы представляете, какую трудную работу я проделал, если продырявил гиппопотамовую шкуру тех, кто пальчики облизывает от таких произведений, как «Дама в вуали», а я заставил их читать с интересом и мои сочинения. Интерес к моим произведениям растет изо дня в день. Естественно, пишу об этом втайне. До поры, когда сумею обнародовать несколько писем еврейского редактора к еврейскому писателю. Смеяться будут до колик в животе (а писатель тем временем будет плакать...). Если не доживу до этого времени, то смеяться будут другие. Письма редактора хранятся у меня, и мои тоже. Беркович в курсе всех моих отношений с редактором. Он рвал на себе свои черные волосы... Теперь редакция дала мне знать, что с божьей помощью роман ею принят. Очевидно, по требованию читателей... Короче, весело!

Завтра, послезавтра ожидаю Вашего письма.

Шолом-Алейхем.

P. S. Главное забыл. Необходимо, чтобы Вы знали (открою Вам секрет. Кругом секреты и секреты), что мой герой будет обвинен в ритуальном убийстве, попадет в острог. Но до ареста он у меня попляшет, как сам бог приказал, будет страдать и бояться погро-

ма... Что Вы можете мне сказать об этом? Прошу Вас сказать свое слово без обиняков. Если заслужил розг, так не стесняйтесь, говорите, чем быстрее, тем лучше. Немедленно!

186

ЕМУ ЖЕ

Кларан, 14.IV.1912.

Дорогой друг Нигер!

Тысяча благодарностей за Ваше милое письмо, которое согрело меня.

Не откладывая в долгий ящик, немедленно отвечаю Вам. Лежа в постели, пишу последние главы (пишу утром до 8—10. Писал бы дольше, до 11 и 13, но не дают, кричат).

Итак, вновь о Вашем письме. Содержание первых сорока глав романа отвечает Вашим желаниям. Это радует меня. Выходит, я на верном пути, не полез черт-те куда. Меня радует Ваша оценка моего произведения. Вы придали мне мужества. Ах, как хорошо. Разве мы, еврейские писатели, народ несчастный? Нееврейские писатели учатся у критиков, слушают лекции, познают метод и систему и тому подобное. Еврейский литературный критик приносит извинения. Не хочу Вас обидеть. Вы можете откровенно мне сказать: «Шолом-Алейхем! Пишите так, а не иначе, а то свернете себе шею».

Слушайте же! Высылаю Вам «Блуждающие звезды», читайте вдвоем: Вы и Ваша жена. От Вас я требую еженедельно посылать мне письма. И всегда только о «Кровавой шутке». И всегда новые мысли, которые были бы созвучны развитию моего сюжета. Пока роман еще на верстаке, я готов его исправлять согласно Вашим верным советам. Однако все сказанное должно быть тайной (опять тайна!). Мы с Вами встретимся в Саду. Не для чтения. Там мы поговорим по душам, откроемся друг другу... Как жаль, что мы раньше не познакомились, не сблизились. Если я Вам приятен, то Вы мне полезны, полезны до бесконечности! До свидания!

Ваш

Шолом-Алейхем.

187

ЕМУ ЖЕ

Кларан, 29 мая 1912 г.

Друг Нигер!

«Перехваченные письма» * и ломаного гроша не стоят. Это фельетоны о живой жизни людей в заброшенных местечках. Двое, один с того света, другой с этого, состоят в переписке, рассказывают друг другу байки, клевещут, оговаривают живых и мертвых.

В фельетонах фигурируют персонажи из Шполы, Белой Церкви, Вильно, Риги, Ровно и др. Глупые читатели наслаждались, прямо-таки пальчики облизывали.

«Перехваченные письма» я далеко запрятал, так как мне стыдно за эти фельетоны, словно старику, нашедшему старое письмо, адресованное своей или чужой невесте... Я не притворяюсь, искренне говорю Вам: письма ничего не стоят, если даже скажут, что они «продукт юного Шолом-Алейхема». Пошлю их Вам нарочно.

Мой товарищ, который не видел меня 33 года, пишет мемуары о Шолом-Алейхеме. Все они крайне «бессодержательны».

Мечтаю провести с Вами два десятка добрых часов и раскрыть Вам свою душу. Однако полагаю, что мне самому придется написать свою биографию и историю моих произведений: и то и другое интересно. Плохо, что эту работу я откладываю до времени, когда наступит старость. А я себя чувствую молодым и таким буду себя чувствовать до конца своей «юности», автобиография же останется незавершенной. Но как можно писать биографию, когда чувствуешь себя в начале творческого пути...

Моя жена все еще прикована к постели.

Ваш

Шолом-Алейхем.

P. S. Имею поклонника, зовут его Шимен Добин, где он? Какой его адрес?

188

ЕМУ ЖЕ

27.VII.1912 г.

Друг Нигер!

На этой неделе я собираюсь совершить маленькую экскурсию по стране. Стало быть, прежде всего буду

в Берне и остановлюсь там только ради Вас. Как договорились, по секрету, даже птица небесная не должна знать. И жена Ваша. Я в Берне проведу не больше чем полдня и ночь. Затем пошел бы дальше. И не один, а с провожатым, с одним из моих двух зятьев, студентом. Вы думаете, я забыл ноги? Нет, я их не забыл. Застрял в горах в беспросветном тумане, дождь хлестал двое суток... На будущей неделе вновь поеду и буду у Вас. Сообщаю адрес Элиашева (Бал-Махшовеса): Гостиница Виктория, номер 136.

Шолом-Алейхем.

189

ЕМУ ЖЕ

Кларан, 2 сентября 1912.

Глубокоуважаемый друг Нигер!

Прочтите письмо г. Шнейфала в газ. «Дер фрайнд» (№ 183) о еврейском восьмидесятилетнем писателе, который стал разносчиком газет. Факт этот потряс меня. Я написал письмо в газ. «Хайнт» и готов ради старика-писателя выступить на вечерах у Вас, в Берне и Генфе. Прошу дать согласие на Ваше участие и сообщить мне, когда и где состоятся выступления,— разумеется, в начале семестра [1].

А теперь о Вашей объемной статье в «Лебн ун висншафт». Не хватает слов, чтобы похвалить Ваше глубокое понимание моих вещей. Думаю, что Вы один из тех, кто скажет первое и важнейшее слово о том, кто подписывается.

Шолом-Алейхем.

№. Если Вам хочется еще побывать в горах, то приезжайте к нам. Вы бы имели удовольствие послушать, как я читаю Вашу статью в кругу моих домашних; они давно хотят ее услышать, но у меня на это не хватает времени. Если Вы здесь будете, тогда другое дело. Тогда время найдется.

Тот же.

---

[1] Весь сбор пойдет в пользу старика. Об этом надо объявить в афишах. (*Примеч. Шолом-Алейхема.*)

190

ЕМУ ЖЕ

Кларан, 5-го сентября 1912 г.

Друг Нигер!

Получил Ваше письмо.

Из Одессы пишут мне, что «Дедушка» в восторге от Вашей статьи о моем творчестве. Он хвалит Вас выше всякой меры. Беркович, который не любит комплиментов, того же мнения... Он очень доволен... Что касается Ваших изданий, можете рассчитывать на меня. Готов помочь, чем могу.

Шолом-Алейхем.

Вашей жене, моей поклоннице — мой привет.

191

ЕМУ ЖЕ

Лейзен, 10.1.1913.

Друг мой Нигер!

Как видите по почтовому штемпелю, я в Лейзене, 1500 метров над уровнем моря, но пишу Вам из Лозанны. Здесь я завершил свой роман и схожу с ума. Что значит не писать? Как это человек встает утром, ест, пьет, расхаживает и не пишет, ничего не пишет! Разве такое возможно? Терпимо ли это? Такое человек выдержит? Можно ли долго так жить? Ничего не делать — удивительная, странная жизнь. Люди мечтают о такой жизни. Мой ум этого не понимает. Быть может, придет время и мой ум уразумеет это. Но пока время еще не пришло. В безделии — никакого удовольствия. Не приемлю рая, нарисованного моим меламедом реб Зорахом: сидят и сидят и ничего не делают. Человек он был скучный, да простит меня реб Зорах, глупый еврей... Затем, говорит он, подают вино, пьют и пьют. Был реб Зорах, да простят меня, дураком... Потом вновь сидят и сидят, а делать ничего не делают... Я Вам когда-нибудь расскажу истории и истории. Не выдуманные, а реальные. Короче, теперь я нахожусь в раю реб Зораха. Этот рай мне не нравится. Что же это за рай, если в голове зреют планы, сюжеты, типы и картины — все они умоляют: возьмись за нас — а тут сиди, ешь, пей... Спать? Как уснешь, когда ночами напролет планы не дают покоя, будят

тебя. Нет, это не рай, это ад! Маленькое счастье — в книгах, их здесь немного, и я их читаю. Очень мне нравятся «Воспоминания» Котика. Получаю огромное удовольствие.

Вчера вечером я своему сыну, студенту, Вы его знаете, прочел Вашу статью о моем «Тевье» и о детских рассказах. Она нам понравилась.

Для сына статья Ваша — открытие: так гладко писать на идише и выразить на нем глубокие чувства! А я радовался Вашему тонкому пониманию «Мальчика Мотла». Чистая правда.

Моего «Мальчика Мотла» я еще не завершил. Вскоре примусь за него... Где взять время, годы где взять?..

Вашу просьбу о «Народной библиотеке» я, к сожалению, не выполнил: у меня ее нет. Сегодня о Вашей просьбе еще раз напишу Берковичу. Ай, дети, дети! Они не хотят учиться у меня: на письмо надо обязательно ответить.

Эйб Каган из «Форвертса», который годами игнорировал меня, уведомил своих читателей, что он прочел несколько новелл Шолом-Алейхема и находит, что он владеет еврейским языком. И то хлеб!

Ваш
Шолом-Алейхем.

192
ЕМУ ЖЕ

Лейзен, 16. 1. 1913.

Друг Нигер!

Пишу лежа в постели. Пристала ко мне новая напасть — острое заболевание мочевого пузыря. Хочу завтра-послезавтра отправиться в Берн к специалисту. Поговаривают об операции! Потому мы (я и жена) просили бы Вас разузнать, кто он, этот специалист, который нам нужен.

Это во-первых. Во-вторых, мы телеграфно сообщим Вам день приезда. Не будете ли Вы настолько любезны, чтобы прервать на пару часов Ваши занятия и отвести нас в лучшую гостиницу? Специальной открыткой сообщите мне фамилию профессора по адресу: Rabinowitz, Hotel Anglais, № 91, Leysin sur Aigle. Когда мы сумеем вырваться — еще не знаю. Пока я все еще

лежу в постели. По почерку Вы видите, что Шолом-Алейхем в большой беде. Вы понимаете, что значит, что я не пишу.

Ваш больной
Шолом-Алейхем.

193

ЕМУ ЖЕ

Бангоф Эгл по дороге в Лозанну.
17 января 1913.

Дорогой друг Нигер!

Не дождавшись Вашего ответа, выезжаю в Лозанну к профессору. Хотелось мне в Берн, ибо если умру, то в Берне будут более пышные похороны, чем в Лозанне. В Лозанне нет евреев. Два-три студента, жуй да плюй!

Стало быть, будьте здоровы.

Шолом-Алейхем.

194

ЕМУ ЖЕ

Нерви, гостиница «Эден»
4.III.1913

Мой дорогой друг Нигер!

Выше я указал свой адрес.

Я вполне здоров и нахожусь в Ган-Эдене (в раю). Цветет уже миндаль, апельсины тоже. Не в силах описать Вам, какой прекрасный мир бог создал здесь на морском побережье, ибо описание будет профанацией. Обесчестим святыню.

Кланяйтесь, кланяйтесь всем, Вашей жене отдельно.

Ваш
Шолом-Алейхем.

Как поживает Ваш брат?

195

ЕМУ ЖЕ

Нерви, 12.III.1913.

Дорогой друг! [Нигер?]

Сегодня я себя лучше чувствую. Вероятно скоро забуду о том, что со мной было.

От Клецкина * ни полслова. Все издательские дела поручил Берковичу. К нему и следует обращаться. Его адрес: Одесса, Канатная, 33. Беркович будет заниматься и моими произведениями.

Вашей супруге — привет.

Шолом-Алейхем.

196

ЕМУ ЖЕ

Нерви, Хотел «Эден», 31 марта 1913.

Лучший друг Ш. Нигер!

Я вполне здоров.

Уже приступаю к работе в газ. «Хайнт». К Пасхе и для Пасхи, по всем правилам, по-настоящему.

Получил письмо от Берковича о его переговорах с Бергельсоном. Идет на лад, но все еще не очень определенно. Беркович пишет: они могут напечатать автобиографию *... Они могут платить по 100 рублей за лист плюс матрицы... они могут печатать один лист в месяц... они могут дать аванс в сумме 600 рублей.

Вся эта история напомнила мне, как Шолом-Алейхем играл с приват-доцентом Файтлом Лифшицем * в «66». Сидит Лифшиц и ломает себе голову, какой картой пойти: пикой или трефой? Знать бы ему, говорит он, какие же карты у Шолом-Алейхема! На что я ему отвечаю: человече, зачем Вам голову ломать, могу показать Вам свои карты.

— Серьезно? Ну, пожалуйста! (Он оживленно поднимается со стула.)

— Что, пожалуйста?

— Покажите, чем Вы располагаете.

— То есть, как это я Вам покажу, чем я располагаю?

— Вы же сказали, что Вы можете мне показать Ваше карты.

— Могу, но не хочу.

Одним словом, жду Вашего письма. Говорят, Вы там редактор, следовательно, самый главный. Поздравляю! Искренне рад.

Ваш *Шолом-Алейхем.*

P. S. Только что получил письмо от г. Калмановича *. Он не согласен с предложением Бергельсона. Калманович пишет, что автобиография не может пойти в журнале. Итак, кто же прав?

197

ЕМУ ЖЕ

Нерви, гостиница Эден
10 IV.1913.

Милый друг Нигер!

Я получил Ваше письмо, а в нем письмо Калмановича. Оба одинакового содержания. Отвечаю Вам обоим, не понимающим, что такое избранные главы. Кто этому поверит? Вы или я? Эти главы я Вам посылаю в третий или четвертый раз. Завтра обязательно вышлите мне исправленные главы, отпечатанные на машинке. Посланные Вам избранные главы нигде найти нельзя... Что касается объема автобиографии, я Вам об этом уже сообщил. Ее объем 20—25 печатных листов. Это не роман, о котором заранее не известно, какой журнал поместит его. Каждая глава автобиографии — отдельное законченное произведение.

Вот что я счел необходимым Вам обоим сказать.

С приветом

Шолом-Алейхем.

198

ЕМУ ЖЕ

Лозанна, ноябрь 1913.

Дорогой Нигер!

Вы вселили в меня новую душу. Сердечно благодарю Вас.

Да будет это реальностью, а не мечтой! Интересно и полезно знать: Шриро * подписался, купил, заплатил... Несомненно, перевернем мир, несомненно. (Жаль мира: был прекрасный мир, пришел какой-то Клецкин с Нигером и Шолом-Алейхемом, и бац — миру конец.)

«Пинкес» *, говорят, хорошая штука. К сожалению, я его еще не видел.

Имеете ли Вы второй том Котика. Жаль, он мне испортил аппетит первым томом. Наивный еврей, очень наивный!

Если Вы читаете моих «Сирот» * в «Гацфире», то это кусок моей биографии.

О здоровье? Дай бог не хуже. Собираюсь к Вам на Хануко. Пока пригласили меня в Варшаву, Москву и Петербург.

В Берлине встретил меня Б. Ц. Гольдберг и уговаривал меня посетить Вильно хотя бы на один день.

Благодарю Вас за теплое письмо.

Ваш *Шолом-Алейхем.*

P. S. Где находится Ваша жена? В Бобруйске? Ничего себе! Вы в Вильно, она в Бобруйске, а Шолом-Алейхем в Лозанне.

199

ЕМУ ЖЕ

9.I.14.

Мой дорогой Нигер!

Вернувшись из Парижа, Льежа и Антверпена, застал Ваше дорогое письмо.

Мое турне по России зависит от разрешения. Пока ни в Варшаве, ни в Лодзи информации нет, если будет, Вы узнаете об этом. Теперь пишу Вам о **бизнесе.** Если люди вправду думают, что у них будет издательство, а я его сотрудник, то это возможно сейчас. **Сейчас**, и не позже. Теперь они могут меня заполучить по многим, многим причинам. Позже — трудновато будет. Вот что: они могут заключить со мной два бизнеса:

А) журнал, Б) мои книги, ибо мой издатель готовит уже к Новому году новые тома, а я хотел бы уйти от него, издать несколько красивых томов, а-ля Клецкин... Мне пришлют телеграмму, что выслали человека для окончательной договоренности о моих книгах. Передать с этим человеком аванс для меня. Условия более или менее известны. У Лидскина я получаю каждый раз пару тысяч вперед за год, половину наличными, половину чеками и векселями. Я советую Вам, если хотите, чтобы я был «ихним», разъяснить им, что все, что они могут сейчас сделать, позже не выйдет. Ради получения телеграммы в Варшаву не поеду, а жду пару дней.

Ваш *Шолом-Алейхем.*

200

ЕМУ ЖЕ

Лозанна, 4/17.I.14.

Дорогой друг Нигер!

Благодарю Вас за своевременный ответ.

А) Относительно произведений — если только 6 месяцев, я согласен. Мой контракт с «Централем» * действителен до июня, значит, надо будет раньше, через короткое время начать переговоры между нами и Вами о пролонгации контракта с «Централем», это не беда. Я повторяю: переговоры начнутся месяцем раньше.

Б) О моем вступлении в Ваш журнал. Давно пора было прекратить публикации в еженедельных газетах, а печататься, как принято у других, в престижных издательствах. Именно сейчас, когда журнал уже существует (я передаю Вам это по секрету), в газете «Сегодня» с Нового года печататься больше не хочу — по разным причинам (хотя гонорар там значительно выше), особенно не хочу им давать свои новые большие произведения...

1. Я даю Вам (не как Вы пишете «продаю» Вам — что за американский язык у Вас?) не часть произведения, как Вы хотите, по пол и целому листу, а произведение на 3—4 печатных листах, в каждой книге — законченную вещь.

2. Это — наиудачнейшая из моих последних работ, о которой отзывались Вы и русская критика, грех перед богом, что этот отзыв напечатан в еженедельной газете. Вы, вероятно, догадываетесь, о чем идет речь. Я говорю о **«Мальчике Мотле»**. Вы ведь помните, вероятно, что он у меня приехал в Лондон и оттуда едет «с халястрой» в Америку? Вот едет он уже у меня по морю, именно в Америку, и приезжает в Нью-Йорк, и проделывает с братом Элей, с товарищем Пиней и остальными персонажами все круги ада, но весело и живо. О, Мотл, ол райт! Для каждой книжки отдельная новелла, одна новелла не зависит от другой — и все же каждая последующая связана с предыдущей.

3. Я не рассчитываю, что Ваш журнал будет печатать все новеллы до последней, хотя и уверен, что Вы сами захотите их печатать, от первой до последней; они займут, как я считаю, 6—7 печатных листов, среди них будут рассказы по 1/2 листа и 3/4 листа.

Таким образом это расстянется на весь год. Точно сказать невозможно.

4. Гонорар, как Вы сообщаете,— сто рублей за лист.

5. Все эти новеллы называются *«Мальчик Мотл в Америке»* (так они именуются в России), и нигде их нельзя опубликовывать, пока они не будут напечатаны «В еврейском мире» (Новеллы на русском или другом языке Вы не можете мне запретить печатать, естественно, после того, как они будут у Вас напечатаны).

6. В виде аванса за те вещи, которые будут Вам присланы в дополнение январской рукописи, Вы мне высылаете *пятьсот рублей,* после подтверждения договора, хотя мы не нуждаемся в контракте. Надеюсь, что будет достаточно этого моего письма и что я гарант у мистера Клецкина и у Вас, и больше никаких разговоров. Наилучшие пожелания Вашим лучшим друзьям от Вашего сотрудника с 1914 года.

Шолом-Алейхем.

VIII

201

А. ЯНОВСКОМУ

Моему юному другу
Аврааму Менделевичу Яновскому
в Богуслав.

15 января 1882, гор. Лубны.

Мой юный друг!

После того как прошли три месяца, я наконец вчера вечером вернулся из своих скитаний и лишь сегодня получил твое первое письмо от первого мая. Я исполнился радости, читая твои приятные слова, исходящие от чистого сердца и проникающие в сердце друга, которые ближе брата, — сердце с сердцем ведет разговор. Напрасно ты оправдываешься, мой юный друг, утверждая, будто твое перо движется с трудом, когда пишешь на языке наших древних предков. Ты своим письмом пленил мое сердце. А чье сердце не дрогнет, услышав твои слова, согретые теплом сердца? Потому со всей искренностью заявляю, что на нашем древнем языке ты пишешь ясно и точно выражаешь свои мысли. Замечу, что ты неплохо это делаешь и по-русски. Я готов в любое время слушать тебя на любом языке, на котором ты решишь изъясняться. Только одно условие: не забирайся в облака к ангелам, а говори просто, без фокусов. Так я поступаю со всеми, с кем нахожусь в переписке. Как правило, пишу по-русски и обращаю внимание больше всего не на форму, а на тему письма, и мне безразлично, на каком языке мне отвечают. Важно понять и осмыслить написанное.

Я сожалею, что только теперь могу ответить на твое письмо, которое мне очень дорого.

А теперь отвечу на вопросы, которые тебя интересуют, расскажу о болезни, которая уже прошла. А ты, мой дорогой, слушай: заболел я желудочным заболеванием, затем болезнь развилась, а я не обращал внимания, ибо был завален работой. Я уговаривал себя, что я здоров, крепок, как скала, так и ты мне говорил.

Свое состояние я скрывал от моей дорогой подруги, не хотелось, чтобы она увидела, что со мной на самом деле происходит. Однако она заметила, что мои десна кровоточат, и она очень встревожилась. С той минуты силы покидали меня и я лишился возможности закончить начатое (об этом напишу тебе в другой раз). Мне решительно запретили играть на скрипке. Тошно стало жить. Твой друг, как рак, стал пятиться назад, назад...

Мое желание и моя просьба: дай знать, как поживает твой дядя, которого помню, о его состоянии, месте проживания, поведении, делах, занятиях и т. п. Как поживает твоя тетя, жена дяди, госпожа Рахиль? Здорова ли она? Как поживает сын дяди, он мой лучший друг и товарищ, имею в виду Иешую, состояние его здоровья. Где он? Во Франции? Я слышал, что из-за состояния здоровья он уехал в Италию. Когда он уехал? Долго ли он будет жить во Франции? Главное, что хочу узнать, — это правду о состоянии его здоровья. Когда я с ним простился, его жизнь была вне опасности. Горе тому, кто слышит это. Хочу знать, что теперь с ним. Где его жена? Она с ним проводит это далекое путешествие на юг? Есть ли у него дети от этой жены? Где его постоянное местожительство...

А как поживает моя царевна Пнина («Биба»)? * Каково ее состояние, как она выглядит, чем она занята, какие уроки ей преподают, где она живет, кто ее учителя, чему они ее обучают, успевает ли она в науках, наезжает ли в Богуслав, видишь ли ты ее, хотя бы редко? Не собирается ли выходить замуж, а кто ее суженый, кто и что он? (О ней пиши мне обстоятельно, больше, чем о чем-либо другом.) И как поживают остальные домочадцы Лоевых? Вообще и в частности. Этим повторяю свою просьбу, изложенную в первом письме.

Прежде чем проститься с тобою, имею к тебе, мой друг, еще одну просьбу. Передай привет другу моему просвещенцу Мордехаю, сыну Хаима Лоева. (Когда я жил в Корсуне, мы переписывались.) Будь любезен, скажи ему от моего имени, если он хочет и впредь переписываться со мною, то ему следует ответить на мои письма, отправленные мною из Корсуна, на каждое письмо в отдельности.

А теперь, мой юный друг, выпроводи меня... и

извини за то, что я задурил тебе голову моими «ничто».

Я твой друг, который заранее (до получения от тебя ответа) благодарит тебя.

Шолом.

202

И. Л. ГОРДОНУ

Киев, 7.IV.1888.

Уважаемый господин Иегуда-Лейб Гордон! *

Должен ли я обращаться по-древнееврейски, если знаю его далеко не совершенно? Потому, дорогой господин, прошу извинить меня за то, «аз недостойный» набрался смелости и пишу Вам на идиш, как деревенский парень, обращаюсь к Вам на еврейском языке, на жаргоне, на языке «наших женщин». Писал бы Вам на древнееврейском. А я хочу быть кратким.

Итак, самый младший из числа пишущих на жаргоне решил издать сборник (журнал). Не для заработка (в Киеве творю лучшие дела), а для того, чтобы поднять роль и значение жаргона.

Разумеется, везде, где проживает «жаргонист», он принадлежит мне. Это, во-первых, потому, что читатель чуточку знаком со мной и мне не придется «доить козу». Во-вторых, я внес нечто новое в нашу литературу. А именно? Выплачиваю гонорар за каждую строку (кто до меня платил автору?), плачу хорошо. К примеру, Абрамовичу плачу по 10 копеек за каждую строку прозы, если даже напишет миллион строк. Линецкому плачу почти столько же. Даже начинающим даю 3—5 копеек. Еще новое: никаких реклам, рассчитанных на обман публики. До тех пор, пока сборник не будет опубликован в Бердичеве,—никаких авансов. Цена сборника будет мизерной, дешевле «тарелки борща». Здорово, не правда ли? Пришлите мне несколько Ваших стихотворений на языке идиш... и пусть народ, бедный народ, в субботний вечер почитает Гордона, возгордится, что для него на жаргоне пишет сам Гордон.

О гонораре разговора не будет. Двадцать копеек за каждую строку, а выше этой суммы до 50 копеек установлю сам. Однако не думайте, будто хочу Вас купить за деньги. Понимаю, что значит быть вне языковой атмосферы. В этих условиях создавать что-либо

трудно, займет много времени. Выходит — время деньги, а за деньги Вы принесете в жертву время...

В ожидании Вашего письмеца

Шолом-Алейхем.

P. S. Где мне найти Вашего однофамильца М. Гордона * с его прелестными стихами?

203

А. А. ГАРКАВИ *

11.IV 89.

Уважаемый и высокочтимый господин!

Честь имею сообщить Вам, что сегодня выслал Вам еженедельник, издаваемый мною на жаргоне, «Еврейскую народную библиотеку». Обратите на нее внимание. Денег никаких. Не из-за денег издаю альманах.

Прошу Вас о следующем:

1. Какие существуют источники о еврейском костюме?

2. Имеются ли по этой теме книги, журнальные статьи, в каких журналах?

3. Где смог бы я их достать?

Остаюсь Вашим поклонником.

Ш.-А.

P. S. Можно ли где-либо достать лекцию профессора Доброславина о еврейской ермолке? Где лекция напечатана?

204

ИЗДАТЕЛЮ ЖУРНАЛА «ГАМЕЙЛИЦ» *

07.V.1889.

У кого не дрогнет сердце, наблюдая, как многие старые люди страдают, терпят нужду, голод. Мы смотрим, не видим, не обращаем внимания, и не стыдно ли нам? У кого не заплачет сердце, познакомившись со статьей Л. Кантора, в которой ее автор призывает читателя достойно отметить семидесятилетие нашего старейшего писателя К. Шульмана? Но придет день, и наши святые господа велеречиво превознесут юбиляра, возвысят до небес, будут петь дифирамбы, нарисуют его биографию для будущих по-

колений... И это продлится целый день... Не лучше было бы, если наши благодетели, дети бога Авраама, вместо песнопений обеспечили бы всем необходимым нашего национального писателя. Святая обязанность каждого из нас, любящего свой народ и его язык, прийти К. Шульману на помощь и своими средствами издать ко дню его праздника его произведения. Запомним его праздник — праздник народа.

В приложение к этому письму посылаю сумму... и свои поздравления, разделяю радость писателя и призываю народ последовать моему примеру. Да осуществится мое пожелание согласно пословице: «по копейке со всех стран света, а писателю десятки тысяч»...

Боярка,
Шолом-Алейхем.

205

И. Л. ГАМЗЕ

Боярка, 29.VI.1889.

Мой господин! Я не писал Вам, будто Ваша поэма * никуда не годится, или напротив,— великолепна. Я только сообщил, что, быть может, она не войдет в «Библиотеку» *.

У меня правило: ни одному писателю предварительно не высказывать свое мнение. Я тоже еврейский писатель и заранее не говорил о своих сочинениях, плохо ли они сработаны или великолепно, до того, как с ними познакомились писатели опытнее меня. Что касается Вашей поэмы «Раввины», скажу еще раз: исправьте ее в соответствии с моими замечаниями. Если Вам угодно ее расширить — пожалуйста! Но избегайте субъективизма... В такой поэме важно, чтобы в ее основе находились объективные, правдивые факты... Если вдумаетесь в мои замечания, то поймете, что я имел в виду Ваши интересы... Мудрецу достаточно намека.

Ваш слуга
Шолом-Алейхем.

206
И.-Я. ВАЙСБЕРГУ

Киев, (2 ноября?) 1900.

Привет одному из киевских друзей Ицхок-Якову Вайсбергу! * История такова: сегодня Вы юбиляр, в связи с этим мне захотелось Вам кое-что сказать. Немногое. По-еврейски, на языке дедушки Абрамовича. Ибо каждый пишет так, как умеет. А почему не писать на языке идиш? Еврейскому писателю — тем более, он пишет для еврейских женщин...

Это во-первых.

Во-вторых, хочу я, чтобы Вы и Ваши домочадцы получили удовольствие. Ибо все пожелания, напечатанные в газетах, выражены в письмах, получены Вами, как водится, на древнееврейском языке,— значит, ребята Ваши не поймут. Ни единого слова. А по-моему, Ваш юбилей должен быть не только Вашим и нашим праздником, но и Ваших родных.

Пусть знают жены наши, что такое еврейский писатель!..

Были бы Вы не еврейским писателем, и была бы у Вас жена русская и дети русские, они бы знали нееврейскую речь, читали бы русские книги, ели сало и запивали вином... Русские писатели посещали бы Ваш дом, приезжали бы к Вам в каретах и произносили бы речи по-русски, преподносили бы дипломы и адреса... Но мы, божьей милостью, еврейские писатели и жены наши еврейки, потому у нас тихо, потому бесшумно отмечают наши юбилеи, не произносят тосты и не присуждают премии. Толика просвещенцев, быть может, появится, поздравит, понюхает табачку, и айда — прочь... Найдется даже 2—3 журналиста, которые велеречиво опишут юбиляра и его юбилей.

И будут недоумевать, чем это он заслужил, что отмечают его юбилей? Да, но он опубликовал книгу, а я нет... Ну, и что? Раз у него имеются денежки для издания книги, то пусть отвалит нужную сумму для юбилейного торжества. Мешать Вам не хочу... Однако поговорим о более веселых делах: когда у Вас «поминки», то есть, когда исполнится 25-летие Вашей литературной деятельности? А если Вы отмечаете свое 60-летие, то делайте это бесшумно, в домашнем кругу... А дома можно потолковать о сионизме, школах, ли-

тературе, политике, кое-кого облить грязью, оклеветать, невзначай высмеять весь мир...

Между тем шлю Вам большущий привет, Вам и всем Вашим домочадцам. Живите еще 60 лет, стало быть, живите до 120 лет. И дожить бы нам до Вашего литературного 50-летнего юбилея с вином, рыбой, музыкой, банковскими банкнотами... Аминь! Аминь! Аминь!

Так желает Вам Ваш искренний вчерашний и сегодняшний друг

Шолом-Алейхем.

Главное забыл: когда же Ваш юбилей согласно еврейскому календарю, в какой день недели, в какой день, согласно общепринятому календарю, какую ханукальную свечу и т. п. Если в среду, то соберемся у Бернштейна и Шварцмана. Если в четверг вечером, то концерт Варшавского состоится у меня. А если в пятницу вечером, то это просто великолепно.

207

М. КЛЕЙМАНУ

Киев, 03.VII.1903.

Моему внимательному читателю М. Клейману из Бердичева!

Ваша открытка о «Ярмолинце на ярмарке» обрадовала меня не тем, что Вы лестно похвалили меня (спасибо за комплимент, как говорит бердичевская барышня, социал-демократка, своему жениху, социал-демократу, наступившему ей, танцуя, на ногу...), а тем, что Вы нашли верный путь общения с писателем,— без помощи журнала «Гамейлиц». И Вы воспользовались заумным словом «филоксера» («червячком-вредителем винограда».— *М. Б.*). Не думайте, будто я решил отомстить Вам за вычурное выражение. Мне хочется спросить, как верного ученика, умного читателя, неглупого еврея: неужели надо быть скоморохом, как Вы выражаетесь, чтобы написать такие вещи, как «Горшок», «На скрипке», «Маленькие люди», «Рябчик», «Ханукальные деньги», «Флажок» и т. п. Не забудьте, что эти рассказы печатались на страницах газеты «Дер Юд» и в то самое время, когда Шолом-Алейхем, по-Вашему, был скоморохом. Признайтесь, что «филоксер» красивое слово, с добавлением древнееврейского

«сафрутим» («литераторов».— *М. Б.*) оно звучит — лучше не надо...

Но вот здесь-то и зарыта собака...

Ей-же-ей, обидно, почему наши не хотят понять, что такое юмор, ненавидят сатиру? Но как мне быть? Когда сажусь за письменный стол, то даже самый печальный сюжет порождает такие картины и типы, от которых можно только смеяться. К примеру, рыжий Берл, каким бы несчастным он ни был, парень Генех, каким бы невезучим он ни был, получаются у меня веселыми и радостными. Сколько слез (реками) пролил бы Динезон, которого искренно люблю за его честность и святую наивность.

Что мне делать? Смех — это моя болезнь, спаси, господь, и помилуй, с детских лет. Первое, что я узрел на лице моего меламеда, была бородавка на носу, которую мне хотелось вытащить двумя пальцами... На лице жены меламеда я увидел разноцвет бровей: одна черная, вторая белая. Кажется, мелочь. Не правда ли? Но когда я недавно встретился с бывшим дружком юности и рассказал о бровях жены ребе, он так смеялся, словно в него бес вселился.

Больше скажу, когда я впервые увидел мертвеца, то мне почудилось, будто он моргает глазами... Мне это показалось настолько смешным, что ночь напролет не смог уснуть.

Нищий, которого впервые встретил, был колченогий Авремл, он так странно подпрыгивал при ходьбе, что вызвал у меня громкий хохот. Мама дала мне оплеуху, дабы я запомнил: нельзя смеяться над калеками...

Я недавно получил письмо от «Фрайнда» с просьбой дать что-нибудь в память о «Тише-беав»... Напрягся и сотворил нечто подобное перу Динезона, сожалею, что не сжег. Полюбопытствуйте и почитайте, убедитесь, каким вкусом обладает еврейская душа, когда она в слезах. Словно веревками я связал свое перо, сургучом запечатал свои губы, чтобы не смеялись. Что получилось? Ерунда. Прочтите новеллу «Сто один»; опубликованная в сборнике «Хилф», она полна несчастья, печали, бед, паршивцами, занимающимися доносительством, однако все здесь живо, весело, в моей манере, как свойственно

Шолом-Алейхему.

208
И. СИРОТЕ

10 февраля 1907.

Дорогой друг Сирота!

Ваше дорогое письмо, утешительное письмо, в котором Вы описываете встречу с нашим Берковичем в первый день Нового года, словно бальзам на наши раны. Добрый друг дает о себе знать даже за тысячу миль. Ваше замечание, что Беркович явился к Вам без жены, вызвало у моих дочерей переполох. Девушки, как бы они образованны не были, напоминают (да простят меня все девушки вселенной) кудахтающих куриц! Чего Вы кудахчете? Не о Вас речь, разговор идет о белых птицах, чего вы кудахчете? Чтобы Вы поняли мое сравнение, я должен описать Вам моих куриц, то есть моих дочерей. Как Вам известно, пусть будут они здоровы, их у меня четыре (я доволен, очень доволен, но больше не хочу!). Одна — уже мать (жена Берковича), учинила большой скандал, и в этом виноват Беркович — я дедом стал! Но ничего! Счастье ее в том, что я жену Берковича люблю больше всех детей, и Берковича я тоже люблю. Вторая дочка — казак, изучает медицину и считает себя красивее и умнее всех, однако третья превосходит их во всех отношениях. Это не просто девушка, а ангел божий. Но есть четвертая, она тоже частица божьей милости. Короче, кого имеет в виду американский друг Сирота? Жену Берковича или вторую нашу дочь? Вероятно, вторую, а может быть, третью? Или четвертую? А где я? Спрашивает она тихо. Не о Вас думают, говорю я. Киш! Киш! Киш! Вы думаете, они меня слушают? Начинается смех и визг: «Папа!» А папа едва уносит свои ноги, берется за перо и пишет... Нет другого выхода. Вот Вам картинка моей семейной жизни. Но это еще не все. Много картин нарисовать не могу и не имею права, Вы уже знаете, почему? Ибо за мою писанину платят мне построчно, а Вы хотите сделать бизнес на моих письмах. Вы сами как-то сказали, что со временем (когда?) стоит издать книгу, очевидно, под названием «Сирота. Письма Шолом-Алейхема». Вы, стало быть, хотите эксплуатировать меня — большое спасибо Вам! Вы хотите заработать пару долларов на литературе. Честно ли это?

Сейчас, дорогой друг, я к Вам с маленькой «кон-

куренцией», у Вас клад — Беркович, Вы его кормите и спаиваете винами и т. д. Мне бог послал гостя на Новый год — величайшего еврейского поэта и не очень великого еврейского едока, величайшего еврейского поэта, и не очень великого еврейского пьяницу — Х. Н. Бялика! Он Вам передает привет. Менделе Мойхер-Сфориму, дедушке, шлю привет от Вас. И еще раз — всем вам привет. Дожить бы до того времени, когда мы встретимся на радостях.

Шолом-Алейхем.

Моя жена и все мои домочадцы шлют приветы Вашей уважаемой жене и всем Вашим детям.

209
Ш. ЛИФШИЦУ

23.XII.1907

Уважаемый господин Ш. Лифшиц!

Целую неделю болел инфлуэнцей. Теперь выздоровел и приступил к работе. Хочу Вас видеть. Я всегда нахожусь в гостинице, внизу слева, в зале с письменным столом, с девяти до часу дня и с трех до восьми. Но лучше всего с утра. Если меня не будет, подождите пару минут.

Шолом-Алейхем.

Есть ли у Вас такой человек, который мог бы весь день сидеть у меня и работать, или нет? Напишите мне об этом. Ответьте тут же.

210
МАДА АЙЗМАН

Нерви, 22.III.1909.

Милая и многоуважаемая мадам Айзман!

Ваше письмо получил. Слава богу. Теперь, надеюсь, мы все же встретимся. Меня радует, что Вам мои вещи нравятся. Жаль, что они написаны не по-русски и Давид Яковлевич не может их читать и высказать свое мнение. Такова наша судьба. И не только русские, но даже свои евреи-братья не умеют читать наши глупости. Удовлетворимся тем, что все же имеются такие, кто понимает еврейское слово. Мы не претендуем

на вечность. Нам говорят: жаргон должен умереть. Те, кто это утверждает, забыли, что они сами умрут. Еще как умрут!

Будьте любезны передать Давиду Яковлевичу, чтобы он не занимался глупостями и смотрел на термометр. Пусть он лучше смотрит в тарелку. Вы, мадам, врач и хорошо знаете, что термометр — это чепуха.

Вот на прошлой неделе я один день харкал кровью. Целый день. Мои очень испугались! А я — нет (хотя я не люблю кровь). Устроили тарарам, вызвали врача... Теперь, слава богу, мне лучше. Упаковываем вещи. Готовимся в путь-дорожку: в Швейцарию или Тироль, или к черту на кулички. Туда, куда врачи придумают. Знать бы им, что такое молочный борщ, как знают, куда меня направить...

А к Вам, Давид Яковлевич, обращаюсь с настоятельной просьбой (извините, что просьба моя выражена на «жаргоне»): разбейте термометр на мелкие кусочки и возьмитесь за еду, и Вы преуспеете. И приезжайте к нам, конечно, с женой, угостим Вас вкусными блюдами (только не литературой).

Шолом-Алейхем.

211
ФАЛЕРУ

Нерви, 5 декабря 1910.

Уважаемый Фалер!

Я себе представляю, какую мешанину образовали три мои фельетона: Касриловка, Король Пик и Шестьдесят шесть. Не ругайте меня...

А теперь о мнении мистера Сапирштейна *. Вы ошибаетесь, если полагаете, что я огорчен. Нет, напротив — я радуюсь. Вот почему.

История эта разыгралась летом 1907 года. В газете «Американер» начали печатать моего «Мальчика Мотла». Мистер Сапирштейн пригласил меня на молочную трапезу... Тут же на первой встрече мистер Сапирштейн сказал мне, что повесть «Мальчик Мотл» ему не нравится и он распорядился оборвать ее печатание на 23 главе...

И настал день... Появился мой Мотл в русском переводе «Дети черты». Русская критика, лучшие умы и журналы подняли автора на небывалую высоту, аж голова закружилась. Не только критика, но и читающая

публика пальчики облизывает. В течение полугодия появилось три издания. Кое-кто стал переиздавать повесть, скрывая это от меня. Затеяли процесс. Новый русский ежемесячный солидный журнал пригласил меня принять в нем участие. Умер Толстой — обратились ко мне с просьбой высказаться о великом чародее. Деточки, что с вами? Но как же, как же, Вы ведь автор «Мальчика Мотла»... Это Сапирштейну не нравится. И Верник * обозлился на меня. Они оба дали мне знать, что в «Тагеблат» даю хороший товар, а какую-то чепуху, «Мальчика Мотла» помещаю в «Американер». Ха-ха! Я тогда очень смеялся, сказав им, что «Мальчик Мотл» плоть от моей плоти. К сожалению, повесть не завершена. Еще 17 глав будет, и только тогда она будет вещью. 23 опубликованных главы теперь переводят с русского на другие языки: на немецкий, английский. Высылаю вырезки из нескольких журналов. Пусть они хранятся у Вас. Они мне, вероятно, пригодятся в Нью-Йорке.

Короче, Вы понимаете, как я горжусь «Блуждающими звездами». Лишь теперь надеюсь, что мои произведения обретут популярность... Ни в одно сочинение я не вкладывал столько сил, ни одно сочинение я так тщательно не шлифую, ни одно сочинение я так не люблю, как роман «Блуждающие звезды». Когда роман будет завершен и переведен на другие языки, тогда разрешу Вам обнародовать это письмо. Я уже тогда, вероятно, буду на том свете. И Сапирштейн тоже... А пока пусть будет ша!

Шолом-Алейхем.

212
МЕНАХЕМУ

Бронкс, Нью-Йорк
24.III.1916

Мой дорогой Менахем!

Разве поступают так? Завтра, 25-го открывают «Базар». Вы мне пишете сегодня, 24-го, чтобы я кое-что дал для Вашей газеты. Когда? Вчера?

Я тотчас вооружусь ручкой и напишу для Вас подходящую вещь под названием:

Письмо от тети Рейзи дяде Пине.

Подписано *Шолом-Алейхемом.*

Хотите это получить завтра, в субботу, для Вашего первого номера, так пришлите ко мне (Бронкс, Келли-стрит, 968) нарочного, который на метро приедет ко мне не позднее завтрашнего дня к 9-ти часам, но лучше сегодня к 9-ти вечера. Тогда будет ол райт. Если Вы не примете мое предложение, я буду Вас считать меламедом, а не редактором «Базар-газеты».

Будьте здоровы и крепеньки, как Вам желает Ваш друг и коллега

Шолом-Алейхем.

P. S. Быть может, Вы обойдетесь только этим письмом? А письмо тети Рейзи пригодится для другого случая?

IX

213

БЕРТЕ ЛЬВОВНЕ

«Еврейская народная библиотека»
издание Соломона Рабиновича
Киев, Елизаветинская, № 8

5 сентября 1889 г. № 1581.

Милостивая государыня
Берта Львовна! *

Ваше почтенное письмо я получил. Участие, которое Вы принимаете в бедном еврейском писателе-труженике, конечно, делает Вам честь. Но что я могу сделать для него? Если во всем мире был бы один только бедняк, то, разумеется, он был бы миллионером. К несчастью, их везде много, а между писателями, да еще еврейскими — имя им легион. Единственное, что я могу сделать для Трубника,— это то, что между его рукописями, находящимися у меня, имеется также его толкователь иностранных слов, составленный, кстати, весьма плохо. Пользоваться этим трудом в «Библиотеке» чрезвычайно неудобно, особенно в том виде, как он есть. Но я могу извлечь оттуда наиболее непонятные для массы еврейской слова, придав им *свое* толкование; и ввиду того, что порядок слов все-таки будет взят из его тетради (хотя, Вы понимаете, это может сделать всякий с помощью любого словаря), то автору следует гонорар, но гонорар очень жалкий. Тем не менее мне кажется, что подобный рубль дороже десяти рублей «филантропических». Вы согласны со мною? Поэтому я высылаю Вам при сем же *десять* рублей, которые Вы можете вручить ему, сказавши даже, от кого и за что. Впрочем, чтобы не задеть его самолюбия, я денег теперь не посылаю, в ожидании Вашего ответа. Быть может, Вы найдете более удобным, чтобы я ему сам написал, что так как мне нужен его словарь, то... и так далее. Так или иначе жду Вашего ответа и пользуюсь случаем выразить Вам мое нижайшее почтение.

Ваш покорный слуга *Сол. Рабинович.*

214

ЕЙ ЖЕ

«Еврейская народная библиотека»
издание Соломона Рабиновича
Киев, Елизаветинская, № 8

1 октября 1889 г.

Многоуважаемая Берта Львовна!

Ваша телеграмма меня, конечно, сокрушила, как мы ни готовы все встречаться с этим злейшим бичом божьим. Жаль, разумеется, подкошенного преждевременной смертью товарища, но участь бесприютной семьи горше всего. Я, с своей стороны, постараюсь, как я Вам уже выразил в телеграмме, сделать что-нибудь для семьи несчастного Трубника. Думаю, что Вы примете на себя труд руководить вдовой в данном случае. Думаю также, что вдова — женщина простая, которая сумеет, при известных условиях, обзавестись лавочкою, что ли, для пропитания себя и сирот. Также я бы просил Вас, если это возможно, доставить мне сведения о жизни покойного Трубника и его литературной деятельности, и хотя «Библиотека», которую я издаю, некрологов не помещает, тем не менее для сотрудника, выбывшего из ее рядов, всегда найдется место. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы прислали мне некролог, хотя бы на русском языке — сам переведу на жаргон — и за Вашей подписью, конечно. В ожидании Ваших частых писем остаюсь

с глубоким почтением

Ваш слуга *С. Рабинович.*

215

ЕЙ ЖЕ

Для писем:
Киев
Елизаветинская, № 8
С. Н. Рабиновичу

Для телеграмм:
Киев
Соломону
Рабиновичу

Соломон Наумович Рабинович. Телефон № 244

Киев, 14—15 октября 1889 г.

Многоуважаемая Берта Львовна!

Ваше письмо получил. Я заранее во всем с Вами совершенно согласен. Ибо что могу я знать здесь за глазами, за горами? Я только могу обещать Вам мое полное

во всем содействие, стараться всеми силами сделать кое-что здесь для осиротевшей семьи, как я Вам уже писал. Затем жду Ваших дальнейших извещений. Всегда готов с Вами советоваться по этому поводу, и если в наставлениях моих будет какая-нибудь надобность, то вполне можете располагать мною. Жду также некролога. Интересно мне знать, читаете ли Вы по-еврейски! Ведь Вы, я понимаю, образованная, интеллигентная женщина; стыдно Вам, с позволения Вашего, *родного* языка не знать. Я говорю, конечно, не о древнееврейском языке, вовсе недоступном современным женщинам. Я разумею, по крайней мере, жаргон. Дело в том, что женщина с Вашим образованием была бы весьма полезна нашему народу на поприще нашей новейшей *народной* литературы. Простите великодушно, что позволил себе маленькое назидание. До свидания.

Ваш покорный слуга *Сол. Рабинович.*

216
ЕЙ ЖЕ

«Еврейская народная библиотека»
издание Соломона Рабиновича
Киев, Елизаветинская ул., № 8

22 ноября 1889 г.

Многоуважаемая Берта Львовна!

Извините, что до сих пор не ответил Вам. Второй том «Библиотеки» печатается и поглощает все мое время вместе со мною самим. Кроме того, я сегодня лишь закончил крупное произведение — художественное *, которое, кажется, должно наделать много шуму в нашем муравейнике. Посылаю Вам пока 50 рублей. Еще раз простите. На досуге потолкуем вдоволь. О способе расходования этой суммы не откажите уведомить

Вашего покорного слугу *Сол. Рабиновича.*

P. S. Некролог будет помещен.

217

М. МАКЛАКОВОЙ

3.VIII.1903.

Милостивая государыня!

Ваше письмо от 28 июля я получил и спешу Вас уведомить, что в тот же день я снесся по телеграфу с издательской фирмой «Тушия» в Варшаве и только сейчас получил ответ от редакции «Сборника» *, что, ввиду высокого интереса, который представляет собою работа Льва Николаевича для нашего издания, и чтобы не остаться в долгу перед оповещенной уже публикой, она отсрочивает издание еще на месяц.

Таким образом, имея в своем распоряжении целый месяц времени, мы надеемся, что Граф может окончить свою работу. Если бы, паче чаяния, понадобилось Графу еще несколько дней, то остановки не будет, потому что без этой обещанной статьи выпуск нашей книги совершенно немыслим.

Благоволите немедленно сообщить мнение Графа об этом сроке.

Всего лучшего.

С. Рабинович.
Шалем-Алейхем.

Г-же М. Маклаковой.
Ясная Поляна.

218

В. ВАЙСБЛАТУ

Берлин, 12.II.08.

Милостивый государь, г. Вайсблат!

Пишу Вам по-русски для того, чтобы Вы могли показать это письмо В. Н. Догмарову *.

Прочел Ваше задушевное слово в евр. газете «Дер фрайнд» по поводу Евр. худ. театра. Слово это в некоторой степени касается и меня — и вот с какой стороны. Я написал две пьесы: драму и комедию. Предпочтение я отдал последней, ибо драм у нас видимо-невидимо, а комедий почти что нет. Даже в русском репертуаре их мало. В особенности хороших комедий, таких, после которых зритель должен был бы (по выражению моего американского рецензента) «собирать свои бока». Я такую комедию написал. Ее переводят здесь в Берлине на русский и немецкий языки. По-

немецки она пойдет в одном из берлинских театров. По-русски — не знаю. Быть может, в Московском Худ. театре *. Не знаю, известно ли Вам, что я киевлянин. Это была бы хорошая идея — поставить мою комедию в Киеве. Повидайтесь с артистом Догмаровым. Пьеса, хотя и бытовая, еврейская, т. е. типы еврейские, жизнь еврейская, но идея общечеловеческая. Называется она «Клад». Комедия в 4-х действиях Шолом-Алейхема». Я живу здесь временно. Постоянно в Америке. Семья же моя — в Женеве, в Швейцарии, куда и прошу ответить мне на это письмо. Я сам тоже скоро буду в Женеве.

Всего наилучшего, если что-либо хорошее возможно еще в России.

Ш.-Алейхем.

219

ЕМУ ЖЕ

Женева, 30.III.08.

Любезный В. Вайсблат!

Вчера я Вам писал по поводу моего нового пасхального рассказа *, и самый рассказ я Вам послал и просил потрудиться зайти к г-ну Лебединскому. Хочется мне надеяться, что все это будет исполнено. Кстати, если бы рассказ был г-ном Лебединским переведен, в «Киев. мысли» напечатан, то гонорар редакция могла бы выслать мне сюда (за вычетом Ваших расходов по переписке начисто на «ремингтоне» и проч.).

Кроме того, Вы не забудьте прислать мне несколько экземпляров газеты. Все это мелочи. У меня к Вам более крупная просьба, даже две просьбы. Текущий сезон, по-видимому, мы уже продули. Пора заботиться о будущем, подготовив к самому началу сезона пьесу, которую необходимо прежде всего перевести. И вот, имея случай познакомиться с Лебединским, и, если он переведет рассказ, Вы сумели бы заполучить его согласие на перевод моей пьесы «Клад».

Во всяком разе, не мешало бы позондировать почву и в других сферах,— авось откликнется какой-либо аматор или профессионалист переводчик. Пожалуйста, пораскиньте мозгами. Затем я вам, кажись, уже писал, что пьеса моя «Клад» очень подходящая вещь в репертуаре малороссийской труппы. Наверно, у вас есть ходы и среди малороссов, раз вы в таких отношениях

с Догмаровым. Пьеса эта как бы создана для польского и малорусского театра. Понятно, что перевод на малороссийский язык может быть сделан только с русского перевода. Где же он? Боже, где же он?

А теперь еще. Гостит у вас еврейская труппа в театре Бергонье. Сем Адлер — это артист, с которым мы некогда заключили контракт. Он поставил «Разброд» [1] миллион раз. Мне заплатили гроши. Но бог с ним. Не в этом дело. А вот в чем: не купит ли он мой «Клад» [2] (комедия в четырех д. и 5 карт.), где он имеет чудную роль для себя (комическую) и для прочих его артистов? Для Спиваковского, напр., выдающаяся роль (Лейви Мозговоер). Получили ли Вы рецензию? Если бы я был немного смелее, я бы Вас настоятельно просил разыскать Сема Адлера и поговорить с ним. Он бы мог списаться со мной. Ему это весьма и весьма полезно.

Ну, милый человек, я Вас, кажется, утомил. Будьте счастливы (если это еще возможно там...).

Ваш *Ш.-Алейхем.*

220

ЕМУ ЖЕ

Женева, 28.IV.08.

Уважаемый Вайсблат!

Получив тогда Ваше любезное письмо, я Вам сейчас же ответил и в то же время написал г. Лебединскому письмо. Но ни от Вас, ни от Лебединского ни гугу. Что бы это значило? Скажите.

Привет. Ваш *Ш.-Алейхем.*

Пожалуйста, пришлите мне № «Киевской мысли» за 11/24 апреля *.

Заранее благодарю Вас. *Ш.-Алейхем.*

Кстати, меня вызывают в Россию на гастроли — в Одессу и в Варшаву. Присылка моей пьесы, таким образом, облегчена.

---

[1] В тексте название пьесы написано по-еврейски.

[2] В тексте по-еврейски — «Ойцер».

221

ЕМУ ЖЕ

Белосток. 3.VI.08.

Уважаемый и любезный Вайсблат!

Спасибо, большое спасибо за присланное. Вы ж таки совсем не еврей! (Евр. комплимент.)

Нам видеться необходимо, и для этого один лишь благоприятный момент. Это 8-го, воскр., в Одессе, на вечере, где соберутся Абрамович, Бялик, Фруг, Аш и Ваш покорный слуга. Меня прямо вырвали, заставили туда поехать — и я дал слово. Пропало. Тем более я должен с Вами видеться, п. ч. в Варшаве сделали предложение, которое должно и Вас интересовать, т. е. интересы перекрещиваются. Я же витаю теперь, как видите из прилагаемой газетки, между небом и землею. Поезжайте в Одессу!

Ваш *Ш.-Алейхем.*

222

ЕМУ ЖЕ

Минск, 4.VII 08.

Уважаемый В. Вайсблат!

На банкете в Вильне... я встретился с известным М. Розенблатом из Киева, который выразил мысль устроить мой концертный вечер наподобие многих моих других вечеров в Киеве. Я ему ответил, что не знаю, удастся ли мне преодолеть себя и посетить родное пепелище, связанное с лучшими и худшими моментами в моей жизни. А если я соглашусь, то не иначе как при следующих условиях: 1) Вечер должен быть грандиозный во всех смыслах при соответствующей рекламе. 2) Устройство его должны взять на себя представители всех классов и партий. 3) Часть сбора должна пойти в пользу какой-либо общей, всеми симпатизируемой цели,— скажем, наиболее популярного и легализированного общества. 4) В моем литер. вечере должны участвовать и др. силы, как декламаторы, певцы, певицы или музыканты, разумеется, выдающиеся по таланту и по положению. 5) Помещение должно быть снято наилучшее в городе. 6) Разрешения

можно добиться, если будут среди устроителей не только добрые меламдим и батлуным [1], но и лица с именем и весом. 7) Для этой цели я обещал снабдить его афишами и программами, разрешенными губернатором, ген-губерн-м и полиц-ми других городов, так что с этой стороны также препятствий не было бы. 8) Остается еще вопрос о времени. К сожалению, на это ответить трудно. Я почти на все лето и осень, даже часть зимы, ангажирован разными городами Юга, Севера и Запада (только не Востока). Ближайшей осенью, напр., я в Москве-матушке (вообразите: первопрестольная и евр. писатель?). Затем я в П.-бурге. Глубокой зимой предполагается турне по Сибири. (Дико?) Придется урвать из промежуточных дней между городами кое-какой наиболее подходящий день и для «нашего» Киева. Разумеется, за месяц раньше. Что касается морального успеха, то смею сказать, что он обеспечен. Работы и энергии должно быть затрачено изрядно (со стороны организаторов), но и цены должны быть поставлены во какие, памятуя изречение: если уж жрать свинину, то пусть по бороде течет [2]. Не может ли г-н Догмаров (и др.) принять участие в этом вечере? Кстати, у меня есть идея, кажется, счастливая. Недавно я напечатал в «Унзер лебен» драматический этюд в одном акте под названием «Люди». Во всех крупных городах принято в антрактах моих чтений ставить какой-нибудь водевиль моего сочинения, конечно, с помощью любителей из молодежи. Часто это проходит довольно успешно. Но в Киеве с такими выдающимися артистами, вроде Догмарова, я бы хотел блеснуть более глубокой вещью, каковой я считаю именно «Люди». Советовал бы Вам, выписав №№ «Унзер лебен» (7 номеров перед и после пасхи сего года; в редакции знают), внимательно прочесть и передать г. Догмарову.

В «Людях» есть известная идея и настроения. Типы людей живы, выхвачены из жизни. У хороших, талантливых исполнителей получается живая, занимательная, грустно-веселая картина, заставляющая вдуматься поглубже. Первоначально это была 3-актная комедия. Потом я раздумал и превратил в одноактную, сгустив и сконцентрировав, как в фокусе, всю обстановку и

---

[1] Меламдим и батлуным — пустомели и болтуны.
[2] В тексте изречение написано по-еврейски.

смысл «Людей». Образцы афиш и программ при сем высылаю. А увидимся когда? Неужели лишь осенью или зимою? Пишите в Варшаву.

Ваш *Ш.-Алейхем.*

223

М. ОСТРОВСКОМУ

23 октября 1909.

Милый М. Островский!

Получил Ваши письма. Искренность Ваша меня тронула.

Упрекнуть Вас позвольте лишь в одном: в неразборчивости почерка и небрежности письма. Старайтесь писать медленно, тогда само собой выйдет красивее. По-моему — мысли связаны с почерком. Есть, стало быть, связь между процессом творчества и процессом письма. Надо красиво писать, красиво думать, красиво творить. Каждое мое произведение при всей незрелости тщательно переписано и переработано мною не менее 6—7 раз. Побольше терпения, молодой человек! Сегодня выписываю для Вас из Варшавы все, что имеется у моего главного издателя (Лидского). Когда прочтете и если что особенно понравится Вам, то немедленно напишите мне о Вашем желании переводить, и я немедленно же отвечу Вам, стоит ли перевести или нет. На каждый перевод Вы, таким образом, будете иметь особое разрешение, иначе не идет. О том же, где напечатать, потолкуем после. Ваш первый перевод прислан мне не редакцией, а друзьями. Буду очень рад, если окажусь Вам чем-нибудь полезным.

Всего наилучшего.

Ш[олом]-Алейхем.

X

224
ЖЕНЕ

Дорогая Бибця,

Мне желательно на прощание оставить тебе несколько слов красиво написанных и тепло сказанных, так как из дороги я иначе не могу писать тебе, как только второпях. А я знаю, насколько ты любишь мой настоящий изящный почерк и еще больше, когда представляется случай объясниться тебе в любви и преданности, хотя ты и без того отлично убеждена в том и в другом. Отчего же в таком случае не доставить тебе этого удовольствия?.. До свидания, моя милая, люби и молись за твоего вернейшего преданнейшего друга.

Соломон.

29 марта 1893.
Одесса.

225
ВНУЧКЕ БЕЛЛОЧКЕ

5 августа 1915.
Америка

Милая моя, дорогая Беллочка!

Пишу тебе, у Вас война, а у нас нет, что ты в Одессе на Фонтанке, а мы в Америке на даче, и что здесь очень жарко, и что у вас есть море, называется Черное море, а у нас есть море, называется океан. Атлантический океан. И еще пишу тебе, что я тебя люблю: очень, очень, и что я надеюсь еще увидеть тебя и маму и папу Михаила, который уже скоро доктор. А я не доктор, я писатель.

Твой папа

Шолом-Алейхем.

226
ДОЧЕРИ ЛЯЛЕ

Нью-Йорк
2.IX.15.

Дорогая Ляля!

Веселого мало. Мама все еще с ногой валяется. Тиса заболела инфлуэнцей. Маруся в городе ищет квартиру, которой нет. Мы прозябаем здесь в конурах, называемых виллой! («бонголо»). Эмма с Мишей сегодня лишь выехали из Копенгагена на Фридрих VIII и будут тянуться 2 недели, если не 3. Ждем окончания войны, чтобы поехать со всеми домой! Поцелуй крепко Беллочку и передай ей мое письмо. Михаила поцелуй.

Папа.

227
ПИСЬМО ДЛЯ БЕЛЛОЧКИ

2.IX.15.
Нью-Йорк.

Это я пишу тебе письмо, чтобы ты скорее выросла и научилась писать мне письма. А чтобы тебе вырасти, надо кушать много молока, супу и зелени и поменьше конфет. Поклон твоим куклам.

Твой папа *Шолом-Алейхем.*

Нума и Тамара кланяются тебе.

ЗАВЕЩАНИЕ

Прошу распечатать и обнародовать в день моей смерти

19 сентября 1915, Нью-Йорк.

Сегодня, на следующий день после йом-кипур, в самом начале Нового года, мою семью постигло большое несчастье — скончался мой старший сын Миша (Михаил) Рабинович и унес с собой в могилу часть моей жизни,— поэтому я решил заново переписать свое завещание, составленное мною в 1908 году, когда я был болен, в Нерви (Италия).

Будучи здоров и при полном сознании, я пишу свое завещание, состоящее из десяти пунктов:

1. Где бы я ни умер, пусть меня похоронят не среди аристократов, знатных людей или богачей, а именно среди простых людей, рабочих, вместе с подлинным народом, так, чтобы памятник, который потом поставят на моей могиле, украсил скромные надгробия вокруг меня, а скромные могилы украсили бы мой памятник так же, как простой и честный народ при моей жизни был украшением своего народного писателя.

2. Никаких величаний и восхвалений не должно быть на моем памятнике, кроме имени «Шолом-Алейхем» на одной стороне и кроме еврейской надписи, здесь приложенной *, с другой стороны.

3. Никаких дебатов и дискуссий моих коллег относительно увековечения моего имени и установления монумента в Нью-Йорке и т. п. не должно быть. Я не смогу спокойно лежать в могиле, если мои товарищи будут дурачиться. Лучшим монументом для меня будет, если люди будут читать мои произведения и если среди зажиточных слоев нашего народа найдутся меценаты, которые возьмутся издавать и распространять мои произведения как на еврейском, так и на других языках,— так будет дана возможность народу читать, а семье моей — прилично существовать. Если я не удостоился или не заслужил иметь меценатов при жизни, то, может быть, я удостоюсь их после смерти. Я ухожу из жизни уверенный в том, что народ не оставит моих сирот.

4. На моей могиле потом в течение года и дальше в каждую годовщину моей смерти пусть оставшийся мой единственный сын, а также мои зятья, если пожелают, читают по мне поминальную молитву. А если читать молитву у них не будет особого желания, либо время не позволит, либо это будет против их религиозных убеждений, то они могут ограничиться тем, что будут сибираться вместе с моими дочерьми, внуками и просто добрыми друзьями и будут читать это мое завещание, а также выберут какой-нибудь рассказ из моих самых веселых рассказов и прочитают вслух на любом, понятном им, языке. И пусть имя мое будет ими помянуто лучше со смехом, нежели вообще не помянуто.

5. Религиозные убеждения детей моих и внуков могут быть какие им угодно, но свое еврейское происхождение я прошу их сохранить. Те из моих детей и внуков, которые отрекутся от еврейства и перейдут в другую веру, тем самым откажутся от своего происхождения и от своей семьи и сами вычеркнут себя из моего завещания. «И нет им доли и участия в среде их братьев».

6. Все, что мне принадлежит — как наличные деньги (если таковые окажутся в моем распоряжении), так и книги — напечатанные и в рукописи, как на еврейском, так и на других языках (кроме тех, что переведены на древнееврейский),— принадлежит жене моей Годл, дочери Эли-Мелеха, или Ольге Рабинович, а после ее смерти переходит к моим детям — всем поровну: к дочери моей Хае-Эстер (Эрнестина) Беркович, к дочери Сарре (Ляля) Кауфман, к дочери Ноэми (Эмма) Рабинович, к дочери Мириам (Маруся) Рабинович и к сыну Нохуму (Нума) Рабиновичу. Что же касается моих произведений, переведенных на древнееврейский язык, то они принадлежат талантливому переводчику, моему зятю З. Д. Берковичу, и его дочери, моей внучке Томор (Тамаре) Беркович — это будет ее приданым; тантьемы, которые будут поступать за мои пьесы как в России, так и в Америке, наполовину отчислять моим наследникам, а другую половину откладывать на имя моей внучки Беллы, дочери Михаила и Сарры Кауфман,— это будет ее приданым.

7. Из всех доходов, перечисленных в предыдущем параграфе, отчислять в пользу фонда для еврейских писателей (пишущих на еврейском и древнееврейском языках) с пяти тысяч рублей в год — пять процентов; если же доход превысит 5000 рублей в год, то десять

процентов (например: с 6000 руб.— 600, с 7000 — 700, с 8000 — 800 руб. и т. д.). Если к тому времени будет такой фонд здесь, в Америке, или там, в Европе, то проценты должны быть ежегодно выплачены фонду. Если же к тому времени официального фонда не будет или будет такой, который не соответствует моему желанию, оговоренному в начале этого параграфа, пусть проценты будут розданы нуждающимся писателям непосредственно моими наследниками по взаимному соглашению.

8. Если я при жизни не успею сам поставить памятник на могиле только что умершего сына моего Михаила (Миши) Рабиновича в Копенгагене, пусть это сделают, не скупясь, мои наследники, а в день его смерти ежегодно пусть читают по нем поминальную молитву и раздают 18 крон милостыни бедным.

9. Я желаю, чтобы мои наследники устроились таким образом, чтобы произведения мои и пьесы не были просто проданы — ни здесь, в Америке, ни в Европе, но чтобы они (наследники.— *Ред.*) имели возможность жить все годы на доход, который будет поступать согласно законам страны. Разве что наступит такое время или отыщется такой глупец, который уплатит за свое право сумму, достаточную для содержания семьи. Тогда пусть все наследники согласятся между собою и, если большинство не будет возражать, поделятся наличными деньгами доля в долю, согласно параграфу шестому, сняв в первую очередь 10% в пользу Еврейского литературного фонда, согласно параграфу 7.

10. Последняя моя воля, обращенная к наследникам, и просьба к моим детям: оберегать мать, скрасить ее старость, усладить ее горькую жизнь, целить ее разбитое сердце, не плакать по мне, а, наоборот, поминать меня в радости и — главное — жить между собою в мире, не таить вражды друг против друга, поддерживать один другого в трудное время, вспоминать время от времени о семье, питать жалость к бедняку и при благоприятных обстоятельствах платить мои долги, если таковые окажутся. Дети! Носите с честью мое трудом заслуженное еврейское имя, и да будет вам в помощь господь в небе. Аминь.

Шолом, сын Менахем-Нохума, Рабинович
(Шолом-Алейхем).

ПРИМЕЧАНИЯ

ПЬЕСЫ

Шолом-Алейхем уделял пристальное внимание актерам, музыкантам, народным шутам и певцам. Их вдохновенному труду он посвятил повесть «Шимеле», романы «Стемпеню», «Иоселе-соловей», «Блуждающие звезды».

Глубоко убежденный, что театр может стать трибуной для утверждения добра и справедливости, для высмеивания и разоблачения пошлости, обывательщины и тупости, Шолом-Алейхем опубликовал в 1887 году свой первый, как он выразился, водевиль-фельетон «Жених-доктор». В том же году он напечатал «Развод», комедию в трех картинах, а двумя годами позже «чистую» комедию «Сходка».

В водевиле «Жених-доктор» Шолом-Алейхем создал образ толстосума, подлинного представителя еврейского провинциального буржуа. Впредь подобные образы будут присутствовать почти во всех его драматургических произведениях.

В 1894 году Шолом-Алейхем завершил комедию «Якнегоз». С необыкновенной верностью натуре драматург изображает здесь финансовых воротил, их опустошенный внутренний мир, их внешнюю оживленность и подвижность в жадном стремлении пополнить свою толстую мошну. Киевские биржевики в действующих лицах комедии увидели самих себя и донесли начальству «о зловредных писаниях» Шолом-Алейхема. Комедию конфисковали, а на ее автора царская охранка завела досье.

После «истории» с «Якнегозом» Шолом-Алейхем на протяжении пяти лет пьес не писал. Лишь в 1899 году появилась его одноактная комедия «Поздравляем!». В смешных и трогательных сценах Шолом-Алейхем рассказывает о любви к людям, доброте и нравственной чистоте главного героя комедии реб Алтера-книгоноши. В этом образе заметно вырисовывается творческое своеобразие Шолом-Алейхема: органическое сочетание комедийности с глубоким лиризмом.

В 1903 году Шолом-Алейхем опубликовал пьесу в четырех актах «Разброд». В ней воссозданы широкие картины жизни патриархальной еврейской семьи, показан ее распад и внут-

ренняя дифференциация. В апреле 1905 года пьеса была поставлена на сцене польского театра, а затем и подмостках еврейской сцены в Польше. Пресса дала высокую оценку этому спектаклю. Воодушевленный успехом, Шолом-Алейхем в 1907 году написал пьесы «Клад» и «Люди», а в течение 1909—1911 годов инсценировал «Тевье-молочника», в 1915 году — «Кровавую шутку». В том же году написал антирелигиозную одноактную пьесу «Царствие небесное», а в 1916 году — идейно насыщенную, веселую комедию «Крупный выигрыш».

Шолом-Алейхем неоднократно принимал необходимые меры для организации еврейского «художественного театра», где можно было бы играть его пьесы. В июне 1905 года он даже подписал контракт, согласно которому должен был в Одессе возглавить литературную часть театра, директорами которого были Спиваковский и Адлер. В связи с этим Шолом-Алейхем восторженно писал: «Для первого сезона я уже подготовил две большие и четыре одноактные пьесы... Лично буду присутствовать на репетициях и премьерах...»

ДОКТОРА!

Впервые под названием «Жених-доктор» опубликована в «Идишес фолксблат» («Еврейская народная газета»), СПб., 1887. В 1907 году переработана под названием «Доктора!».

СХОДКА

Впервые под псевдонимом Шуламис опубликована во втором томе «Идише фолксбиблиотек» («Еврейская народная библиотека»), Киев, 1890.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Впервые опубликована в еженедельнике «Дер юд» («Еврей»), Варшава, 1899.

Стр. 37. *Шомер* — псевдоним автора бульварных еврейских романов Н. М. Шайкевича (1849—1906).

ЛЮДИ

Впервые опубликована в «Унзер лебн» («Наша жизнь»), Варшава, 1908.

Стр. 58. *«Как глина в руках горшечника»*...— Приведенная фраза цитата из молитвы, а не из Талмуда.

Впервые опубликовано в журнале «Цукунфт» («Будущее»), Нью-Йорк, 1916.

Стр. 70. *Канун войны.*— Имеется в виду канун первой мировой войны (1914—1918 гг.).

Стр. 122. *Питем* — остроконечная часть особого вида лимона, у евреев он называется эсрогом, или райским яблоком. Верующие евреи полагают, что беременная женщина, съев питем, должна родить мальчика. В тексте речь идет о кончике сигары.

Стр. 128. Десять евреев, или миньен.

ЗАМЕТКИ О ЛИТЕРАТУРЕ

Шолом-Алейхем вступил в еврейскую литературу со страстной ненавистью к «романоде́лам», развращающим читателя и извращающим «его лучшие чувства ужасными небылицами и дикими мыслями». Художественная литература, утверждал Шолом-Алейхем, есть своего рода зеркало, в котором «отражаются лучи жизни». Потому между писателем и народом должен существовать крепкий союз. И только писатель, который верно и глубоко знает жизнь народа, является для него «слугой, и жрецом, и пророком, поборником правды и справедливости».

Защищая художественные принципы реалистического искусства, Шолом-Алейхем в своих литературно-критических статьях решительно отвергает теорию безыдейности искусства и утверждает мысль об активном отношении писателя к важнейшим проблемам эпохи. Поэтому в «Суде над Шомером» изложена своеобразная программа еврейской демократической литературы, возглавляемой Менделе Мойхер-Сфоримом. «Чтобы быть народным писателем,— говорит Шолом-Алейхем,— надо быть талантливым писателем, патриотом и другом людей, нужно любить народ; бичуя и высмеивая, надо быть преданным народу, подобно Абрамовичу, у которого кровь сочится, когда он смеется и критикует».

Свое отношение к Менделе Мойхер-Сфориму и его верным последователям Шолом-Алейхем выразил в статьях под названием «Тема нищеты в еврейской литературе». Примечательно, что, анализируя отдельные произведения писателей школы Менделе Мойхер-Сфорима, Шолом-Алейхем приходит к выводу: народность писателя состоит не в самом факте обращения к «народной теме», а в гармоничном сочетании национального и общечеловеческого идеалов.

Шолом-Алейхем пристально присматривался ко всему талантливому в еврейской литературе, поощрял и поддерживал писателей, создававших «жизненные картины», боровшихся за освобождение личности и ее человеческих достоинств от пут окостеневших традиций и мещанских предубеждений. Подлинным борцам за подлинное счастье народа он посвятил серию очерков под названием «Еврейские писатели».

СУД НАД ШОМЕРОМ

Впервые опубликовано отдельной брошюрой под названием «Суд над Шомером, или Суд присяжных над всеми романами Шомера, застенографировано Шолом-Алейхемом», Бердичев, 1888. Печатается с сокращениями.

Стр. 141. *Абрамович* Я. М. (1836—1917) — основоположник современной еврейской литературы на языке идиш, известный под псевдонимом Менделе Мойхер-Сфорим. Шолом-Алейхем называл его «Дедушкой еврейской литературы».

Линецкий И. И. (1839—1915) — еврейский прогрессивный писатель. Шолом-Алейхем называл его «замечательным сатирическим талантом».

Гольдфаден Авраам (1840—1908) — драматург, поэт и композитор, основатель еврейского театра.

Дик Айзик-Меер (1807—1893) — еврейский писатель. Шолом-Алейхем назвал его среди тех писателей, которые много сделали для развития идиша.

«Цеэно-урено» — произвольное изложение на языке идиш содержания Пятикнижия с добавлением отрывков из произведений средневековых иудейских богословов.

«Тайчхумеш» — Пятикнижие на языке идиш, уснащенное «душеспасительным» чтивом.

«Прославления Бешта» — сборник легенд об основателе хасидизма Израиле Беште.

«Тхинес» — сборник молитв на языке идиш для еврейских женщин.

«Кол-мевассер» («Голос возвещающий», или «Вестник») — название еврейской газеты; выходила в Одессе с 11 октября 1862 г. по 15 ноября 1872 г.

Стр. 152. *«Восход»* — вернее, «Книжки Восхода»,— журнал еврейской буржуазной демократии на русском языке, выходил в Петербурге с 1881 по 1906 г.

«Критикус» — псевдоним буржуазного еврейского историка С. М. Дубнова (1860—1941), большого друга Шолом-Алейхема, высоко ценившего его талант.

ТЕМА НИЩЕТЫ В ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Под таким названием Шолом-Алейхем в приложениях к «Фолксблату» за 1888 год печатал свои литературно-критические статьи о некоторых произведениях современных ему писателей. Печатается с сокращениями.

Стр. 159. *Даже в «холерные женихи» его и то не взяли.*— Во время эпидемии холеры набожные евреи во спасение устраивали на кладбищах венчания, для которых подбирали за плату нищих калек.

Стр. 166. *Миква* — бассейн для ритуальных омовений.

Стр. 167. *...с той самой минуты, когда ангел щелчком по носу...*— Согласно талмудической легенде, эмбрион в утробе матери познает «все науки». Однако при рождении ребенка ангел дает ему щелчок по носу, и от испуга новорожденный забывает все то, чему его учили.

Стр. 168. *Сборщик.*— Имеется в виду сборщик налогов на предметы религиозного культа.

...плавает то, что было вылито на голову Амана.— Согласно легенде, на голову Амана жители древнего города Сузы вылили помои и нечистоты.

Стр. 171. *Бадхен* — шут на свадьбах.

Золотой бульон.— Так именуют бульон, который подается у евреев на послевенчальном ужине.

Спектор Мордхе (1858—1925) — еврейский прогрессивный писатель, редактор и издатель, большой друг Шолом-Алейхема.

Стр. 176. *...бурлит... как река Самбатьон.*— Сказочная река, которая обладает удивительным свойством: шесть дней в неделю ее быстро несущиеся воды перекатывают камни, в субботу он высыхает.

Стр. 178. *Дайен* — помощник раввина.

ВОСПОМИНАНИЯ
Из книги «Еврейские писатели»

Состоит из небольшого количества очерков, написанных Шолом-Алейхемом в разное время, собраны и изданы под названием «Еврейские писатели» наследниками Шолом-Алейхема. Впервые опубликованы отдельным изданием в Нью-Йорке в 1937 году.

ШОЛОМ АЛЕЙХЕМ!

Впервые опубликовано в «Фолксцайтунг», Варшава, 1902.

ДЕДУШКИН ОТЕЛЬ

Очерки «Дедушкин отель», «Как меня звать», «История с тремя городами», «Происхождение «Клячи» и «На волосок от смерти» впервые опубликованы под названием «Четверо нас сидело» в газете «Унзер лебн», Варшава, 1908.

Стр. 186. *...три еврейских прозаика и один поэт.*— Шолом-Алейхем имеет в виду *Менделе Мойхер-Сфорима*, себя, *Бен-Ами* (псевдоним беллетриста *Х. М. Рабиновича*; 1854—1932) и поэта *Х. Н. Бялика* (1873—1936).

Стр. 189. *...мой темпераментный коллега...*— Имеется в виду писатель Бен-Ами.

ИСТОРИЯ С ТРЕМЯ ГОРОДАМИ

Стр. 196. *...до «конституции...*— Имеется в виду царская конституция от 17 октября 1905 г.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ «КЛЯЧИ»

Стр. 203. *«Кляча»* — повесть Менделе Мойхер-Сфорима, проникнутая любовью к народным массам и ненавистью к их поработителям.

КАК КРАСИВО ДЕРЕВО!

Впервые опубликовано в газете «Дер момент» («Момент»), Варшава, 1910.

Стр. 219. *Толмачев* И. Н.— ярый черносотенец, градоначальник Одессы (1907—1911 гг.); отличился произволом в управлении городом и травлей евреев.

Стр. 220. *Равницкий* И. Х. (1859—1944) — фольклорист, критик и журналист. Иногда выступал под псевдонимом Элдад.

...еврейский дозор.— Имеется в виду староста синагоги.

АУТОДАФЕ

Впервые опубликовано в еженедельнике «Дос юдише фолк» («Еврейский народ»), Вильно, 1911.

ФРИШМАН В ГОСТЯХ У ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

В русском переводе публикуется впервые.

ИСТОРИЯ ПЕСЕН М. ВАРШАВСКОГО

В русском переводе публикуется впервые.

ПИСЬМА [1]

Письма Шолом-Алейхема существенно дополняют его литературное наследие и представляют большой биографический и исторический интерес.

Тринадцатого августа 1879 года двадцатилетний Шолом Рабинович написал на древнееврейском языке первое, дошедшее до нас в отрывке, письмо родственнику Вайсборду, а за двадцать дней до своей кончины, 23 апреля 1916 года, отправил небольшое письмо еврейскому поэту Иегоашу, в котором дал высокую оценку появившимся в печати первым двум главам его книги очерков «От Нью-Йорка до Рехавот». Между этими двумя датами проходит тридцать семь лет, в продолжение которых Шолом-Алейхем неустанно трудился и создал великолепные и широкоизвестные новеллы и рассказы, повести и монологи, пьесы и романы, литературно-критические статьи и стихи. За это же время им было написано огромное количество писем родным, русским и еврейским писателям, журналистам и издателям, общественным деятелям, почитателям и друзьям.

В письме, направленном в издательство «Художественная литература», зять Шолом-Алейхема, писатель И. Д. Беркович 22 января 1967 года писал: «В нашем архиве имеются письма Шолом-Алейхема на трех языках: иврите, русском и идише. Только на русском языке наберется несколько тысяч». И. Д. Беркович не уточнил их число. Однако о количестве писем Шолом-Алейхема можно судить на основании того, что на протяжении только 1888—1889 годов он написал около тысячи пятисот писем.

К сожалению, огромное эпистолярное наследие великого еврейского писателя все еще хранится в архивах. Лишь незначительная часть его увидела свет: 166 писем в газете «Тог» (Нью-Йорк, 1925) и 253 письма в «Шолом-Алейхем бух» (Нью-Йорк, 1926 и 958). Свыше ста писем было опубликовано в советских еврейских изданиях: в «Цайтшрифте» («Летописях», т. 1. Минск, 1926), «Висншафтлихе ербихер» («Ежегодниках по вопросам науки», т. 1. М., 1929), журнале «Штерн» («Звезда».— Минск, 1939, № 3—4), сборнике «Шолом-Алейхем» (Киев, 1940).

Письма Шолом-Алейхема в количестве 210 впервые были систематизированы и опубликованы отдельным изданием на языке идиш И. Мительманом и Х. Наделем (М., 1941). Около

[1] Письма, представленные в разделах V и VI, написаны Шолом-Алейхемом по-русски. Печатаются с некоторыми поправками соответственно современному русскому языку.

60 писем на русском языке было напечатано в шестом томе Собрания сочинений Шолом-Алейхема (М., 1961).

Для настоящего издания отобраны письма 1882—1916 годов, имеющие наибольшую ценность для выявления и понимания общественного и творческого облика писателя. Для отбора мы пользовались вышеуказанными публикациями, а также хранящимися в Государственных музеях Л. Н. Толстого и М. Горького оригиналами писем Шолом-Алейхема к русским писателям и в архивах Тель-Авивского «Бейт Шолом-Алейхема» («Дома Шолом-Алейхема») и Нью-Йоркского института еврейской культуры (ИВО).

Пользуемся случаем для выражения глубокой благодарности директору «Дома» Аврому Лису и писательнице Бел Кауфман за оказанную нам помощь в получении архивных материалов, связанных с письмами Шолом-Алейхема.

Письма расположены по разделам в хронологическом порядке и имеют общую нумерацию.

В первый, седьмой и восьмой разделы включены письма в переводе на русский язык. Из них № 20, 27, 40, 47, 50, 62 и 77 переведены Р. Рубиной, № 1, 3, 7, 8, 10, 16, 17, 21, 23, 24, 26, 28, 29, 30, 34, 35, 37, 41, 46, 48, 49, 51, 52, 55, 56, 57, 58, 60, 61, 63, 67, 73, 74, 75, 80, 81, 84, 86 и 89 переведены И. Гуревичем. Все остальные еврейские письма переведены М. Беленьким. «Письма» завершаются публикацией четырех писем: одно жене, одно дочери и два внучке Беллочке.

I

1

Стр. 237. *Рабинович Волф* (1864—1939) — младший брат Шолом-Алейхема, мастер-перчаточник. В 1939 г. была опубликована на языке идиш его книга «Мой брат Шолом-Алейхем». В ней автор рассказывает о духовной атмосфере, в которой сформировался облик писателя.

2

Стр. 239. *Янкл Солечников* — перчаточник в Бердичеве. Волф Рабинович работал и учился у него.

Берл — самый младший брат Шолом-Алейхема. Волф Рабинович звал его в Бердичев для того, чтобы и он овладел перчаточным мастерством.

...как патриарху Иакову с Вениамином.— Вениамин, по Библии,— младший сын Иакова, родился, как и старший брат его Иосиф, от Рахили. Когда сыны Иакова, вследствие голода, постигшего их страну, отправились в Египет покупать хлеб, то

Вениамин остался дома с отцом, ибо Иаков, боясь за его судьбу, не желал расстаться с единственным оставшимся от Рахили сыном.

3

Отцу.— Отец Шолом-Алейхема, Нохум Рабинович (1830—1888), был арендатором, содержал заезжий дом, он хорошо знал еврейскую историю, был знаком с литературой еврейского просвещения XVIII и XIX вв., возлагал на сына Шолома большие надежды, рано подметив в нем талант писателя.

4

Стр. 240. *Брату Эле.*— Эля Рабинович — старший брат Шолом-Алейхема.

Стр. 241. *«Гершл Хаит»* — один из псевдонимов Шолом-Алейхема. «Хаит» по-еврейски «портной». Шолом-Алейхем не случайно избрал себе этот псевдоним. Дело в том, что редактор журнала «Восход» Ландау ополчился против еврейской газеты «Фолксблат» и требовал ее закрытия на том основании, что ее читают «темные люди: портные, сапожники, водовозы». В своем открытом письме к Ландау Шолом-Алейхем писал: «Можно догадаться, как плохо обстоит у нас дело с прогрессом, если редактор русско-еврейского журнала открыто заявляет, что портные, сапожники, водовозы и прочий трудовой народ — люди темные и просвещение им не нужно. И такой человек именуется у нас просветителем, редактором и пионером!» Письмо за подписью «Гершл Хаит» не было напечатано.

...мои статьи по гигиене.— Речь идет о статье «Советы молодым матерям: надо ли пеленать ребенка?». Она была напечатана в «Фолксблате», 1884, № 22.

5

Стр. 242. *Динезон Я.* (1856—1919) — еврейский прогрессивный писатель, автор сентиментальных романов на языке идиш; с Шолом-Алейхемом его связывала крепкая дружба, совместное участие в еврейских газетах и журналах.

6

Грец Генрих (1817—1891) — историк; приобрел популярность своим многотомным трудом «История евреев».

7

Стр. 244. *До выхода журнала.*— Шолом-Алейхем добивался разрешения на издание литературного журнала.

Бернштейн Аарон (1812—1884) — публицист и общественный деятель, принимал активное участие в движении по реформированию иудаизма, автор научно-популярных трудов по естествознанию.

Брем А.-Э. (1829—1884) — знаменитый немецкий зоолог, автор книги «Жизнь животных».

Стр. 245. *Черни и Соколовский* — врачи, друзья Линецкого и Шолом-Алейхема.

8

Стр. 246. *Леви* — редактор газеты «Идишес фолксблат».

Мейзах И. (1834—1917) — публицист и писатель.

Калмус Ульрих — малоизвестный еврейский писатель, жил во второй половине XIX в.

Стр. 247. *Аарон* — библейский персонаж; отличался миролюбием.

Стр. 248. *«Векер»* («Будильник») — литературный сборник на языке идиш (Одесса, 1884).

«Хойзфрайнд» («Друг дома») — литературный сборник Спектора.

9

Стр. 249. *Рав Коцин* — один из псевдонимов И. Х. Равницкого.

Литвак — псевдоним редактора газеты «Фолксблат» Леви.

Замощин Палтнел (1851—1909) — поэт и журналист; печатался в «Хамейлиц» и «Кол-мевассер».

10

Стр. 250. *«Библиотека».*— Речь идет о первом литературном сборнике «Ди юдише фолксбиблиотек» — издание и редакция Шолом-Алейхема (Киев, 1888).

«Призыв» — пьеса Менделе Мойхер-Сфорима.

«Заветное кольцо» — повесть Менделе Мойхер-Сфорима.

Рейзеле — героиня пьесы «Призыв».

...пишу... роман.— Шолом-Алейхем имеет в виду «Стемпеню».

11

Стр. 251. *Абба* — брат Шолом-Алейхема, второй сын Нохума Рабиновича. Уехал в Америку, по дороге скончался.

12

...«творящего миры».— Так именовала Фришмана еврейская критика того времени.

13

Стр. 252. *...как богу в Одессе* — еврейская поговорка, означающая «как у Христа за пазухой».

14

Стр. 254. *Соре-Рива* — мать второй жены Нохума Рабиновича.

Шефтл — владелец типографии в Бердичеве.

Сося — младшая сестра Шолом-Алейхема. Вместе с Вевиком работала в Риге на перчаточной фабрике.

15

Порто — почтово-телеграфные расходы, относимые за счет клиента (и т.).

16

Стр. 255. *Третья «Библиотека» тоже, вероятно, выйдет.*— Третий сборник «Еврейской народной библиотеки» ввиду финансовых затруднений Шолом-Алейхема не вышел в свет.

17

Стр. 256. *Почему бы вам не прислать мне ваш календарь?* — Шолом-Алейхем имеет в виду «Варшавский еврейский семейный календарь», книгу по вопросам литературы на разных языках, издаваемую М. Спектором (Варшава, 1894).

18

Стр. 256. *Рахиль Лоева* — теща Шолом-Алейхема.

19

Эрнестина Рабинович — старшая дочь (1884—?) Шолом-Алейхема.

20

Стр. 257. *Иерухимзон Б.*— малоизвестный еврейский писатель, жил в Белой Церкви.

Стр. 258. *«Маленькие рассказы».*— Вероятно, Шолом-Алейхем имеет в виду свою серию рассказов «Цветы» с подзаголовком «Десять маленьких сказок».

Долицкий М. М. (1856—?) — поэт-сатирик и прозаик, писал на языках иврите и идише.

Розенфельд Морис (1862—1923) — по профессии портной, один из первых пролетарских поэтов.

Фруг С. Г. (1860—1916) — поэт и литературный критик; писал на русском языке, издал книгу на языке идиш «Песни и думы».

21

Письмо написано Шолом-Алейхемом с дороги. Он тогда путешествовал по городам и местечкам Украины и собирал материал для варшавского еженедельника «Фолксцайтунг».

22

Стр. 259. *Цейтлин А. Я.* (1835—1904) — цензор еврейских книг в Киеве; занимал пост «ученого еврея», то есть советника при киевском губернаторе.

В интересах издания Максима Горького.— Речь идет о задуманной М. Горьким антологии произведений еврейских писателей в переводе на русский язык.

23

Госпоже Спектор.— Так в шутку Шолом-Алейхем иногда называл своего единомышленника и большого друга, писателя и издателя Мордхе Спектора.

Стр. 260. *«Волынь»* — газета, издававшаяся в Житомире.

24

Настоящее письмо написано Шолом-Алейхемом в связи с получением предложения об участии в газете «Дер фрайнд» («Друг»). По кабальным условиям контракта с «Идишес фолксцайтунг» Шолом-Алейхем не имел права публиковать свои произведения в других органах печати.

Гинзбург С. М. (1866—1940) — буржуазный историк и публицист, с 1903 по 1909 г. соредактор (совместно с А. Рапопортом и С. Розенфельдом) еврейской газеты «Дер фрайнд».

25

Стр. 262. *...с лавкой.*— Шолом-Алейхем имеет в виду книжный магазин, который был в Одессе открыт Равницким.

«Сад».— Имеется в виду стихотворение Х. Н. Бялика.

Стр. 263. *«Тушия»* — книгоиздательство, основанное в 1897 г. в Варшаве. В 1903 г. в связи с 25-летием литературной деятельности Шолом-Алейхема оно готовило к изданию собрание его сочинений в четырех томах.

Пая — жена Полинковского, друга Шолом-Алейхема.

Египец — то есть Киев.

...он немного помогает мне писать.— Речь идет о родственнике Равницкого, которому Шолом-Алейхем поручил переписывать свои произведения.

26

«Мошкеле-вор».— Повесть, о которой речь идет в этом письме, впервые опубликована в русском переводе в настоящем издании.

27

Стр. 265. *«Тог»* — ежедневная еврейская газета, которая с 1904 г. выходила в Петербурге.

«Эмес» («Правда») — псевдоним М. Спектора.

«Амитин» — от корня эмес, то есть «Правдин».

28

Письмо написано под впечатлением первой личной встречи Шолом-Алейхема с Горьким.

29

Стр. 266. *Нумчик* — Нохум, Наум, младший сын (род. в 1901 г.) Шолом-Алейхема.

30

В этом письме Шолом-Алейхем выразил свое предчувствие «чего-то грандиозного», то есть революционных событий 1905 г.

31

Письмо написано в Варшаве и отправлено из квартиры Спектора на квартиру Фришмана, у которого Шолом-Алейхем гостил.

Стр. 267. *«Хазман»* («Время») — газета на языке иврит, выходила в 1903 г. в Петербурге. Д. Фришман принимал в ней активное участие.

32

Марек Анджей — псевдоним *Марка Арштейна* (1878—1943), драматурга и режиссера; перевел на польский язык пьесу Шолом-Алейхема «Разброд».

33

Стр. 268. *Фишберг Морис* (1872—?) — американский врач и антрополог; в 1905 г. приезжал в Варшаву, где познакомился с Шолом-Алейхемом.

Соколов Нохум (1860—1936) — буржуазный общественный деятель и публицист.

...драмы... в четырех и в пяти актах.— Речь идет об инсценировке романа Шолом-Алейхема «Стемпеню».

Томашевский Борис (1866—1939) — драматург, организатор первого еврейского театра в США.

Дж. Адлер — знаменитый еврейский актер в США.

...«новости из дома» — то есть из России.

34

Бен-Авигдор — псевдоним Шалковича Авраама (1866—?), публициста, пропагандиста еврейского национализма, издателя и редактора; одно время был редактором газеты «Хазман».

...он достигнет своей цели.— Бен-Авигдор предпринимал меры для издания газеты на языке идиш в Вильно.

Стр. 269. *Шнеер* — псевдоним крупного еврейского поэта и прозаика Шнеера Залкинда (Зале; 1887—1959).

35

...на обоих еврейских языках.— Шолом-Алейхем имеет в виду идиш и иврит.

36

Стр. 270. *Сорезон Иехезкл* — издатель нью-йоркской еврейской газеты «Тагеблат».

37

Ляля — вторая дочь (род. в 1887 г.) Шолом-Алейхема.

Миша — старший сын (род. в 1889 г.) Шолом-Алейхема.

Кауфман Михаил (Микаела) — муж Ляли, противник сионизма.

38

Стр. 272. *«Унзер лебн»* — газета, выходившая в 1907 г. в Варшаве под редакцией М. Спектора.

Вайнтройб и Гохберг — издатели газеты «Унзер лебн».

39

Стр. 273. *...на Монблане.*— Письмо написано на открытке с видами швейцарских гор.

...вместе с нами.— Шолом-Алейхем имеет в виду себя, Менделе Мойхер-Сфорима и Бен-Ами. Приглашение было принято. Бялик приехал в Швейцарию вместе с четырьмя еврейскими писателями, которым Шолом-Алейхем посвятил свои очерки «Четверо нас было».

40

Стр. 274. *...не случись новогоднего инцидента.*— Бялик приехал в Женеву в Рош-гашана, то есть в иудейский Новый год, чем вызвал гнев набожного Бен-Ами.

Миха и Тамара — младшие дети Бен-Ами.

41

Стр. 275. *...ответ на телеграмму.*— Речь идет о запросе Шолом-Алейхема, принята ли его пьеса «Клад», или «Кладоискатели», к постановке каким-либо театром.

42

Стр. 276. *Аберсон* — приятель Шолом-Алейхема.

«Когда развеселилось сердце царя от вина» — фраза из библейской книги «Эсфирь».

43

Стр. 278. *...выслал в редакцию.*— Имеется в виду редакция газеты «Унзер лебн».

Штейнберг И. (1863—1908) — гебраистский писатель.

...послушать всех шестерых писателей.— Речь идет о Менделе Мойхер-Сфориме, Шолом-Алейхеме, Бялике, Фруге, Шоломе Аше (1880—1957), еврейском писателе и драматурге Переце Гиршбейне (1880—1948).

44

Д-р Левин — врач, который лечил Шолом-Алейхема.

...своего белостокского еврея с желтым порошком.— Шолом-Алейхем имеет в виду героя своего монолога «У доктора» (см. т. 4 наст. изд.).

45

Стр. 279. *«Пост Гедалии»* — бывает в сентябре, на седьмой день тишри — первого месяца иудейского календаря.

... на конференции в Черновцах.— Шолом-Алейхем имеет в виду конференцию по вопросам еврейского литературного языка, состоявшуюся в 1908 г.

46

Мазор Наташа (Наталия Евсеевна) — племянница Шолом-Алейхема.

...незабываемые Барановичи.— Во время своих гастролей по стране Шолом-Алейхем в Барановичах тяжело заболел, прервал публичные чтения своих новелл и по совету врачей отправился в Италию (Нерви).

Стр. 280. *...моих литературных «именин».*— Речь идет о 25-летнем юбилее литературной деятельности Шолом-Алейхема.

Моисей Савельевич — муж Н. Е. Мазор.

Сыркин Н. С. (1878—?) — буржуазный общественный деятель и публицист, редактор варшавской еврейской газеты «Дер телеграф» («Телеграф»).

Евгений Львович.— Речь идет о враче Шкловском, друге Шолом-Алейхема.

47

Стр. 281. *...я бы своими силами постепенно выкупил их из рабства.*— Шолом-Алейхем имеет в виду выкуп своих произведений, которые на кабальных условиях были запроданы частным издателям.

Стр. 282. *Крушеван П.* (1860—1909) — черносотенец, ярый антисемит, издатель реакционных газет «Бессарабец» и «Друг».

48

Стр. 283. *Розет И.*— друг и почитатель Шолом-Алейхема; к 25-летнему юбилею писателя издал почтовую открытку с его портретом.

49

Стр. 284. *Сыркин М. Н.*— киевский журналист; организовал в Киеве празднование 25-летнего юбилея творческой деятельности Шолом-Алейхема.

50

Левинский Э. Л. (1858—1910) — писатель и публицист; писал под псевдонимом Реб Корев (Родич).

Стр. 285. ... *преподнесет тебе имение.*— Речь идет о предложении редактора газеты «Хайнт», чтобы евреи подарили Шолом-Алейхему имение, как это сделали поляки к юбилею Г. Сенкевича.

Стр. 286. ...*небольшую книжонку.*— Шолом-Алейхем имеет в виду свой рассказ «Шмуел Шмелькис и его юбилей».

...*не успели освятить луну.*— Здесь: не успели отметить юбилей литературной деятельности Шолом-Алейхема.

Давид Пинский (1872—1959) — драматург и прозаик; стоял во главе американского комитета по празднованию юбилея Шолом-Алейхема.

Авром-Эля Любарский — друг Шолом-Алейхема.

51

Мише.— В этом письме Шолом-Алейхем дает сыну Мише добрые советы, как следует перевести еврейские идиоматические выражения на русский язык.

52

Стр. 287. ...*благодарность за ваши открытки.*— Речь идет об открытках с портретом Шолом-Алейхема.

53

Стр. 288. *Ямпольский И.*— канадский еврейский журналист; напечатал в местной газете «Эпитафию» Шолом-Алейхема (см. письмо № 34).

54

Стр. 289. ...*спасибо... за Ваш подарок.*— Менделе Мойхер-Сфорим прислал Шолом-Алейхему первый том его произведений на языке иврит.

55

В этом письме к сыну Шолом-Алейхем высказывает свое отрицательное отношение к «модной» литературе декаданса.

Стр. 290. *От Наташи и от М. С.*— Имеются в виду Н. Е. и М. С. Мазор.

56

Стр. 291. *...мой Париж.*— Шолом-Алейхем имеет в виду музеи, театры Парижа. Восторженно говоря о Париже, Шолом-Алейхем, как видно из письма, все же больше всего любит свой Киев.

57

Стр. 292. *Крынский М.*— издатель; Шолом-Алейхем попал к нему в кабалу. Издавая произведения писателя большими тиражами, выплачивал ему ничтожно малый гонорар.

58

Стр. 294. *...как король за пасхальной трапезой.*— Имеется в виду поведение главы семьи во время пасхальной вечери.

59

Стр. 295. *...«торопыга».*— Так назвал Менделе Мойхер-Сфорим Шолом-Алейхема по прочтении его романа «Стемпеню».

...полемики Аша с его товарищами.— Имеется в виду выступление русской и еврейской прессы и перебранка Аша с Чириковым по поводу пьесы Аша «Родословное».

60

Стр. 296. *«...выкупа пленных».*— Речь идет о «выкупе» произведений Шолом-Алейхема у частных издателей.

61

Стр. 297. *...чтобы спекторскую «Найе велт»...*— Имеется в виду газета «Найе велт» («Новый мир»), издававшаяся М. Спектором в Варшаве с 1909 г.

62

Стр. 298. *Спектор, Загородский, Милштейн* — издатели газеты, упомянутой в предыдущем письме.

...мой новый роман.— Речь идет о первой части романа «Блуждающие звезды», которая печаталась в «Ди найе велт» в 1909—1910 гг.

63

Стр. 299. *Заблудовский Нойах* — друг и почитатель Шолом-Алейхема.

...я теперь вроде путешественника, коммивояжера.— Шолом-Алейхем имел в виду свои «Железнодорожные рассказы», которые печатались в «Ди найе велт». В подзаголовке автор их назвал «Записками коммивояжера».

64

Стр. 300. *...мою русскую книгу.*— Шолом-Алейхем имел в виду сборник своих произведений в русском переводе, выпущенный издательством «Современные проблемы».

65

Стр. 302. *Реб Корев.*— См. примеч. к письму № 50.

66

Камионский М. И. (1853—1926) — гебраистский писатель, друг Шолом-Алейхема.

67

Стр. 303. *...назвать не иначе, как «Шолом алейхем».*— Речь идет о националистическом листке, выходившем в Одессе с октября 1911 г. под названием «Шолом алейхем». В письме к Менделе Мойхер-Сфориму Шолом-Алейхем рассказывает о своем гневном протесте против гнусной выходки издателей этого листка.

68

Стр. 304. *«Дама в вуали»* — один из многочисленных бульварных романов на языке идиш.

69

«Баал-Махшовес» — псевдоним Исидора Эльяшева (1873—1924), еврейского буржуазного литературного критика.

«Еврейский твой народ нуждается в заработке» — фраза из молитвы.

...наполняет свой роман старыми газетными статьями.— Баал-Махшовес в письме к Шолом-Алейхему писал, что роман «Кровавая шутка», который только что вышел из печати, он еще не читал, однако, «судя по слухам, Шолом-Алейхем состряпал его, пользуясь газетной хроникой о процессе Бейлиса».

Звездочки в тексте поставлены Шолом-Алейхемом.

70

Шолом-Алейхем просит помочь его сыну одолеть царский закон «о правожительстве» и тем самым обеспечить его поступление в институт.

71

Письмо написано Шолом-Алейхемом на древнееврейском языке.

72

Письмо написано по-древнееврейски.

Стр. 307. *«Пинкес»* — ежегодник по истории еврейской литературы и языка, с 1913 г. издавался в Вильно, с 1919 г.— в США.

73

Котик Иезекииль (1847—1921) — мемуарист; прославился книгой «Мои воспоминания» (первая часть была опубликована в 1912 г.), в которой воссоздана широкая картина жизни евреев в России первой половины XIX в.

74

Стр. 308. *Моя Тиси.*— Шолом-Алейхем имеет в виду свою старшую дочь Эрнестину.

75

Письмо написано по-древнееврейски.

Стр. 309. *Тамара и Белла* — внучки Шолом-Алейхема. Белла — ныне Бел Кауфман — автор рассказов о нью-йоркских детях и учительском труде, в 1964 г. опубликовано крупное ее произведение «Вверх по ведущей вниз лестнице», напечатано в «Иностранной литературе», 1967, № 6.

76

Письмо написано по-древнееврейски.

77

Стр. 310. *Писать завещание.*— Оно было написано Шолом-Алейхемом через два с половиной года, 19 сентября 1915 г.

78

К этому письму имеется приписка на древнееврейском языке: «Тамара! Я уехал в Нерви».

79

Шолом-Алейхем выказывает свою влюбленность в красоту итальянского города Венеция.

80

Шриро Ш.— капиталист-нефтепромышленник, почитатель Шолом-Алейхема; обещал ему крупную сумму денег, чтобы он смог спокойно завершить свою автобиографию. Обещание свое Шриро не исполнил.

Стр. 312. *«И ты будешь жить мечом твоим»* — из библейского благословения патриарха Исаака сыну своему охотнику Исаву. Под мечом Шолом-Алейхем подразумевает перо писателя.

81

Стр. 314. *Ховвейцион* («Друзья Сиона») — палестинофильское течение еврейской буржуазии, возникшее в России в 80-х гг. XIX в.

Стр. 315. *Яцкан С. Я.*— редактор еврейской газеты «Хайнт».

82

В ответном письме (Киев, 9/22 декабря 1913 г.) М. Бейлис писал Шолом-Алейхему: «Вы усомнились, знаю ли я вас. Должен вам сказать, что не только мои старшие дети, но и даже моя шестилетняя дочка хорошо вас знает. Она непрестанно кричит: «Читай Шолом-Алейхема! Шолом-Алейхема читай!» ...из моих подарков, мною полученных, первое место у меня занимают ваши всемирно известные произведения».

83

Стр. 317. *Тамара* — дочь И. Д. Берковича, старшая внучка Шолом-Алейхема.

84

Адлер А. П.— актер еврейского театра в США.

Посылаю вам... пьесу.— Имеется в виду инсценировка «Тевье-молочника».

Стр. 318. *Никель* — мелкая американская монета.

Кводер — 1/4 доллара.

85

Стр. 319. *Житловский Хаим Иосифович* (1865—1943) — еврейский философ и публицист, с 1908 г. жил в США.

Шильдкраут Рудольф — еврейский актер; был Томашевским приглашен из Берлина в Нью-Йорк на гастроли. Однако Томашевский по причинам разного характера отменил гастроли, объявив, что Шильдкраут вынужден вернуться в Берлин, так как он в Нью-Йорке надолго потерял голос.

Стр. 320. *«Клеветник».*— Речь идет о пьесе американского драматурга Льюиса Миллера.

86

Стр. 321. *Бродский* — крупный капиталист и сахарозаводчик; жил в Киеве, одно время Шолом-Алейхем был у него на службе.

87

Стр. 322. *...приступлю к своему «Мотлу».*— Речь идет о второй части повести Шолом-Алейхема «Мальчик Мотл».

«Потоп» — роман Шолом-Алейхема о революционных событиях 1905 г.

88

...захватить кусочек бармицве.— Шолом-Алейхем имеет в виду праздник совершеннолетия, который отмечался в связи с исполнением тринадцати лет сыну Нуме.

Стр. 323. *...семья Кабак* — семья гебраистского прозаика и романиста А. А. Кабака (1882—?).

Шехтман — владелец ресторана в Лозанне.

Воркель М.— рижский режиссер, друг Шолом-Алейхема,

участвовал в переговорах с кинопредпринимателями об экранизации его произведений.

89

Стр. 324. *Шреберк Ш.*— издатель; публиковал произведения Шолом-Алейхема.

90

Опатошу (псевдоним Опатовского Иосифа; 1886—1954) — прогрессивный еврейский писатель.

...две книги.— Речь идет о сборниках «Шрифтн», в которых печатались произведения молодых американских еврейских поэтов и прозаиков.

«Роман конокрада» и «Нью-Йоркское гетто» — ранние повести И. Опатошу.

Стр. 325. *Манн-Лейб* (псевдоним Манн-Лейба Брагинского, 1883—1953) — еврейский поэт, по профессии обувной заготовщик, родом из Нежина; принимал участие в революционном движении России, дважды попадал в тюрьму, в 1904 г. бежал в Лондон, оттуда в США.

91

Последнее письмо Шолом-Алейхема. Написано за двадцать дней до кончины.

Стр. 326. *Иегоаш* (псевдоним Блюменгартена И. Ш.; 1872—1927) — поэт; прославился переводом Библии (Ветхий завет) на идиш.

...путевыми заметками.— Речь идет о книге очерков Иегоаша «От Нью-Йорка до Рехавот».

Желаю... доброго праздника.— Шолом-Алейхем имеет в виду иудейскую Пасху.

II

92

Письмо написано в связи с 25-летием литературной деятельности Менделе Мойхер-Сфорима.

Стр. 327. *«Мечтатели»* — рассказ; написан Шолом-Алейхемом по-русски, помещен в т. 1 наст. изд.

93

Стр. 328. *...чтобы ознакомить Вас с программою Вашего сборника.*— Имеется в виду антология еврейской литературы в переводе на русский язык, задуманная М. Горьким.

94

Стр. 330. *...благодарит Вас редакция сборника.*— Речь идет о задуманном сборнике рассказов «Хилф» («Помощь») в пользу жертв погрома, организованного царским правительством в Кишиневе 6 и 7 апреля 1903 г.

95

Спасибо за скорый ответ.— Речь идет об ответном письме Л. Н. Толстого от 6 мая 1903 г.; приводим полный текст:

«Соломон Наумович,

Ужасное, совершенное в Кишиневе злодеяние болезненно поразило меня. Я выразил отчасти мое отношение к этому делу в письме к знакомому еврею [1], копию с которого прилагаю. На днях мы из Москвы послали коллективное письмо кишиневскому голове, выражающее наши чувства по случаю этого ужасного дела.

К сожалению, то, что я имею сказать, а именно, что виновник не только кишиневских ужасов, но всего того разлада, который поселяется в некоторой малой части — и не народной — русского населения,— одно правительство. К сожалению, этого-то я не могу сказать в русском легальном издании».

Стр. 331. *...«процентного отношения».*— Речь идет о том, что, согласно царскому циркуляру, в высшие учебные заведения евреи принимались в количестве трех процентов всех учащихся.

Листок.— Речь идет о клерикальном киевском «Листке», в котором печатался провокационный материал, будто евреи издеваются над иконами.

96

...преподнести Вам 1 т. «Полного Собрания моих сочинений».— Речь идет о 1-м томе Собрания сочинений Шолом-Алейхема, изданного «Прогрессом».

---

[1] Письмо Э. Б. Линецкому, в котором Л. Н. Толстой дал суровую оценку участникам преступления в Кишиневе, см: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 74, № 130.

98

Стр. 332. *Получил... две прелестные сказки.*— Толстой поначалу прислал для сборника «Хилф» две сказки: «Ассирийский царь Ассархадон» и «Три вопроса».

Стр. 334. *...получил я третью сказку.*— Третья сказка Толстого называется «Это ты».

100

Стр. 335. *«Хилф»* — сборник «Помощь», был опубликован издательством «Фолксбилдунг» («Народное образование»), Варшава, 1903.

Стр. 336. *«Русская мысль»* — ежемесячный литературно-художественный и политический журнал, основанный в Москве в 1880 г.; до революции 1905 г. был органом либеральной буржуазии, в годы реакции выражал интересы правого крыла кадетской партии. В. И. Ленин, касаясь этого журнала, говорил, что он «должен бы называться «Черносотенная мысль».

101

Буланже П. А. (1864 -1925) — близкий знакомый Л. Н. Толстого, сотрудник «Посредника».

102

Стр. 337. *Никитин Д. В.* (1874—1960) — врач Л. Н. Толстого.

103

Стр. 338. *Чертков В. Г.* (1854—1936) — близкий друг Л. Н. Толстого, издатель его сочинений.

104

Стр. 339. *Aylmer* (Эльмер Алексей Францевич; 1858—1938) — переводчик произведений Л. Н. Толстого на английский язык, его издатель и биограф.

108

Стр. 341. *Давид Яковлевич Айзман* (1869—1922) — писатель; изображал жизнь еврейских низов.

«Современный мир» — ежемесячный литературный, научный и политический журнал; издавался в Петербурге с 1906 по 1918 г. В нем принимали участие Горький, Бунин, Вересаев.

110

Стр. 342. *Лопатин Г. А.* (1845—1910) — революционер, член Генерального совета I Интернационала.

Стр. 343. *Амфитеатров А. В.* (1862—1938) — русский писатель.

114

Стр. 345. *«Кейвер овес»* — еврейское название рассказа Шолом-Алейхема «Могила предков».

117

Стр. 346. *Братски выраженное Вами мнение.*— Речь идет об отзыве Горького на книгу Шолом-Алейхема «Дети черты» («Мальчик Мотл»).

118

Приводим ответ Горького на приглашение Шолом-Алейхема: «Капри, апрель 1911.

Уважаемый сотоварищ!

Слух о моем переезде в Нерви относится к области мифов.

Не отвечал Вам так долго потому, что не был дома,— ездил к Амфитеатрову и еще кое-куда.

Получаю Ваши милые книги, с душевным волнением читаю их и благодарю Вас за любезность — присылку Ваших книг.

Читаю стихи Бялика,— это гениальный поэт, как мне кажется.

Будьте здоровы, желаю всего лучшего!

Мария Федоровна кланяется Вам» (Мария Федоровна — М. Ф. Андреева, наст. фам. Юрковская — вторая жена Горького). Цит. по кн: Максим Горький и еврейский вопрос. Иерусалим, 1986, с. 136.

122

Письмо отправлено из Италии 10(23) ноября 1912 г. Оригинал хранится в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Стр. 349. *...повесть.*— Речь идет о «Кровавой шутке».

...печатающегося произведения в журнале «Современник».— Речь идет о романе «Блуждающие звезды».

123

Стр. 350. *Настигли меня вражеские немцы.*— Накануне первой мировой войны Шолом-Алейхем находился на одном из немецких курортов (в Альбеке) и в августе 1914 г. был интернирован как русский подданный в Берлине.

III

Письма под № 124—141 адресованы С. М. Дубнову и впервые напечатаны в т. 9 «Еврейской старины» (СПб., 1916). В предисловии к ним Дубнов пишет, что, после того как была опубликована его рецензия в журнале «Восход» (№ VII—VIII, 1887) на новеллу Шолом-Алейхема «Ножик», между автором рецензии и писателем «завязалась оживленная литературная переписка». В ней ясно вырисовывается борьба Шолом-Алейхема за высокоидейную литературу, его искания, общественный темперамент, защита еврейского реалистического искусства.

Все еврейские слова внутри текста переданы в латинской транскрипции.

С. Дубнов указал, что «из приведенных писем устранено то немногое», что имело к нему «личное отношение».

124

Стр. 351. *...прошу дать Ваш отзыв в ближайшей книжке «Восхода».*— Краткий отзыв о «Букете» дан в статье С. Дубнова «О жаргонной литературе» («Восход», 1888, № 10).

«История хасидизма».— Речь идет о статьях Дубнова «Возникновение хасидизма», печатавшихся в «Восходе» на протяжении 1888 г.

125

Стр. 352. *Мандельштам О.*— известный окулист.

Киев... не особенно гостеприимный для нашего брата.— Шолом-Алейхем имеет в виду указ царского правительства, запретивший евреям проживать в Киеве.

126

Стр. 353. *...что за Сборник издаю я.*— Речь идет о первом томе «Еврейской народной библиотеки».

Цвейфель Лазарь (Элиезер; 1815—1888) — философ и педагог, автор работ по иудаизму.

Эттингер Шлойме (ок. 1801—1856) — один из пионеров литературы на языке идиш, поборник просвещения евреев в России.

Стр. 354. *Случайный Фельетонист* — псевдоним С. Фруга. В связи с выходом первого сборника Спектора «Домашний друг» Фруг заявил, что «умножение числа сборников на жаргоне вещь излишняя» («Недельная хроника «Восхода», 1888, № 31).

...я написал возражение.— Шолом-Алейхем имеет в виду свое возражение Фругу под названием «Письмо в редакцию». Приводим его с сокращениями:

«В № 31 «Недельной хроники «Восхода» г. Случайный Фельетонист забил тревогу по поводу нарождающихся литературных сборников на еврейском разговорном языке, неправильно называемом жаргоном, причем неверно определил характер этих сборников и значение самого жаргона для трехмиллионной массы, на нем изъясняющейся.

Оставляю в стороне несправедливые на меня нападки г. Случайного Фельетониста, будто я, издавая книгу под заглавием «Еврейская народная библиотека», преследую лишь «редакторские» цели... Случайный Фельетонист может шутить сколько ему угодно, но издание жаргонных сборников, если иметь в виду их литературный интерес, а не исключительно коммерческий расчет, вовсе не есть зло, как ошибочно полагает г. Случайный Фельетонист, а, напротив, явление очень отрадное и едва ли не есть благо для трехмиллионной массы «нищих», предъявляющей, однако, порядочный спрос на печатное слово, в чем я, как наблюдатель провинциальной жизни этой массы, смею уверить г. Случайного Фельетониста.

В заключение не могу не выразить своего удивления, почему г. Случайный Фельетонист находит мое сотрудничество одновременно в трех-четырех изданиях курьезным?
Киев, 7 августа 1883 г.

Шолом-Алейхем».

...Schibche Bescht («Прославления Бешта»).

...ato bechartonu («Ты нас избрал»).— Шолом-Алейхем высмеивает догмат иудейской религии о «богоизбранности евреев».

127

Стр. 355. *Одновременно с № «Восхода».*— Имеется в виду № 35 «Недельной хроники «Восхода», в котором был напечатан ответ Шолом-Алейхема Случайному Фельетонисту.

Jehawdel — еврейское идиоматическое выражение, означающее здесь: «какое может быть сравнение!»

Моргулис Михаил (Менаше; 1837—1912) — общественный деятель, юрист и писатель, автор трудов о талмудическом праве.

129

Стр. 357. *...«документом».*— Речь, по-видимому, идет о корректуре статьи С. Дубнова «О жаргонной литературе».

...уважаемая... личность.— Имеется в виду редактор «Идишес фолксблат» И. Леви, третировавший Шолом-Алейхема.

133

Стр. 360. *Perele* — первоначальное название романа Шолом-Алейхема «Иоселе-соловей».

Mausse gedola mitebach Uman.— Речь идет о небольшой книжке на языке идиш (Вильно, 1838), рассказывающей о борьбе евреев Умани против зверств гайдамаков в 1768 г.

Стр. 361. *«Типы и силуэты»* — произведения Шолом-Алейхема на языке иврит; впоследствии были им переработаны и переведены на идиш под заглавием «Отмирающие типы».

135

...забравшего в свои нечистые руки единственный «Народный листок».— Речь идет о редакторе «Идишес фолксблат» Леви.

138

Стр. 364. *Казус с Линецким.*— Имеется в виду жалоба в «Восход» Линецкого по поводу того, что Шолом-Алейхем сократил его повесть «Червяк в хрене», опубликованную во втором томе «Еврейской народной библиотеки».

139

Эмма — дочь Шолом-Алейхема, в 1890 г. ей было три года.

140

Стр. 365. *Древнееврейский же рассказ.*— Речь идет о новелле Шолом-Алейхема на языке иврит «Prosdor utraklin» («Передняя и салон»).

141

...погиб для мира золота и бумаги.— Имеется в виду банкротство Шолом-Алейхема.

IV

Письма под № 142—166 опубликованы в «Висншафтлехе ербихер» (М., 1929). Они адресованы редакторам газеты «Фрайнд» и охватывают период в восемнадцать месяцев, с декабря 1907 по июль 1909 г.

Шолом-Алейхем в это время тяжело болел и по совету врачей находился на излечении в Швейцарии и Италии. Вместе с тем он много и плодотворно писал. Письма с большой откровенностью рассказывают о тревогах, помыслах и заботах писателя, о его материальных затруднениях и борьбе за человеческое достоинство, о бессердечной эксплуатации издателей, которые его обманывали и бессовестно обкрадывали.

Исключительный интерес представляет открытие этих писем. По сообщению советского литературоведа И. М. Нусинова (1889—1950), матрос Черноморского флота во время своего пребывания в порту Яффа купил их за свои деньги у местного еврея. По возвращении из плавания матрос отнес их в газету «Одесские известия». Редакция «Висншафтлехе ербихер» получила их от гражданина Одессы И. Хаита.

В русском издании эти письма печатаются впервые.

142

Стр. 367. *«Веник»* (по-еврейски «Безем») — бесплатное юмористическое приложение к «Фрайнду».

С. М.— Саул Моисеевич Гинзбург, основатель «Фрайнда» и один из его издателей.

«Кабцан из кабцанов» — бедняк из бедняков, так в насмешку Шолом-Алейхем назвал издателя Крынского.

143

Стр. 368. *Израиль Моисеевич.*— Лицо не установлено; по-видимому, Шолом-Алейхем допустил ошибку, имел в виду Александра Израилевича Рапопорта.

«Эмигранты» — глава из «Мальчика Мотла», печаталась в «Фрайнде» в 1908 г. (№ 7, 8, 14, 21 и 22).

145

Стр. 369. *Израиль Александрович* — по-видимому, Александр Израилевич Рапопорт.

Ривкес — агент по распространению еврейских газет в Берлине.

Имеет ли право газета.— Речь идет об «Унзер лебн».

146

Стр. 370. *...и постановка моей пьесы.*— Речь идет о пьесе «Клад».

147

«Шалахмонес» — рассказ Шолом-Алейхема, напечатанный в «Беземе», 1908, № 9.

148

Стр. 371. *...пуримский фельетон.*— Имеется в виду рассказ «Шалахмонес».

Фишзон Алтер — антрепренер и актер.

149

Стр. 372. *«Шиповник»* — русский литературный альманах.

«Дер Ойцер» — еврейское название пьесы «Клад».

«Хазомир» — литературно-художественное общество. С 1905 по 1914 г. существовало в Варшаве и занималось организацией литературных вечеров и выступлений еврейских прозаиков и поэтов.

152

Стр. 374. *...я видел «Фрайнд» № 91.*— В этом номере начали печатать пьесу Д. Пинского «Клад».

155

Стр. 376. *...спешу Вас поздравить.*— По разным причинам царская цензура закрыла «Фрайнд» на два месяца (с 1 октября по 1 декабря 1908 г.). Шолом-Алейхем поздравил издателей газеты с получением разрешения вновь ее печатать.

...я ведь пациент.— Шолом-Алейхем заболел туберкулезом легких и находился на лечении в Нерви.

...диктую одну крупную вещь для английского издания.— Что именно, не удалось установить.

Шмуль Шмелькис.— Имеется в виду рассказ «Шмуел Шмелькис и его юбилей», печатался в № 226—235 (декабрь 1908 г.) «Фрайнда».

...и тамошний комитет.— Речь идет о комитете по организации празднования 25-летия литературной деятельности Шолом-Алейхема.

Стр. 377. *А-нский* — псевдоним Ш. З. Рапопорта (1863—1920), еврейского фольклориста, поэта и драматурга.

«Евр. мир» («Еврейский мир») — литературно-публицистический журнал; выходил в Петербурге с 1904 по 1910 г. под редакцией Ш. А-нского, С. Дубнова и М. Ратнера.

Стр. 378. *Беркович.*— Речь идет о И. Д. Берковиче, зяте Шолом-Алейхема.

156

...опоздал к 1-му номеру обновленного «Фрайнда».— Речь идет о выходе первого номера газеты после ее закрытия.

...новый рассказ «Тевье-молочника».— Имеется в виду новелла «Тевье едет в Палестину».

157

Стр. 379. *Баал-Махшовес.*— См. примеч. к письму № 69.

Тевье-молочник готов.— Речь идет о новелле «Тевье едет в Палестину».

...счет для «Евр. мысли».— Явная описка, должно быть: «Еврейский мир».

...гг. мировцы.— Имеются в виду издатели «Еврейского мира».

Стр. 380. ... *г. Логос* — псевдоним одного из издателей «Фрайнда», С. Розенфельда.

Газманцы издают с 1-го января газету.— Речь идет о редакторах ивритской газеты «Хазман», которые стали еще издавать в Вильне газету на языке идиш «Ди цайт» («Время»).

Стр. 381. *А виленская газета...*— Имеется в виду «Ди цайт».

Пишу целую серию маленьких рассказов.— Имеются в виду «Железнодорожные рассказы».

158

Стр. 382. *...о письмах М. Менделя.*— Речь идет о повести в письмах «Менахем-Мендл».

159

...до выхода «Мира».— Имеется в виду журнал «Еврейский мир».

...человеческого самолюбия.— В тексте по-еврейски «перзенлехн ницохн».

Стр. 383. *...что в американской газете.*— Имеется в виду нью-йоркская еврейская газета «Идишес тагеблат».

161

Препровождаю при сем письмо.— Речь идет о письме в редакцию газеты «Фрайнд» и журнала «Еврейский мир» о сроках напечатания новеллы «Тевье едет в Палестину». Приводим текст письма:

«В редакцию «Дер фрайнд»
Мм. гг.

Посылаю Вам обещанный рассказ «Тевье-молочник едет в Палестину», прошу напечатать его в Вашей газете не раньше появления его в журнале «Евр. мир» (СПб., Б. Подьяч., 39). С этой целью я просил одного из редакторов того журнала, г-на Ан-ского, официально дать знать Вам накануне выхода в свет 1-й книжки журнала, дабы Вы могли на следующий день по получении извещения приступить к печатанию рассказа в газете «Дер фрайнд».

В надежде на Вашу корректность, равно как и на корректность редакции «Евр. мира», остаюсь с совершенным почтением

Шолом-Алейхем».

«Ди голдшпинерс» — рассказ Шолом-Алейхема «Золотопряды».

Серия мелких рассказов.— Имеются в виду «Железнодорожные рассказы».

163

Стр. 384. *Не прикажете ли тиснуть и это (прилагаемое) письмецо?* — Письмо написано Шолом-Алейхемом по-еврейски. Приводим его в переводе Р. Рубиной:

Дражайший друг!

Бог велик, одной рукой он карает, другой исцеляет. «Не карай меня и не исцеляй меня» — старая глупая претензия. Бог карает, дабы иметь, что исцелить. Я был наказан по

дороге из Италии в Швейцарию (как я вам уже писал). Зато я получил исцеление здесь, в санатории, в Шварцвальде. Если не полное исцеление, то, по крайней мере, есть надежда на будущее. Лето еще впереди, лес достаточно зелен. Можно лежать да лежать. Немцы знают только одно лечение — лежать. Больные с утра до поздней ночи лежат под открытым небом на свежем воздухе. Встают только для того, чтобы поесть и погулять. Не всякий, однако, удостаивается прогулки. Для этого отводятся считанные часы. И если вы ведете себя прилично, то есть лежите хорошо и едите хорошо, вы получаете добавку — еще несколько минут в день. Я здесь, очевидно, из пай-мальчиков. Я, по милости божьей, так пришелся по душе докторам, что мне дали целых два часа для прогулок и всего лишь восемь часов для лежания (не считая десяти часов, когда полагается спать). Сейчас подсчитаем: если отнять три часа на еду, то увидим, сколько остается для писания. И что же? Бог милостив! Я догадался уворовать у врачей (немецких!) из восьми лежачих часов пять-шесть часов для писания. Вы спросите, каким образом? Я пишу лежа. Как можно писать лежа? Не спрашивайте, да сохранит вас от этого господь! Я не враг вам, но, если вас уложат и прикажут лежать, вы научитесь писать лежа. Увидите, что это вовсе не так трудно. Наоборот, даже приятно. Только бы кашель не докучал! По всему этому вы можете судить, любезный друг, что дела мои, слава богу, неплохи, хотя могли бы быть и лучше... Итак, скажем: «Все к лучшему». Вы ведь знаете: «все к лучшему» — мой девиз. Передайте же это всем друзьям вместе с наилучшими пожеланиями, будьте здоровы и пишите письма.

Шолом-Алейхем.

1 июля 1909 г., санаторий Сент-Блазьен.

164

Стр. 385. *«Ширгаширим».*— Речь идет о повести Шолом-Алейхема «Песнь Песней».

Лидский Яков (1868—1921) — владелец издательства «Прогресс».

165

Стр. 386. *...издание Лидского.*— Речь идет о Собрании сочинений Шолом-Алейхема, издававшемся «Прогрессом».

V

167

Письма под № 167—173 адресованы редактору газеты «Дер Юд» («Еврей») и «Дос юдише фолк» («Еврейский народ») Лурье И. (1871—?).

Стр. 389. *«Бердичевские очерки»* — позже были названы «Новая Касриловка».

«Миллионы» — новелла из серии писем «Менахем-Мендл».

168

«Письмо».— Имеются в виду «Письма господину Энгелю» по поводу «Песен» М. Варшавского.

170

Стр. 391. *«Шейне-Шейндл»* — персонаж из повести «Менахем-Мендл».

172

В письме Шолом-Алейхем высмеивает злостных недругов его творчества.

VI

Письма этого раздела адресованы владельцу издательства «Современные проблемы» Лазарю Абрамовичу Столяру.

174

Стр. 398. *Пинус* — И. Пинус, один из первых переводчиков произведений Шолом-Алейхема на русский язык.

VII

Письма седьмого раздела (№ 184—200) адресованы литературоведу и литературному критику Ш. Нигеру (псевдоним Шмуела Чарни; 1883—1954).

На русском языке публикуются впервые.

184

Стр. 405. *Добин, Рахиль и Хьена* — почитатели и друзья Шолом-Алейхема.

187

Стр. 408. *«Перехваченные письма»* — произведения юного Шолом-Алейхема.

196

Стр. 413. *Бергельсон Давид* (1884—1952) — советский еврейский писатель, расстрелян в годы культа Сталина, в 1903 г. был членом правления виленского издательства «Ди идише велт».

Они могут напечатать автобиографию.— Имеется в виду «С ярмарки».

Лифшиц Файтл — доцент Бернского университета, часто навещал Шолом-Алейхема.

Калманович Зелик (1881—1944) — филолог, переводчик с русского и немецкого на идиш. Убит немецкими фашистами.

VIII

В восьмой раздел включены письма друзьям юности в переводе на русский язык.

201

Стр. 419. *Биба и Бибця* — так Шолом-Алейхем называл свою невесту и жену, настоящее имя которой было Ольга Михайловна. Письмо опубликовано в журнале «Идише культур», 1973, № 8.

202

Стр. 420. *И. Гордон* (Иегуда-Лейб Гордон; 1830—1892) — поэт и просветитель.

Стр. 421. *Гордон Михл* (1823—1890) — популярный еврейский поэт и певец.

203

А. Гаркави (Гаркави Александр; 1863—1939) — филолог, автор англо-еврейского и еврейско-английского словарей.

204

«Гамейлиц» — «Заступник», журнал на древнееврейском языке.

205

Стр. 422. *«Библиотеку»*...— Имеется в виду «Еврейская народная библиотека».

Стр. 423. *Ицхок Вайсберг* — еврейский писатель, современник Шолом-Алейхема.

Стр. 424. Письмо М. Клейнману публикуется с сокращениями.

211

Стр. 428. Шолом-Алейхем высмеивает читателя «мистера Сапирштейна, который не понял красоту повести «Мальчик Мотл».

IX

В этот раздел включены письма с № 213 по № 223, написанные по-русски разным людям.

213

Стр. 431. *Берта Львовна Флексер* — составитель и издатель сборника «Святая страна» (Житомир, 1891). Она обратилась к Шолом-Алейхему с просьбой оказать материальную помощь Трубнику (умер в 1889 г.) — автору «Учителя жаргона» и «Словаря иностранных слов».

216

Стр. 433. *...закончил крупное произведение — художественное.*— По-видимому, речь идет о романе «Иоселе-соловей».

217

Письмо написано другу семьи Толстых М. А. Маклаковой.

Стр. 434. *«Сборник».*— Имеется в виду сборник «Хилф».

218

Письма сотруднику газеты «Фрайнд» В. Вайсблату были вызваны тем, что он поддержал идею Шолом-Алейхема о создании «еврейского художественного театра».

Догмаров В. Н.— актер и режиссер, в 1908—1909 гг. работал в Киеве, в театре Соловцова.

Стр. 435. *...Московском Худ. театре.*— Приводим по этому

вопросу письмо, адресованное К. С. Станиславскому (оригинал хранится в музее МХАТ им. Горького).

«Многоуважаемый г. Станиславский!

Сам я русский еврей. Мое имя Рабинович. Мой псевдоним Шолом-Алейхем. Не знаю, слыхали ли Вы о моем литературном имени? Со времени погромов я переселился в Америку, где работаю для 3-х евр. газет и евр. театра. Временно нахожусь в Берлине, где переводится моя новая драма (4-актная) под названием «Куда?» [1] на немецкий язык. Драма читана в тесном кругу и произвела сильное впечатление. Одновременно дерзнул бы перевести эту драму и на русский язык для постановки на сцене Моск. Худ. театра. Здесь она пойдет в одном из нем. театров. И вот мне указали на Вас. Я к Вам и обращаюсь. Уверен в успехе пьесы безусловно. Имя мое также небезызвестно в России. Посоветуйте, как быть. Здесь переводчика с евр. жаргона нет. Могу ли я прислать ее Вам в оригинале? Написана четко и разборчиво. Вещь по идее и по форме слишком важная, чтобы дебютировать с нею на подмостках провинциального театра. Не найдете ли Вы возможным дать мне скорый и обстоятельный ответ?

С почтением *Шолом-Алейхем*

С. Рабинович».

219

...моего нового пасхального рассказа.— Речь идет о новелле «Зелень к празднику».

220

Стр. 436. *...пришлите мне № «Кивской мысли» за 11/24 апреля.*— Шолом-Алейхем имел в виду «Киевские вести», где в русском переводе Вайсблата и Слонима была опубликована новелла «Зелень к празднику».

ЗАВЕЩАНИЕ

Стр. 442. *...и кроме еврейской надписи, здесь приложенной.*— Имеется в виду еврейский текст «Эпитафии», составленной Шолом-Алейхемом.

---

[1] Шолом-Алейхем имел в виду свою пьесу «Клад».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

1859 Родился 2 марта в Переяславе (ныне Переяславль-Хмельницкий) Полтавской губернии в патриархальной еврейской семье, учился в хедере. Детские годы провел в местечке Воронково, которое впоследствии в своих литературных произведениях вывел под названием Касриловки. В тринадцатилетнем возрасте лишился матери. Переехал на время с младшими братьями и сестрами к родителям матери в местечко Богуслава.

1873 Поступил в Переяславское уездное училище, где был одним из лучших учеников.

1876 Успешно окончив Переяславское уездное училище, давал частные уроки в Переяславе, а затем в Ржищеве и других местечках.

1877 Поступил домашним учителем к Элимелеху Лоеву (деревня Софиевка Киевской губернии), занимался с его дочерью Ольгой три года.

1879 Опубликовал первую корреспонденцию в газете «Гацефира» на древнееврейском языке.

1880—1883 Опубликовал ряд статей в газете «Хамейлиц» на древнееврейском языке.

1883 Женился на бывшей своей ученице — Ольге Лоевой. Опубликовал повесть «Два камня», рассказы «Выборы» и «Перехваченные письма» на языке идиш. Переехал в Софиевку.

1884 Жил в Белой Церкви Киевской губернии. Напечатал ряд рассказов, фельетонов, стихов, статей в газете «Идишес фолксблат». Опубликовал рассказ на русском языке в «Еврейском обозрении».

1885 Умер тесть писателя, оставивший большое наследство.

1886 Были опубликованы «Зарисовки Бердичевской улицы» («Идишес фолксблат»).

1887 Поселился в Киеве. Напечатал в «Идишес фолксблат» рассказ «Ножик».

1888 Умер отец, памяти которого писатель посвятил книжку «Букет цветов».

Опубликовал в «Идишес фолксблат» роман «Сендер Бланк и его семейка». Издал книжку, направленную против Шомера («Суд над Шомером»), и первый том «Еврейской народной библиотеки», в котором напечатал роман «Стемпеню».

Состоялось знакомство с основоположником еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфоримом.

1890 Вышел второй том «Еврейской народной библиотеки», в котором был напечатан роман «Иоселесоловей».

1891 Был за границей, посетил Париж, Вену, Черновцы; по возвращении в Одессу напечатал ряд очерков и новелл на русском языке в «Одесском листке» и других изданиях.

1892 В «Кол-мевассер» были опубликованы первые письма из цикла «Менахем-Мендл».

1894 Выпустил первую повесть из цикла «Тевье-молочник».

1899 В журнале «Дер юд» были напечатаны новые повести из цикла «Тевье-молочник» и продолжение цикла «Менахем-Мендл».

1900 В журнале «Дер юд» напечатаны рассказы «Флажок», «Часы», «Пурим» и другие. Начал свои публичные выступления в Киеве, Белой Церкви, Бердичеве совместно с М. М. Варшавским, создателем песен по народным мотивам.

1901 Издал сборник песен М. М. Варшавского со своим предисловием.
В «Дер юд» появились его монологи и рассказы «Горшок», «У царя Артаксеркса», «Рябчик» и другие, а также первые повести цикла «В маленьком мире маленьких людей».

1902 Сотрудничал в журнале «Дер юд», в еженедельниках «Юдише фолксцайтунг», «Идише фрайе велд»; издал рассказы «Будь я Ротшильд...», «На скрипке», «Дрейфус в Касриловке», «Мафусал», «Немец» и другие.

1903 Наряду с работой в вышеуказанных изданиях, начал сотрудничать в ежедневных газетах «Дер фрайнд», «Дер тог», опубликовал новеллы «Конкуренты», «По этапу», «Веселая компания» и другие. Обратился к писателям Л. Н. Толстому, А. П. Чехову, М. Горькому, В. Г. Короленко с предложением принять участие в сборнике, доход от которого пойдет в помощь евреям, пострадавшим от погромов. Вышло первое издание собрания его сочинений в четырех томах.

1904 Состоялось знакомство с М. Горьким, Л. А. Андреевым, А. И. Куприным, И.-Л. Перецем и И. Баал-Махшовесом. Продолжал работать над циклами «Тевье-молочник» и «Менахем-Мендл».

1905 Сотрудничал в варшавской ежедневной газете «Дер вег», издал в варшавском издательстве «Общедоступная книга» два сборника рассказов и монологов. Выступил с чтением своих произведений в Вильне, Ковно, Риге, Либаве, Лодзи и других городах. После погрома в Киеве (в октябре) на короткое время выехал со своей семьей во Львов. Написал рассказы: «Иосиф», «Два антисемита» и другие.

1906 Жил во Львове, посетил Женеву, Лондон, в конце октября — Нью-Йорк. Выступал с чтением своих произведений во многих городах Галиции и Румынии.

1907 Жил в Нью-Йорке, затем в Женеве. Сотрудничал в различных газетах Нью-Йорка, Варшавы, Петербурга, Вильны. В Нью-Йорке опубликовал первые главы повести «Мальчик Мотл».

1908 Жил в Женеве, затем в Нерви (Италия), посетил Берлин. Написал второй вариант комедии «Кладоискатели», продолжал работу над повестью

«Мальчик Мотл». В мае вернулся в Россию, посетил Варшаву, Вильну, Одессу и ряд других городов. Всюду встречал горячий прием. В конце июля в Барановичах внезапно заболел туберкулезом в острой форме. По совету врачей уехал в Нерви; 25 октября состоялось празднование 25-летия его литературной деятельности.

1909 Несмотря на плохое состояние здоровья, много писал. Опубликовал рассказы «Шмуел Шмелькис и его юбилей», «Песнь Песней», «Железнодорожные рассказы» и новые повести из цикла «Тевье-молочник». Начал писать роман «Блуждающие звезды». Юбилейный комитет в Варшаве выкупил права на издание его произведений у частных издателей и вернул их автору.

1910 Лечился в санаториях Нерви и других. Издал рассказы «Шестьдесят шесть», «Эсфирь», «Пасха в деревне», продолжал работать над романом «Блуждающие звезды». Избранные произведения автора начали издаваться на русском языке. Русская критика тепло встретила их. Общеизвестно письмо М. Горького к Шолом-Алейхему, в котором дана высокая оценка творчества писателя.

1911 Жил в Нерви, сотрудничал во многих газетах, в которых были напечатаны: «Мариенбад», «Гитл Пуришкевич», «Аутодафе» и другие произведения.

1912 Работал над романом «Кровавая шутка».

1913 Посетил Вену, Берлин и другие города. Продолжал работать над циклом «Менахем-Мендл».

1914 Весной вновь побывал во многих городах и местечках России. Выступал с публичным чтением своих произведений. Еврейская беднота всюду с восторгом встречала любимого писателя. Когда началась империалистическая война, Шолом-Алейхем находился на одном из немецких курортов (в Альбеке) и был интернирован как русский подданный со всей семьей в Берлине. Писателю удалось перебраться в нейтральную Данию — в Копенгаген. К концу года переехал в Нью-Йорк. Опубликовал много произведений в периодической печати. Среди них последние повести цикла «Тевье-молочник» и другие.

1915 Жил в Нью-Йорке. Из-за частых обострений болезни проводил время в горах или у моря. Сотрудничал в газете «Дер тог». Написал комедию «Крупный выигрыш», продолжал работать над автобиографией «С ярмарки». Собирался по окончании войны «с первым же кораблем» вернуться в Россию.

1916 Несмотря на тяжелую болезнь, много работал. В мае болезнь резко обострилась. 13 мая, в субботу, рано утром, скончался в Нью-Йорке. В понедельник, 15 мая, там же состоялись похороны. Тысячи трудящихся провожали писателя в последний путь.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЬЕСЫ

Доктора! Шутка в одном действии. *Перевод Я. Слонима* 7
Сходка. Комедия в одном действии. *Перевод М. Беленького* 18
Поздравляем! Комедия в одном действии. *Перевод М. Шамбадала* 29
Люди. Пьеса в одном действии. *Перевод Я. Слонима* 49
Крупный выигрыш. Народное представление в четырех действиях. *Перевод В. Ардова и Э. Лойтера* 70

ЗАМЕТКИ О ЛИТЕРАТУРЕ

Суд над Шомером. *Перевод Е. Лойцкера* 141
Тема нищеты в еврейской литературе. *Перевод Р. Рубиной* 156

ВОСПОМИНАНИЯ

Из книги «Еврейские писатели»

Шолом алейхем! *Перевод И. Гуревича* 181
Дедушкин отель. *Перевод И. Гуревича* 186
Как меня звать? *Перевод И. Гуревича* 193
История с тремя городами. *Перевод И. Гуревича* 196
Происхождение «Клячи». *Перевод И. Гуревича* 203
На волосок от смерти. *Перевод И. Гуревича* 208
Как красиво дерево! *Перевод М. Лещинской* 218
Аутодафе. *Перевод М. Лещинской* 223
Фришман в гостях у Шолом-Алейхема. *Перевод М. Беленького* 228
История песен М. Варшавского. *Перевод М. Беленького* 231

ПИСЬМА

I

1. Брату Волфу (Вевику). 10 декабря 1882 237
2. Ему же. 4 февраля 1883 238
3. Отцу. 16 апреля 1884 239
4. Брату Эле. 25 мая 1884 240
5. Я. Динезону. 28 апреля 1887 242
6. Ему же. 4—5 января 1888 242
7. И. И. Линецкому. 27 марта 1888 243
8. Я. Динезону. 1 апреля 1888 245

9. И. Х. Равницкому. 8 июня 1888 249
10. Менделе Мойхер-Сфориму. 26 июля 1888 250
11. Брату Вевику. 1 декабря 1888 251
12. Д. Фришману. 17 января 1889 251
13. Брату Вевику. Август 1889 252
14. Ему же. 22 октября 1889 253
15. Менделе Мойхер-Сфориму. 22 января 1890 254
16. Ему же. 6 июня 1890 255
17. Мордхе Спектору. 26 сентября 1894 255
18. Рахили Лоевой. 1896 256
19. Эрнестине Рабинович. 16 апреля 1897 256
20. Б. И. Иерухимзону. 27 ноября 1901 257
21. Дочери Эрнестине. 18 августа 1902 258
22. А. Цейтлину. 15 сентября 1902 259
23. М. Спектору. 2 ноября 1902 259
24. Ему же. 12 ноября 1902 260
25. И. Х. Равницкому и Х. Н. Бялику. 22 января 1903 262
26. М. Спектору. 1—4 апреля 1903 263
27. Ему же. 2 февраля 1904 264
28. Детям. 15 ноября 1904 266
29. Дочери Эрнестине. 15 ноября 1904 266
30. Ей же. 29 ноября 1904 267
31. Фришманам. 6 февраля 1905 267
32. Давиду Фришману. 8 апреля 1905 267
33. М. Фишбергу. 13 сентября 1905 268
34. И. Д. Берковичу. 23 ноября 1905 268
35. Дочери Эрнестине. 23—24 ноября 1905 269
36. М. Фишбергу. 4 января 1906 270
37. Детям. 6—7 июля 1906 270
38. В редакцию газеты «Унзер лебн». 30 апреля 1907 272
39. Х. Н. Бялику. Без даты 273
40. Ему же. Осень 1907 273
41. И. Д. Берковичу. 7—8 апреля 1908 275
42. Менделе Мойхер-Сфориму. Пасха 1908 276
43. М. Спектору. 23 июня 1908 278
44. Д-ру Г. Левину. Август 1908 278
45. М. Спектору. [Сентябрь] 1908 279
46. Н. Е. Мазор. 7/20 октября 1908 279
47. Я. Динезону. Октябрь — ноябрь 1908 280
48. И. Розету. 8 ноября 1908 283
49. М. Н. Сыркину. 6 декабря 1908 284
50. Одесским друзьям. 6 декабря 1908 284
51. Сыну Мише. 8 декабря 1908 286
52. И. Розету. 11 декабря 1908 287
53. И. Ямпольскому. Конец 1908 288

54. Менделе Мойхер-Сфориму. 10 января 1909 289
55. Сыну Мише. 10/23 января 1909 290
56. А. Л. Прицкеру для Н. Е. Мазор. 4 февраля 1909 290
57. Н. Е. Мазор. 24 февраля 1909 291
58. Менделе Мойхер-Сфориму. 20 февраля/5 марта 1909 294
59. Ему же. 11 марта 1909 295
60. Я. Динезону. 27 марта 1909 296
61. Менделе Мойхер-Сфориму. 7/20 июля 1909 297
62. В редакцию газеты «Ди найе велт». 10 сентября 1909 298
63. Н. Заблудовскому. 12 сентября 1909 299
64. Д. Фришману. 19 апреля 1910 300
65. Ему же. 22 ноября 1910 301
66. М. Камионскому. 10/23 июня 1911 302
67. Менделе Мойхер-Сфориму. 15 октября 1911 302
68. Г-ну Камионскому. 27 февраля 1912 303
69. Д-ру Эльяшеву. 28 июля 1912 304
70. И. Розету. 18 октября 1912 305
71. И. Д. Берковичу. 18 января 1913 306
72. Ему же. 25 января 1913 307
73. И. Котику. 28 января 1913 307
74. Менделе Мойхер-Сфориму. 31 января 1913 308
75. И. Д. Берковичу. 1 февраля 1913 309
76. Ему же. 4 февраля 1913 310
77. Ему же. 26 февраля 1913 310
78. Берковичам. 1 марта 1913 310
79. И. Котику. 3 марта 1913 311
80. Шриро. 6 апреля 1913 311
81. Ему же. 30 апреля 1913 313
82. М. Бейлису. Начало декабря 1913 316
83. Внучке Тамаре. 10 января 1914 317
84. Якову П. Адлеру. 20 января 1914 317
85. Д. Пинскому. 6 февраля 1914 319
86. М. Спектору. 17 февраля 1914 321
87. Ольге Рабинович. 25 февраля 1914 321
88. Берковичу и Кауфману. 5 апреля 1914 322
89. Ш. Шреберку. 6/19 июня 1914 324
90. И. Опатошу. 27 апреля 1915 324
91. И. Иегоашу. 23 апреля 1916 326

II

92. Г-ну С. М. Абрамовичу в Одессе. 23 декабря 1884 327
93. М. Горькому. 31 декабря 1901 328
94. Л. Н. Толстому. 27 апреля 1903 329
95. Ему же. 10 мая 1903 330
96. Ему же. 11 июля 1903 331

97. Ему же. 24 июля 1903 332
98. Ему же. 25 августа 1903 332
99. Ему же. 28 августа 1903 334
100. А. П. Чехову. 30 августа 1903 335
101. Л. Н. Толстому. 3 сентября 1903 336
102. Ему же. 8 сентября 1903 337
103. Ему же. 10 сентября 1903 338
104. Ему же. 24 сентября 1903 339
105. Ему же. 3 октября 1903 340
106. Ему же. 14 февраля 1904 341
107. Ему же. 30 октября 1905 341
108. Д. Я. Айзману. 16/29 ноября 1908 341
109. Ему же. 4 марта 1909 342
110. Ему же. 11 мая 1909 342
111. Ему же. 28 мая 1909 343
112. Ему же. 12/25 августа 1909 343
113. Ему же. 6 сентября 1909 344
114. Ему же. 11 октября 1909 344
115. Ему же. 31 октября 1909 345
116. Л. Н. Толстому. 10 апреля 1910 346
117. М. Горькому. 22 апреля 1910 346
118. Ему же. 7 апреля 1911 347
119. Ему же. 8/21 сентября 1911 347
120. Ему же. 10/23 сентября 1912 348
121. Ему же. 18 октября 1912 349
122. В. Г. Короленко. Без даты 349
123. Менделе Мойхер-Сфориму. 28 мая 1915 350

III

124 С. М. Дубнову. 29 мая 1888 351
125. Ему же. 4 июля 1888 351
126. Ему же. 7 августа 1888 352
127. Ему же. 2 сентября 1888 355
128. Ему же. 13 октября 1888 357
129. Ему же. 18 ноября 1888 357
130 Ему же. 11 января 1889 358
131 Ему же. 9 февраля 1889 359
132. Ему же. 14 апреля 1889 359
133. Ему же. 18 июля 1889 360
134. Ему же. 3 августа 1889 361
135. Ему же. 17 августа 1889 361
136 Ему же. 2 февраля 1890 362
137. Ему же. 16 февраля 1890 363
138. Ему же. 17 мая 1890 363

139. Ему же. 28 июля 1890 364
140. Ему же. 28 августа 1890 365
141. Ему же. 2 октября 1890 365

IV

142. С. М. Гинзбургу и С. Розенфельду 21 декабря 1907 367
143. Израилю Моисеевичу. Без даты 368
144. А. И. Рапопорту. 20 января 1908 368
145. Израилю Александровичу. 24 января 1908 369
146. Ему же. 15 февраля 1908 369
147. А. И. Рапопорту. 5 марта 1908 370
148. Ему же. 8 марта 1908 371
149. Ему же. 15 апреля 1908 372
150. Ему же. 23 апреля 1908 373
151. Ему же. 25 апреля 1908 373
152. Ему же. 9 мая 1908 374
153. Ему же. 9/22 мая 1908 375
154. В редакцию «Дер фрайнд». 9/22 мая 1908 376
155. А. И. Рапопорту. 26 ноября 1908 376
156. Ему же. 6/19 декабря 1908 378
157. Ему же. 25 декабря 1908 379
158. Ему же. 5 января 1909 381
159. Ему же. 29/30 января 1909 382
160. Ему же. 30.I.1909 383
161. Ему же. 31 января 1909 383
162. Ему же. 1.II.09 384
163. Ему же. 1.VI.09 384
164. Ему же. 2 июля 1909 384
165. Ему же. 9.VII.09 386
166. Ему же. 13/26.VII.1909 387

V

167. И. Лурье. 14/15.III.1901 389
168. Ему же. 2 мая 1901 389
169. Ему же. 3.X.1901 390
170. Ему же. 12/25 октября 1901 390
171. Ему же. 14.IV.1902 392
172. Ему же. 14 мая 1902 393
173. Ему же. 2/15.IV.06 396

VI

174. Изд-ву «Современные проблемы». 20/7.IX.11 398
175. Ему же. 2/15.X.11 398
176. Ему же. 17/30.XI.11 399
177. Ему же. 25/12.XII.11 399

178. Ему же. 6.I.1912 400
179. Ему же. 15/28.I.1912 401
180. Ему же. 24/6 I.1912 401
181. Ему же. 24.II.1912 402
182. Ему же. 7/20.V.1912 403
183. Ему же. 7/20.V.1912 403

VII

184. Ш. Нигеру. 20 мая 1911 405
185. Ему же. 12.IV.1912 405
186. Ему же. 14.IV.1912 407
187. Ему же. 29 мая 1912 408
188. Ему же. 27.VII.1912 408
189. Ему же. 2 сентября 1912 409
190. Ему же. 5 сентября 1912 410
191. Ему же. 10.I.1913 410
192. Ему же. 16.I.1913 411
193. Ему же. 17 января 1913 412
194. Ему же. 4 марта 1913 412
195. Ему же. 12.III.1913 412
196. Ему же. 31 марта 1913 413
197. Ему же. 10 апреля 1913 414
198. Ему же. Ноябрь 1913 414
199. Ему же. 9.I.1914 415
200. Ему же. 4/17.I.1914 416

VIII

201. А. Яновскому. 15 января 1882 418
202. И. Л. Гордону. 7.IV.1888 420
203. А. А. Гаркави. 11.IV.89 421
204. Издателю журнала «Гамейлиц». 7.V.1889 421
205. И. Л. Гамзе. 29.VI.1889 422
206. И.-Я. Вайсбергу [2 ноября?] 1900 423
207. М. Клейману. 3.VII.1903 424
208. И. Сироте. 10 февраля 1907 426
209. Ш. Лифшицу. 23.XII.1907 427
210. Мадам Айзман. 22.III.1909 427
211. Фалеру. 5 декабря 1910 428
212. Менахему. 24.III.1916 429

IX

213. Берте Львовне. 5 сентября 1889 431
214. Ей же. 1 октября 1889 432
215. Ей же. 14—15 октября 1889 432

216. Ей же. 22 ноября 1889 433
217. М. Маклаковой. 3.VIII.1903 434
218. В. Вайсблату. 2.II.08 434
219. Ему же. 30.III.08 435
220. Ему же. 28.IV.08 436
221. Ему же. 3.VI.08 437
222. Ему же. 4.VII.08 437
223. М. Островскому. 23 октября 1909 439

X

224. Жене. 29 марта 1893 440
225. Внучке Беллочке. 5 августа 1915 440
226. Дочери Ляле. 2.IX.15 441
227. Письмо для Беллочки. 2.IX.15 441

Завещание. *Перевод М. Шамбадала* 442

Примечания 445

Основные даты жизни и творчества Шолом-Алейхема. *Составил А. Рубинштейн* 483

Шолом Алейхем

Ш78 **Собрание сочинений.** В 6-ти т. Т. 6. Пьесы; Заметки о литературе; Воспоминания; Письма: Пер. с евр./Редкол.: Г. Бакланов, М. Беленький, В. Лакшин; Сост., примеч. М. Беленького.— М.: Худож. лит., 1990.— 494 с.
ISBN 5-280-01136-3 (Т. 6)
ISBN 5-280-00212-7

В последний том шеститомного Собрания сочинений выдающегося еврейского писателя Шолом-Алейхема (1859—1916) включены пьесы, заметки о литературе, воспоминания из книги «Еврейские писатели», письма.

Ш $\frac{4702210106\text{-}269}{028(01)\text{-}90}$ Подписное ББК 84Е1

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ

Собрание сочинений в шести томах

ТОМ ШЕСТОЙ

Редактор Л. ОСИПОВА

Художественный редактор А. МАКСИМОВ

Технический редактор Г. МОИСЕЕВА

Корректор Г. ГАНАПОЛЬСКАЯ

ИБ № 5824

Сдано в набор 22.01.90. Подписано к печати 07.08.90. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага кн.-журн. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 26,04. Уч.-изд. л. 25,64. Тираж 150 000 экз. Изд. № IV-3653. Заказ № 3700. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валовая, 28

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ

6